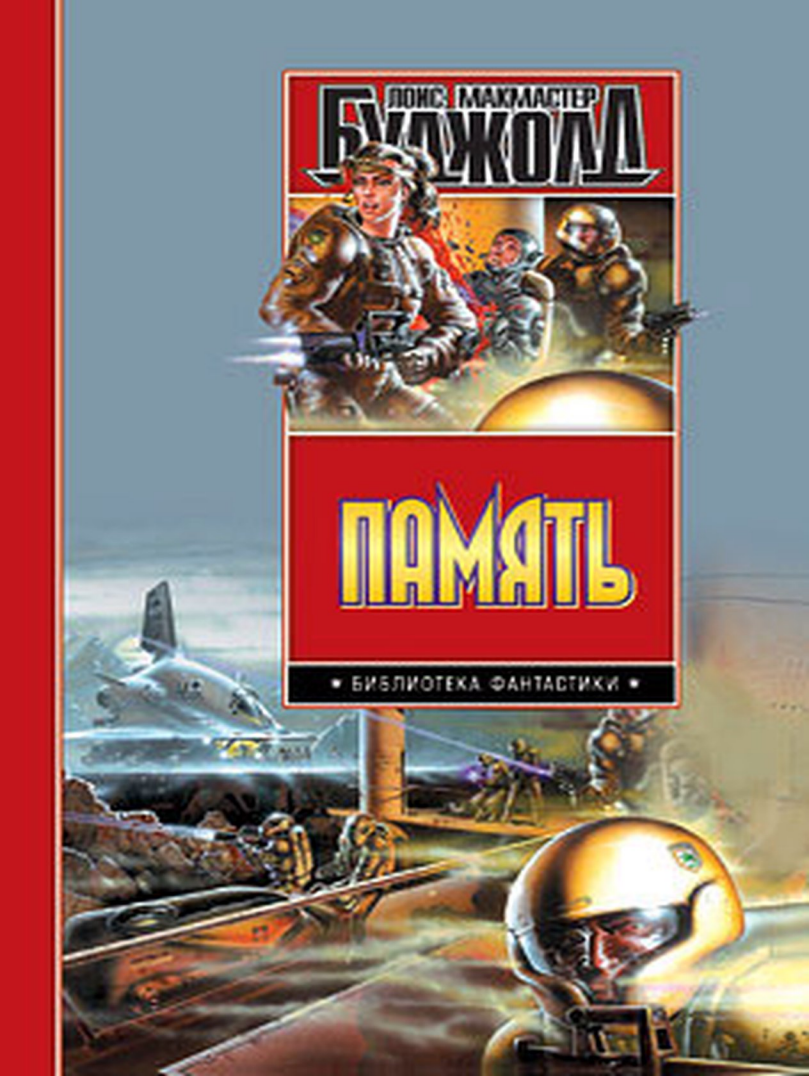
ЛОИС МАКМАСТЕР БУДЖОЛД
ПАМЯТЬ
• БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ •

Танец отражений
Лоис Макмастер Буджолд

Аннотация
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21

Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32

Аннотация

Майлз Форкосиган – сын высокопоставленного сановника при дворе императора планеты Барраяр – один из самых известных героев американской фантастики 80 – 90-х годов. Его приключениями зачитываются миллионы читателей во всем мире. «Танец отражений» – настоящий подарок любителям фантастики. Вас ждет новая встреча с Майлзом и Марком, с Эйрелом и Корделией Форкосиган и многими – многими другими…

Глава 1

Через весь зал ожидания крупнейшей эскобарской орбитальной станции протянулся ряд комм-кабинок с зеркальными дверями, наискось перечеркнутыми мерцающими радужными полосками. Не иначе находка дизайнера. Отражение дробилось в треугольных зеркалах, намеренно расположенных под разными углами. Коротышка в сером с белым мундире скорчил рожу своему расколотому отражению.

Отражение криво ухмыльнулось в ответ.

Офицерская форма наемника — китель с накладными карманами, широкие брюки, высокие ботинки. Все предельно точно. А под мундиром? Он тщательно изучал отражение. Скрюченный карлик с большой головой и короткой шеей — настоящий урод, никакой надежды затеряться в толпе. Аккуратно подстриженные темные волосы. Пронизывающий взгляд серо-стальных глаз из-под темных бровей. Все предельно точно.

Он ненавидел это.

Наконец зеркальная дверь скользнула в сторону, и из комм-кабинки вышла женщина в легкой

блузе и свободных шароварах. Модельный патронташ с дорогой электроникой, висевший на изящной декоративной цепочке, лучше всяких слов говорил о ее положении в обществе. Наткнувшись на его мрачный пристальный взгляд, женщина отшатнулась, а затем осторожно обогнула его, растерянно повторяя: «Разрешите, пожалуйста… Извините…»

Пытаясь сгладить неловкость, он выдавил из себя подобие улыбки, пробормотал нечто невнятное и поспешно скрылся в кабинке.

Один. Наконец-то. Пусть только на несколько секунд, в тесной, неуютной комм-кабинке. В воздухе еще витал легкий аромат ее духов, смешанный с запахами пищи, человеческих тел, пластика, металла и дезинфекции. Он выдохнул, сел и, пытаясь унять дрожь в руках, прижал ладони к пульту.

Не совсем один. И здесь проклятое зеркало — не иначе как для удобства посетителей, желающих привести себя в надлежащий вид перед выходом на связь. Встретив затравленный взгляд темных, запавших глаз, он демонстративно отвернулся от зеркала. Коротышка выложил на пульт содержимое карманов. Все его имущество уместилось на столике в две ладони шириной. Последняя

проверка. Словно от этого что-то изменится…

Кредитная карточка на три сотни бетанских долларов: достаточно, чтобы беззаботно прожить неделю на орбитальной станции или пару месяцев внизу, на планете. Три поддельных удостоверения на каких-то вымышленных персон и ни одного — на того человека, кем он был сейчас. Кем он был раньше. Кем бы он ни был. Дешевая пластмассовая расческа. Куб с данными. Вот и все. Он тщательно разложил все по карманам, оставив только кредитную карточку. Карманов оказалось больше, чем вещей. Он хмыкнул. «Уж зубную щетку-то мог бы и захватить…» Слишком поздно.

Да, слишком поздно. Кошмар нарастает, ситуация выходит из-под контроля, а он сидит здесь, пытаясь обрести хладнокровие. «Ну, давай. Один раз тебе уже удалось это проделать. Удастся и теперь». Он вставил кредитную карточку и по памяти набрал номер. В последний момент, невольно встретившись взглядом со своим отражением, он постарался скрыть все чувства под маской холодной доброжелательности. Улыбка сейчас все равно не получилась бы. И вообще эту улыбку он презирал.

Экран с шипением ожил, и в кабине возник-

ло объемное изображение женщины, одетой в такую же серую с белым форму, но только со знаками различия и с именной эмблемой на кармашке.

— Офицер связи Герелд, «Триумф», дендарийский свободный…

Военная инспекция Эскобара требовала, чтобы на всех военных судах при выходе из п-в-туннеля оружие упаковывалось и опечатывалось. Наемников пропускали в эскобарское пространство лишь после официального заявления, что они прибыли сюда в чисто коммерческих целях. Видимо, офицер связи заботилась о соблюдении приличий.

Облизнув губы, он спокойно проговорил:

— Соедините меня, пожалуйста, с дежурным офицером.

— Адмирал Нейсмит! Сэр! Вы вернулись! — Женщина вскинула голову, глаза ее радостно заблестели. Ему было почти физически больно от такой реакции. — Что слышно? Скоро отправляемся?

— В свое время, лейтенант… Герелд. — «Почти „герольд“ — подходящее имя для офицера связи». Он заставил себя улыбнуться. Да, адмирал Нейсмит непременно улыбнулся бы. — В свое время

вы все узнаете. А пока я хочу, чтобы меня забрали с орбитальной станции.

— Слушаюсь, сэр. Я пошлю за вами. Вы с капитаном Куин?

— Э-э… нет.

— Когда она вернется?

— …Позже.

— Хорошо, сэр. Я только попрошу разрешение на… Мы должны забрать… э… какое-нибудь оборудование?

— Нет. Только меня.

— Значит, разрешение на капсулу для персонала… — Она на несколько секунд отвернулась. — Ждите минут через двадцать в стыковочном узле Е-17.

— Прекрасно. — За это время он как раз успеет добраться до причала. Интересно, должен ли он сказать напоследок что-то неофициальное? Она-то его знает, а вот знает ли он ее? С этой секунды каждая фраза, которая сорвется с его губ, содержит в себе опасность — опасность неизвестности. Опасность ошибки. А за ошибки приходится платить. Правилен ли его бетанский выговор? Он ненавидел все это. Ненавидел до тошноты.

— Пусть меня доставят прямо на «Ариэль».

— Так точно, сэр. Вы хотите, чтобы я преду-

предила капитана Торна? — «А может, адмирал Нейсмит имеет привычку устраивать неожиданные проверки? Ладно, по крайней мере не в этот раз».

— Предупредите. Скажите, чтобы подготовили корабль к выходу с орбиты.

— Только «Ариэль»? — Она удивленно подняла брови.

— Да, лейтенант.

Вот это он произнес как истинный бетанец: слегка нараспев, скучающе, словно порицая собеседницу за нарушение правил — то ли безопасности, то ли этикета, то ли того и другого вместе. Он мог поздравить себя: Герелд сразу подтянулась, и если у нее и было намерение задать еще какой-нибудь вопрос, то теперь оно явно исчезло.

— Так точно, сэр.

— Конец связи.

Он отключил комм и облегченно вздохнул. Изображение, рассыпавшись искрами, исчезло. Адмирал Нейсмит. Майлз Нейсмит. Ему надо вновь привыкнуть отзываться на это имя. Даже во сне. Лорда Форкосигана следует пока забыть, оставаясь лишь частью этого человека. Нелегко. Как тебя зовут? Майлз. Майлз. Майлз.

Лорд Форкосиган играет роль адмирала Нейсмита. Он — тоже. В конце концов какая разница?

«Но кто же ты на самом деле? Как тебя зовут?»

От злости и отчаяния потемнело в глазах. Он попытался расслабиться.

«Меня зовут так, как я сам того пожелаю. И сейчас я желаю, чтобы меня звали Майлз Нейсмит».

Он вышел из кабинки и засеменил по залу ожидания, стараясь не замечать косых взглядов.

«Посмотрите на Майлза. Посмотрите, вот бежит Майлз. Посмотрите, Майлз получает по заслугам».

Он шагал, опустив голову, и все расступались перед ним.

Как только на датчиках стыковочного узла загорелась зеленая лампочка, он нырнул в крошечный четырехместный катер и поспешно захлопнул за собой крышку люка. Он проплыл над спинками кресел — катер был слишком мал, чтобы поддерживать там гравитационное поле, — и осторожно опустился рядом с пилотом.

— Все в порядке. Можем отправляться.

Пилот радостно усмехнулся и небрежно отдал честь. Он производил впечатление человека серьезного и рассудительного, но на лице его за-

стыло то же выражение, что и у офицера Герелд: возбужденное, взволнованное, полное жадного любопытства, как у ребенка, который ждет, что сейчас ему покажут фокус.

Когда капсула послушно отделилась от стыковочного узла и повернула, он посмотрел через плечо. Они уносились в открытый космос. Сигналы диспетчерской полетов разноцветной сетью оплели экран пульта управления, и пилот быстро вел их через эту сеть.

— Приятно снова вас видеть, адмирал, — проговорил пилот, когда сеть поредела. — Что происходит?

Голос пилота звучит несколько официально, но в данном случае так спокойнее — просто товарищ по оружию, а не старый добрый друг или, еще хуже, подруга. «Адмирал» уклончиво ответил:

— Вам сообщат — всему свое время.

Он предусмотрительно избегал имен и званий, но старался говорить приветливо.

Пилот заинтересованно хмыкнул — похоже, ответ ему понравился.

«Нейсмит» откинулся на спинку сиденья, напряженно улыбаясь. Огромная пересадочная станция бесшумно удалялась, и вот уже виден только дальний отблеск огней.

— Извините. Я немного устал. — Он поудобнее устроился в кресле и закрыл глаза. — Если я засну, разбудите меня перед стыковкой.

— Да, сэр, — уважительно отозвался пилот. — Похоже, отдохнуть вам не помешает.

«Адмирал» ответил усталым взмахом руки и притворился, что дремлет.

Он всегда мог мгновенно узнать, что его приняли за Нейсмита. У всех на лицах появлялось идиотское сияние. Не все его боготворили: доводилось встречаться и с врагами Нейсмита, но, боготворящие или ненавидящие, они все реагировали. Словно их вдруг включали и они становились в десять раз живее, чем прежде. Как ему это, черт возьми, удается? Заставлять людей вот так вспыхивать? Ну конечно, Нейсмит чертовски гиперактивен, но как он заражает этим окружающих?

На него самого что-то никто так не реагировал. Все оставались флегматичными и вежливыми или просто флегматичными, замкнутыми и равнодушными. И втайне испытывали неловкость из-за его явно ненормальной внешности. Да, неловкость и еще — настороженность.

Как всегда от подобных мыслей у него разболелась голова. Это чертово преклонение, или как

это еще назвать… И все — Нейсмиту.

«Нейсмиту, а не мне… Никогда не мне».

И тут ему стало страшно — нет, только не думать о том, что предстоит… Бел Торн, капитан «Ариэля». Друг, подчиненный, и вдобавок бетанец — да, уж это трудное испытание. Торн знал о существовании клона — тот инцидент на Земле два года назад. Они никогда не встречались лицом к лицу. С Торном он не имеет права на ошибку — это может вызвать подозрение, догадку…

Даже это Нейсмит у него украл. Адмирал флота наемников публично и лживо объявил клоном себя самого. Великолепное прикрытие, маскирующее его второе «я», его другую жизнь.

«У тебя две жизни, — рассеянно обратился он к отсутствующему противнику. — А у меня ни одной. Ведь это же я настоящий клон, черт возьми. Неужели нельзя было оставить мне хотя бы это».

Нет. Только без паники. Он справится с Торном. Пока можно будет избегать пугающей Куин, его телохранителя и любовницы. Куин. Тогда на Земле он ведь смог целое утро водить ее за нос. Но глупо рассчитывать, что такое повторится. Но Куин сейчас с настоящим Майлзом Нейсмитом: их водой не разольешь. На этот раз никаких ста-

рых любовниц.

У него еще не было любовниц. Может, несправедливо винить Нейсмита и в этом. Первые двадцать лет своей жизни он был настоящим пленником, хотя и не всегда это понимал. Последние два года… Последние два года — сплошная катастрофа, горько признался он себе. И сейчас — его последний шанс. А что дальше? Об этом лучше не думать. Нет смысла. Нет, на этот раз все получится.

Рядом пошевелился пилот, и он открыл глаза — торможение вжимало в кресло. Они подлетали к «Ариэлю». Легкий крейсер иллириканской постройки. Экипаж — двадцать человек, плюс место для крупного груза и отряда коммандос. Для такого типа кораблей «Ариэль» великолепно вооружен. И вид у него увертливый, почти нахальный. Прекрасный курьерский корабль — как раз в таком можно улепетывать во все лопатки. Несмотря на мрачное настроение, при виде корабля он невольно улыбнулся.

«А теперь я беру, а ты даешь, Нейсмит».

Пилот подвел капсулу к захватам стыковочного узла почти без удара — аккуратнее просто невозможно. Конечно, старается для своего адмирала.

— Мне ждать, сэр?

— Нет. Вы свободны.

Пилот поспешно занялся герметичными дверями и проводил его лихим салютом и еще одной идиотской улыбкой. Он изобразил ответный салют и улыбку, схватился за поручни люка и поднялся в гравитационное поле «Ариэля».

Он ловко встал на ноги в небольшом погрузочном отсеке. Позади него пилот капсулы уже запечатывал люк, чтобы вернуться со своим корабликом к месту отлета — вероятно, к флагману «Триумф». Он посмотрел вверх — как всегда вверх — в лицо ожидавшего его дендарийского офицера. Это лицо он не раз внимательно разглядывал на головидео.

Капитан Бел Торн был бетанским гермафродитом — раса, возникшая в результате ранних экспериментов генной инженерии, закончившихся появлением еще одного меньшинства. Безбородое лицо Торна обрамляли мягкие каштановые волосы, постриженные двусмысленно-коротко. Офицерский китель расстегнут, черная футболка обтягивает явно женскую грудь. Серые форменные брюки достаточно свободного покроя и скрывают выпуклость под ширинкой. Некоторые чувствовали себя в присутствии гермафродитов очень неловко. Он с облегчением понял, что для

него это, похоже, не проблема.

«Не клонам судить… что?»

На самом деле больше всего в гермафродите его обеспокоило все то же выражение лица «Я-люблю-Нейсмита». Ощущая сильную дурноту, он ответил на салют капитана «Ариэля».

— Добро пожаловать на борт «Ариэля», сэр! — звучный голос даже вибрировал от энтузиазма.

«Нейсмит» натянуто улыбнулся, а гермафродит радостно заключил его в объятия. У него оборвалось сердце — и он с трудом подавил инстинктивное желание вырваться. Он выдержал объятие, пытаясь собрать разбегающиеся мысли и вспомнить приготовленные речи.

«Надеюсь, он не собирается меня целовать!»

Гермафродит отстранил его, фамильярно держа за плечи. Слава Богу, обошлось без поцелуя. Он облегченно вздохнул. Торн наклонил голову, озадаченно улыбаясь:

— Что произошло, Майлз?

Они зовут друг друга по имени?!

— Извините, Бел. Просто немного устал. Может, перейдем сразу к инструкциям?

— У вас очень усталый вид. Ладно. Хотите, чтобы я собрал всю команду?

— Нет. Вы сможете инструктировать их по мере

необходимости.

Так требовалось по плану: как можно меньше прямых контактов с дендарийцами.

— Ну так пойдемте ко мне в каюту — можете снять сапоги и выпить чаю, пока мы будем говорить.

Гермафродит вышел за ним в коридор. Не зная, в какую сторону повернуть, он сделал вид, что вежливо пропускает Торна вперед. Он плелся за дендарийцем по нескольким поворотам — а потом на следующий уровень. Внутри корабль оказался не таким уж тесным. Он старался запомнить все направления. Нейсмит хорошо знал этот корабль.

Каюта капитана «Ариэля» оказалась аккуратной небольшой комнаткой, по-солдатски скромной, и закрытые дверцы шкафчиков очень мало говорили о личности хозяина. Торн открыл шкафчик и достал оттуда старинный фарфоровый чайный сервиз и пару дюжин небольших баночек с различными сортами чая с Земли и других планет. Все было тщательно упаковано в специально изготовленные пенопластовые чехлы.

— Какой? — спросил Торн, остановив руку над баночками.

— Как всегда, — ответил он, опускаясь в кресло, прикрепленное к полу у небольшого столика.

— Следовало бы мне догадаться. Клянусь, я все же заставлю вас попробовать что-нибудь более рискованное!

Торн странно улыбнулся: нет ли тут какого-то скрытого смысла? Позвенев еще немного, Торн поставил на столик фарфоровую чашечку с тонкой ручной росписью. «Адмирал» взял чашечку и осторожно отпил глоток, пока Торн, установив еще одно кресло в зажимы, налил себе чаю и наконец уселся, удовлетворенно хмыкнув.

Оказалось, что горячая янтарная жидкость имеет достаточно приятный вкус, хотя и немного терпкий. Сахар? Он не посмел попросить. Торн его на стол не поставил. Он наверняка бы это сделал, если бы думал, что Нейсмит захочет сахару. Ведь вряд ли Торн устроил ему тонкую проверку? Значит, без сахара.

Наемники, пьющие чай! Этот напиток казался недостаточно ядовитым, чтобы подходить к выставке — нет, арсеналу оружия на стене: два парализатора, игольчатое ружье, плазмотрон, сверкающий металлом арбалет с набором гранат-дротиков в подвешенном рядом патронташе. Торн считался мастером своего дела. Если это так,

то совершенно не важно, что пьет это существо.

— Вы что-то слишком задумчивы. Надо полагать, вы на этот раз прибыли с игрушечкой, а? — спросил Торн после паузы.

— Следующее задание, да. — Он от души надеялся, что Торн имел в виду именно это. Гермафродит кивнул и приготовился внимательно слушать. — Мы должны кое-кого забрать. Не настолько много, как бывало, конечно… — Торн расхохотался. — Но не без сложностей.

— Сложнее Дагулы-IV быть не может. Ну, говорите, говорите!

Он потер губы характерным для Нейсмита жестом:

— Налет на ясли клонов дома Бхарапутра на Архипелаге Джексона. Надо вычистить их полностью.

Торн собирался было закинуть ногу на ногу, но удивленно замер.

— Убить? — недоверчиво спросил он.

— Клонов? Нет, увезти! Всех.

— О! Уф-ф… — Торн облегченно вздохнул. — Мне на секунду представилась жуткая картина. Ведь они же все-таки дети. Пусть даже и клонированные.

— Вот именно. Я… рад, что вы именно так на

это смотрите.

— А как еще? — Торн пожал плечами. — Пересадка мозга в клонов — самое чудовищное и непристойное дело из всего пакостного перечня услуг дома Бхарапутра. Если только у них нет чего-нибудь похуже, о чем я пока не слышал.

— Вот именно.

Он откинулся на спинку кресла, изумленный столь быстрым согласием. Искренне ли говорит Торн? Ему-то самому слишком хорошо известны ужасы клонирования. Он их пережил. Он не ожидал, что его точку зрения можно принять, если не испытал всего этого на себе.

Строго говоря, дом Бхарапутра занимался не клонированием. Их бизнес — бессмертие, или по крайней мере продление жизни. И это было очень выгодным делом: как можно оценить стоимость жизни? По максимальной рыночной цене. Процедура, которую предлагал дом Бхарапутра, была рискованной, далеко не идеальной… Но альтернатива — близкая смерть, и безжалостные и, надо признать, дальновидные богачи выбирали риск.

Устраивалось все просто, хотя хирургическая операция, на которой все и основывалось, была чудовищно сложной. Из соматической клетки

заказчика выращивали клон: сначала он рос в маточном репликаторе, а потом доращивался до физической зрелости в яслях Бхарапутры — нечто вроде роскошно обставленного детского дома. Ведь в конце концов клоны очень ценные, их физическое состояние и здоровье чрезвычайно важны. Потом, в нужный момент, их пожирали. Во время операции, успех которой отнюдь не гарантирован, мозг пересаживался из стареющего и изношенного тела в дубликат, находящийся в расцвете юности. А мозг клона рассматривался как отходы.

Операция считалась нелегальной везде, кроме Архипелага Джексона. Но это вполне устраивало правящие преступные дома. Это обеспечивало им монополию, надежное дело и много клиентов — поток богачей с других планет позволял хирургам поддерживать великолепную форму. Насколько он мог судить, отношение других планет к подобной практике выражалось поговоркой «С глаз долой — из сердца вон». Искренний добропорядочный гнев в глазах Торна коснулся такой болезненной точки, что он чуть было не разрыдался.

«Скорее всего это просто уловка».

Он протяжно выдохнул — еще один нейсми-

тизм.

Торн сдвинул брови, о чем-то задумавшись:

— Вы уверены, что следует брать «Ариэль»? Насколько мне известно, барон Риоваль еще жив. Это наверняка привлечет его внимание.

Дом Риоваль был одним из более мелких соперников дома Бхарапутра в том, что касалось незаконной медицины. Он специализировался на производстве генетически измененных или хирургически сформированных людей для любых целей, включая сексуальные, — фактически рабов, выполненных на заказ. Он готов был согласиться с тем, что это преступно, но не это смертельно мучило его. А вот какое отношение к барону Риовалю имеет «Ариэль»? Он понятия не имел. Пусть Торн сам об этом беспокоится. Может, позже гермафродит скажет что-то более понятное. Клон напомнил себе, что надо будет при первой же возможности ознакомиться с вахтенными журналами.

— Это задание не имеет никакого отношения к дому Риоваль. Мы будем их избегать.

— Я очень на это надеюсь, — с жаром согласился Торн. Он помолчал, задумчиво прихлебывая чай. — Ну, несмотря на то, что Архипелаг Джексона давно требует хорошенькой уборки

— предпочтительно с использованием атомного оружия, — я полагаю, что мы идем на это отнюдь не по доброте сердечной. И что за… э-э… задание на этот раз стоит за основным заданием?

На такой вопрос он подготовил ответ заранее.

— По правде говоря, нашего нанимателя интересует только один клон — вернее, его родитель. Остальные — просто дымовая завеса. У клиентов Бхарапутры множество врагов. Они не будут знать, кто именно нападает и на кого. Таким образом, личность нашего нанимателя, который желает остаться неизвестным, остается тайной.

Торн довольно ухмыльнулся:

— Насколько я понимаю, эта небольшая тонкость — ваших рук дело.

«Нейсмит» пожал плечами:

— В некотором смысле.

— Не следует ли нам знать, какой именно клон нам нужен, чтобы предотвратить несчастный случай или другие неожиданности при отступлении? Он нужен нашему нанимателю живым или это не важно? Если реальная цель — тот старый перечник, который его заказал…

— Им важно. Он должен быть жив. Но… будем считать, что все клоны — это именно тот, кто нам нужен.

Торн развел руками:

— Я возражать не стану. — Глаза гермафродита радостно заблестели. — Давно пора заняться этими джексонианскими подонками! О, это будет здорово! — Он оскалил зубы в прямо-таки пугающей ухмылке. — Какая помощь у нас будет на Архипелаге Джексона? Система безопасности?

— Ни на что не рассчитывайте.

— Гм. А сколько помех. Естественно, не считая Бхарапутры, Риоваля и Фелла.

Дом Фелл занимался главным образом вооружением. Какое отношение имеет ко всему этому Фелл?

— Я знаю не больше вашего.

Торн нахмурился: похоже, это не типичный нейсмитовский ответ.

— У меня много точной информации о яслях — я смогу проинструктировать вас за время полета. Послушайте, Бел, что я буду учить вас, как надо работать? Я вам доверяю. Возьмите на себя подготовку и планирование, а я проверю окончательный результат.

Торн выпрямился:

— Хорошо. О скольких ребятишках идет речь?

— Бхарапутра выполняет в среднем одну такую операцию в неделю. Скажем, у них запланирова-

но пятьдесят в год. В последний год жизни клонов их переводят в специальное здание около штаб-квартиры дома — для окончательной подготовки. Я хочу забрать весь годовой запас. Пятьдесят или шестьдесят ребятишек.

— И всех запихнуть на «Ариэль»? Тесновато будет.

— Скорость, Бел, скорость.

— Угу. Наверное, вы правы. Расписание?

— Как можно скорее. Каждая неделя отсрочки стоит жизни еще одному невинному ребенку.

Последние два года он жил по этому календарю. «Я уже растратил сто жизней». Один только перелет с Земли на Эскобар обошелся ему в тысячу бетанских долларов и четыре погибших клона.

— Понял, — мрачно сказал Торн, поднимаясь из-за стола и убирая чашку. Он переставил свое кресло в пазы у комм-устройства. — Этот клон назначен на операцию, да?

— Да. А если не он, то его товарищ по яслям.

Торн начал стучать по клавишам:

— А как насчет средств? Это по вашему ведомству.

— Тут нам заплатят по конечному результату. Возьмите сколько нужно из фондов флота.

— Хорошо. Приложите свою ладонь сюда, чтобы

подтвердить мой запрос.

Торн подставил ему сенсорную пластину.

Он не колеблясь приложил ладонь. К его ужасу, на пульте зажегся красный сигнал неузнавания.

«Нет! Все должно получиться, должно!»

— Чертова машина. — Торн резко стукнул пластину об стол. — Веди себя пристойно. Еще раз.

На этот раз он приложил ладонь, чуть дернув ее в последний момент. Компьютер переварил новые данные и на этот раз объявил, что все в порядке. Слава Богу. Он почувствовал, что сердце его начало биться ровнее.

Торн ввел новые данные и бросил через плечо:

— Нет вопросов о том, какую именно команду вы хотите выбрать на это дело, а?

— Нет, — глухо отозвался он. — Действуйте.

Ему надо отсюда поскорее выбираться, пока он не испортил такое удачное начало.

— Вам отвести ту же каюту, что и всегда? — осведомился Торн.

— Конечно.

Он встал.

— Скоро, насколько я понимаю... — Гермафродит вглядывался в светящуюся путаницу сведений и расписаний, загоревшуюся над пластиной комма. — Пластина замка по-прежнему

настроена на вашу ладонь. Полежите, у вас совсем измученный вид. Все под контролем.

— Прекрасно.

— Когда появится Элли Куин?

— Она на это задание не полетит.

Торн явно удивился.

— Вот как! — Почему-то его улыбка стала шире. — Жаль.

В его голосе не слышалось и тени сожаления. Какое-то соперничество? Интересно, из-за чего?

— Пусть с «Триумфа» пришлют мои вещи, — распорядился он. Правильно, надо перепоручить и это тоже. Все перепоручить. — И… когда у вас будет время, скажите, чтобы мне в каюту принесли поесть.

— Будет сделано, — пообещал Торн, решительно кивнув. — Кстати, хорошо, что вы ели нормально — пусть и не спали. Молодец. Так держать. Мы ведь за вас беспокоимся.

Нормально ел — черта с два! При таком росте ему становилось все труднее не полнеть. Он три месяца голодал, чтобы влезть в мундир Нейсмита, который украл два года назад и который сейчас на нем. Новая волна ненависти к своему родителю захлестнула его. Он вышел, небрежно отдав честь, надеясь, что Торн примет этот жест

за приглашение продолжать работу, и с трудом удержал тихое рычание до того момента, как за ним сдвинулись створки двери.

Пришлось прикладывать ладонь ко всем замкам подряд. Оставалось только надеяться, что никто из дендарийцев не видел его позора. В конце концов он отыскал свою каюту — напротив каюты капитана-гермафродита. На этот раз при прикосновении ладони дверь открылась сразу же.

Каюта оказалась небольшой, совершенно такой же как у Торна, но только менее заставленной. Он проверил шкафы. Почти все оказались пустыми, но в одном он обнаружил серую полевую форму и замызганный комбинезон техника как раз своего размера. В ванной комнате он нашел зубную щетку и печально усмехнулся. Аккуратно застеленная кровать, убиравшаяся в стену, выглядела ужасно притягательно, и он упал на нее в полуобмороке.

«Я уже в пути. Все получилось!»

Дендарийцы его приняли, приняли его приказы и пошли за ним с тем же идиотским слепым доверием, с каким они шли за Нейсмитом. Стадо баранов. Теперь самое трудное позади.

Он быстро принял душ и как раз надевал брюки

Нейсмита, когда принесли еду. Воспользовавшись тем, что не одет, он побыстрее выпроводил услужливого дендарийца с подносом. Под крышками оказалась настоящая еда, а не полевые рационы. Прожаренный бифштекс из мясного заменителя, свежие на вид овощи, несинтетический кофе. Горячие блюда были горячими, холодные — холодными, красивые маленькие порции точно рассчитаны на аппетит Нейсмита. Даже мороженое. Он узнал любимые блюда своего родителя и заново поразился тому, сколько неизвестных ему людей спешат принести ему именно то, чего ему хочется, — вплоть до мельчайших деталей. Конечно, высокое звание связано с определенными благами, но это казалось настоящим безумием.

В крайне угнетенном состоянии он съел все, что было на подносе, и как раз соображал, съедобна ли пенистая зеленая штука, заполняющая пустые места на тарелке, когда снова зазвенел дверной сигнал.

На этот раз вошел рядовой дендариец с парящей платформой, на которой было три больших ящика.

— А! Мои пожитки. Поставьте их пока на пол.

— Есть, сэр. Вам не нужен денщик?

Выражение лица рядового ясно говорило, кто первым вызовется занять эту должность.

— Нет… пока нет. Пожалуй, здесь будет слишком тесно. Просто оставьте все здесь.

— Я буду рад все для вас распаковать, сэр. Я все паковал.

— Все в порядке.

— Если я что-то пропустил, только дайте мне знать — я сейчас же все доставлю.

— Спасибо, капрал.

«Нейсмита» уже несколько раздражало рвение капрала, и, к счастью, тот понял, что несколько перестарался. Капрал снял ящики с платформы и удалился с виноватой улыбкой, словно говорившей: «Эй, ну не обижайтесь — я просто так».

Он улыбнулся в ответ, стиснув зубы, но как только дверь закрылась, моментально переключился на ящики. Открыв крышки, он помедлил, удивляясь собственному нетерпению. Наверное, это похоже на подарки ко дню рождения. Ему никто никогда не дарил подарков.

«Ну, так будем наверстывать упущенное».

В первом ящике оказалась одежда — столько одежды у него еще никогда в жизни не было. Комбинезоны техников, полевая и повседневная форма, парадный мундир… Он достал бархатный

серый китель, с удивлением подняв брови при виде сверкающих серебряных пуговиц. Ниже оказалась обувь: сапоги, ботинки, туфли, тапочки. И пижамы. Все в соответствии с военными требованиями, все точно ему впору. И гражданская одежда — восемь или десять костюмов в различных планетных и галактических традициях и на всевозможных социальных уровнях. Эскобарский деловой костюм из красного шелка, барраярский полувоенный китель и брюки в полосочку, бетанский саронг с сандалиями, обтрепанные куртка, рубашка и штаны, которые мог бы где угодно надеть неудачливый портовый грузчик. Множество нижнего белья. Три типа хроно со встроенными комм-устройствами: одно обычное, дендарийское, одно — очень дорогая коммерческая модель и одно с виду дешевенькое и поцарапанное, но оказавшееся одной из лучших военных моделей. И еще многое, многое другое.

Он перешел ко второму ящику и изумленно разинул рот. Космическая броня. Полные космические доспехи для боя, с заряженными аккумуляторами и системами жизнеобеспечения, с закрепленным и готовым к бою оружием. Как раз его размера. Казалось, она светится темным

зловещим блеском. В нос ударил запах брони — невероятно военный: металл и пластик, энергия и химия… и старый пот. Он вытащил шлем и с любопытством посмотрел на затемненное зеркальное стекло. Он никогда не надевал космической брони, хотя изучал все это снаряжение до одури. Зловещий, смертоносный панцирь…

Он все выгрузил и разложил по порядку на полу. То тут, то там сверкающая поверхность была обезображена странными разводами, шрамами и заплатками. Какое оружие, какие удары смогли повредить прочный сплав? Дотрагиваясь до металла, он понял, что каждый такой шрам нес смерть.

Это его обеспокоило.

«Нет! — Он отогнал холодную дрожь сомнения. — Если он это может, я тоже могу!»

Он постарался не замечать отремонтированных мест и пятен на самой броне и ее мягкой абсорбирующей подкладке, аккуратно убирая все обратно в ящик. Кровь? Ожоги? Масло? Все равно все уже вычищено и дезодорировано.

В третьем ящике, поменьше, оказалась полуброня — без встроенного оружия и рассчитанная не на космос, а на боевые действия на поверхности планеты при нормальной или почти нормаль-

ной силе тяжести, температуре и атмосферных условиях. Самая удивительная деталь — командирский шлем — гладкая штука со встроенной телеметрией и голопроектором надо лбом, передающим все необходимые данные так, что они оказываются прямо перед глазами командующего. Поток данных регулируется определенными гримасами и голосовыми командами. Он оставил шлем на столе, чтобы потом поближе с ним познакомиться, а все остальное снова запаковал.

К тому времени, как он кончил прятать одежду по шкафам и ящикам, он уже пожалел о том, что так поспешно отказался от денщика. Он упал на постель и погасил свет. Когда он проснется в следующий раз, он уже будет на пути к Архипелагу Джексона…

Он только задремал, когда услышал сигнал комма. Он неловко поднялся, с трудом выдавив достаточно убедительное «Нейсмит слушает».

— Майлз? — сказал Торн. — Прибыл отряд коммандос.

— Э-э… Прекрасно. Уходим с орбиты.

— А вы разве не хотите с ними встретиться? — удивился Торн.

Инспекция. Он с шумом выдохнул:

— Конечно. Я… сейчас приду. Нейсмит разговор

закончил.

Он поспешно натянул форменные брюки, на этот раз выбрав китель с соответствующими знаками различия, и быстро вызвал на экран план корабля. Для боевых катеров было предусмотрено два стыковочных узла: на носу и на корме. Который? Пожалуй, лучше выяснить, как добираться до обоих.

Работал первый узел, к которому он вышел. Нейсмит на секунду остановился в тени и тишине коридора, пока его еще никто не заметил.

Посадочную площадку заполнили дюжина мужчин и женщин в сером полетном камуфляже, а также горы оборудования и припасов. Ручное и тяжелое вооружение было сложено аккуратными пирамидами. Наемники стояли или сидели, громко переговариваясь, просто и грубовато, перемежая разговоры взрывами хохота. Они все были такие рослые, их так переполняла энергия, что они полушутливо натыкались друг на друга, словно для того, чтобы можно было кричать еще громче. Ножи и другое личное оружие было закреплено на поясах, в кобурах или патронташах — весьма демонстративно. Лица их сливались, словно у стада животных. Он с трудом сглотнул, выпрямился и шагнул к ним.

Эффект оказался мгновенным.

— Головы выше! — крикнул кто-то. Не ожидая дальнейших приказов, все вытянулись по стойке «смирно» в две аккуратные шеренги, и сразу стало тихо. Это казалось еще более пугающим, чем царивший только что хаос.

С натянутой улыбкой он пошел вперед, делая вид, что осматривает каждого. Последний тяжелый вещмешок дугой вылетел из люка и стукнулся о палубу. Тринадцатый коммандос протиснулся в корабль, выпрямился и отдал ему честь.

Он застыл, парализованный ужасом. Что за чертовщина? Он смотрел в начищенную пряжку ремня, а потом задрал голову, чуть не вывихнув шею. Эта чертова штука — в три с лишним метра ростом! От чудовищно огромного тела исходила сила, которую он ощутил, словно волну жара. А лицо… лицо словно из какого-то кошмара. Золотистые глаза, как у волка, неестественный, чуть выдающийся вперед рот — с клыками, черт побери! На огромных руках — когти, толстые, мощные, острые, как бритва… накрашенные алым лаком… Что?.. Его взгляд еще раз скользнул по лицу чудовища. Глаза были подведены карандашом и золотистыми тенями, с которыми

перекликалась небольшая золотая звездочка, эффектно наклеенная под уголком глаза. Волосы цвета красного дерева заплетены в замысловатую косу. Пояс туго затянут, подчеркивая некое подобие фигуры несмотря на свободный серый полетный камуфляж. Это чудище женского рода?..

— Сержант Таура и Зеленый отряд прибыли, сэр!

Низкий голос звучно разнесся по посадочному отсеку.

— Спасибо! — У него получился только надтреснутый полушепот, и он откашлялся, прочищая горло. — Спасибо, свободны, получите указания от капитана Торна, всем вольно. — Они напряглись, ожидая, чтобы он повторил приказ. — Все свободны!

Они рассыпались в беспорядке — или, может быть, в известном только им одним порядке, — и посадочный отсек неимоверно быстро опустел. Чудовищный сержант задержалась, нависнув над ним. Он чуть было не бросился наутек от этого... от нее.

Чудище доверительно сказало:

— Спасибо, что выбрал Зеленый отряд, Майлз. Насколько я поняла, ты нашел для нас настоящую

конфетку.

Опять его зовут по имени?

— Капитан Торн проинструктирует всех в пути. Это… непростая миссия.

— Капитан Куин как всегда знает все детали? — Она вопросительно приподняла мохнатую бровь.

— Капитан Куин… в этой операции не участвует.

Он готов был поклясться, что ее золотые глаза широко раскрылись, зрачки расширились. Губы раздвинулись, обнажив клыки, и он, ужаснувшись, не сразу понял, что это — улыбка. Почему-то это напомнило ему ухмылку, с которой Торн встретил то же известие.

Она подняла голову — других дендарийцев вокруг не было.

— А? — басовито промурлыкала она. — Ну, на этот раз твоей телохранительницей буду я, любовь моя. Дай только знак.

Какой знак, какого черта?..

Она нагнулась, морща губы, рука с алыми ногтями сжала его плечо… Ему вдруг представилось, как она отрывает ему голову и съедает, но тут ее губы прижались к его губам. У него остановилось дыхание, в глазах потемнело, и он чуть не потерял

сознание, прежде чем она выпрямилась, кинув на него недоумевающе-обиженный взгляд.

— Майлз, в чем дело?

Это был поцелуй!.. Всемогущие боги…

— Ничего! — с трудом выдавил он из себя. — Я… болен. Мне, наверное, не следовало вставать, но надо было проинспектировать…

Она страшно встревожилась:

— Конечно, тебе не следовало вставать! Ты ведь весь дрожишь! Еле на ногах держишься. Ну-ка, я отнесу тебя в лазарет. Ненормальный!

— Нет! Ничего страшного. То есть меня уже лечили. Просто какое-то время мне надо отдыхать и приходить в себя, только и всего.

— Ну, так сейчас же отправляйся в постель!

— Да.

Он быстро повернулся. Она шлепнула его по заду. Он прикусил язык. Она сказала:

— По крайней мере ты стал лучше есть. Береги себя, ладно?

Он помахал ей через плечо и удрал, не оглядываясь. Солдатское панибратство? Со стороны сержанта по отношению к адмиралу? Не похоже. Это — близость.

«Нейсмит, психованный подонок, чем ты занимался в свободное время? Мне казалось, у тебя

нет свободного времени. Ты просто чокнутый маньяк-самоубийца, если якшался с этой…»

Он запер за собой дверь каюты и прислонился к ней спиной, весь дрожа, истерически хохоча и не веря увиденному. Черт возьми, он изучал Нейсмита вдоль и поперек! Этого просто не может быть.

«Если есть такие друзья, зачем тогда враги?»

Он разделся и лежал на кровати, обдумывая жизнь Нейсмита-Форкосигана, пытаясь угадать, какие еще ловушки его ожидают. Наконец легкое изменение шорохов и скрипов корабля, меняющиеся грави-поля заставили его осознать, что «Ариэль» уходит с эскобарской орбиты. Ему на самом деле удалось похитить полностью вооруженный и оснащенный скоростной военный крейсер — и никто даже не догадался об этом. Они летят к Архипелагу Джексона. К его судьбе. Его, а не Нейсмита. Наконец мысли утащили его в сон.

«Но если ты можешь взять свою собственную судьбу, — прошептал в самый последний момент его насмешливый демон, — почему ты не берешь свое имя?»

Глава 2

Они спустились по трапу пассажирского корабля взявшись за руки. Куин легко закинула на плечо вещмешок, Майлз тащил сумку. На них все оборачивались — в зале ожидания орбитальной пересадочной станции их появление не осталось незамеченным. Майлз гордо поглядывал на свою спутницу, равнодушно шагавшую мимо восхищенных мужчин. Майлз ловил в их взглядах плохо скрытую зависть. «Моя Куин».

Сегодня утром Куин выглядела как никогда подтянутой. Кстати, а утро ли сейчас? Надо бы свериться со временем дендарийского флота… Ей даже удалось добиться, что ее серые форменные брюки с многочисленными карманами выглядят как последний писк моды: она их заправила в красные замшевые сапоги (стальные набойки на носках совсем незаметны), а сверху коротенькая алая маечка. Белоснежная кожа, темные короткие кудри, алая майка — просто великолепно! Яркие цвета скрывали атлетизм ее фигуры — о нем можно было судить, только зная вес ее вещмешка.

Влажные карие глаза освещали лицо остроумием. Но голоса мужчин замирали на полуслове главным образом из-за идеально правильных линий ее лица. Очевидно, дорогостоящее лицо, произведение хирурга-художника, обладавшего несравненным гением. Невнимательный наблюдатель мог бы решить, что за это лицо заплатил маленький уродец, который держал ее под руку, и сделать вывод, что и сама женщина тоже куплена. Невнимательный наблюдатель никогда не догадался бы, какую цену она на самом деле заплатила: свое старое лицо, сожженное в бою у Тау Верде. Почти первая потеря на службе адмирала Нейсмита… Уже десять лет тому назад? Господи! Невнимательный наблюдатель — просто дурак, решил Майлз.

Последним представителем этого класса оказался богатый служащий (Майлзу он показался блондинистым гражданским вариантом его кузена Айвена), который пребывал в таком заблуждении весь двухнедельный путь от Зергияра до Эскобара, пытаясь ее соблазнить. Майлз мельком увидел сейчас, как он грузит свои вещи на гравитационную платформу, досадливо вздыхая. Майлз не обижался — если не считать того, что тот напомнил ему Айвена. По правде говоря,

Майлзу было его почти жаль, так как юмор у Куин такой же убийственный, как и ее профессиональная реакция.

Майлз указал подбородком на удаляющегося эскобарца и пробормотал:

— И что же ты в конце концов сказала такое, что тебе удалось от него избавиться, милая?

Куин посмотрела в ту сторону, чтобы понять, о ком речь, и рассмеялась, озорно сощурив глаза.

— Если я тебе скажу, ты застесняешься.

— Не застесняюсь. Вот увидишь.

— Я сказала, что ты можешь отжиматься с помощью языка. Наверное, он решил, что не может с тобой тягаться.

Майлз покраснел.

— Я не позволила бы ему зайти так далеко, если бы не была абсолютно уверена в том, что он чей-то агент, — извиняющимся тоном добавила она.

— А теперь ты убедилась в обратном?

— Да. Очень жаль. Так было бы гораздо забавнее.

— Не для меня. Мне нужны были небольшие каникулы.

— Да, и тебе это пошло на пользу. Видно, что ты отдохнул.

— Мне очень нравится наше новое прикрытие

для путешествия — семейная пара. Меня оно устраивает. — Он сделал более глубокий вдох. — Так медовый месяц у нас был — почему бы теперь не устроить свадьбу?

— Ты никогда не сдаешься, да?

Она старалась говорить беззаботно, но он почувствовал, как у нее дрогнула рука, и понял, что причинил ей боль. Мысленно он обругал себя последними словами.

— Извини. Я обещал не поднимать эту тему.

Она пожала тем плечом, на котором не висел вещмешок, высвободив при этом словно случайно свой локоть, и зашагала, агрессивно размахивая рукой.

— Беда в том, что ты не хочешь сделать меня мадам Нейсмит, грозой дендарийцев. Ты хочешь, чтобы я была барраярской леди Форкосиган. Это должность планетная. Я родилась в космосе. Даже если бы я вышла за грязежора, спустилась бы в какой-нибудь колодец… Я все равно не выбрала бы такую дыру, как Барраяр. Не хочу оскорбить твой дом.

«Почему бы и нет? Все так делают».

— Ты понравилась моей матери, — сказал он.

— А я ею восхищаюсь. Я встречалась с нею уже… сколько… четыре раза, и она поражает меня все

сильнее. Но чем сильнее мое восхищение, тем больше меня возмущает то, как Барраяр преступно тратит ее таланты. Останься она на Колонии Бета, сейчас была бы уже генеральным директором Бетанской астроэкспедиции. Или кем угодно, кем бы захотела.

— А она захотела быть графиней Форкосиган.

— Она захотела потрястись твоим па, который, надо признать, довольно-таки потрясающий. А на остальную касту форов ей начхать. — Куин остановилась вне поля слышимости эскобарских таможенных инспекторов, и Майлз остановился рядом с ней. Оба смотрели перед собой, а не друг на друга. — Несмотря на весь ее стиль, она — женщина усталая. Барраяр столько из нее высосал! Барраяр — ее рак. И медленно убивает ее. — Майлз молча помотал головой. — И твой тоже, лорд Форкосиган, — серьезно прибавила Куин.

На этот раз это он вздрогнул. Она это почувствовала и вскинула голову:

— И вообще, мой любимый маньяк — это адмирал Нейсмит. По сравнению с ним лорд Форкосиган — просто зануда. Я видела тебя дома, на Барраяре, Майлз. Ты там словно половина себя. Какой-то притихший, завявший. У тебя голос — и тот звучит тише. Это ужасно странно.

— Я не могу… Я должен там приспосабливаться. Всего одно поколение тому назад человека с таким странным телом, как у меня, просто убили бы как подозрительного мутанта. Я не могу заставить развитие идти слишком далеко — и слишком быстро. Я слишком легкая мишень.

— Именно поэтому Имперская служба безопасности дает тебе такое количество заданий вне планеты?

— Для моего роста как офицера. Чтобы расширить мой кругозор, увеличить мой опыт.

— И в один прекрасный день они тебя окончательно отсюда загребут, возьмут домой и выжмут весь этот опыт обратно — себе на потребу. Словно ты — губка.

— Я и сейчас им служу, Элли, — тихо напомнил он. — Сейчас, потом — и всегда.

Она отвела глаза:

— Ладно… И когда они приколотят подошвы твоих башмаков к полу там, на Барраяре, я хочу получить твою работу. Я хочу когда-нибудь стать адмиралом Куин.

— Ничего не имею против, — добродушно заметил он. Работа — да. Пора лорду Форкосигану и его личным желаниям убираться восвояси. И вообще пора бы ему перестать по-мазохистски

снова и снова прокручивать этот дурацкий разговор с Куин о женитьбе. Куин — это Куин, он не хочет, чтобы она стала не-Куин, даже ради… лорда Форкосигана.

Несмотря на подавленность, вызванную собственной глупостью, предвкушение возвращения к дендарийцам заставило его ускорить шаг, когда они прошли через таможенный контроль в чудовищно огромную пересадочную станцию. Куин права. Он явственно ощущал, как Нейсмит вновь заполняет его, распространяясь из каких-то неведомых глубин сознания до самых кончиков пальцев. До свидания, зануда Майлз Форкосиган, очень тайный агент Имперской службы безопасности (которому давно бы пора получить следующее звание). Привет, ослепительный адмирал Нейсмит, космический наемник и солдат удачи.

Или неудачи. Он замедлил шаг, когда они оказались у рядов комм-будочек, выстроившихся вдоль стены зала ожидания, и кивком указал на зеркальные двери.

— Посмотрим сначала, как там наш Красный отряд. Если они готовы к выписке, я хотел бы лично спуститься и забрать их.

— Хорошо.

Куин плюхнула вещмешок в опасной близости от обутых в сандалии ног Майлза, зашла в ближайшую будочку, вставила в щель карточку и набрала код.

Майлз поставил дорожную сумку, сел на мешок и стал смотреть на нее через дверь. Он поймал свое расколотое отражение в дверце соседней будочки. Темные брюки и свободная белая рубаха скроены так, что невозможно угадать, с какой они планеты, но, как и подобает путешествующему молодожену, одежда абсолютно гражданская. Недурно.

Было время, когда он носил мундиры, как черепаший панцирь высоконадежной социальной защиты для своего странного тела. Как броню принадлежности, говорившую: «Не связывайтесь со мной. У меня есть друзья». Когда он перестал так отчаянно в этом нуждаться? Он точно не знал.

Если уж на то пошло, то когда он перестал ненавидеть свое тело? Прошло уже два года со времени его последнего серьезного ранения — во время операции по освобождению заложников, которая прошла сразу же после той невероятной заварухи с его братом на Земле. Он уже достаточно долгое время чувствовал себя совершенно

здоровым. Он несколько раз сжал и разжал руки с пластиковыми костями и ощутил их столь же своими, как и до того, как их в последний раз разломали. И до того, как их в первый раз сломали. У него не было обострения артрита уже несколько месяцев.

«Я не испытываю боли, — осознал он, мрачно усмехаясь. И это дело рук не только Куин, хотя Куин действует очень… оздоравливающе. — Не становлюсь ли я на старости лет нормальным?»

«Радуйся, пока можешь».

Ему двадцать восемь — и он наверняка на пике здоровья. Он чувствовал этот пик, захватывающий дух взлет к апогею. Спуск — дело отдаленного будущего.

Голоса из комм-будочки вернули его к настоящему. Куин связалась с Сэнди Герелд:

— Привет, вот и я.

— Привет, Куини. Я тебя ждала. Чем могу быть полезна?

Майлз даже издали заметил, что Сэнди опять сотворила со своими волосами что-то странное.

— Я только что сошла с корабля сюда, на пересадочную станцию. Планирую небольшой крюк. Мне нужен транспорт на планету, чтобы забрать выживших из Красного отряда, а потом обратно

на «Триумф». Какое у них сейчас состояние?

— Подожди секундочку. Сейчас скажу…

Лейтенант Герелд вызвала данные на соседний дисплей.

По залу ожидания прошел мужчина в сером дендарийском мундире. Он заметил Майлза и нерешительно кивнул, видимо, опасаясь, что странная одежда адмирала — свидетельство тому, что он здесь инкогнито. Майлз успокоительно помахал ему, и мужчина, улыбнувшись, пошел дальше. Мозг Майлза моментально выдал ненужные данные. Трейвис Грей, полевой техник, в настоящее время числится при «Перегрине», отслужил шесть лет, специалист по коммуникационному оборудованию, собирает классическую допереходную музыку Земли…

Сколько таких сведений о личном составе сейчас у него в голове? Сотни? Тысячи?

А вот и новые. Герелд снова повернулась к ним и выпалила:

— Айвза отпустили на планету в увольнение, Бойда вернули на «Триумф» долечиваться. Восстановительный центр Бошен сообщает, что Дурэм, Вайфиан и Азиз готовы к выписке, но сначала они хотят поговорить с кем-нибудь из начальства.

— Хорошо.

— Ки и Зелласки… О них они тоже хотят поговорить.

Куин сжала губы.

— Хорошо, — глухо повторила она. У Майлза сжалось сердце. Он подозревал, что разговор будет не слишком приятным. — Тогда дай им знать, что мы едем, — добавила Куин.

— Да, кэп. — Герелд переключила файлы на своем дисплее. — Будет сделано. Какой катер вам нужен?

— Хватит маленького катера для личного состава с «Триумфа», если вам не надо одновременно захватить какой-нибудь груз из Бошена.

— Оттуда ничего не надо.

— Ладно.

Герелд проверила свой экран:

— Согласно эскобарским диспетчерам, я могу пристыковать второй катер к стыковочному узлу G-26 через тридцать минут. У вас будет разрешение сразу же отправляться на планету.

— Спасибо. Передай всем: когда мы вернемся, будет брифинг для капитанов и капитанов-владельцев. Который сейчас час в Бошене?

Герелд посмотрела в сторону:

— Девять ноль шесть в двадцатишестичасовых

сутках.

— Утро. Великолепно. Какая погода?

— Чудесная. Одежда летняя.

— Хорошо, можно будет не переодеваться. Мы сообщим, когда будем готовы вылететь из порта Бошен. Куин разговор закончила.

Майлз сидел на вещмешке, уставившись на носки своих сандалий и погрузившись в неприятные воспоминания. Это была одна из самых трудных контрабандистских операций дендарийцев: они доставили на Мэрилак военных советников и вооружение для поддержки сопротивления цетагандийцам. Боевой катер А-4 с «Триумфа» попал под вражеский огонь на последнем перелете к кораблю. На нем находился весь Красный отряд и несколько мэрилаканцев. Пилот, лейтенант Дурэм, несмотря на смертельное ранение и шок, привел свой искореженный и горящий катер с достаточно низкой скоростью столкновения к захватам стыковочного узла «Триумфа», так что экипажу корабля удалось подвести аварийные трубы, прорезать корпус катера и извлечь всех, кто в нем находился. Они успели отстрелить поврежденный катер прежде, чем тот взорвался и «Триумф» ушел с орбиты, избежав мести цетагандийцев. И вот операция, которая начиналась

как простая, легкая и тайная, опять превратилась в ту героическую неразбериху, которую Майлз начал уже ненавидеть. Неразбериху, конечно, а не героизм.

Результат после надрывающей сердце первой помощи: двенадцать тяжело раненных, семеро не поддаются поддержанию жизни в условиях «Триумфа» и криогенно заморожены в надежде на последующую помощь, трое окончательно и необратимо мертвы. Теперь предстоит узнать, сколько из тех семерых должны перейти в третью категорию. Лица, имена, сотни ненужных сведений водопадом обрушились в его сознание. Первоначально он планировал находиться на борту того последнего катера, но вылетел раньше — возникли непредвиденные обстоятельства…

— Может, они и не в таком уж плохом состоянии, — сказала Куин, читая по лицу его мысли. Она протянула руку, он встал с вещмешка и взял сумку.

— Я сам столько времени провел по больницам, что не могу не сопереживать им, — объяснил он свою мрачность. Хотя бы одну идеальную операцию! Чего бы только он не дал за одну идеальную операцию, где не случалось бы ничего непредвиденного! Может, следующая будет именно

такой…

Больничный запах ударил Майлзу в нос сразу же, как только они с Куин вошли в двери Восстановительного центра Бошена — клиники, специализирующейся на криотерапии, с которой дендарийцы наладили отношения на Эскобаре. Этот запах не был неприятным — не вонь, а просто странная острота кондиционированного воздуха. Но в его жизни эта гамма запахов была четко связана с болью, и сердце учащенно забилось. Он сделал глубокий вдох и осмотрелся. Вестибюль был оформлен по последнему слову технозаведений всего Эскобара: чистый, но обставленный дешево. Основные деньги вложены в помещения наверху — в криооборудование, лаборатории по регенерации тканей, операционные.

Один из старших партнеров фирмы, доктор Арагонс, спустился встретить их и провести наверх, в свой кабинет. Майлзу кабинет Арагонса понравился: он был беспорядочно завален инфодисками, историями болезни и оттисками журнальных статей — среда технократа, увлеченного своим делом. И сам Арагонс ему тоже понравился: крупный добродушный мужик с бронзовой кожей, благородным профилем и седеющими волосами, дружелюбный и прямой.

Доктор Арагонс был огорчен, что не может сообщить о более успешных результатах.

— Вы привозите нам такое безобразие и ожидаете чудес, — пожаловался он, неловко поворачиваясь в кресле, когда Майлз с Куин уселись. — Если хотите обеспечить себе чудеса, вам следует начинать, когда вы только готовите моих бедняг-пациентов к лечению.

Арагонс никогда не употреблял слово «трупольдышки» или подобные прозвища, придуманные солдатами. Он всегда говорил «мои пациенты». И это Майлзу тоже в нем нравилось.

— Как правило, к сожалению, наши потери происходят не на регулярной и размеренной основе, — ответно извинился Майлз. — В данном случае в лазарет одновременно попали двадцать восемь человек с самыми разнообразными повреждениями: глубокими травмами, ожогами, химическим отравлением… Первая помощь некоторое время была чудовищной, пока не стало ясно, что к чему. Мои люди сделали все, что могли. — Он помедлил. — Как вы считаете, будет смысл послать на повышение квалификации наших медтехников, и если да, то не согласитесь ли вы вести семинар?

Арагонс развел руками и задумался.

— Возможно, удастся что-то устроить… Перед уходом поговорите с администратором Маргарой.

Куин дождалась кивка Майлза и сделала пометку на плате отчета.

Арагонс вызвал на экран комма истории болезни:

— Сначала о самом плохом. Мы ничем не смогли помочь мистеру Ки и мисс Зелласки.

— Я… видел, какое ранение в голову получил Ки. Я не удивлен. — Раскололась, как арбуз… — Но у нас была свободная криокамера, вот мы и решили попробовать.

Арагонс понимающе кивнул:

— У мисс Зелласки была та же проблема, хотя и не настолько очевидная. Во время травмы мозговое кровообращение было настолько нарушено, что кровь из ее мозга не удалось вывести надлежащим образом и соответственно наполнить мозг криожидкостью. Из-за кристаллов, образовавшихся при замораживании, и множественных гематом мозговые функции оказались полностью нарушены. Мне очень жаль. Их тела сейчас хранятся у нас в морге в ожидании ваших инструкций.

— Ки хотел, чтобы его тело было возвращено

для погребения его семье. Пусть ваш морг подготовит и отправит его обычным порядком. Мы сообщим адрес. — Он мотнул головой в сторону Куин, которая сделала еще одну пометку. — У Зеласски не числится никаких родных — некоторые дендарийцы не хотят или не могут указать своих близких, и мы не настаиваем. Но она как-то раз говорила своим приятелям в отряде, как бы она хотела быть погребенной. Пожалуйста, кремируйте ее останки и направьте их на «Триумф».

— Хорошо.

Арагонс убрал с экрана истории болезни, и они исчезли, как отлетевшие души. На их место он вызвал следующие.

— Ваши мистер Дурэм и мисс Вайфиан оправились от ран только отчасти. Оба страдают тем, что я охарактеризовал бы как нормальную посттравматическую и криоамнезию. У мистера Дурэма потеря памяти более обширная — отчасти из-за осложнений в связи с мозговыми пилотскими имплантатами, которые нам пришлось удалить.

— А он сможет получить новый имплантат?

— Пока об этом говорить рано. Я бы сказал, что у обоих долгосрочный прогноз благоприятный, но они по крайней мере год не смогут вернуться в строй. И потом им понадобится значительная

переподготовка. В обоих случаях я настоятельно рекомендую, чтобы они возвратились к себе домой, к семьям, если это возможно. Знакомая обстановка обеспечивает и стимулирует восстановление сохранившихся воспоминаний — со временем.

— Семья лейтенанта Дурэма — на Земле. Мы позаботимся, чтобы он туда попал. Техник Вайфиан — со станции Клайн. Посмотрим, что можно сделать.

Куин энергично кивнула, делая новые пометки.

— Тогда я сегодня же могу их выписать. Здесь мы сделали все, что могли, а для остального достаточно обычных условий. Так… остается ваш мистер Азиз.

— Мой рядовой Азиз, — согласился с этим утверждением Майлз. Азиз три года служил у дендарийцев, подал заявление на офицерскую подготовку и получил положительное решение. Двадцать один год.

— Мистер Азиз… снова жив. То есть его тело существует без помощи искусственных средств, не считая некоторых проблем с внутренней терморегуляцией, которые, похоже, решаются сами собой.

— Но у Азиза не было ранений в голову. Что случилось? — спросил Майлз. — Вы хотите сказать, что он будет вести чисто растительное существование?

— Боюсь, мистер Азиз стал жертвой плохой предварительной подготовки. Создается впечатление, что кровь у него отводилась поспешно и процедура была проведена недостаточно тщательно. Небольшие замерзающие капли крови создали у него в мозгу сеть омертвевших участков. Мы их удалили и начали рост новых, которые успешно прижились. Но его личность потеряна безвозвратно.

— Вся?

— У него могли сохраниться тревожащие обрывки воспоминаний. Сны. Но он не может восстановить нейронные пути через новые цепочки, потому что сама ткань исчезла. Новый человек начнется с почти младенческого состояния. Помимо всего прочего, он утратил речь.

— У него восстановится интеллект? Со временем?

Арагонс слишком долго молчал:

— Через несколько лет он, возможно, будет в состоянии выполнять достаточно простые действия, чтобы жить самостоятельно.

— Понятно, — вздохнул Майлз.

— Что вы хотите с ним сделать?

— У него тоже нет сведений о близких. — Майлз протяжно вздохнул. — Переведите его в Центр длительной опеки здесь, на Эскобаре. Такой, чтобы там было хорошее лечебное отделение. Я попрошу вас рекомендовать нам такое. Я создам фонд, из которого будут оплачиваться все расходы до той поры, как он сможет жить самостоятельно. Сколько бы времени на это ни потребовалось.

Арагонс кивнул, и они с Куин сделали соответствующие пометки.

Уладив еще несколько административно-финансовых вопросов, они закончили совещание. Майлз настоял на том, чтобы зайти повидать Азиза и только потом забрать двоих выздоравливающих.

— Он не узнает вас, — предупредил доктор Арагонс, когда они входили в палату.

— Ничего.

На первый взгляд Майлз решил, что Азиз не выглядит так, что краше в гроб кладут, несмотря на уродливую больничную рубаху. Цвет лица у него был хороший, но он лежал, запутавшись в одеялах, худой и равнодушный. У кровати были подняты боковины, неприятно напоминая ко-

лыбель или гроб. Куин встала у двери, скрестив руки. У нее тоже больницы и восстановительные центры сидели в печенках.

— Аззи, — мягко окликнул Майлз, наклоняясь к нему. — Аззи, ты меня слышишь?

Взгляд Азиза на мгновение остановился на нем.

— Я знаю, что ты меня не узнаешь, но потом, может быть, ты об этом вспомнишь. Ты был хорошим солдатом, умным и сильным. Ты не подвел своих товарищей во время катастрофы. У тебя была та собранность, которая спасает жизни окружающим… — «Но не тебе самому». — Завтра тебя переведут в другую больницу, где тебе помогут выздоравливать дальше. — «Среди незнакомых людей. Опять незнакомых». — О деньгах не беспокойся. Я устрою так, чтобы их у тебя было столько, сколько нужно. — «Он не знает, что такое деньги». — Я буду время от времени справляться о тебе, — пообещал Майлз. Кому он это обещал? Азизу? Азиза больше нет. Себе самому? Голос его звучал все тише и тише.

Слуховая стимуляция заставила Азиза забиться и издать громкий бессмысленный стон. Даже сквозь фильтр надежды Майлз не смог воспринять это как попытку общения. Одни только

животные рефлексы.

— Всего доброго, — прошептал он и ушел, на мгновение остановившись в коридоре, чтобы справиться с дрожью.

— Зачем ты это себе устраиваешь? — резко спросила Куин.

— Во-первых, он фактически умер за меня, — он попытался говорить непринужденно, — а во-вторых, разве ты не чувствуешь определенную навязчивую потребность смотреть в лицо тому, чего ты боишься сильнее всего?

— А ты сильнее всего боишься смерти? — с любопытством спросила она.

— Нет. Не смерти. — Он потер лоб, медля с ответом. — Потери разума. Всю жизнь мой план заключался в том, чтобы заставить принимать вот это, — он провел рукой по всей длине своего тела, — потому, что я — сообразительный маленький подонок и могу перехитрить любого противника и доказать это сколько угодно раз. Без мозгов… — «Без мозгов я ничто». Он выпрямился, справляясь с болезненным напряжением, пожал плечами и кривовато улыбнулся. — Пошли, Куин.

После Азиза общаться с Дурэмом и Вайфиан было легко. Они могли ходить и говорить — пусть

запинаясь, а Вайфиан даже узнала Куин. Они привезли их в космопорт на арендованной машине, и Куин несколько смягчила свой обычный агрессивный стиль вождения. Там Майлз посадил Дурэма рядом с товарищем-пилотом, и к концу перелета Дурэм вспомнил не только имя этого человека, но и некоторые приемы пилотирования. Майлз передал обоих выздоравливающих медтехнику, встретившему их в коридоре стыковочного узла, и тот увел их в лазарет, чтобы они могли лечь после путешествия. Майлз проводил их взглядом и почувствовал себя немного лучше.

— Недешево, — заметила Куин.

— Да, — вздохнул Майлз. — Затраты на реабилитацию — значительная доля медбюджета. Возможно, мне придется приказать бухгалтерии разделить их, чтобы медицина не оказалась в загоне. Но что ты хочешь? Мои люди проявляют безмерную верность — я не могу их предавать. Кроме того, — он мимолетно ухмыльнулся, — платит-то Барраярская империя.

— Мне показалось, что на брифинге твой шеф из Службы безопасности был недоволен твоими счетами.

— Иллиану приходится объяснять, почему каждый год из его бюджета исчезает сумма, на

которую можно экипировать небольшую армию. Некоторые имперские ревизоры склонны обвинять его в неэффективной организации работы.

Дендарийский пилот, отключив системы катера, вышел в коридор, закрыв за собой люк. Он кивнул Майлзу.

— Пока я ждал вас в порте Бошен, сэр, я услышал в местных новостях короткое сообщение, которое может вас заинтересовать. Здесь, на Эскобаре, это только короткое маловажное сообщение.

— Ну, сержант Лажуи, — вопросительно приподнял бровь Майлз.

— Цетагандийцы только что объявили, что уходят с Мэрилака. Они называют это… как там… «В связи с огромным прогрессом в культурных связях мы передаем внутренние вопросы местной полиции».

Майлз торжествующе сжал кулаки.

— Другими словами, они бросили свое марионеточное правительство! Ха! — Он несколько раз подпрыгнул на одной ножке и хлопнул Куин по плечу. — Слышала, Элли! Мы победили! Я хочу сказать — они победили, мэрилаканцы!

«Наши жертвы оправданны…»

Он сглотнул комок в горле, чтобы не разрыдаться или не устроить еще какой-нибудь дури.

— Сделайте одолжение, Лажуи. Передайте это по флоту. Скажите им: «Вы, ребята, хорошо поработали». А?

— Есть, сэр. С удовольствием.

Сияющий пилот отдал честь и поспешил исполнить приказ.

Майлз торжественно улыбнулся.

— Видишь, Элли! То, что только что приобрел Саймон Иллиан, все равно обошлось бы дешево, заплати он хоть в тысячу раз больше. Полномасштабное цетагандийское вторжение сначала замедлено, потом приостановлено, потом дезорганизовано — и, наконец, разбито! — И яростно прошептал: — И это сделал я!

Куин тоже улыбалась, но несколько иронично.

— Это прекрасно, но, если я правильно поняла подтекст, барраярская Служба безопасности хотела, чтобы цетагандийская военщина втянулась в партизанскую войну на Мэрилаке. На неопределенно долгое время. Отвлекая цетагандийцев от барраярских границ и п-в-туннелей.

— Они это нигде не записали, — ощерился Майлз. — Саймон сказал только: «По мере возможности помогай мэрилаканцам». Именно так и был сформулирован его приказ.

— Но тебе же прекрасно известно, чего он хо-

тел!

— Четыре кровавых года — больше чем достаточно. Я не предал Барраяр. И никого не предал.

— Ага? А если Саймон Иллиан настолько хитроумнее тебя, то каким образом прошел все-таки твой вариант? Майлз, когда-нибудь у тебя закончатся все отговорки — и что ты тогда будешь делать?

Он улыбнулся и покачал головой, отказываясь отвечать.

Майлз как на крыльях летел к своей каюте на «Триумфе». Оглянувшись, чтобы убедиться, что вокруг никого нет, он обнял и поцеловал Куин — крепким поцелуем, которого им должно было хватить надолго, — и она ушла к себе. Он вошел в каюту, и за ним со вздохом сомкнулись двери, эхом повторив его собственный вздох. Снова дома.

Это действительно дом — для половины его «я», подумал Майлз, швыряя сумку на кровать и направляясь в душ. Десять лет назад лорд Майлз Форкосиган в момент крайней необходимости изобрел для прикрытия адмирала Нейсмита и отчаянно блефовал, прибирая к рукам поспешно переименованных дендарийских наемников. Барраярская Служба безопасности обнаружила,

что это прикрытие небесполезно… Нет. Надо отдать должное тем, кто этого заслуживает: это он сам убеждал, интриговал, и заставлял Безопасность найти этому прикрытию применение.

«Осторожнее выбирай, кем притворяться. А то можешь им стать».

Когда адмирал Нейсмит перестал быть только прикрытием? Конечно, это происходило постепенно, но главным образом после ухода в отставку его наставника — коммодора Танга. Или, возможно, хитроумный Танг первым понял, что больше нет необходимости поддерживать «адмирала Найсмита». Пока Майлз принимал душ, у него перед глазами роились разноцветные диаграммы организации Свободного флота дендарийских наемников. Персонал — оборудование — управление — снабжение… Он знал каждый корабль, каждого бойца, каждый катер, каждую единицу вооружения. Он знал, как это все сочетается между собой, что надо делать в первую, вторую, третью, двадцать пятую очередь… Как поместить четко выверенную силу на наиболее решающую тактическую позицию. Вот что такое опыт: он может посмотреть на корабль вроде «Триумфа» и мысленным взором увидеть сквозь стены все технические детали, все сильные и

слабые места… Посмотреть на отряд коммандос или на стол, вокруг которого на брифинге сидят капитаны и капитаны-владельцы, и знать, что сделает или скажет каждый, прежде чем они сами будут это знать.

«Я на пике. Наконец-то. Я на самой вершине. С помощью этого рычага я могу двигать целые миры».

Он переключил душ на режим сушки, ощутив волну теплого воздуха. Он вышел из душа, все еще посмеиваясь.

«Это как раз по мне».

Его смех изумленно замер, когда он открыл дверцу шкафа с мундирами и обнаружил, что шкаф пуст. Неужели денщик забрал все в чистку и починку? Со всевозрастающим изумлением он проверил другие ящики и обнаружил только остатки совершенно гражданских костюмов, которые надевал, когда требовалось растянуть цепочку ложных персон и выступить в роли дендарийского шпиона. Плюс самое поношенное нижнее белье. Это что — розыгрыш? Если так, то он посмеется последним. Голый и рассерженный, он рывком открыл шкафчик, в котором жила его космическая броня. Пуст. Это его потрясло. «Кто-то, должно быть, унес ее в технический отдел для

калибровки или тактического программирования, или еще за чем-нибудь». Но денщик должен был бы уже ее вернуть. А что, если она срочно понадобится?

Пора. Люди уже собираются. Куин как-то утверждала, что он мог бы появиться на людях нагишом — и только заставил бы окружающих чувствовать себя неловко из-за того, что они одеты. На мгновение ему захотелось проверить это утверждение, но по зрелом размышлении он все же надел рубаху, брюки и сандалии, в которых прилетел. Ему не нужен мундир, чтобы вести брифинг, — уже не нужен.

По дороге на собрание он догнал в коридоре Сэнди Герелд, возвращавшуюся с дежурства, и дружески ей кивнул. Она повернулась и изумленно попятилась.

— Вы вернулись, сэр! Вот это быстро!

Он не стал бы характеризовать длившуюся несколько недель поездку в имперскую штаб-квартиру на Барраяре как быструю. Наверное, она имеет в виду его полет на планету.

— Это заняло всего пару часов.

— Что? — Она наморщила носик. Она продолжала пятиться, пока не уперлась в конец коридора.

Его ждал конференц-зал, полный старших офицеров, собравшихся на брифинг. Помахав рукой, он нырнул в лифтовую шахту.

Сидевшие вокруг темного полированного стола были успокаивающе знакомы. Капитан «Триумфа» Озен. Элен Ботари-Джезек, недавно получившая повышение, став капитаном «Перегрина». Ее муж, коммодор Баз Джезек. Главный инженер флота, он в отсутствие Майлза отвечал за весь ремонт и переоборудование дендарийского флота на орбите Эскобара. Эта чета, оба барраяры, вместе с Куин были среди тех немногих, кто знал о двойной жизни Майлза. Капитан «Партизана» Трузилло и еще дюжина других, проверенных и верных. Его люди.

Бел Торн с «Ариэля» опаздывал. Странно. Одной из главных черт Торна было неутолимое любопытство: для бетанского гермафродита брифинг перед новой операцией был все равно что подарок к Зимнепразднику. Майлз повернулся к Элен Ботари-Джезек, чтобы поболтать, пока они будут дожидаться.

— Тебе удалось навестить мать на Эскобаре?

— Да, спасибо. — Она улыбнулась. — Было… приятно немного побыть вместе. Мы поговорили о таких вещах, о которых не могли говорить при

первой встрече.

Майлз решил, что это было полезно им обеим. Казалось, взгляд Элен стал немного менее напряженным. Постепенно все будет лучше и лучше.

— Хорошо.

Он повернулся к вновь раздвинувшимся дверям — но это была только Куин, беззаботно вошедшая с пачкой секретных дел. Она снова оделась в повседневный офицерский мундир и выглядела непринужденно, но по-деловому. Элли вручила дела Майлзу, он загрузил их в комм-устройство и подождал еще минуту. Бел Торн по-прежнему не появлялся.

Разговоры затихли. Офицеры внимательно смотрели на него, призывая начать серьезный разговор. Нечего стоять и грызть ногти. Прежде чем включить дисплей, он осведомился:

— Для опоздания капитана Торна есть причина?

Они посмотрели на него, потом переглянулись.

«Не может быть, чтобы с Белом что-то случилось, мне доложили бы сразу же».

Но все-таки сердце у него замерло.

— Где Бел Торн?

Взглядами все поручили говорить Элен Ботари-

Джезек. Дурной знак.

— Майлз, — нерешительно проговорила она, — Бел должен был вернуться раньше тебя?

— Вернуться? Бел улетел?

Она смотрела на него так, словно он сошел с ума.

— Бел улетел с тобой на «Ариэле», три дня тому назад.

Куин резко подняла голову:

— Это невозможно.

— Три дня назад мы только подлетали к Эскобару, — объяснил Майлз. Холод в его груди превращался почти в абсолютный. Он уже не чувствовал, что владеет собравшимися. Наоборот, их лица вдруг стали расплываться.

— Ты забрал с собой Зеленый отряд. На новую операцию, сказал Бел, — добавила Элен.

— Вот новая операция. — Майлз постучал по дисплею. Жуткое объяснение случившемуся начало возникать у него в уме, поднимаясь из ледяной черной дыры, образовавшейся в груди. Выражения лиц собравшихся тоже начали разделяться: меньшинство, знавшее о заварухе на Земле два года тому назад, пришло в ужас — да, они думают то же, что и он, — а остальные пришли в полное недоумение…

— И куда я направился? — осведомился Майлз. Ему показалось, что он говорит мягко, но некоторые явно содрогнулись.

— На Архипелаг Джексона.

Элен посмотрела ему прямо в глаза с таким же выражением, какое бывает у биолога, готовящегося препарировать неизвестное существо. Неожиданное недоверие…

«Архипелаг Джексона. Ну, это все».

— Бел Торн? «Ариэль»? Таура? На Архипелаге Джексона? — Майлз задохнулся. — Боже милостивый…

— Но если вы — это вы, — сказал Трузилло, — то кто был тут три дня назад?

— Если ты — это ты, — мрачно подчеркнула Элен. Те, кто был в курсе, смотрели на него так же мрачно.

— Видите ли, — объяснил Майлз той части собравшихся, которые недоумевали, — у некоторых бывают злобные близнецы. Мне повезло меньше. У меня — близнец-идиот.

— Твой клон, — сказала Элен.

— Мой брат, — механически поправил он.

— Маленький Марк Пьер, — сказала Куин. — Ах, дерьмо…

Глава 3

Тошнота подступила к горлу, стены покачнулись, в глазах потемнело. Странные ощущения п-в-перехода исчезли — как и появились — внезапно, но осталось долгое внутреннее эхо, словно после удара в гонг. Он глубоко вздохнул. Четвертый переход за время полета. «Ариэль» уже три дня в пути. До Архипелага Джексона еще пять — почти полпути.

Клон оглядел каюту Нейсмита. Дольше скрываться невозможно, ни под предлогом болезни, ни под предлогом нейсмитовской черной депрессии. Он должен во всех подробностях обсудить с Торном предстоящую операцию — налет дендарийских наемников на ясли клонов. Ну что ж, нельзя сказать, что эти три дня прошли впустую, по крайней мере он успел изучить вахтенные журналы «Ариэля» за последние два года — с момента своей первой встречи с дендарийцами.

Увы, как раз об этой самой встрече — встрече адмирала Нейсмита со своим клоном на старой Земле — в журнале почти ничего не говорилось. Зато во множестве попадались записи о реабили-

тации раненых, о переоборудовании, о сварах с поставщиками и о брифингах инженеров. И только один приказ, имевший отношение к его, клона, похождениям: после сообщения о том, что на Земле видели клона адмирала Нейсмита, следовало предупреждение, что клон может попытаться выдать себя за адмирала. Давалась ошибочная информация, что при сканировании в ногах клона видны нормальные кости. При задержании клона было приказано пользоваться только парализаторами. И все. Никаких объяснений, никаких поправок, никаких дополнительных сведений. Все доклады Нейсмита-Форкосигана высшему командованию были преимущественно устными и документально не фиксировались — все хранилось в тайне от дендарийцев. Ну что ж, а вот это как раз на пользу.

Откинувшись в кресле, он угрюмо смотрел на экран комма. В дендарийских данных его называли Марком.

«Это еще одна вещь, которую на Барраяре не выбирают, — сказал ему Майлз Нейсмит Форкосиган, — Марк Пьер. Ты — лорд Марк Пьер Форкосиган. На Барраяре титул дается с рождения».

Но он не на Барраяре и сделает все, от него за-

висящее, чтобы никогда там не оказаться.

«Ты мне не брат, и Мясник Комарры мне не отец, — в тысячный раз мысленно возразил он. — У меня нет матери. Я — из репликатора».

Но с тех пор сомнения уже не оставляли его, и он не мог больше радоваться очередному удачному псевдониму. Внушительные имена, простые имена, причудливые имена, странные, обычные, глупые… Дольше всего он прожил под именем Яна Фандермарка — первое, неуверенное приближение к осознанию себя как личности.

«Тебя зовут Марк! — кричал Майлз, когда его волокли — он тогда не сомневался — на смерть. — Марк! Слышишь?»

«Я не Марк и не брат тебе, слышишь, ты, псих!»

Он сопротивлялся горячо, отчаянно, изо всех сил, но когда эхо протеста стихло, он вдруг осознал, что он — никто. Вообще никто.

Дико разболелась голова: боль вползла по позвоночнику, через шею и растеклась под кожей.

«Не брат тебе». Но если быть абсолютно честным, Нейсмита никак нельзя обвинить в том, что он сознательно навязал своему клону жизнь. Да, разумеется, они генетически идентичны. А может, просто все дело в… в намерении? И в том,

кто платит деньги?

Во время последних судорог комаррского сопротивления, когда из какой-то клиники на Барраяре был похищен образец ткани, лорду Майлзу Нейсмиту Форкосигану едва исполнилось шесть лет. Майлз как таковой ни на Барраяре, ни на Комарре ни для кого не представлял интереса. В центре внимания находился его отец. Адмирал граф Эйрел Форкосиган, регент Барраяра, Покоритель (или Мясник) Комарры. Эйрел Форкосиган приложил все усилия, чтобы завоевать Комарру для Барраярской империи. И сделался объектом ненависти и мести Комаррского Сопротивления. Со временем надежда на успех Сопротивления угасла. Надежда отомстить, напротив, росла, питаясь горечью изгнания. Лишившись армии, оружия и какой бы то ни было поддержки, единственная группа комаррцев строила планы медленной безумной мести. Ударить по отцу через сына, которого он, как известно, обожает…

Комаррцы, как чернокнижник из легенды, заключили сделку с дьяволом и создали гомункулуса. Незаконнорожденный клон, подумал он с горькой усмешкой. Но потом все пошло не так. Майлз — калека, отравленный еще до рождения очередным смертельным врагом своего отца, раз-

вивался совершенно непредсказуемо, чего нельзя было сказать о его генетической копии… Это и стало первым ключом к разгадке, подумал он. Когда другие клоны ходили к врачам лечиться, они возвращались еще более крепкими и здоровыми и росли быстрее. Когда к врачам ходил он — а такое случалось очень часто, — после мучительных процедур он заболевал и словно прекращал расти. Скобы, которые ему накладывали на кости, на шею, на спину, превратили его в горбатого карлика — точное подобие Майлза.

«Я мог бы вырасти нормальным, не будь Майлз Форкосиган калекой».

Когда он понял, какова истинная цель создания остальных клонов — а среди детей, несмотря на все старания воспитателей, ходили самые разные слухи, — он даже втайне обрадовался своему физическому уродству. Едва ли они надумают использовать такое тело для пересадки мозга. Может, его сочтут непригодным, может, он еще избавится от любезных, улыбчивых слуг-тюремщиков…

Реальное избавление — в четырнадцать лет, когда за ним прибыли комаррские владельцы, — походило на чудо. А потом началась подготовка. Бесконечная суровая муштра, зубрежка, промы-

вание мозгов. Сначала судьба — любая судьба — казалась счастьем по сравнению с тем, что ожидало его друзей-клонов. Он упорно готовился подменить Майлза и отомстить злым барраярцам за родную Комарру (которую, надо сказать, он никогда не видел). Но обучаясь на Майлза Форкосигана, он оказался в той же ситуации, что и знаменитый заяц из парадокса Зенона, который никогда не сможет догнать черепаху. Сколько бы он ни узнавал, как бы отчаянно ни зубрил, как сурово ни наказывали его за ошибки, Майлз учился быстрее и всегда знал больше. Как только клон достигал очередной точки, его близнец вновь оказывался впереди — не важно, в интеллектуальном или в каком-либо ином плане. Это были настоящие гонки.

А потом, когда комаррцы решили осуществить подмену, начались гонки в самом прямом смысле слова. Они гонялись за неуловимым Майлзом Форкосиганом по всей Галактике, даже не подозревая, что когда исчезает лорд Майлз Форкосиган, появляется адмирал Нейсмит. Комаррцы так ничего и не узнали. И лишь случай в конце концов свел два года назад на Земле Майлза и его двойника.

Но комаррцы просчитались. Они не преду-

смотрели главного: когда вся эта безумная гонка только начиналась, клон — после психологической обработки — был всецело предан «старым революционерам» и готов на все. Разве не они спасли его от обычной судьбы клона? Восемнадцать месяцев он путешествовал, восемнадцать месяцев наблюдал, восемнадцать месяцев слушал сводки новостей без всякой цензуры. Ему даже удалось познакомиться с новыми людьми! И тогда в глубине души зародилось сомнение. И немудрено — ведь нельзя же, получив такое образование, как у Майлза Форкосигана, не научиться думать. А тут еще операция по замене его совершенно нормальных костей ног на синтетические только потому, что Форкосигану размозжило ноги. Поразительно болезненная операция. А что, если в следующий раз Форкосиган сломает себе шею? Постепенно он начал осознавать, что происходит.

Когда ему по кусочкам забивали голову лордом Форкосиганом, это тоже была пересадка мозга, пусть и без виброскальпелей. «Кто строит планы мести, должен готовить две могилы». Но комарры-то копали вторую могилу ему! Человеку, которым ему так и не позволили стать, человеку, которым он мог бы стать, если бы его электрошо-

ками не заставляли становиться кем-то другим.

Иногда он уже не знал, кого больше ненавидит: дом Бхарапутра, комаррцев или Майлза Нейсмита Форкосигана.

Фыркнув, он отключил комм и встал, чтобы вынуть из кармана мундира драгоценный куб данных. Подумав немного, он еще раз умылся и побрился, прежде чем надеть свежий мундир дендарийского офицера. Пусть дендарийцы видят только отглаженную оболочку, а не человека под ней…

Он приготовился, вышел из каюты, пересек коридор и нажал сигнал у двери капитана-гермафродита.

Никакой реакции. Он позвонил еще раз. Наконец послышался голос Торна:

— Да?

— Это Нейсмит.

— А, Майлз! Входи.

Дверь скользнула в сторону, и он вошел, только тут поняв, что причиной промедления было то, что он разбудил Торна. Тот приподнялся на локте в постели: каштановые волосы растрепаны, рука только отодвигается от ключевой пластины, открывшей дверь.

— Извините, — сказал он, попятившись, но

дверь уже закрылась.

— Ничего-ничего, все в порядке, — гермафродит сонно улыбнулся и, потянувшись, гостеприимно похлопал по кровати прямо перед своим укрытым одеялом… животом. — Для вас — в любое время. Садитесь. Хотите, разомну вам спину? Вы какой-то весь зажатый.

На Торне была явно женская ночная рубашка, вся в кружевах и оборках, с глубоким вырезом, в котором виднелась грудь.

Опасливо покосившись на Торна, клон прошел к креслу. Во взгляде Торна мелькнула насмешка. «Нейсмит» откашлялся.

«Мне следовало бы проверить расписание дежурств. Адмирал Нейсмит, наверное, знает распорядок дня своих капитанов».

— Пора, давно пора. Я рад, что вы наконец вернулись к реальности. Что вы, к дьяволу, делали там, где провели последние восемь недель, Майлз? Кто умер?

— Никто. Ну, надо полагать, восемь клонов.

— Гм… — Торн задумчиво кивнул, встряхнулся — вся его обольстительность разом исчезла — и протер глаза, словно стирая остатки сна. — Чаю?

— Естественно. Или… э-э… может, мне лучше прийти, когда вы выспитесь?

«Или когда вы оденетесь».

Капитан — весь в кружевах и оборочках — вылез из-под одеяла.

— Ну уж нет. Мне все равно через час вставать. Я давно этого жду.

Прошлепав по каюте, он приступил к ритуалу заваривания чая.

Поставив куб данных на пульт комма, клон стал ждать из вежливости и практических соображений, пока капитан первым отхлебнет горячую черную жидкость и окончательно проснется. Ну что стоило надеть мундир!

Когда Торн подошел ближе, он включил дисплей.

— У меня есть подробная голокарта главного медкомплекса дома Бхарапутра. Этим данным не больше четырех месяцев. Плюс расписание смены часовых и маршруты обходов — охрана там получше, чем в обычных больницах, скорее как в военных лабораториях, но все-таки это не крепость. Они заботятся только о том, чтобы не допустить местных с целью воровства. И конечно, чтобы никто из пациентов не сбежал.

И эти данные стоили ему почти всего состояния.

Цветокодированное изображение разверну-

лось световыми линиями и плоскостями над видеопластиной. Комплекс был огромным скоплением строений, туннелей, лечебных садов лабораторий, мини-производственных участков, посадочных площадок, гаражей… Там было даже две площадки для катеров, чтобы выходить прямо на орбиту.

Торн поставил чашку, склонился над коммпультом и с интересом всмотрелся в изображение. Взяв дистанционное управление, он покрутил карту, уменьшил ее, разбил на части.

— Значит, в первую очередь мы захватим площадки для катеров?

— Нет. Всех клонов держат здесь, в западной части комплекса: это нечто вроде хосписа. Я прикинул, если мы приземлимся вот тут, на спортплощадке, то окажемся у самых дортуаров. Естественно, меня мало волнует, что повредит катер при посадке.

— Естественно, — по лицу капитана скользнула усмешка. — Время?

— Я хочу провести операцию ночью. Не столько ради прикрытия — боевой катер нам все равно не спрятать, но потому, что только ночью все клоны находятся в доме. Днем они играют, занимаются спортом, плавают, ну и так далее.

— И учатся?

— Нет, не совсем. Они не учат их ничему сверх того, что нужно для примитивного общения. Если клон способен сосчитать до двенадцати и прочесть надпись, этого достаточно. Мозги на выброс. — Поэтому он тоже догадался, что не такой, как все. Настоящий человек-учитель познакомил его со множеством компьютерных обучающих программ. В отличие от его следующих учителей — комаррцев, программы готовы были повторять все бесконечно и никогда его не наказывали, никогда не сыпали проклятиями и не кричали, не били его и не заставляли напрягаться, пока его не рвало или он терял сознание… — Но несмотря на это, клоны подбирают удивительно много информации. Массу сведений — из игр с виртуальной реальностью. Умненькие ребятишки. Мало у кого из этих клонов были тупые родители, иначе они не накопили бы столько денег, чтобы купить себе такое продление жизни. Может, они безжалостные, но не тупые.

Торн сощурился, расчленяя карту на дисплее, разбирая здания слой за слоем, изучая планы…

— Итак, дюжина вооруженных до зубов дендарийцев в полночь выхватывает из сладкого сна пятьдесят—шестьдесят ребятишек… они знают,

что мы появимся?

— Нет. Кстати, скажите участникам операции, что с виду они совсем не похожи на детей. Мы берем их с последнего года развития. Им всем по десять-одиннадцать лет, но из-за ускоренного развития они выглядят совсем как взрослые.

— Неуклюжие?

— Нет. Они получают великолепную физическую подготовку. Здоровые как черти. В этом причина, почему их просто не держат в автоклаве до самой трансплантации.

— Они… знают? Знают, что с ними произойдет? — нахмурившись, спросил Торн.

— Им не говорят, нет. Их кормят всевозможными баснями. Говорят, что они в специальной школе из соображений безопасности, что им что-то угрожает. Что все они — принцы или принцессы, или богатые наследники, или дети военных, и в один прекрасный день, очень скоро их родители, тетки или опекуны приедут за ними и увезут к блестящему будущему… а потом в конце концов кто-то приходит и, улыбаясь, подзывает к себе и говорит, что этот прекрасный день настал, и они бегут… — Он сглотнул. — …И собирают вещи, и хвастаются…

Торн — весь бледный — машинально постуки-

вал дистанционным пультом по ладони.

— Понимаю…

— И уходят, счастливые, рука об руку со своими убийцами…

— Довольно, Майлз! Вы так живо все это рассказываете, что еще минута — и я расстанусь со вчерашним обедом.

— Ну почему же? Мне казалось, вы уже давно все это знаете, — съязвил клон. — С чего это вам вдруг стало тошно?

Он заставил себя скрыть горечь. Нейсмит. Он должен быть Нейсмитом.

Торн сверкнул глазами:

— В прошлый раз именно я готов был зажарить их с орбиты. А вы мне не позволили. Или вы забыли?

«Что еще за „прошлый раз“?» Явно не в последние три года. Проклятие, опять придется копаться в вахтенном журнале!

Он пожал плечами.

— Так, — сказал Торн. — А эти… как их… большие детишки… не решат, что мы — враги их родителей, которые вознамерились похитить их перед самым возвращением домой? По-моему, тут мы столкнемся с некоторыми трудностями.

— Может быть, и нет. У детей… есть своя соб-

ственная культура. Передается из года в год. Ходят слухи. Страшные рассказы. Сомнения. Говорю вам — они не глупые. Их взрослые надсмотрщики стараются искоренить эти истории, высмеивают их, перемешивают с другими, явно лживыми.

И все же… его они не обманули. Но ведь он прожил в яслях гораздо дольше, чем остальные. У него было время увидеть, как клоны приходят и исчезают, видеть, как повторяются истории, дублируются псевдобиографии… было время заметить, как крошечные ошибки и оговорки надсмотрщиков складываются в целое.

— Если так… — Он чуть было не сказал: «Если все так, как было при мне…», но успел остановиться. — Я смогу их убедить. Предоставьте это мне.

— С превеликим удовольствием. — Торн поставил стул вплотную к его креслу, уселся и быстро ввел кое-какие заметки о подготовке операции и плане атаки, о том, кто пойдет в атаку, а кто будет обеспечивать поддержку, наметил пути по зданиям. — Два дортуара? — с любопытством спросил он, указывая пальцем. Ногти у Торна были коротко подстрижены и не накрашены.

— Да. Мальчиков держат отдельно от девочек, довольно строго. Клиенты женщины (обычно женщины) желают получить девственное тело.

— Ясно. Так. Нам каким-то чудом удается загрузить всех этих ребятишек раньше, чем бхарапутряне успеют собрать силы для ответного удара…

— Да. Скорость имеет огромное значение.

— Как обычно. Но бхарапутряне на нас обрушатся при малейшей задержке. В отличие от мэрилаканцев на Дагуле, у вас нет нескольких недель, чтобы обучить этих ребятишек правилам посадки в катер. Так что, если…

— Как только клоны окажутся на катере, они фактически станут нашими заложниками. С ними на борту мы можем не бояться огня на поражение. Бхарапутра не станет рисковать своими инвестициями, пока у них будет надежда вернуть хоть что-то.

— Как только они решат, что надежды больше нет, они начнут активно мстить — чтобы другим неповадно было.

— Верно. Нам надо сделать так, чтобы у них оставались сомнения.

— Ну что же, если нам удастся поднять катер, они сделают все, чтобы отрезать нам пути к отступлению, то есть попытаются взорвать «Ариэль» на орбите, прежде чем мы до него доберемся.

— Скорость, — упрямо повторил он.

— Запасные варианты, милый мой Майлз. — Проснитесь. Обычно мне не приходилось по утрам прочищать вам мозги. Может, еще чаю? Нет? Я предлагаю, в случае задержки на поверхности, «Ариэлю» укрыться на Станции Фелл, а мы встретимся там.

— На Станции Фелл? Орбитальной? — Он недоумевал. — Почему?

— Ну, барон Фелл вроде бы продолжает вендетту против Бхарапутры и Риоваля, так ведь?

Внутренняя политика джексонианских домов — он знает о ней меньше, чем следовало бы. Ему даже не пришло в голову искать себе союзников среди других домов. Они все преступные, насквозь порочные и терпят друг друга или мешают друг другу в зависимости от того, что в данный момент выгоднее в борьбе за власть. И снова это упоминание о Риовале… Почему? Он отделался еще одним безмолвным движением плеч.

— Сидеть на Станции Фелл с пятьюдесятью клонами и ждать, пока Бхарапутра возьмет под контроль станции у переходов? Ничего себе выход! Никому из джексонианцев нельзя доверять. Все равно самая безопасная стратегия — убраться восвояси и как можно скорее совершить пры-

жок.

— Бхарапутра не сможет распоряжаться Переходной станцией пять — она принадлежит Феллу.

— Да, но я хочу вернуться на Эскобар. Там клоны смогут найти безопасное убежище.

— Послушайте, Майлз, переход туда принадлежит консорциуму, который контролирует Бхарапутра. Нам никогда не вернуться тем же путем, которым прилетели, если вы не приготовили еще какой-нибудь сюрприз… Нет? Тогда позвольте заметить, что лучшим способом отступления будет Переходная станция пять.

— Вы действительно видите в Фелле такого надежного союзника? — осторожно осведомился он.

— Ничуть. Но он — враг наших врагов. На этот раз.

— Но переход от Пятой ведет к Ступице Хеджена. Мы не можем переходить на цетагандийскую территорию, а второй возможный переход от Ступицы — к Комарре через Пол.

— Кружной путь, но гораздо более надежный.

«Не для меня! Это же Барраярская империя!»

— Ступица — Пол — Комарра — Зергияр и снова Эскобар, — с удовольствием перечислил Торн. —

Знаете, это действительно может получиться.

Он сделал еще кое-какие пометки. Ночная рубашка струилась и переливалась в разноцветных огоньках дисплея. Потом он поставил локти на пульт и уперся подбородком в ладони. Грудь колыхалась под тонкой тканью. Лицо его стало мягко-задумчивым. Торн взглянул на него со странной, немного печальной улыбкой.

— Клонам когда-нибудь удавалось бежать? — тихо спросил Торн.

— Нет, — ответил он, быстро и автоматически.

— Конечно, если не считать вашего собственного клона.

Опасный поворот.

— Мой клон тоже не бежал. Его просто забрали заказчики.

Ему следовало бы пытаться бежать. Какую бы жизнь он вел, если бы ему это удалось?

— Пятьдесят ребятишек, — вздохнул Торн. — Знаешь… я действительно одобряю эту операцию.

Он подождал, пристально глядя на него блестящими глазами.

Чувствуя себя ужасно неловко, «Нейсмит» справился с глупым желанием сказать «спасибо», но не нашел никаких других слов. Возникла нелов-

кая пауза.

— Наверное, — проговорил Торн после слишком затянувшегося молчания, — для кого-то, выросшего в таких условиях, должно быть, очень трудно доверять… людям. Чьему-то слову. Их благодарности.

— На… наверное.

Это просто пустой разговор или что-то гораздо более серьезное? Ловушка?

Торн, все с той же странной улыбкой, перегнулся через подлокотник его кресла, поймал его подбородок сильной изящной рукой и поцеловал его.

Он не знал — отшатнуться или ответить, поэтому не сделал ни того, ни другого, а только сидел, окосев от страха. Губы Торна были теплыми, пахли чаем и бергамотом. Неужели Нейсмит трахает… и это тоже? Если да, то как? Или по очереди?

«И будет ли это так уж плохо? — На фоне ужаса он ощутил и явное возбуждение. — Наверное, я готов был бы умереть за любящее прикосновение».

Он всегда был один.

Торн наконец отодвинулся, к его глубочайшему облегчению, но только немного, по-прежнему не

выпуская его подбородок. Еще секунда полного молчания, и гермафродит грустно улыбнулся.

— Наверное, мне не следует вас дразнить, — вздохнул он. — Если уж говорить честно, то в этом есть некая жестокость.

Он отпустил его и встал. Вся чувственная томность куда-то вдруг исчезла.

— Сейчас вернусь.

Капитан прошагал в ванную и закрыл за собой дверь.

«Нейсмит» сидел в полной растерянности. Его трясло.

«О чем он говорил?» А откуда-то из другого уголка сознания: «Спорим, ты мог бы в этом полете расстаться с девственностью». И еще из одного: «Нет! Только не с этим!»

Это была проверка? Но прошел он ее или провалился? Торн не бросил ему обвинений, не вызвал вооруженную охрану. Может, капитан как раз сейчас планирует его арест, включив в ванной наручный комм. Бежать некуда: маленький корабль находится в глубинах космоса. Он обхватил себя за плечи. Потом с усилием заставил себя разжать руки и положил их на комм-пульт, расслабившись.

«Скорее всего они меня не убьют».

Они просто вернут его к остальному флоту и предоставят Нейсмиту его убить.

Но в дверь не ворвался отряд охранников, а вскоре вернулся Торн. Щеголевато одетый в мундир — наконец-то! Он вынул куб данных из комм-устройства и сжал его в руке.

— Мы с сержантом Таурой серьезно займемся планированием.

— А, да. Пора.

Ему тяжело было выпускать этот драгоценный куб из рук. Но, похоже, в глазах Торна он все еще оставался Нейсмитом.

Торн поджал губы:

— Теперь, когда настало время брифинга отряда, вы не считаете разумным перекрыть связь «Ариэля» с флотом?

Прекрасная масль, хотя сам он не решился бы ее высказать, считая слишком подозрительной и странной. Может быть, для этих тайных операций она и не столь уж странная? У него не было точных сведений, когда настоящий Нейсмит должен вернуться к дендарийскому флоту, но, судя по тому, как спокойно его встретили наемники, адмирал ожидался вскоре. Последние три дня он жил в страхе, что вот-вот по направленному лучу придет приказ от настоящего адмирала и

«Ариэль» повернет обратно.

«Еще несколько дней. Всего несколько дней, и я все оправдаю».

— Да. Так и сделайте.

— Слушаюсь, сэр. — Торн помедлил. — Как вы себя сейчас чувствуете? Все знают, что ваши провалы в черное отчаяние могут длиться неделями. Но если только вы как следует отдохнете, я уверен, что на планетной операции вы будете в форме. Мне передать, чтобы вас не дергали?

— Я… я бы это очень оценил, Бел. — «Вот это удача!» — Но держите меня в курсе, ладно?

— О, да. Можете на меня рассчитывать. Это обычный налет — если не считать того, что придется пасти стадо ребятишек, — но тут я положусь на ваш немалый опыт.

— Правильно.

Улыбнувшись и жизнерадостно отсалютовав, он сбежал по пустынному коридору в тихую гавань своей каюты. Все тело словно пульсировало от торжества и нервной головной боли, так что казалось, будто он парит в воздухе. Когда за ним задвинулась дверь, он упал на кровать и вцепился в покрывало.

«Это действительно произойдет!»

Позже, прилежно просматривая на комме вах-

тенные журналы, он наконец нашел упоминание о предыдущем визите «Ариэля» на Архипелаг Джексона четыре года назад. Достаточно непонятные упоминания. Они начались с потрясающе скучных подробностей, касающихся договора о вооружениях, которые следовало погрузить с орбитальной пересадочной станции дома Фелл. Вдруг взволнованный голос Торна произнес: «Марко потерял адмирала. Его захватил в плен барон Риоваль. Я собираюсь заключить с Феллом отвратительное соглашение».

Потом шли записи экстренного полета боевого катера на планету, а потом «Ариэль» внезапно улетел со Станции Фелл, получив только половину груза. За этими событиями последовали удивительно интересные, но совершенно непонятные разговоры адмирала Нейсмита с баронами Риовалем и Феллом соответственно. Риоваль был вне себя и так и сыпал самыми экзотическими угрозами. Лжеадмирал встревоженно изучал искаженное яростью благообразное лицо барона. Даже в обществе, где безжалостность высоко ценится, Риоваль считался человеком, которого другие джексонианские воротилы старались не задевать. Похоже, адмирал Нейсмит на что-то нарвался.

Гнев Фелла был более сдержанным и холодным. Как всегда, вся действительно важная информация, включая причину прилета, содержалась в устных приказах Нейсмита. Но все же ему удалось выяснить удививший его факт: пятиметровая сержант Таура оказалась продуктом генетической лаборатории Бхарапутры, генинженерным прототипом суперсолдата.

Словно неожиданно встретил кого-то из родного города. Его захлестнула странная волна ностальгии, и вдруг ужасно захотелось встретиться с Таурой и удариться в воспоминания. Похоже, Нейсмит похитил ее сердце — или по крайней мере похитил ее саму, хотя, кажется, Риоваль кипел не из-за этого. Все было ужасно запутано.

Но он узнал и еще один неприятный факт. Барон Фелл планировал использовать клона. Его старый враг Риоваль мстительно подстроил убийство клона Фелла прежде, чем произошла пересадка мозга, поймав Фелла в стареющем теле, но намерение было налицо. Несмотря на запасные планы Бела Торна, он принял твердое решение не иметь дела с Феллом, если только удастся этого избежать.

Горестно вздохнув, он отключил комм-пульт и

снова принялся практиковаться с командирским шлемом: к счастью, обучающую программу изготовителя так и не стерли из памяти.

«Я все-таки это сделаю».

Глава 4

— «Ариэль» опять не ответил, сэр, — виновато доложила лейтенант Герелд.

Майлз в ярости сжал кулаки и принялся мерять шагами навигационную рубку «Триумфа».

— Третий раз… Третий? Вы отправляли сообщение после каждого скачка?

— Да, сэр.

— Третий раз — никакого ответа! Вот черт, что там с Белом?

На этот риторический вопрос лейтенант Герелд беспомощно пожала плечами.

Майлз с мрачным видом шагал от стены к стене. Проклятое время задержки! Он хотел знать, что там творится сейчас. Направленный луч связи пересекает обычное пространство со скоростью света, но единственный способ передать информацию через п-в-туннель — это записать ее и отправить с каким-нибудь кораблем. Потом, с Переходной станции ее снова транслировали — и так далее. В районах с активной связью корабли-курьеры совершали переходы раз в полчаса, а иногда и чаще. Между Эскобаром и Архипелагом

Джексона курьеры ходили строго по графику — каждые четыре часа. Итак, время задержки определялось не только пределом скорости света, но и рядом других факторов. Порой это оказывалось весьма полезным для тех, кто вел сложные финансовые игры в масштабах галактики. Или для тех, кто привык самостоятельно решать проблемы, не посвящая начальство во все подробности. Майлз и сам нередко откалывал подобные номера. Просьба разъяснить приказ, ответ, еще одна просьба о разъяснении… Пока тянулась вся эта переписка, можно было многое успеть сделать. Потому-то Майлз лично составил приказ об отзыве «Ариэля» — решительный и абсолютно однозначный. Но Бел не попытался отделаться фразой типа «Вы о чем, сэр? Я не понял». Бел не ответил вообще.

— А может, это сбой в расписании курьеров, а? Другие корабли… другие корабли на маршруте получают сообщения?

— Да, сэр. Я проверила. Информация проходит нормально по всему маршруту до Архипелага Джексона.

— Они зарегистрировали план полета к Архипелагу Джексона. Они действительно прошли тот самый п-в-туннель?

— Да, сэр.

«Четыре дня назад! Проклятие!»

Он воссоздал в памяти схему следующих переходов. На стандартном маршруте от Эскобара до Архипелага Джексона не было ни одного п-в-туннеля, который вел бы к чему-нибудь интересному. Он не мог представить себе, чтобы Бел ни с того ни с сего надумал поиграть в Бетанскую астроэкспедицию и отправился на разведку. Правда, случалось и такое, что корабль входил в п-в-туннель и больше не выходил оттуда, превратившись в облако кварков. Нет, на маршруте Эскобар — Архипелаг Джексона подобное происшествие не могло бы остаться незамеченным.

Его вынудили принять решение, и одно это уже бесило.

«Проклятие, это не входило в мои планы!»

— Ладно, Сэнди. Созывай совещание штаба. Капитана Куин, капитана Ботари-Джезек, коммодора Джезека. В конференц-зале «Триумфа» — как только все соберутся.

Услышав перечень имен, Герелд удивленно вскинула брови, но послушно потянулась к коммпульту. Все самые доверенные люди.

— Серьезное дерьмо, сэр?

Он заставил себя улыбнуться.

— Всего лишь серьезно-досадное, лейтенант.

Не совсем. Что опять задумал этот псих? Зачем ему понадобился отряд коммандос? Дюжина вооруженных до зубов дендарийских наемников — это вам не семечки. Но по сравнению с военными ресурсами, скажем, дома Бхарапутра… Достаточная сила, чтобы вляпаться в серьезные неприятности, но недостаточная, чтобы из них выпутаться… Одна мысль о том, что его люди — Господи, Таура! — слепо идут за невежественным Марком на какую-то тактическую глупость, доверчиво считая, что Марк — адмирал Нейсмит, приводила в исступление. В голове выли сирены и вспыхивали красные лампочки. Бел, ну почему ты не отвечаешь?

Майлз метался по конференц-залу «Триумфа» до тех пор, пока Куин не прорычала:

— Не будешь ли ты любезен сесть?

Куин не так тревожилась, как он: она еще не начала грызть ногти, это утешало. Майлз упал в кресло и тут же принялся отбивать ногой дробь. Один ботинок начал постукивать по полу. Куин посмотрела вниз, нахмурилась, открыла рот, закрыла и покачала головой. Он замер и постарался изобразить беззаботную улыбку. Впрочем, довольно безуспешно. В этот момент прибыл Баз

Джезек.

— Элен уже вылетела с «Перегрина», — доложил Баз, усаживаясь в свое любимое кресло и привычным движением включая интерфейс технической службы флота. — Через несколько минут будет здесь.

— Хорошо, спасибо, — кивнул Майлз.

Майлз знал Джезека почти десять лет — столько же, сколько существовал сам флот дендарийских наемников. Весь флот состоял тогда из самого Майлза, его телохранителя, дочери телохранителя, транспортного корабля, годного лишь в утиль, пилота, пребывающего в черной депресии, и совершенно авантюрной идеи — разбогатеть на контрабанде оружия. Баз Джезек — высокий, худощавый, темноволосый и очень несчастный двадцативосьмилетний мужчина — принес присягу лорду Форкосигану. Адмирала Нейсмита еще не существовало. Сейчас, десять лет спустя, Баз был все так же строен, только волосы у него слегка поседели. И еще у него появилась какая-то безмятежная, спокойная уверенность. Баз напоминал Майлзу аиста, затаившегося в камышах в поисках добычи, — та же долгая неподвижность и четко рассчитанные движения.

Вслед за Базом пришла Элен Ботари-Джезек.

Она устроилась в кресле рядом со своим мужем. Приветствие ограничилось улыбкой и быстрым рукопожатием под столом. Элен одарила улыбкой и Майлза. Во вторую очередь.

Отец Элен, покойный сержант Ботари, с самого рождения Майлза был его вассалом и личным телохранителем. Майлз и Элен росли вместе. Графиня Форкосиган заменила девочке мать. Да, Элен лучше всех знала адмирала Нейсмита, лорда Форкосигана и просто Майлза.

И пожелала выйти за База Джезека… Майлз нашел единственное утешение: думать о ней, как о сестре. Элен была почти такой же высокой, как ее муж. Ее блестящие коротко стриженные черные волосы оттеняли белизну кожи. В чуть резковатых чертах лица было что-то от сержанта Ботари, но странная генетическая алхимия превратила свинец уродства в золото красоты.

«Проклятие! Элен, я все еще люблю тебя…»

Майлз одернул себя. Теперь у него есть Куин. Во всяком случае, она есть у адмирала Нейсмита.

Как дендарийский офицер Элен была его лучшим творением. Обидчивая, застенчивая, неловкая девушка на его глазах превратилась сначала в командира отряда, потом — в офицера-штабиста и, наконец, в командира корабля.

— «Ариэль» по-прежнему не отвечает, — начал Майлз без всяких предисловий: этим людям формальности не нужны. При них он мог расслабиться и позволить адмиралу Нейсмиту и лорду Форкосигану объединиться. Он мог даже отказаться от свойственного адмиралу Нейсмиту плавного бетанского выговора и вставить в речь гортанные барраярские ругательства. А уж в том, что на на этом заседании штаба ему захочется выругаться, Майлз не сомневался. — Я хочу отправиться за ними.

Куин постучала пальцем по столу:

— Так я так и думала. А может, твой младший брат как раз на это и рассчитывает? Не исключено, что это ловушка. Помнишь, как он провел тебя в прошлый раз?

Майлз поморщился:

— Помню. У меня сразу мелькнула мысль, что это ловушка. Потому-то я и не отправился за ними еще вчера. — (Сразу же после совещания штаба в полном составе. В тот момент он готов был на братоубийство). — Допустим, поначалу Бел сам ничего не понял, а почему бы и нет? Ведь Марк сумел обмануть не только его. Но уже прошло достаточно времени, чтобы Марк совершил какую-нибудь ошибку. Следовательно, Бел должен

был бы разобраться во всем. Тогда почему «Ариэль» не вернулся в соответствии с приказом?

— Марк действительно классно тебя изображает, — заметила Куин. (Уж она-то знала это на собственном опыте.) — По крайней мере так было два года назад. Если не знать о существовании двойника, можно подумать, что это — ты, но только ты — не в форме. А внешне — просто один в один.

— Но Бел-то все знает, — вставила Элен.

— Да, — согласился Майлз. — Так что, возможно, Бел не обманулся. А может, с Белом что-то случилось?

— Марку нужен экипаж — любой экипаж, — чтобы вести корабль, — сказал Баз. — Хотя, возможно, на выходе из п-в-туннеля его поджидали свои люди.

— Если он планировал захват корабля и убийство, зачем ему тогда отряд дендарийских наемников? Чтобы они ему мешали? — Логика иногда успокаивает. Иногда. Майлз глубоко вздохнул. — Или, возможно, Бела перевербовали.

Баз удивленно поднял брови. Куин закусила ноготь на мизинце.

— Как перевербовали? — спросила Элен. — Не за деньги же. — Губы у нее изогнулись в улыбке. —

Думаешь, Бел отказался от попыток соблазнить тебя и решил удовлетвориться заменой?

— Не смешно, — отрезал Майлз. Баз подавил подозрительный смешок, вежливо откашлялся и невинно встретил его возмущенный взгляд, но не выдержал и захихикал.

— И вообще эта шутка устарела, — устало добавил Майлз. — Все зависит от того, что именно Марк намерен учинить на Архипелаге Джексона. Это… откровенное рабство, которое практикуют всевозможные джексонианские скульпторы по телам, глубоко оскорбительно прогрессивной бетанской душе Бела. Если Марк задумал вылазку против своей родной планеты, он запросто мог заручиться поддержкой Бела.

— За счет флота? — осведомился Баз.

— Это действительно… граничит с мятежом, — неохотно признал Майлз. — Я не обвиняю. Я просто прикидываю. Прокручиваю все варианты.

— А если Марк направился не на Архипелаг Джексона? — сказал Баз. Из местного джексонианского пространства уходит еще четыре п-в-туннеля.

— Физически это возможно, да, — сказал Майлз. — Психологически… Я ведь тоже изучал

Марка. И хотя не могу утверждать, что раскусил его, но знаю, что для него значит Архипелаг Джексона. Это только чувство, но очень сильное чувство.

«Вроде изжоги».

— Но как ему удалось улизнуть? — спросила Элен. — Считалось, что Имперская служба безопасности следит за ним.

— Следит. Я регулярно получаю доклады от ребят Иллиана, — подтвердил Майлз. — Согласно последнему, который я читал в штаб-квартире Службы безопасности не далее чем три недели назад, Марк находился на Земле. Все из-за этой идиотской задержки. Если он улетел, скажем, недели четыре назад, соответствующий доклад сейчас только идет с Земли на Барраяр. Спорю на сколько угодно бетанских долларов — в самое ближайшее время мы получим шифрованное сообщение, в котором нас честно предупредят, что Марк опять скрылся от наблюдения.

— Опять? — переспросила Элен. — А что, он уже скрывался?

— Дважды. Даже трижды. — Майлз замялся. — Видишь ли, время от времени я сам пытался связаться с ним. Приглашал его прилететь на Барраяр или хотя бы встретиться со мной где-ни-

будь в другом месте. Каждый раз он с перепугу менял имя и местожительство. Этому его комаррские террористы хорошо обучили. А потом люди Иллиана неделями искали его. Иллиан просил меня больше не пытаться войти с ним в контакт. — Майлз погрузился в мрачное раздумье. — Матери так хочется, чтобы он приехал, но она всегда возражала, когда Иллиан предлагал устроить похищение. Я с ней соглашался. Боюсь, я был не прав.

— А твой клон, он… — начал Баз.

— Брат, — мгновенно поправил его Майлз. — Брат. Я отвергаю термин «клон» по отношению к Марку. Я запрещаю его употреблять. «Клон» подразумевает нечто заменимое. А «брат» — это нечто уникальное. И смею тебя уверить, Марк уникален.

— Пытаясь просчитать следующие шаги… Марка, — более осторожно сказал Баз, — мы можем использовать логику? Он в здравом уме?

— Если и да, то не благодаря комаррцам. — Майлз встал и принялся расхаживать по конференц-залу, не обращая внимания на яростные взгляды Куин. — Когда мы наконец узнали о существовании Марка, Иллиан поручил своим людям выяснить о нем все, что только возможно.

Отчасти чтобы смягчить чрезвычайно неловкую ситуацию, в которую служба безопасности себя поставила, так долго не подозревая о его существовании. Я видел все их доклады. Все пытался и пытался понять Марка.

Майлз продолжал вышагивать: вдоль стены, до угла, поворот, вдоль следующей стены.

— Его жизнь в яслях для клонов дома Бхарапутра казалась не такой уж плохой: они заботятся о клиентах, но когда его забрали наши комаррские друзья, тут начался настоящий кошмар. Они готовили его на роль моего двойника, но всякий раз, как они приближались к цели, я откалывал очередной трюк, и им приходилось начинать все сначала. Они постоянно меняли и оттачивали свои планы. Заговор растянулся на много лет. А группа была маленькая, и средств у нее было мало. Их шеф, Сер Гален, по-моему, был не в своем уме.

Еще круг, и еще.

— Часть времени Гален обращался с Марком, как с надеждой и опорой комаррских революционеров, баловал его и постоянно твердил, что он, Марк, в случае успеха непременно станет императором Барраяра. Но иногда у Галена ум заходил за разум, он начинал видеть в Марке потомка

Эйрела Форкосигана и вымещал на нем всю свою ненависть. При этом самые жестокие наказания — в сущности, пытки — он называл «дисциплинарными взысканиями». Агент Иллиана узнал это от подчиненного Галена при нелегальном допросе с применением суперпентотала, так что это правда.

Еще круг, и еще.

— Например, судя по всему, у нас с Марком разный обмен. И всякий раз, когда вес Марка превышал мой, Гален, вместо того чтобы прибегнуть к медицинским средствам, по нескольку дней не кормил его, потом позволял наесться вдоволь, а потом — под угрозой электрошока — заставлял делать физические упражнения, пока Марка не рвало. Такие вот дела, очень неприятные. Похоже, Гален отличался крайней вспыльчивостью. А может, он специально пытался сделать из Марка психа. Создать императора Майлза Безумного, который вслед за Ури Безумным уничтожил бы всю верхушку Барраяра. Однажды, — рассказал тот тип, — Марк захотел погулять ночью — просто погулять ночью — и каким-то образом сумел улизнуть. Когда комаррцы его поймали, Гален совсем сбрендил, обвинил его в попытке бегства, взял электрошок и… — тут он увидел, как поблед-

нела Элен, — ...и сделал что-то отвратительное. Что никоим образом не способствовало сексуальной адаптации Марка. Это было настолько ужасно, что даже сами громилы Галена умоляли своего шефа перестать.

— Неудивительно, что он ненавидел Галена, — тихо сказала Куин.

Элен отреагировала иначе.

— Ты ничего не мог сделать. Ты тогда даже не знал о его существовании.

— Я должен был знать.

— Так. И в какой степени это чувство вины определяет ход твоих мыслей, адмирал?

— Ну, в какой-то степени, наверное, определяет, — признал Майлз. — Вот почему я вас всех сюда позвал. Я чувствовал, что мне нужен взгляд со стороны. — Он замолчал и заставил себя сесть. — Но не только поэтому. Пока на нас не свалилась вся эта заваруха с «Ариэлем», я готовился дать вам сведения о новой операции.

— Ага! — удовлетворенно протянул Баз. — Наконец-то!

— Новый контракт. — Несмотря на все неприятности, Майлз улыбнулся. — Пока в дело не вмешался Марк, я считал, что тут ничего непредвиденного случиться не может. Просто оплачен-

ный отпуск.

— То есть как это, вообще никаких боевых действий? — шутливо возмутилась Элен. — А я-то считала, что ты именно за такие штучки презирал адмирала Оссера!

— Я изменился. — Как всегда, при упоминании об Оссере у него на мгновение сжалось сердце. — С годами его методы кажутся мне все более привлекательными. Старею, наверное.

— А может, взрослеешь, — предположила Элен. Они обменялись взглядами.

— Короче, — продолжил Майлз, — высшее командование Барраяра желает предоставить некоей независимой космической пересадочной станции более мощное и современное вооружение, чем то, какое у них есть на данный момент. То, что станция Вега находится непосредственно у границ Цетагандийской империи, естественно, не случайность. Однако вышеупомянутая станция расположена очень неудобно. Куин, карту, пожалуйста.

Куин включила трехмерное голографическое изображение. П-в-туннели, обозначенные сверкающими ломаными линиями, соединяли размытые сферы обычного пространства.

— Из трех п-в-туннелей, которые контролирует

Вега, один ведет в Цетагандийскую империю через сатрапию Ола Три, один блокирован Тораниро, которая выступает то с цетагандийцами, то против них, а третий принадлежит Сумеркам Зоава, политически нейтральным по отношению к Цетаганде, но опасающимся своего большого соседа. — Пока он говорил, Куин высвечивала каждую систему. — Весь импорт тяжелого вооружения и защиты космического базирования на станцию Вега блокирован со стороны Олы Три и Тораниры. Сумерки Зоава под давлением Цетаганды тоже присоединились к эмбарго на вооружение.

— А при чем тут мы? — поинтересовался Баз.

— А при том. Мы контрабандой доставляем вьючных лошадей.

— Что? — переспросил Баз, но Элен поняла намек и усмехнулась.

— Ты никогда не слышал эту историю? Из прошлого Барраяра? Вот она. Граф Зелиг Форкосиган воевал с лордом Форвином из Хейзелбрайта во время Первого кровавого столетия. Город Форкосиган-Вашнуй был осажден. Дважды в неделю патрули лорда Форвина останавливали странного полубезумного типа с караваном вьючных лошадей и обыскивали вьюки в поисках кон-

трабанды: еды или припасов. Но вьюки всегда были наполнены мусором. Они рылись в мусоре, вытряхивали его — а этот сумасшедший всегда все тщательно собирал, — потом трясли и обыскивали его самого и в конце концов отпускали. После войны пограничник Форвина встретил вассала графа Зелига, уже вполне нормального, в каком-то питейном заведении. «Что ты провозил? — спросил он недоуменно. — Мы знаем, что ты что-то провозил, но что?» А вассал графа Зелига ответил: «Лошадей».

Так вот, мы должны контрабандой провезти корабли. А именно «Триумф», «Д-16» и «Ариэль», которые принадлежат самому флоту. Мы входим в пространство станции Вега через Тораниру, якобы направляясь к Иллирии. Куда мы действительно направимся. Мы улетим через Зоав, по-прежнему со всеми людьми, но оставив три устаревших корабля. Потом мы летим дальше, к Иллирии, и получаем три новеньких боевых корабля, которые как раз сейчас достраиваются в иллирийских орбитальных доках. Подарок к Зимнепразднику от императора Грегора.

Баз только моргнул:

— И это получится?

— А почему бы и нет? Предварительная под-

готовка: разрешения, визы, взятки и все такое — возложена на местных агентов службы безопасности. Нам надо только пролететь, никого не потревожив. Войны нет, ни одного выстрела никто не сделает. Единственная проблема в том, что треть моего товара только что отбыла к Архипелагу Джексона, — договорил Майлз, недовольно хмыкнув.

— И сколько у нас времени, чтобы его вернуть? — спросила Элен.

— Мало. Сроки, которые нам дала Имперская служба безопасности, гибкие, но эта гибкость подразумевает дни, а не недели. Флот должен улететь с Эскобара до конца недели. Первоначально я планировал вылет на завтра.

— Так мы летим без «Ариэля»? — поинтересовался Баз.

— Придется. Но не с пустыми руками. У меня есть идея. Куин, передай иллирийские спецификации Базу.

Куин наклонилась над своим коммом и перевела шифрованные данные на комм База. Инженер начал просматривать рекламные материалы, описания, спецификации и планы иллирийских кораблестроителей. Его лицо неожиданно осветилось улыбкой.

— В этот Зимнепраздник Дед Мороз очень щедр, — пробормотал он.

При виде данных относительно силовых установок он открыл рот и принялся жадно изучать все.

Майлз позволил Базу понаслаждаться еще несколько минут.

— Итак, — сказал он, когда смущенный Баз наконец опомнился. — Следующий после «Ариэля» по скорости и огневой мощи — «Партизан» Трузилло. — К сожалению, Трузилло был капитаном-владельцем, и у него с дендарийцами существовало отдельное соглашение. — Как ты считаешь, его удастся уговорить на обмен? Новый корабль будет быстрее и современнее, но хотя он определенно лучше «Ариэля» по вооружению, по сравнению с «Партизаном» в этом плане он несколько проигрывает. Когда мы планировали эту операцию, я думал, что мы выиграем, а не останемся при своих.

Элен приподняла бровь и улыбнулась.

— Так это твой сценарий, да?

Он пожал плечами:

— Иллиан попросил меня решить проблему эмбарго на вооружения. И принял мое решение.

— О, — пробормотал Баз, снова погрузившийся

в изучение данных. — Пусть только Трузилло увидит вот это… И это… и…

— Так ты считаешь, что тебе удастся его убедить? — спросил Майлз.

— Да, — уверенно ответил Баз, отрываясь от дисплея. — И тебе бы удалось.

— Только я направляюсь в противоположном направлении. Хотя если все пойдет хорошо, то не исключено, что я вас еще нагоню. Я поручаю эту операцию тебе, Баз. Куин передаст тебе все подробности, шифры и данные по агентам — все, что мне сообщил Иллиан.

Баз кивнул:

— Слушаюсь, сэр.

— Я беру «Перегрин» и отправляюсь за Марком, — добавил Майлз.

Баз с Элен только обменялись взглядами.

— Слушаюсь, сэр, — почти без паузы откликнулась Элен. — Я вчера перевела «Перегрин» с суточной на часовую готовность. На какое время мне согласовать наш отлет с эскобарским центром управления?

— Через час. — И хотя никто не потребовал объяснений, он добавил: — «Перегрин» — наш третий по скорости корабль, у которого есть неплохое вооружение, после «Партизана» и са-

мого «Ариэля». Мне кажется, скорость сейчас имеет огромное значение. Если удастся догнать «Ариэль»... Ну, гораздо легче предотвратить заваруху, чем потом расхлебывать последствия. Сейчас я уже жалею, что не улетел вчера, я решил предоставить событиям идти своим чередом, по крайней мере какое-то время. Куин полетит со мной, потому что у нее есть бесценный опыт сбора информации на Архипелаге Джексона.

Куин пожала плечами:

— Дом Бхарапутра чертовски опасен, если Марк направляется именно туда. У них огромные средства, влияние и долгая память на обиды.

— А ты думала почему я избегаю появляться там? Существует опасность, что некоторые джексонианцы примут Марка за адмирала Нейсмита. Например, барон Риоваль.

Да, барон Риоваль по-прежнему очень опасен. Всего три месяца назад дендарийцы расправились с очередным искателем приключений, который пытался получить награду, назначенную Риовалем за скальп адмирала Нейсмита. На данный момент это уже четвертый. Похоже, скоро это станет традицией. Может, Риоваль отправлял агента в каждую годовщину их встречи как памятный дар. У Риоваля не столь уж

большое влияние и длинные руки, но он прошел процедуру продления жизни, и теперь может позволить себе не торопиться. Спешить ему некуда. Времени у него много — очень много.

— А ты не рассматривал еще один вариант решения? — медленно проговорила Куин. — Отправь курьера на Архипелаг Джексона и предупреди их. Пусть, например, дом Фелл арестует Марка и задержит «Ариэль», пока ты за ними не прибудешь. Фелл достаточно сильно ненавидит Риоваля и может защитить Марка только для того, чтобы досадить своему врагу.

Майлз вздохнул:

— Я об этом думал.

Он кончиком пальца выводил какой-то непонятный узор на крышке стола.

— Ты просил, чтобы мы тебя проконтролировали, Майлз, — напомнила ему Элен. — Чем плоха эта идея?

— Она могла бы сработать. Но если Марк действительно убедил Бела, что он — это я, они могут оказать сопротивление при аресте. У Марка на Архипелаг Джексона параноидальная реакция. Да он вообще параноик, черт возьми! Я не знаю, что он выкинет в панике.

— Ты весьма трепетно относишься к чувствам

Марка, — сказала Элен.

— Я пытаюсь добиться того, чтобы он мне доверял. И этот процесс никак нельзя начать с предательства.

— А ты прикинул, во что обойдется эта небольшая прогулка, когда счет ляжет на стол Саймону Иллиану? — осведомилась Куин.

— Служба безопасности заплатит. Не колеблясь.

Куин переспросила:

— Ты уверен? Какое дело Безопасности до Марка теперь, когда он всего лишь осколок неудавшегося заговора? Барраяр может больше не опасаться, что тебя тайно подменят. Я считала, что они следят за ним исключительно из вежливости.

Майлз ответил, тщательно подбирая слова:

— Задача Имперской службы безопасности — охранять Барраярскую империю. Это включает не только охрану лично Грегора и необходимый шпионаж на галактическом уровне, — взмах руки обозначил дендарийских наемников и широкую, хоть и сильно растянутую сеть иллиановских агентов, военных атташе и осведомителей, — но и наблюдение за непосредственными наследниками Грегора. Наблюдение не только для того, чтобы охранять их, но и в целях защиты Империи

от заговоров. Я остро ощущаю, что вопрос о том, кто именно сейчас является наследником Грегора, очень щекотлив. Как бы мне хотелось, чтобы он женился и мы смогли бы наконец вздохнуть спокойно! — Майлз долго медлил. — Согласно одной версии, права лорда Марка Пьера Форкосигана на барраярский престол уступают только моим. Поэтому службе безопасности не только есть до него дело, но он — одно из важнейших их дел. Преследование «Ариэля» вполне оправданно.

— Может быть оправдано, — сухо уточнила Куин.

— Как угодно.

— Если Барраяр — как ты не раз утверждал — не примет тебя в качестве императора из-за подозрения в мутации, то, на мой взгляд, всех просто кондрашка хватит от одного только предположения, что в императорском дворце может устроиться твой клон, — сказал Баз. — Брат-близнец, — поспешно поправился он, увидев, что Майлз уже открывает рот.

— Для того чтобы возможность попытки захвата власти привлекла внимание Службы безопасности, такая попытка вовсе не должна иметь высокую вероятность, — фыркнул Май-

лз. — Смех! Комаррцы рассматривали своего поддельного Майлза как самозванца. По-моему, ни они, ни Марк не догадывались, что создали настоящего претендента. Ну, конечно, все равно надо, чтобы сначала умер я, так что, с моей точки зрения, этот вопрос не так важен. — Постучав по столу, он встал. — Ну, вперед, друзья.

Направляясь к двери, Элен спросила его, понизив голос:

— Майлз… А твоя мать видела те ужасные результаты расследования Иллиана относительно Марка?

Он мрачно улыбнулся:

— А кто, по-твоему, их заказал?

Глава 5

Он начал надевать полуброню. Сначала на тело ложилось изделие новейшей технологии: защитная нейробластерная сеть. Сеть, вырабатывающая поле, была вплетена в ткань облегающего костюма с капюшоном, который защищал голову, шею и лоб. Из отверстия выглядывали только глаза, нос и рот. Угроза одного из самых страшных для человека видов оружия превращалась в ничто. Вдобавок этот костюм останавливал и огонь парализаторов. Как это по-нейсмитовски иметь все самое новое и лучшее и изготовленное по заказу точно на него… Неужели этот эластик и должен быть таким тугим?

Поверх сетевого костюма надевалась гибкая броня, которая остановит любой снаряд, начиная от небольших ручных ракет и кончая смертоносными иглами. К счастью, он все же смог в нем дышать: застежки были регулируемыми. Он распустил их до упора. Так что бесценная защита всего лишь удобно облегала тело. Поверх был надет серый полевой камуфляж, слава Богу, просторный, изготовленный из ткани, рассчи-

танной на боевые условия, которая не горит и не плавится. Потом — ремни и патронташи с парализатором, нейробластером, плазмотроном, аккумуляторами, альпинистской рулеткой и ремнями, кислородом на всякий случай. На плечи он надевал ремни с поместившимся за спиной плоским устройством, которое при первом же прикосновении вражеского огня создавало зеркальное противоплазменное поле — с такой крошечной задержкой во времени, что даже не очень успеешь поджариться. Его хватало на то, чтобы поглотить от тридцати до сорока прямых попаданий, потом устройству, а заодно и его владельцу, приходил конец. Право же, название «полуброня» казалось неподходящим: скорее это была тройная броня.

На облегавшую ноги нейробластерную сеть он натянул толстые носки, а поверх них — боевые ботинки Нейсмита. По крайней мере хоть ботинки подошли без всяких неприятных подгонок. Всего неделя бездеятельности — и уже растолстел… Нейсмит просто патологически мало ест, вот и все. Патологически мало питающийся и гиперактивный тип. Он выпрямился. Правильно надетое грозное вооружение оказалось удивительно легким.

На столике у комм-пульта дожидался командирский шлем. Он взял шлем в руки и поднес к свету, жадно вглядываясь в изящные линии. Его руки могут управлять лишь одним оружием, максимум двумя. Эта вещь, через людей, которыми она командует, управляет десятками. А может управлять и сотнями и даже тысячами. В этом настоящая сила Нейсмита.

Прозвучал дверной сигнал. Он подпрыгнул, чуть не выронив шлем. Шлем можно было шмякнуть об стену — и с ним все равно ничего бы не случилось, но он почему-то осторожно положил его на место.

— Майлз? — прозвучал в селекторе голос капитана Торна. — Вы уже готовы?

— Да, входите.

Он прикоснулся к пластине, открывая дверь.

Вошел Торн, одетый так же, как он, но сдвинув капюшон с головы. Мешковатая полевая форма превратила Торна из гермафродита в бесполое существо — солдата. У Торна под мышкой тоже был командирский шлем, чуть более старый, другой модели.

Торн обошел вокруг него, взглядом проверив все оружие и показания противоплазменного устройства.

— Хорошо.

Что, Торн всегда проверяет адмирала Нейсмита перед сражением? Может, у Нейсмита привычка идти на бой, не застегнув ботинки или забыв еще что-нибудь? Торн кивнул в сторону командирского шлема:

— Вот это машина! Уверены, что сможете с ней справиться?

Шлем казался новым, но не настолько. Он сомневался, чтобы Нейсмит брал в свое личное пользование списанное вооружение и оборудование, какую бы экономию он ни наводил в своем флоте.

— А почему бы нет? — Он пожал плечами. — Не впервой.

— Эти штуки, — тут Торн поднял свой собственный, — поначалу просто пугают. Это не поток данных, а буквально целое наводнение. Надо научиться игнорировать все лишнее, а иначе лучше просто отключить шлем. Вот вы, — помедлил Торн, — как и старина Танг, обладаете удивительной способностью вроде бы игнорировать все — и в то же время выдергивать и мгновенно вспоминать нужные сведения. Можно подумать, у вас ум работает сразу на двух уровнях. Когда вас захватывает бой, ваша командная реакция про-

сто потрясающе быстрая. Это ужасно затягивает. Люди, которые с вами работают, ожидают этого… и рассчитывают на вас.

Торн замолчал.

«Чего он от меня ждет?» Он снова пожал плечами:

— Я сделаю, что смогу.

— Знаете, если вы все еще плохо себя чувствуете, можете поручить всю операцию мне.

— Я что, так плохо выгляжу?

— Вы на себя не похожи.

Торн казался напряженным, почти настаивал.

— Я в полном порядке, Бел. Отстань!

— Слушаюсь, сэр. — Торн вздохнул.

— Все готово?

— Катер заправлен и вооружен. Зеленый отряд готов и сейчас ведет погрузку. Мы рассчитали все так, что выйдем на парковочную орбиту в полночь и спустимся к главному медицинскому комплексу Бхарапутры. Садимся сразу же, не ожидая, когда нам начнут задавать вопросы. Наносим удар и бежим. Если все пойдет по плану, то операция продлится всего час.

— Хорошо. — У него учащенно забилось сердце. Он постарался превратить глубокий вздох в растянутый выдох. — Пошли.

— Давайте… сначала проверим связь в шлемах, а? — предложил Торн.

Это была хорошая мысль — сделать это здесь, в тишине каюты, а не в возбужденном шуме катера.

— Хорошо, — сказал он и хитровато добавил: — Можете не торопиться.

В командирском шлеме работало более ста каналов — даже для такой небольшой операции. Вдобавок к прямой аудиосвязи с «Ариэлем», Торном и с каждым бойцом были еще боевые компьютеры на корабле, в катере и в самом шлеме. Была всевозможная телеметрия, учет зарядов оружия, новые данные по снабжению. На шлемах всех бойцов были передающие устройства, так что он мог видеть все, что видят они в инфракрасном, световом и ультрафиолетовом диапазонах, а также полный звук, показания медприборов и голографические карты. Голографический план яслей клонов был введен специальной программой, а также основной план операции и несколько запасных вариантов. Существовали каналы, которые будут использованы для подслушивания телеметрии противника. Торн уже подключил комм-связь охранников Бхарапутры. Они могли принимать даже коммерческие

развлекательные радиопередачи с планеты, к которой подлетали. Когда они переключались через эти каналы, воздух на мгновение наполнялся резковатой музыкой.

Они закончили, и он обнаружил, что они с Торном смотрят друг на друга в неловком молчании. Лицо у Торна осунулось и выражало тревогу, словно он старался справиться с каким-то скрытым чувством. Вины? Какая странная мысль… Не может быть. Торн не мог его раскусить, иначе он положил бы конец всей операции.

— Мандраж, Бел? — непринужденно спросил он. — А я считал, что вы любите свою работу.

Торн вздрогнул и, глубоко вздохнув, вышел из напряженной задумчивости.

— Ага, люблю. Ну, пошли.

— Пошли! — согласился он и прошел вперед, наконец-то выбравшись из своей одинокой каюты-берлоги в освещенный коридор и наполненную людьми реальность, которую создали его действия — именно его действия.

Коридор перед люком боевого катера напоминал уже виденную им картину, только прокрученную в обратном направлении: огромные дендарийские боевики уходили, а не заваливались внутрь. На этот раз они казались притихшими,

меньше дурачились и шутили. Более деловая обстановка. И у них к тому же были имена, занесенные в данные его командирского шлема, что поможет не запутаться. На всех были полуброня и шлем и, помимо ручного оружия, каждый тащил тяжелое вооружение.

Теперь, когда он знал историю чудовищного сержанта, он обнаружил, что смотрит на нее другими глазами. Вахтенный журнал сказал, что ей всего девятнадцать, хоть она и казалась старше. Четыре года назад, когда Нейсмит похитил ее у дома Риоваль, Тауре было всего шестнадцать. Он прищурился, стараясь представить ее ребенком. Его забрали отсюда в четырнадцать лет, восемь лет назад. Они с Таурой одновременно находились в доме Бхарапутра, хоть никогда и не встречались. Исследовательские лаборатории генной инженерии находились в другом городе. Дом Бхарапутра был огромной организацией, по странным джексонианским меркам — почти небольшим правительством. Если не считать того, что на Архипелаге Джексона правительств вообще не существовало.

Восемь лет…

«Сейчас уже не осталось в живых никого, кого ты знал. Ты ведь это понимаешь, правда?»

«Если я не могу сделать то, что хочу, я сделаю то, что могу».

Он шагнул к Тауре.

— Сержант Таура… — Она обернулась и брови «Нейсмита» изумленно поползли вверх. — Что это у вас на шее?

По правде говоря, он прекрасно видел, что это: большой пышный розовый бант. Надо полагать, на самом деле вопрос заключался в том, почему он повязан у нее на шее?

Она… улыбнулась (видимо, эта отвратительная гримаса должна была означать именно улыбку) и расправила бант огромной когтистой рукой. Сегодня лак на ее когтях был ярко-розовым.

— Как вы считаете, это поможет? Я хотела придумать что-то, чтобы не испугать ребятишек.

Он скользнул взглядом вверх по трем метрам полуброни, камуфляжа, ботинок, патронташей, мускулов и клыков.

«Почему-то мне кажется, что этого будет недостаточно, сержант…»

— Конечно, стоит попробовать, — выдавил он с трудом. Значит, она все-таки сознает, какая у нее странная внешность…

«Идиот! Еще бы ей не сознавать. А ты сам-то что, не понимаешь, какая у тебя странная внеш-

ность?!»

Теперь он уже почти жалел, что не отважился выйти из своей каюты во время полета и не познакомился с ней.

«Девочка с моей родины».

— Что вы чувствуете, возвращаясь обратно? — вдруг спросил он. Неопределенный кивок должен был означать приближающуюся посадочную зону дома Бхарапутра.

— Что-то странное, — призналась она, сдвигая густые брови.

— Вам знакома эта посадочная площадка? Вы тут когда-нибудь были?

— В этом медкомплексе — нет. Я почти не выходила из генлабораторий, не считая двух лет, когда жила у наемных приемных родителей. Но это было в том же городе. — Таура повернула голову, понизила голос чуть ли не на октаву и рявкнула приказ о погрузке оборудования своему подчиненному, который тут же поспешил его выполнять. Она снова повернулась к нему, и ее голос зазвучал мягко, но нарочито небрежно. Находясь при исполнении служебных обязанностей, она больше ничем не выдала неподобающую близость: похоже, они с Нейсмитом были осторожными любовниками — если вообще были

любовниками. Эта сдержанность его успокоила. — Я мало выходила.

Он тоже понизил голос:

— Вы их ненавидите?

«Так, как я?» Совсем другой вопрос, но тоже очень интимный.

Она задумчиво усмехнулась.

— Наверное… Пока я росла, они меня ужасно донимали, но в то время я не воспринимала это как плохое обращение. Конечно, все это неприятные тесты, но это все было для науки… Они не хотели специально причинить мне боль. Да мне и не было по-настоящему больно, пока они не продали меня Риовалю, после отмены проекта «Суперсолдат». То, что хотел со мной сделать Риоваль, было ужасно, но такова уж природа Риоваля. А вот Бхарапутре… Бхарапутре не было до меня дела. Это меня оттолкнуло. Это было больно. Но когда появились вы… — у нее просветлело лицо, — как рыцарь-избавитель в блистающей броне, и все такое прочее.

Его снова захлестнула волна возмущения.

«Пошел бы этот рыцарь в сверкающей броне куда подальше вместе со своей лошадью!»

И еще он подумал: «Я тоже могу спасать других!»

К счастью, Таура смотрела в сторону и не заметила отблески гнева в его глазах. Или, может, решила, что это гнев на ее мучителей.

— Но как бы то ни было, — пробормотала она, — меня даже не существовало бы, если бы не дом Бхарапутра. Они меня создали. Я живу насколько хватит моей жизни. Платить ли мне смертью за жизнь?

Ее странное искаженное лицо стало задумчивым.

Он слишком поздно осознал, что коммандос перед боевым заданием должен быть настроен несколько более боевито.

— Не обязательно. Мы должны спасти клонов, а не убивать служащих Бхарапутры. Мы убиваем только тогда, когда приходится, а?

Это оказалось удачным нейсмитством: Таура подняла голову и улыбнулась ему.

— Я так рада, что вам лучше. Я ужасно беспокоилась. Я хотела к вам зайти, но капитан Торн не позволял.

Ее глаза стали теплыми, как желтое пламя.

— Да, я был… очень нездоров. Торн поступил правильно. Но… может, мы сможем поговорить на обратном пути.

Когда все будет позади. Когда он завоюет пра-

во…

Завоюет право на что?

— Заметано, адмирал. — Она подмигнула (о, Боже!) и выпрямилась, яростно радостная. «Что я ей пообещал?» И снова став образцовым сержантом, принялась присматривать за своим отрядом.

Он прошел следом за ней в боевой катер. Здесь освещение менее яркое, воздух холоднее и, конечно, никакой силы тяжести. Он плыл от захвата к захвату следом за капитаном Торном, мысленно прикидывая, как разместит свой груз. От двенадцати до четырнадцати рядов ребятишек, усаженных по четыре в ряд… Места предостаточно. Катер был рассчитан на перевозку двух отрядов плюс бронированные платформы или полевой госпиталь. В конце располагался пункт первой помощи и переносная криокамера на случай крайних ситуаций. Все оборудование сейчас закрепляли спокойно движущиеся люди в сером, без суеты и лишних разговоров. Для всего есть место — и все находятся на своем месте.

Пилот катера уже сидел в своем кресле. Торн занял место второго пилота. «Нейсмит» занял место связиста прямо за ними. Из фонаря были видны далекие резко очерченные звезды, ближе — мигающие огни, говорившие о человеческой

деятельности, а на самом краю обзора находился яркий выгнутый край планеты. Почти дома. Его начало подташнивать — и не только от невесомости. Голову под шлемом сжало тугим обручем боли.

Пилот включил свой комм:

— Пересчитайте-ка мне всех, Таура. У нас пятиминутный разгон, чтобы скорости совпали, а потом мы падаем.

Через несколько секунд сержант Таура ответила:

— Порядок. Все бойцы пристегнуты, люк загерметизирован. Мы готовы. Давай — повторяю — давай.

Торн оглянулся и ткнул пальцем. Клон поспешно пристегнул ремни — еле успел. Ремни сильно врезались в тело, и его начало швырять из стороны в сторону, пока «Ариэль», сотрясаясь, выходил на парковочную орбиту. Такие эффекты ускорения в большом корабле нейтрализуются искусственной гравитацией.

«Когда они говорят „падаем“, — пронеслось у него в голове, — они ничуть не преувеличивают».

Впереди, через фонарь, было видно, как тошнотворно поворачиваются планета и звезды.

Он закрыл глаза. Желудок у него пытался вскарабкаться вверх к пищеводу. Он вдруг осознал скрытое преимущество полной космической брони. Если вдруг обделаешься от ужаса, об этом позаботится сансистема костюма и никто ничего не узнает.

За оболочкой корабля начал свистеть воздух: они вошли в ионосферу. Ремни пытались разрезать его на ломтики, как вареное яйцо.

— Весело, а? — заорал Торн, ухмыляясь, как сумасшедший. Его лицо искривилось, губы обвисли от торможения. Они летели прямо вниз — по крайней мере туда был направлен нос корабля, хотя кресло пыталось катапультировать его прямо в потолок, сломав шею и расплющив череп.

— Очень надеюсь, что у нас на пути ничего не окажется! — весело крикнул пилот. — Это ведь не согласовано ни с одним диспетчером полетов, знаете ли!

Он представил себе воздушное столкновение с большим коммерческим пассажирским катером… Пять тысяч мужчин и женщин на борту… Громадные желто-черные взрывы, разлетающиеся тела…

Они перешли через терминатор в сумерки. Потом наступила темнота, проносящиеся мимо

облака… Тучи… Катер вибрировал и завывал, как одуревшая туба… И он готов был поклясться, что катер по-прежнему несется вертикально вниз, хотя и не мог понять, как пилоту удается ориентироваться в этом орущем тумане.

А потом вдруг они полетели горизонтально, как атмосферный катер: облака наверху, огни города, словно драгоценные камни, рассыпавшиеся по ковру… Катер камнем падал вниз. У него начал сжиматься позвоночник, все сильнее и сильнее. Новый отвратительный скрежет — это выпущены шасси катера. Внизу возникли полуосвещенные здания. Темная спортплощадка…

«О, черт, — вот оно, началось!» Здания вдруг оказались вокруг них, над ними. Удар, хруст гравия… Надежная посадка на все шесть опор. Тишина оглушила его.

— Прекрасно, пошли! — Торн вскочил с кресла, раскрасневшийся, с глазами, горевшими то ли жаждой крови, то ли страхом, то ли и тем и другим одновременно — трудно сказать.

«Нейсмит» протопал по трапу вниз следом за дюжиной дендарийцев. Его глаза уже наполовину привыкли к темноте, а вокруг комплекса горело достаточно огней, рассеивающих туман в прохладном воздухе, так что он мог видеть,

хотя цвета и не воспринимались. Тени казались черными и угрожающими. Сержант Таура знаками разделила своих людей. Никто не шумел. Молчаливые лица освещались короткими отрывистыми вспышками света, когда шлемы выдавали какие-то данные. Одна дендарийка с дополнительными скопами на шлеме выкатила одноместный воздушный мотоцикл, села на него и бесшумно поднялась. Прикрытие с воздуха.

Пилот остался в катере, и Таура отсчитала еще четырех дендарийцев. Двое растворились в темноте, еще двое остались с катером как арьергард. Они с Торном об этом спорили. Торн хотел усилить охрану. Чутье говорило ему, что им в яслях понадобится как можно больше бойцов. Гражданские охранники госпиталя особой опасности не представляли, а войска появятся не сразу. К тому времени дендарийцы уже исчезнут — если смогут достаточно быстро погрузить клонов. Задним числом он проклинал себя, что на Эскобаре не потребовал два отряда коммандос. Ему совсем нетрудно было бы это сделать, но он сомневался, поместятся ли они в «Ариэле», и считал, что экономит жизнеобеспечение для обратного перелета. Столько всего надо учесть!

Шлем окружал его разноцветным ворохом

шифров, чисел, графиков… Он пытался изучать их все, но данные мелькали слишком быстро: не успевал он рассмотреть и расшифровать одни, как появлялись следующие. Он последовал совету Торна и шепотом уменьшил яркость до минимума. Слуховые каналы шлема мешали меньше: никто не болтал попусту.

Он, Торн и семь дендарийцев побежали за Таурой (она просто шагала) между двумя зданиями. Переключив канал шлема на частоту охраны, он обнаружил, что охранники Бхарапутры зашевелились.

Первая реакция была вполне обычной: «Какого дьявола? Ты слышал? Джо, проверь четвертый сектор!»

Он был уверен, что на этом дело не кончится, хотя и не собирался ждать, что будет дальше.

За угол. Так. Трехэтажное красивое белое здание — множество растений и уютных уголков вокруг, большие окна, балконы. Надпись на фронтоне «Дом Жизни» была достаточно двусмысленной — вполне в духе местных традиций.

«Дом смерти. Мой милый старый дом».

Все здесь было до боли знакомым — и до боли чужим. Когда-то этот дом казался ему просто роскошным. Теперь… гораздо меньше, чем он

помнил.

Таура подняла плазмотрон, включила широкий луч и убрала запертые стеклянные двери, растекшиеся оранжевыми, белыми и голубыми струями. Дендарийцы проскочили внутрь, рассыпавшись направо и налево. Один остался охранять дверь. Сработали сигналы тревоги: проходя, дендарийцы сбивали шумные громкоговорители навскидку, но установки в глубине здания продолжали приглушенно шуметь. Автоматические огнетушители развозили у них на пути воду и пену.

Он побежал вперед. Охранник в форме дома Бхарапутра — коричневой с розовым — выскочил в коридор. Три дендарийских парализатора одновременно уложили его.

Таура с двумя дендарийками отправилась по лифтовой шахте на третий этаж. «Нейсмит» провел Торна и остальных дендарийцев на второй этаж, а оттуда — налево. Двое безоружных мужчин и женщина в ночной рубашке были обезврежены мгновенно. Так. Теперь к той двустворчатой двери. Дверь заперта. Кто-то стучится изнутри.

— Мы сейчас откроем двери, — прокричал Торн. — Отойдите, а то вам достанется!

Стук прекратился. Торн кивнул. Один из дендарийцев переключил плазменную дугу на узкий луч и перерезал металлическую задвижку. Ударом ноги Торн распахнул двери.

Светловолосый молодой человек, отступив на шаг, озадаченно уставился на Торна:

— Вы не пожарные.

Толпа мужчин, а точнее, высоких мальчишек, теснилась в коридоре. Ему не было нужды напоминать себе, что это — десятилетние ребятишки, но он не знал, как их воспринимают дендарийцы. Здесь были люди всевозможного роста, сложения и расы — куда более пестрая компания, чем греческие боги, которых можно было ожидать в таком идиллическом окружении. Но каждый светился здоровьем насколько позволяла наследственность. На всех были одинаковые пижамы: бронзово-коричневые курточки и шорты.

— Иди, — прошипел Торн, подталкивая его. — Говори.

— Пересчитай присутствующих.

— Ладно.

Он тысячи раз мысленно репетировал эту речь, проигрывая все возможные варианты. Единственное, в чем он был уверен, так это в том, что не начнет словами «Я — Майлз Нейсмит». У него

отчаянно колотилось сердце. Он набрал воздуха.

— Мы — дендарийские наемники. Мы пришли спасти вас.

На лице мальчугана отразилась смесь презрения, отвращения и страха.

— Ты похож на гриб, — недоуменно сказал он.

Это было настолько… настолько не по сценарию. Из тысячи заранее подготовленных фраз ни одна не была рассчитана на такое. Со своим командирским шлемом он, наверное, и в самом деле слегка походил на большой серый гриб. Да, образ далеко не героический.

Он сорвал с себя шлем, скинул капюшон и оскалился… Парнишка отшатнулся.

— Слушайте меня, вы, клоны! — заорал он. — Тайна, которую вам повторяли шепотом, — правда! Каждый из вас ожидает своей очереди под ножом хирурга дома Бхарапутра. Они засунут вам в череп чужие мозги, а ваши выбросят на помойку. Вот куда один за другим уходили ваши друзья — на смерть. Мы увезем вас на Эскобар, где вам предоставят убежище…

С самого начала в коридоре собрались не все мальчишки, а теперь те, кто стоял сзади, начали по одному отходить и возвращаться в свои отдельные комнаты. Послышался шум. Один тем-

новолосый мальчишка попытался проскочить в коридор за двустворчатой дверью, и коммандос применил стандартный захват. Клон завопил от боли и неожиданности — и этот звук и потрясение прокатились, как взрывная волна. Парнишка яростно вырывался. У дендарийца вид был раздосадованный и неуверенный. Он не отпускал парнишку, ожидая дальнейших указаний.

— Возьмите своих друзей и следуйте за мной! — отчаянно проорал «Нейсмит» отступающим мальчишкам. Блондин резко повернулся и бросился бежать.

— По-моему, они нам не поверили, — сказал Торн. — Наверное, проще было бы их всех парализовать и унести. Мы не можем терять время — слишком плохая охрана.

— Нет…

Шлем вызывал командира. Он снова нахлобучил его. Голос сержанта Тауры, автоматически выделенный каналом, звучал достаточно разборчиво:

— Сэр, нам тут нужна ваша помощь.

— В чем дело?

Ее ответ заглушил голос женщины с воздушного мотоцикла:

— Сэр, с балконов дома, в котором вы нахо-

дитесь, слезают несколько человек. А с севера подходят четыре охранника дома Бхарапутра.

Он отчаянно перебирал каналы, пока не нашел канал воздушной охраны.

— Не давай им уйти!

— Как я могу их остановить, сэр? — вопрос прозвучал резко.

— Парализатор, — беспомощно пролепетал он. — Подожди! Не парализуй тех, что спускаются, подожди, чтобы они слезли.

— Тогда мне будет плохо видно.

— Делай, что можешь. — Он снова нашел Тауру. — Что такое, сержант?

— Я хочу, чтобы вы поговорили с одной ненормальной. Уж вы-то сможете ее убедить — больше никто не может.

— Здесь… не все под контролем.

Торн поднял глаза к небу.

Тем временем пленный клон отчаянно лягался. Торн перевел свой парализатор на минимум и прикоснулся к шее брыкающегося мальчишки. Тот дернулся и бессильно обмяк. Не потеряв сознания, дико водя затуманившимися глазами, он начал плакать.

В приступе малодушия дубль-Майлз сказал Торну:

— Собери их всех. Как только сможешь. Я пойду к Тауре.

— Валяй, — прорычал Торн без всякой почтительности и резко повернулся, собирая своих людей. — Ты и ты — идите по той стороне. Ты — по другой. Ломайте двери.

Он позорно бежал под треск выбиваемых дверей.

Наверху было тише. Девочек меньше, чем мальчиков — в его время такая диспропорция тоже замечалась. Он часто задумывался над ее причиной. Переступив через тело коренастого охранника, он пошел к сержанту Тауре, ориентируясь по плану в шлеме.

Примерно десяток девочек сидели по-турецки на полу, сцепив руки за головой, под угрозой дендарийского парализатора. Их пижамные курточки и шорты были из розового шелка, а в остальном ничем не отличались от мальчишечьих. Вид испуганный, но по крайней мере сидят молча. Он шагнул в боковую комнату и там обнаружил Тауру и вторую дендарийку, нависших над высокой смуглой девочкой-женщиной, сидевшей за комм-пультом, агрессивно скрестив руки на груди. Там, где должна была находиться пластина экрана, дымилась дыра от плазменного удара.

Девочка повернула голову, встряхнув длинными черными волосами, переведя взгляд с Тауры на него.

— Госпожа моя, ну и цирк!

Голос ее обжигал презрением.

— Она отказывается стронуться с места, — сказала Таура. В голосе ее звучало странное беспокойство.

— Девочка, — он отрывисто кивнул, — если ты останешься, ты умрешь. Ты — клон. Твое тело предназначено твоему предку. Твой мозг извлекут и уничтожат. Возможно, очень скоро.

— И без тебя знаю, — сказала она презрительно, словно идиоту.

— Что?! — У него отвисла челюсть.

— Я знаю. И довольна своим предназначением. Моей госпоже угодно, чтобы было так. Я всецело предана своей госпоже.

Она подняла голову, и в глазах ее мелькнуло непонятное мечтательное обожание.

— Она связалась со службой безопасности Дома, — напряженно сказала Таура, кивая в сторону дымящегося экрана. — Описала нас, наше снаряжение — даже сообщила приблизительную численность.

— Вам не разлучить меня с моей госпожой, —

подтвердила девочка с холодным и уверенным кивком. — Охранники вас убьют и спасут меня. Я — очень важная персона.

Как, к дьяволу, им удалось вывернуть девчонке мозги наизнанку? И можно ли все исправить за тридцать секунд? Он решил, что нет.

— Сержант. — Он сделал глубокий вдох и пропищал на выдохе: — Парализуйте ее.

Девочка попробовала увернуться, но не успела: парализатор ударил ей точно в лоб. Таура перепрыгнула через комм-пульт и поймала голову девочки до того, как она стукнулась об пол.

— У нас все? — спросил он.

— Как минимум две убежали по черной лестнице, — доложила Таура, хмурясь.

— Их парализуют, когда они попытаются выйти из здания, — успокоил он.

— А что, если они спрячутся внизу? На их поиски уйдет время. Нам уже пора возвращаться на катер.

— Секунду. — Он неловко перебрал каналы связи в поисках Торна. Донесся чей-то вопль: «…ин сын! Ах ты, маленький..».

— Что? — рявкнул Торн затравленно. — Ты уже собрал этих девчонок?

— Одну пришлось парализовать. Послушай, у

тебя есть сведения об их количестве?

— Да, обнаружились на комме у смотрителя. Тридцать восемь мальчишек и шестнадцать девочек. У нас не хватает четырех — наверное, слезли с балкона. Рядовая Филиппи уложила троих, но утверждает, что четвертого не видела. Как у тебя?

— Сержант Таура говорила, что две девочки спустились по черной лестнице. — Он осмотрелся, стараясь не замечать дисплеев шлема, завихрившихся всеми цветами радуги. — Сержант, Торн говорит, что здесь должно быть шестнадцать тел.

Таура высунула голову в коридор, шевеля губами, потом вернулась, уставившись на парализованную девочку.

— Все равно одной не хватает. Кестертон, осмотри этаж, загляни в шкафы и под кровати.

— Слушаюсь, сержант. — Дендарийка бросилась выполнять приказ.

Он пошел за ней. В шлеме настойчиво звучал голос Торна:

— Пошевеливайтесь, там! Похищение рассчитано на быстроту, помните? У нас нет времени собирать разбежавшихся!

— Подожди, черт побери!

В третьей комнате рядовая заглянула под кровать и сказала:

— Ха! Поймала! — Она схватила брыкающуюся жертву за щиколотки и потянула. Добыча выскользнула на свет божий: невысокая девочка в розовой пижамной кофточке и шортах. Она тихонько повизгивала, ни на что не надеясь. У нее была копна белокурых кудряшек, но самым удивительным в ее внешности был потрясающий бюст: громадные налившиеся шары, которые не мог сдержать натянутый до предела шелк. Она перекатилась на колени и села на пятки, бессознательно поддерживая руками тяжелую грудь, словно по-прежнему потрясенная ее появлением.

«Десятилетняя. Сволочи!»

На вид ей было все двадцать. И такая чудовищная гипертрофия просто не могла быть естественной. Видимо, таково было требование заказчика. Вполне разумно: пусть клон пройдет все хирургические и обменные страдания. Осиная талия, широкие бедра…

— Уйдите, — скулила она, — уйдите, отстаньте! За мной завтра мамочка приедет!

— Парализуйте, — прохрипел он.

Им придется ее нести, но по крайней мере не

придется ее слушать.

— Бедная куколка, — прошептала дендарийка.

Шлем вызвал его:

— Сэр, мы только что оттеснили парализаторами пожарных Бхарапутры. На них не было противопарализаторных костюмов. Но у охранников есть. Они высылают новые отряды, с более тяжелым вооружением. Парализаторы уже бесполезны.

«Нейсмит» попытался определить местоположение говорившего. Но не успел он это сделать, как взволнованный голос охранника с воздуха прервал его поиски:

— Сэр, с юга к вашему зданию подходит команда с тяжелым вооружением. Вам надо выбираться как можно скорее. Здесь скоро станет жарко.

Он дал знак, и дендарийка, подхватив «куколку», вышла из спальни.

— Сержант Таура, — окликнул он, — вы слышали сообщение?

— Да, сэр. Давайте двигаться.

Таура перекинула вторую парализованную девушку через плечо, и они повели толпу перепуганных девиц вниз по лестнице. Девочки запротестовали, когда их направили к спальням мальчиков.

— Нам туда нельзя. Нас накажут.

Торн уложил шестерых парализованных мальчишек лицом вверх на полу в коридоре. Остальные стояли в ряд лицом к стене, расставив ноги, в позе пленных, а двое рядовых орали на них, заставляя оставаться на местах. Одни клоны злились, другие плакали, но все были перепуганы до смерти.

Он с ужасом посмотрел на парализованных:

— Как мы их всех утащим?

— Пусть сами и несут, — сказала Таура. — Так у нас руки будут свободны, а у них — заняты.

Она заботливо уложила свою ношу в конце ряда.

— Хорошо, — откликнулся Торн, с трудом отрывая зачарованный взгляд от «куколки». — Ворли, Кестертон, давайте-ка… — Он не договорил: срочное сообщение перекрыло все каналы в командирских шлемах.

Это кричала рядовая на воздушном мотоцикле:

— Сукин сын, катер… Внимание, ребята, слева от вас… — горячая волна помех, и: — …А, едрена вошь…

И молчание — только шум помех на опустевшем канале.

Он отчаянно стал искать ее телеметрию — любой показатель с ее шлема. Локатор по-прежнему работал, показывая, что она находится на земле между двумя зданиями позади спортплощадки, на которой приземлился катер. Медицинские показания превратились в прямые линии. Погибла? Не может быть, должны сохраниться показатели химической активности крови… Помехи, изображение — туманное небо… Наконец-то он догадался: Филиппи потеряла шлем. Что еще она потеряла?

Торн поочередно вызывал то пилота катера, то охранников, оставленных в арьергарде. Никакого ответа. Капитан разразился проклятиями.

— Попробуй ты.

Все те же опустевшие каналы. Два других оставленных в охране дендарийца вели перестрелку с отрядом тяжеловооруженных охранников дома Бхарапутра.

— Нам надо определиться, — рявкнул Торн. — Сержант Таура, вы распоряжайтесь здесь, готовьте детей к быстрому маршу. Ты… — Похоже, теперь так обращались к нему. Почему Торн больше не называет его «адмирал» или «Майлз»? — … пойдешь со мной. Рядовой Самнер, прикройте нас.

Торн бросился бежать. Клон проклинал свои короткие ноги. Вниз по лифтовой шахте, наружу через все еще горячие входные двери, за угол темного здания… Он догнал Торна — капитан прижался к углу здания, стоявшего у спортплощадки.

Катер был на месте, с виду целый и невредимый — ведь, конечно же, никакое оружие не может повредить его оболочку, рассчитанную на бой в космосе? Трап втянут, люк закрыт. Темная фигура — павший дендариец или неприятель? — обмякла в тени под крылом. Торн, шепотом матерясь, начал набирать код на пульте. Люк распахнулся, трап скользнул вниз под вой сервомоторов… По-прежнему никого.

— Я войду, — объявил Торн.

— Капитан, согласно уставу, это моя обязанность, — сказал рядовой, выглядывая из-за огромной бетонированной кадки.

— Не сейчас, — отрезал Торн и зигзагом бросился вперед, взбежал по трапу и ворвался внутрь, держа плазмотрон на изготовку. Мгновение спустя из комма донесся его голос: — Давай, Самнер.

«Нейсмит» пошел за Самнером. Внутри была кромешная тьма. Они включили освещение шлемов: щупальца лучей метались из стороны в

сторону… Внутри все вроде в порядке, но дверь в кабину пилота запечатана.

Торн знаком приказал рядовому занять позицию напротив и готовиться стрелять. Лже-Майлз встал позади Торна. Торн набрал еще один шифр. Дверь с мучительным стоном отъехала в сторону, содрогнулась и заклинилась.

Волна жара хлынула, как из топки. Затем последовал оранжевый взрыв: кислород ворвался в раскаленную кабину, и загорелось все, что могло гореть. Рядовой натянул кислородную маску, сорвал со стены химический огнетушитель и направил его в рубку пилота. Через несколько секунд они вошли.

Все оплавилось и сгорело. Пульт потек, оборудование обуглилось. В рубке стоял удушающий запах токсических продуктов сгорания пластика. И еще один — органический запах. Обуглившегося мяса. То, что осталось от пилота… Он отвернулся и с трудом сглотнул.

— У Бхарапутры нет… не должно было быть тяжелого оружия внутри комплекса!

Торн зашипел — ругательств у него уже не осталось — и ткнул пальцем:

— Они швырнули сюда пару наших собственных термомин, закрыли дверь и сбежали. Пилота

должны были сначала парализовать. Один… сообразительный бхарапутрянский сукин сын… У них не было тяжелого оружия — они воспользовались нашим! Оттянули или оттеснили мою охрану, забрались внутрь — и посадили нас. Даже не стали задерживаться, устраивать засаду… Они могут сделать это, когда пожелают. Этот зверь больше не полетит.

Лицо Торна в свете ламп походило на вырезанный из камня череп.

От ужаса у клона перехватило горло.

— И что нам теперь делать, Бел?

— Отступать к зданию. Установить круговую оборону. Использовать заложников, чтобы обговорить условия сдачи.

— Нет!

— Ты можешь предложить что-нибудь получше… Майлз? — Торн скрипнул зубами. — Так я и думал.

Пораженный рядовой уставился на Торна.

— Капитан… — Он смотрел то на одного, то на другого. — Адмирал нас выручит. Мы бывали в переделках и похлеще.

— На этот раз — нет. — Торн выпрямился. Его голос был искажен мукой. — Моя вина — я за все в ответе… Это не адмирал. Это его брат-клон,

Марк. Он нас провел, но я догадался уже давно. Раскусил его еще до посадки, пока мы даже не вошли в джексонианское пространство. Я решил, что справлюсь сам — и меня не поймают.

— А?..

У рядового недоверчиво шевелились брови. Такой пораженный вид мог быть у клона, почувствовавшего, что его усыпляют.

— Мы не можем… не можем предать этих детей и отдать обратно в руки Бхарапутры, — умоляюще прошептал Марк.

Торн запустил руку в обуглившийся комм, приклеенный к тому, что было креслом первого пилота.

— Кто предан? — Он провел осыпающуюся черную полосу по лицу Марка от щеки к подбородку. — Кто? — прошипел Торн. — У тебя есть… мысль… получше?

Марка трясло, в голове была полная пустота. Уголь на щеке горел.

— Отступайте к зданию, — сказал Торн. — Это — мой приказ.

Глава 6

— Никаких подчиненных, — твердо сказал Майлз. — Мне надо говорить с самым главным: раз — и все. И потом уматывать отсюда.

— Я попытаюсь еще, — сказала Куин. Она снова повернулась к комм-пульту тактического центра «Перегрина», который сейчас передавал изображение высокопоставленного офицера безопасности дома Бхарапутра, и снова принялась спорить.

Майлз откинулся в кресле, прижав ступни к полу, заставив руки спокойно лежать на утыканных кнопками управления подлокотниках. Спокойствие и самообладание. Такова стратегия. В данный момент — это единственная стратегия, которой он может воспользоваться. Если бы только он оказался здесь на девять часов раньше… Он методично осыпал проклятиями все задержки последних пяти дней на всех известных ему четырех языках, пока не иссяк словарный запас. Они не жалели топлива и вели «Перегрин» с максимальным ускорением, так что почти сократили разрыв между ним и «Ариэлем». Почти.

Задержки как раз дали Марку время воспользоваться этой бредовой идеей и довести дело до катастрофы. Но не одному только Марку. Майлз больше не придерживался теории, по которой у катастрофы был только один автор-герой. Такая полная каша требовала содействия нескольких десятков помощников. Ему очень хотелось поговорить наедине с Белом Торном — и как можно скорее. Он не ожидал, что Бел окажется таким же путаником, как и сам Марк.

Майлз осмотрел тактический центр, усваивая последнюю информацию. «Ариэль» вышел из игры: отступил под огнем противника и под командованием заместителя Торна, лейтенанта Харта, пристыковался к станции Фелл. Теперь его блокировало полдюжины кораблей охраны дома Бхарапутра, остановившихся на границе зоны Фелла. Еще два корабля Бхарапутры сейчас сопровождали на орбите «Перегрин». Пока это всего лишь условность: «Перегрин» сильнее обоих, вместе взятых. Это распределение сил изменится, когда к ним присоединятся все бхарапутрянские корабли. Если он не сможет убедить барона Бхарапутру, что в этом нет необходимости.

Он вызвал на свой дисплей вид ситуации на планете в том виде, как ее сейчас расшифровы-

вал боевой компьютер «Перегрина». Внешняя структура медкомплекса была понятна даже с орбиты, но ему не хватало деталей внутреннего устройства, которые очень пригодились бы, если бы он планировал хитроумное нападение. Никакого хитроумного нападения. Переговоры и подкуп… Он поморщился, предвидя расходы. Бел Торн, Марк, Зеленый отряд и около пятидесяти заложников-бхарапутрян сейчас окружены в одном здании, отрезаны от поврежденного катера — и это длится уже восемь часов. Погиб пилот катера, трое рядовых ранены. Майлз поклялся себе, что за это Бел лишится командования.

Там, внизу, скоро рассветет. Бхарапутряне эвакуировали из комплекса всех гражданских лиц — слава Богу! — но взамен ввели тяжеловооруженный отряд и тактическое оборудование. Только из-за своих драгоценных клонов они пока не атакуют здание. Увы, он будет вести переговоры не с позиции силы.

Только спокойствие…

Куин, не оборачиваясь, подняла руку, подавая сигнал: «Готовься». Майлз осмотрел себя. Повседневный серый офицерский мундир был взят взаймы у самого низкорослого члена экипажа «Перегрина» — полутораметровой женщины-

инженера и плохо на нем сидел. Недоставало половины нужных знаков различия. Существует агрессивно-небрежный стиль командования, но, право же, для успеха необходимо побольше реквизита. Предельная собранность и скрытая ярость должны придать недостающую внушительность. Если бы не биочип на блуждающем нерве, то у него сейчас началось бы очередное прободение язвы желудка. Он подготовил пульт к подключению и стал ждать.

И вот появилось изображение хмурого мужчины. Темные волосы стянуты сзади золотым кольцом, подчеркивая волевые черты лица. Шелковая бронзово-коричневая туника — и никаких драгоценностей. Оливково-смуглая кожа. На вид — около сорока. Внешность бывает обманчивой. Для того чтобы стать неоспоримым главой джексонианского дома, нужна не одна жизнь, полная битв и интриг. Васа Луиджи, барон Бхарапутра, уже по крайней мере двадцать лет носил тело клона. Он явно хорошо о нем заботился. Период уязвимости при еще одной пересадке мозга вдвойне опасен для человека, о чьей власти мечтает такое количество беспринципных подчиненных.

«С таким человеком шутки плохи», — решил

Майлз.

— Бхарапутра слушает, — сообщил мужчина в коричневом и стал ждать. Действительно, следовало считать, что этот человек и его дом — это одно.

— На связи Нейсмит, — сказал Майлз. — Командующий флотом дендарийских наемников.

— Очевидно, командующий не всем флотом, — невозмутимо отозвался Васа Луиджи.

Майлз раздвинул губы, не разжимая зубов, и ухитрился не покраснеть.

— Вот именно. Вы, надеюсь, поняли, что я не санкционировал этот налет?

— Я понял, что вы это утверждаете. Лично я не стал бы с такой готовностью объявлять о том, что подчиненные вышли из-под контроля.

«Он тебя дразнит. Спокойствие».

— Нам надо четко обозначить все факты. Я еще не выяснил, действительно ли капитан Торн совершил измену или просто обманут моим братом-клоном. В любом случае это ваш продукт по каким-то сентиментальным соображениям совершал попытку отомстить. Я — посторонний, пробующий все уладить.

— Вы, — барон моргнул, как ящерица, — просто диковинка. Мы вас не изготавливали. Откуда вы

взялись?

— Это важно?

— Может оказаться важным.

— Тогда я могу продать вам эту информацию или обменять еще на что-то. Но даром я ее не отдам.

Это соответствовало хорошему тону, принятому на Архипелаге Джексона, — барон кивнул, ничуть не обидевшись. Они вступили в область Сделки, пусть это еще и не было переговорами между равными. Отлично.

Но барон не стал сразу же продолжать расследование происхождения Майлза.

— Так что вы от меня хотите, адмирал?

— Я хочу помочь вам. Если мне предоставить свободу действий, я могу извлечь своих людей из этого неприятного тупика на планете с минимальными потерями персонала и собственности Бхарапутры. Тихо и чисто. Я даже готов говорить о разумном возмещении причиненного ущерба.

— Мне не нужна ваша помощь, адмирал.

— Нужна, если не хотите увеличивать свои затраты.

Васа Луиджи прищурился, обдумывая его слова:

— Это угроза?

Майлз пожал плечами:

— Напротив. Наши с вами затраты могут оказаться очень незначительными — или очень крупными. Я бы предпочел первое.

Взгляд барона на мгновение отклонился вправо, к какому-то предмету или человеку, который находился за пределами обзора камеры.

— Извините, адмирал, — минутку.

Вместо его изображения появился абстрактный узор.

Куин подошла поближе:

— Как ты думаешь, мы сможем спасти кого-то из этих несчастных клонов?

Он запустил руку в шевелюру:

— Дьявольщина, Элли, я все еще пытаюсь вызволить Зеленый отряд! Сомневаюсь.

— Страшно обидно. Мы так далеко летели.

— Послушай, у меня есть возможность совершать крестовые походы поближе к дому, — если они мне понадобятся. Черт возьми, гораздо больше, чем пятьдесят ребятишек каждый год умирают в глубинке Барраяра по подозрению в мутации, например. Я не могу себе позволить… донкихотство Марка. Не знаю, откуда у него эти идеи. Наверняка не из дома Бхарапутра. И не от комаррцев.

Куин подняла брови, открыла рот, но передумала и только грустно улыбнулась. Но в конце концов все-таки сказала:

— Я думаю о Марке. Ты все же говоришь, что хочешь заставить его доверять тебе.

— Подарить ему клонов? Хотел бы я, чтобы это было возможно. Сразу после того, как я придушу его голыми руками, а это будет вслед за тем, как я повешу Бела Торна. Марк — это Марк и ничего мне не должен, но Белу следовало бы знать, что он делает.

Он крепко стиснул зубы. Ее слова потрясли его, вызвав лихорадочные видения: оба корабля со всеми клонами на борту совершают нуль-переход из пространства Архипелага Джексона… Показав язык нехорошим бхарапутрянам, Марк, запинаясь, благодарит его. Восхищенно… И он привозит их всех матери… безумие. Это непостижимо. Если бы он все спланировал сам, с начала до конца — может быть. В его планы, уж конечно, не входила бы полуночная атака в лоб без всякой поддержки. Пластина экрана снова сверкнула, и он жестом велел Куин отойти. Снова появился Васа Луиджи.

— Адмирал Нейсмит, — кивнул он. — Я решил позволить вам отдать приказ вашему мятежному

экипажу, чтобы он сдался моим людям.

— Мне не хотелось бы затруднять ваших людей, барон. Они ведь и так всю ночь не спали. Они устали и нервничают. Я сам заберу своих людей.

— Это невозможно. Но я гарантирую им жизнь. Личные штрафы за преступления будут определены потом.

Выкупы. Он подавил вспышку ярости:

— Это… возможный вариант. Но штрафы должны быть установлены заранее.

— Не вам диктовать условия, адмирал.

— Я только хочу избежать недоразумений, барон.

Васа Луиджи поджал губы:

— Хорошо. За рядовых — по десять тысяч бетанских долларов. За офицеров — по двадцать пять тысяч. За вашего капитана-гермафродита — пятьдесят. Если вы не желаете, чтобы мы сами занялись… Нет? Не вижу, зачем бы вам мог понадобиться ваш… э-э… собрат-клон, так что его мы оставим себе. Взамен я отказываюсь от претензий по материальному ущербу.

Свыше четверти миллиона. Майлз внутренне содрогнулся. Ну, это все-таки реально.

— Но я не могу сказать, что клон меня не интересует. Какую… цену вы назначите за его голову?

— Ну зачем он вам? — удивленно осведомился Васа Луиджи.

Майлз пожал плечами.

— Казалось бы, это очевидно. Моя профессия полна неожиданностей. Я — единственный, оставшийся в живых из моей серии клонов. Тот, которого я зову Марком, удивил меня не меньше, чем я — его, кажется. Мы оба не знали о существовании еще одного плана по клонированию. Где еще мне найти такого идеального… донора органов — и так быстро?

Васа Луиджи раскрыл ладони:

— Мы могли бы договориться и хранить его для вас.

— Если уж он мне понадобится, то срочно. В таких обстоятельствах я буду опасаться резкого подъема рыночных цен. Кроме того, бывают несчастные случаи. Вспомните о несчастном случае, который приключился с бедным клоном барона Фелла, который находился у вас.

Казалось, похолодало градусов на двадцать. Майлз мысленно проклял свой язычок. Судя по всему, здесь этот эпизод по-прежнему оставался тайной — или по крайней мере очень неприличным вопросом. Барон смотрел на него если и не с более глубоким уважением, то, во всяком случае,

с большим подозрением.

— Если вы хотите, чтобы был изготовлен еще один клон с целью пересадки, адмирал, то вы обратились куда надо. Но этот клон не продается.

— Этот клон вам не принадлежит, — огрызнулся Майлз… Слишком стремительно, нет, надо сохранять спокойствие. Действовать хладнокровно, не показывать своих истинных чувств, притворяться этакой елейной личностью, которая действительно может заключить сделку с бароном Бхарапутрой и при этом не опасаться, что его вырвет от отвращения. Спокойствие. — Кроме того, вопрос в необходимых для этого десяти годах. Меня волнует не смерть от старости, а неожиданная и внезапная смерть. — Помолчав, он с героическим усилием выдавил: — Конечно, вам нет необходимости отказываться от претензий по материальному ущербу.

— У меня нет необходимости вообще что бы то ни было делать, адмирал, — напомнил ему барон. Хладнокровно.

«Не слишком на это полагайся, джексонианский ублюдок».

— А зачем вам нужен именно этот клон, барон? Если принять во внимание, насколько вам легко изготовить еще один.

— Не настолько. Его медицинская карта показывает, что там было немало сложностей.

Васа Луиджи постучал кончиком пальца по носу и улыбнулся без особого юмора.

— Вы планируете его наказать? Как предупреждение возможным последователям?

— Он, несомненно, отнесется к этому, как к наказанию.

Так, значит, на Марка действительно существуют какие-то планы. Или по крайней мере идея, которая пахнет выгодой.

— Надеюсь, это не относится к нашему барраярцу-родителю. Тот заговор давно скончался. Они знают о нас обоих.

— Признаюсь, его барраярские связи меня интересуют. И ваши барраярские связи тоже. По имени, которое вы себе присвоили, видно, что вам давно известно ваше происхождение. Каковы все же ваши отношения с Барраяром, адмирал?

— Неприятные, — признал он. — Они меня терпят. Я время от времени оказываю им услуги. За плату. Если не считать этого, мы взаимно друг друга избегаем. У Имперской службы безопасности Барраяра руки подлиннее, чем у дома Бхарапутра. Смею вас уверить, вы не заинтересованы в том, чтобы привлечь к себе их внимание.

Васа Луиджи приподнял брови, выражая вежливое недоверие.

— Родитель и два клона… Три идентичных брата. И все такие низенькие. Надо полагать, из вас получился бы один нормальный мужчина.

Не по делу. Барон пытается что-то из него выудить — информацию, надо полагать.

— Три, но едва ли идентичных, — сказал Майлз. — Оригинал, лорд Форкосиган — скучный зануда, как меня уверяют. Ограниченность своих способностей Марк, надо полагать, только что продемонстрировал. А я — усовершенствованная модель. Мои создатели планировали для меня вещи получше, но не слишком хорошо справились со своим делом, и я начал сам строить для себя планы. Похоже, два моих брата этому так и не научились.

— Хотел бы я поговорить с вашими создателями.

— Я тоже. Но, увы, они скончались.

Барон одарил его холодной улыбкой:

— А вы самоуверенный человечек, а?

Майлз изобразил ответную улыбку и ничего не ответил.

Барон откинулся на спинку кресла:

— Мое предложение остается в силе. Клон не

продается. Но каждые тридцать минут штрафы будут удваиваться. Я советую вам, адмирал, побыстрее заключить сделку. Лучших условий вам не добиться.

— Мне надо проконсультироваться с главным бухгалтером флота, — придумал Майлз проволочку. — В ближайшее время я снова свяжусь с вами.

— А как же… — пробормотал Васа Луиджи, чуть улыбаясь собственному остроумию.

Майлз быстро отключил комм. Его трясло от стыда и бессильной ярости.

— Но главного бухгалтера флота здесь нет, — напомнила Куин немного озадаченно. Лейтенант Боуни отбыла с Базом и остальными дендарийцами.

— Мне… не нравится сделка, которую предлагает барон Бхарапутра.

— Разве Служба безопасности не может выручить Марка потом?

— Служба безопасности — это я.

Спорить Куин не могла и замолчала.

— Мне нужна моя космическая броня, — капризно сказал он, горбясь в кресле.

— Она у Марка.

— Знаю. Полуброня. И мой командирский

шлем.

— Тоже у Марка.

— Знаю. — Он хлопнул рукой по подлокотнику, и раздавшийся в тишине резкий удар заставил Куин вздрогнуть. — Тогда шлем командира отряда!

— Зачем? — поинтересовалась Куин. — Ты же уверял, что в данном случае донкихотство неуместно.

— Я устрою более выгодную сделку. — Он вскочил.

— Пошли.

* * *

Привязные ремни врезались ему в тело, когда катер отстрелил захваты и с нарастающим ускорением отвалил от борта «Перегрина». Майлз взглянул через плечо пилота, чтобы быстро проверить, как изгиб планеты скользит за фонарем и от корабля отходят два боевых катера прикрытия. За ними следовал второй транспортный катер «Перегрина» — вторая половина двусторонней атаки. Слабая попытка стратегии. Примет ли Бхарапутра это всерьез? Будем надеяться. Он снова сосредоточился на сверкающем мире данных своего командирского шлема.

В конце концов ему все же не пришлось довольствоваться сержантским шлемом. Он реквизировал капитанское снаряжение Элен Ботари-Джезек, оставшейся в тактическом центре на борту «Перегрина».

«Верни мне его без дырок, черт бы тебя побрал», — сказала она на прощание. Практически все, что было на нем, принадлежало кому-то другому. На слишком большом костюме с противонейробластерной сетью пришлось подвернуть манжеты и закрепить резинками на запястьях и щиколотках. Куин на этом настояла, а так как он больше всего боялся нейробластера, то спорить не стал. Поверх — мешковатая полевая форма — тоже на резинках. Ремни плазменного зеркала достаточно хорошо убирали лишнюю ткань вокруг тела. Две пары носков в одолженных кем-то ботинках. Все это ужасно раздражало, но было не главной его головной болью в попытке за тридцать минут подготовить налет на планету.

Самой большой заботой было место посадки. Охотнее всего он выбрал бы крышу здания Торна, но пилот катера высказал опасение, что весь дом рухнет, если они попытаются посадить на него катер, и, кроме того, крыша оказалась двускатной, а не плоской. Следующая самая близкая площадка

была занята мертвым и брошенным катером «Ариэля». От третьего места посадки, похоже, придется далеко идти, особенно на обратном пути, когда Служба безопасности Бхарапутры уже наверняка успеет предпринять контрмеры. Его любимым стилем атаки не был прямой подход к цели. Ну, может, сержант Кимура и Желтый отряд во втором катере заставят Бхарапутру поволноваться.

«Береги свой катер, Кимура. Теперь это наш единственный запасной вариант. Мне следовало бы привести сюда весь наш флот».

Он не обращал внимания на громыхание и вопль торможения собственного катера, вошедшего в атмосферу. Превосходное падение на грани допустимого риска, но он был бы рад, если бы они падали еще быстрее. Пока же он следил за продвижением своего прикрытия по разноцветным шифрам и графикам на дисплее шлема. Изумленные бхарапутряне на истребителях, охранявших «Перегрин», обнаружили, что вынуждены делить свое внимание. Они потратили несколько бессмысленных выстрелов на «Перегрин», потом метнулись было за Кимурой, потом повернули, чтобы преследовать боевое построение Майлза. Один из катеров Бхарапутры

за эту попытку был разнесен на куски, и Майлз шепотом похвалил пилота дендарийского истребителя. Ну, это легко. Вот обратный путь будет куда как веселее. Другие бхарапутряне, смутившись, отстали, чтобы дожидаться подкреплений. Майлза уже охватил боевой азарт — ощущение более странное и сладкое, чем наркотик. Это продлится несколько часов, а потом резко оборвется, оставив выгоревшую оболочку с запавшими глазами и севшим голосом. Стоит ли того?

«Да, если мы победим».

«Мы должны победить».

Когда они оказались прямо над местом происшествия, он еще раз попытался связаться с Торном. Бхарапутряне глушили главные каналы командной связи. Он попытался перейти на другие частоты и передать короткий запрос по коммерческим каналам, но ответа не получил. Следовало бы поручить кому-то следить за этими частотами. Ну ладно, когда они окажутся на месте, он сможет к ним пробиться. Он вызвал изображение медкомплекса: заплясали призрачные картинки. Если уж говорить о прямом подходе, на мгновение он соблазнился идеей приказать своим катерам-истребителям открыть огонь и прожечь траншею от намеченного места

посадки к убежищу Торна, снеся с пути все лишние здания. Но траншея будет слишком долго остывать, и, кроме того, здания могут послужить прикрытием не только охранникам Бхарапутры, но и его отряду. Конечно, не настолько хорошим: бхарапутряне лучше знают расположение. Он прикинул возможность существования туннелей, подземных коммуникаций и воздуховодов. Воспоминание о воздуховоде заставило его хмыкнуть и нахмуриться при мысли о Тауре, которая слепо пошла в эту мясорубку за Марком.

Яростное торможение наконец окончилось: вокруг них поднялись здания — превосходные пункты для снайперов, — и катер тяжело приземлился. Куин, которая, сидя напротив него, пыталась связаться с отрядом Торна, подняла глаза и просто сказала:

— Я поймала Торна. Попробуй канал 6-2-к. Пока только звук, изображения нет.

Переключившись на нужную частоту, Майлз вызвал своего бывшего подчиненного:

— Бел? Мы сели и направляемся за вами. Готовьтесь к прорыву. Там еще остались живые?

Ему не надо было видеть лица Бела, чтобы почувствовать, как оно скривилось. Но Бел хотя бы не стал тратить время на извинения и оправ-

дания.

— Двое неходячих раненых. Рядовая Филиппи умерла примерно пятнадцать минут назад. Мы обложили ей голову льдом. Если вы сможете доставить переносную криокамеру, нам, возможно, удастся что-то спасти.

— О'кей, но у нас не будет времени с ней возиться. Начни готовить ее прямо сейчас. Нам надо действовать как можно быстрее.

Он кивнул Куин, и оба вышли из кабины пилота. Он приказал пилотам запечатать за ними двери.

Куин передала медику, с чем ему предстоит иметь дело, и первая часть Оранжевого отряда вырвалась из катера, заняв оборонительные позиции. Две небольшие бронированные машины на воздушной подушке последовали сразу же за ними, чтобы очистить все командные высоты от снайперов Бхарапутры, заменив их дендарийцами. Когда они доложили, что все очищено, Майлз с Куин вышли вслед за Голубым отрядом в холодный и влажный рассвет. Он оставил всю вторую половину Оранжевого отряда охранять катер, на тот случай, если бхарапутрянам вздумается повторить свой маневр.

Утренний туман чуть клубился у горячей об-

шивки катера. Небо стало жемчужным в неспешном наступлении утра, но здания медкомплекса по-прежнему нависали темными неосвещенными громадами. Вверх взвился воздушный мотоцикл, двое рядовых быстрой пробежкой двинулись вперед. За ними последовал Голубой отряд. Майлз сосредоточился, заставляя свои короткие ноги работать быстрее, чтобы не отстать от остальных. Ни одному длинноногому рядовому никогда не придется из-за него замедлять свое движение. Никогда! Ну по крайней мере на этот раз никому не пришлось его ждать, и он удовлетворенно хмыкнул, потратив последний запас дыхания. Отовсюду доносятся звуки стрельбы, видимо, охрана из Оранжевого отряда уже вовсю принялась за дело.

Они стремительно обогнули одно здание, прошли под прикрытием портика второго, потом миновали третье. Половина отряда то выходила вперед, то прикрывала остальных. Все получалось слишком легко. Комплекс напомнил Майлзу хищные цветы, в которых покрытые нектаром колючки отклонены назад. Проскользнуть внутрь таким маленьким жучкам, как он, легко. А вот попытка выбраться наружу лишает сил и в конце концов убивает…

Поэтому он испытал чуть ли не облегчение, когда взорвалась первая акустическая граната. Значит, бхарапутряне все-таки не придерживают все на закуску. Взрыв прозвучал немного в стороне и странно разнесся по проходам между домами. Граната не дендарийская — те звучат немного иначе. Он переключил каналы командирского шлема, чтобы следить за ходом боя: Оранжевый отряд расправлялся с гнездом бхарапутрянских охранников. Его тревожили не те охранники, которых удалось выкурить. Вот те, кого они не заметили… Он подумал, не выдвинул ли неприятель дополнительное оружие, стреляющее пулями или снарядами. Его холодило сознание недостающего элемента во взятой взаймы полуброне. Куин пыталась всучить ему свою броню, но ему удалось убедить ее, что, когда слишком большой доспех начнет хлопать при ходьбе, он осатанеет. «Осатанеет еще больше», — кажется, пробормотала она вполголоса, но он не стал просить объяснений. На этот раз он не намерен возглавлять кавалерийскую атаку, это определенно.

Он сморгнул призрачный поток данных: отряд завернул за последний угол, спугнул трех-четырех затаившихся бхарапутрян и подошел к

яслям. Большое приземистое здание с виду напоминало гостиницу. Разбитые двери вели в вестибюль, где призрачные защитники в сером камуфляже двигались за поспешно созданным прикрытием: сорванными с петель и укрепленными вертикально металлическими дверями. Быстрый обмен опознавательными знаками — и они прошли внутрь. Половина Голубого отряда мгновенно рассредоточилась, подменяя усталых защитников здания из Зеленого отряда. Вторая половина осталась охранять Майлза.

Медик протащил антигравитационную платформу с переносной криокамерой в двери, и его поспешно направили куда-то в глубину здания. Они предусмотрительно готовили Филиппи в отдельной комнатке, подальше от заложников-клонов. Первый шаг состоял в том, чтобы выпустить почти всю кровь пациента. В боевых условиях нечего и пытаться ее сохранить и законсервировать. Неаккуратная, поспешная и весьма непривлекательная процедура: неподходящее зрелище для людей слабонервных и неподготовленных.

— Адмирал, — раздался негромкий грудной голос.

Он резко обернулся, оказавшись лицом к лицу

с Белом Торном. Лицо гермафродита было почти таким же серым, как и капюшон защитной сети. Несмотря на весь свой гнев, Майлзу было больно смотреть в это усталое, опустошенное лицо. Поражение. У Бела был вид человека, потерявшего все. И так оно и было. Они не обменялись ни единым словом обвинения или оправдания. В этом не было необходимости: все ясно читалось на лице Бела, и, как он подозревал, на его собственном тоже. Он кивнул в знак того, что видит Бела и все остальное.

Рядом с Белом стоял еще один солдат, верх шлема которого — «моего шлема!» — едва доставал до плеча Бела. Майлз почти забыл, как удивительно выглядит Марк.

«Неужели и у меня такой вид?»

— Ты… — У Майлза сорвался голос, так что ему пришлось замолчать и попробовать еще раз. — Позже, у нас с тобой будет длинный разговор. Похоже, ты очень многого не понимаешь.

Марк вызывающе вскинул голову.

«А у меня лицо не такое круглое». Наверное, это из-за капюшона.

— А как эти ребята? — сказал Марк. — Эти клоны?

— А что клоны?

Кажется, двое молодых людей в коричневых шелковых курточках и шортах помогали защитникам-дендарийцам, испуганные и взволнованные, но не озлобленные. Еще одна группа, девочки и мальчики вперемежку, сидели, явно перепуганные, на полу под зорким взглядом вооруженного парализатором рядового.

«Дьявольщина, они же действительно просто дети».

— Мы… ты должен взять их с собой. Или я останусь.

Зубы у Марка были сжаты, но Майлз заметил, как тот судорожно сглотнул.

— Нечего меня дразнить, — огрызнулся Майлз. — Конечно, мы их возьмем, иначе как мы, по-твоему, выберемся отсюда живыми?

Лицо Марка просияло. Он разрывался между надеждой и ненавистью.

— А потом? — подозрительно осведомился он.

— О, — саркастически пропел Майлз, — мы просто заявимся на станцию Бхарапутра, высадим их и вежливо поблагодарим Васа Луиджи за то, что он нам их одолжил. Идиот! Что, по-твоему, может быть потом? Погрузимся и бросимся наутек. Единственное, куда их можно будет высадить, это в космос, и могу гарантировать, что ты отпра-

вишься первым!

Марк содрогнулся, но сделал глубокий вдох и кивнул:

— Ну тогда ладно.

— Вовсе — даже — не — ладно, — отчеканил Майлз. — Просто… просто… — Он не нашел слов, которые могли бы охарактеризовать, что просто, если не считать, что это просто самая глубокая лужа, в которую ему доводилось садиться. — Если уж ты собрался выкинуть вот такую идиотскую штуку, то почему бы не посоветоваться с родственником-специалистом?

— С тобой? Обратиться к тебе за помощью? Ты что, считаешь меня сумасшедшим? — разъяренно спросил Марк.

— Да…

Их прервал изумленный парнишка-блондин, рассматривавший их, разинув рот.

— Так вы и правда клоны, — изумленно сказал он.

— Нет, мы близнецы, родившиеся с интервалом в шесть лет, — огрызнулся Майлз. — Да, мы такие же клоны, как и вы. Ну надо же, догадался! А теперь возвращайся, садись и слушайся приказов, черт побери!

Парнишка поспешно отступил, шепча:

— Это правда!

— Чертовщина, — тихонько заскулил Марк. — Почему это вдруг они поверили тебе, а не мне? Это несправедливо!

Голос Куин в шлеме прервал семейную встречу:

— Майлз, если вы с Дон-Кихотом-младшим завершили обмен приветствиями, то медик Норвуд подготовил и загрузил Филиппи и раненые готовы к отправке.

— Выстраивайтесь, давайте отправлять первую партию. — Он вызвал сержанта Голубого отряда: — Фрэмингем, возглавьте первый конвой. Готовы?

— Готовы. Сержант Таура их собрала.

— Идите. И не оглядывайтесь.

Полдюжины дендарийцев, примерно втрое больше ошеломленных и измученных клонов и двое раненых рядовых на антигравитационных платформах собрались в вестибюле и вышли через разбитые двери. Похоже, Фрэмингему не слишком приятно было использовать двух юных девушек в качестве заслона от стрелкового оружия: его темно-шоколадное лицо было мрачным. Но бхарапутрянским снайперам придется очень-очень тщательно целиться. Дендарийцы

заставили клонов двигаться если не бегом, то хотя бы рысцой. Не прошло и минуты, как за первой группой ушла вторая. Майлз включил на периферии своего зрения связь с обоими руководителями, по одной с каждой стороны, и в то же время напрягал слух, пытаясь уловить смертоносный вой оружия.

Неужели проскочим? Сержант Таура вывела в вестибюль последнюю группу клонов. Она приветствовала его взмахом руки: ей даже секунды не понадобилось, чтобы разобраться, где он, а где Марк.

— Рада видеть вас, сэр, — пророкотала она.

— Взаимно, сержант, — искренне отозвался он. Если бы Марк ухитрился убить Тауру, то он никогда не смог бы с ним примириться. В какой-то более удобный момент необходимо будет выяснить, как это Марку удалось ее провести и на каком уровне интимности. Но позже.

Таура придвинулась к нему и прошептала:

— Мы потеряли четырех ребятишек — сбежали к бхарапутрянам. Меня от этого как-то мутит. Нет возможности?..

Он с сожалением покачал головой:

— Никакой. На этот раз никаких чудес. Нам надо хватать то, что можем, и смываться, чтобы

не потерять все.

Она кивнула, прекрасно осознавая тактическую ситуацию. Но, к несчастью, от понимания легче не становилось.

Медик Голубого отряда вывез большую антигравитационную платформу с криокамерой. Прозрачная часть сверкающего цилиндра была прикрыта одеялом, чтобы защитить обнаженное тело пациента от посторонних взглядов. Таура заставила клонов встать.

Бел Торн осмотрелся.

— Я здесь все ненавижу, — сказал он ровным голосом.

— Может, нам удастся на этот раз разбомбить тут все, когда будем улетать, — так же ровно ответил Майлз. — Наконец-то.

Бел кивнул.

Целая толпа — около пятнадцати последних клонов, платформа, арьергард дендарийцев, Таура и Куин, Марк и Бел — просочилась через входные двери. Майлз поднял глаза с таким чувством, будто у него на шлеме нарисована аккуратненькая мишень, но движущаяся на крыше противоположного дома фигура была одета в серый дендарийский камуфляж. Хорошо. На дисплее справа появилась информация, что

Фрэмингем со своей группой добрались до катера без происшествий. Еще лучше. Он отключил связь с Фрэмингемом, уменьшил звук на канале связи со вторым руководителем до чуть слышного бормотания и сосредоточился.

Его размышления были прерваны голосом Кимуры: первый выход на связь командира Желтого отряда, высадившегося на другой стороне города.

— Сэр, сопротивления почти нет. Они нам не поверили. Насколько далеко мне надо зайти, чтобы заставить принимать нас всерьез?

— Как угодно далеко, Кимура. Тебе просто необходимо отвлечь внимание бхарапутрян. Оттягивайте их силы, но не рискуйте собой и в особенности своим катером.

Майлз надеялся, что лейтенанту Кимуре сейчас не до размышлений о несколько шизоидальной логике подобного приказа.

И тут снайперы Бхарапутры громко заявили о себе — в буквальном смысле слова: примерно в пятнадцати метрах перед ними взорвалась акустическая граната. Она пробила дыру в дорожке, и через несколько мгновений на них обрушился дождь раскаленных осколков — пугающих, но не слишком опасных. Он почти оглох, и поэтому вопли клонов показались странно тихими.

— Надо идти, Кимура. Соображай сам, ладно?

Промах был не случайным, понял Майлз, когда плазменным огнем зажгли дерево справа и стену слева от них. И то, и другое вспыхнуло. Их специально брали в вилку, чтобы посеять панику среди клонов, и это великолепно сработало: они начали увертываться, падать, хвататься друг за друга, кричать… Еще парочка таких попаданий — и разбегутся кто куда. И тогда их уже не соберешь. Плазменный огонь ударил прямо в одного из дендарийцев, демонстрируя, что бхарапутряне могут и это. Зеркальный экран поглотил плазменный луч и отбросил его с обычной адской голубой вспышкой, еще сильнее напугав ребятишек. Более опытные бойцы встретили огонь спокойно. Судя по углу обстрела, бхарапутряне находились главным образом над ними.

Таура посмотрела на паникующих клонов, огляделась, подняла плазмотрон и разнесла двери ближайшего строения — то ли склада, то ли гаража.

— Заходи! — зычно крикнула она.

Это было удачное решение: если уж они готовы бежать, то побегут хотя бы все в одном направлении. Если только не останутся внутри. Если они снова позволят окружить себя и обезвредить, то

старший брат на выручку уже не придет.

— Двигайтесь! — поддержал ее Майлз. — Но только не останавливайтесь! Выходите с противоположной стороны!

Она махнула рукой, подтверждая, что слышит, и ребятишки кинулись из зоны обстрела туда, где, им казалось, безопаснее. Майлз боялся, что они теперь в ловушке, но клонам необходимо держаться вместе. Если есть что-то худшее, чем попасть в западню, так это рассеяться и дать себя переловить поодиночке. Он пропустил всех вперед и двинулся следом. Двое рядовых Голубого отряда отступали последними, стреляя из плазмотронов вверх. Он рассчитывал, что это будет только предупреждающий огонь, но одному из рядовых повезло. Его выстрел достал одного бхарапутрянина, который опрометчиво попытался перебежать по краю крыши. Полуброня поглотила огонь, но солдат споткнулся и упал, страшно закричав. Майлз попытался не услышать звука падения об асфальт — и не смог. Крик оборвался.

Майлз повернулся и бросился по коридору к двустворчатым дверям, где его ждал Торн.

— Я буду замыкающим, — вызвался Торн.

Может, Торн мечтает героически погибнуть, избежав тем самым неизбежного трибунала? На

мгновение Майлзу страшно захотелось это ему позволить. Очень по-форовски. Иногда истинные форы ведут себя совершенно по-идиотски.

— Ты поведешь клонов к катеру, — огрызнулся Майлз. — Заканчивай дело, за которое взялся. Если уж мне приходится столько платить, я хочу получить то, за что плачу.

Торн оскалил зубы, но кивнул. Оба помчались за отрядом.

За двустворчатыми дверями оказалась громадная комната с цементным полом. Высоко под потолком шли красные и зеленые переходы, увешанные таинственными кабелями. Тусклые лампы отбрасывали неверные тени. Он заморгал в полумраке и чуть было не решил опустить инфракрасный фильтр. Похоже, они попали в какой-то сборочный цех, хотя сейчас здесь пусто. Куин с Марком медлили, поджидая его, и не хотели обращать внимания на то, что Майлз жестами приказывал им двигаться дальше.

— Чего ради вы остановились? — рявкнул он, резко тормозя рядом с ними.

— Осторожнее! — заорал кто-то. Куин резко обернулась, поднимая плазмотрон, выискивая цель. Марк глупо разинул рот и оцепенел.

Майлз заметил бхарапутрянина — на какую-

то долю секунды они ошеломленно застыли, уставившись друг на друга. Отряд вражеских снайперов, видимо, вышел из туннелей. Они бестолково суетились среди подпорок и казались столь же ошарашенными, как и преследуемые ими дендарийцы. Бхарапутрянин направил прямо на него какое-то огнестрельное оружие, и сверкнула вспышка.

Майлз, конечно, не мог увидеть снаряд — даже когда он попал ему в грудь. Только его грудная клетка вдруг раскрылась, словно цветок. И звук — не слышный, а только ощутимый, отбросивший его назад, словно ударом кувалды. И в его глазах тоже расцвели темные цветы, закрыв весь мир.

Он был удивлен — не тем, что успел передумать (для мыслей времени не было), но тем, сколько успел перечувствовать за те недолгие секунды, пока последняя кровь не пробежала через его мозг… Стены, бешено закрутившиеся вокруг него — бездонная пропасть боли, ярость и гнев, — и краткий миг неизмеримо глубокого сожаления.

«Постойте, я еще не…»

Глава 7

Марк стоял так близко, что взрыв снаряда он воспринял как внезапно наступившую тишину. Все произошло так быстро, что он не успел ничего осознать, не успел даже зажмуриться, чтобы защитить себя от ужасного зрелища. Маленький человечек, который только что орал и жестами приказывал им идти вперед, вдруг упал навзничь, раскинув руки. Струя крови ударила в Марка с обжигающей силой.

«Так. Значит, ты тоже можешь ошибаться, — было его первой абсурдной мыслью. Эта абсолютная беззащитность невыносимо его потрясла. — Я не думал, что ты можешь быть ранен. О черт, я не думал, что ты можешь быть…»

Куин закричала, все вдруг отшатнулись, а потом застыли на месте. Майлз лежал на цементном полу с разнесенной взрывом грудной клеткой, с открытым ртом, без движения.

«…убит».

Марку уже приходилось видеть мертвеца, тут ошибиться невозможно.

Куин, задыхаясь от ярости, поливала плаз-

менной струей бхарапутрян. Она не могла остановиться, пока раскаленные куски потолка не посыпались чуть ли не на голову им самим. В этот момент кто-то из дендарийцев отвел ее руку в сторону.

— Таура, достань их! — Куин указала наверх.

Таура стрельнула вверх захватом, зацепившимся за потолочную балку. Она поднялась на полной скорости, словно бешеный паук. В пятнах света и тени Марку трудно было уследить за ее продвижением: она с нечеловеческой быстротой понеслась по переходам, и вскоре вниз посыпались охранники дома Бхарапутра. Вся их полуброня по последнему слову техники оказалась бессильна перед громадными когтистыми руками. Три человека упали, обливаясь кровью, с разорванными глотками. Одного из рядовых дендарийцев, перебегавшего через помещение, чуть не пришибло вражеским телом. Современные военные действия не должны сопровождаться подобным кровопролитием: обычно оружие аккуратненько всех поджаривает, словно раков в панцирях.

Куин не обращала на это ни малейшего внимания, словно результаты приказа уже не имели к ней никакого отношения. Она нерешительно

опустилась на колени рядом с Майлзом. Потом вдруг стянула с него командирский шлем. Швырнув свой шлем на пол, она надела поверх гладкого серого капюшона шлем Майлза. Ее губы зашевелились, устанавливая контакт, проверяя каналы связи… Она отдала приказы охране периметра, соединилась с катером… И еще один приказ:

— Норвуд, возвращайся сюда, возвращайся сюда! Да, неси ее, неси сейчас же! Быстро, Норвуд! — Она только на одну секунду отвела взгляд от Майлза, чтобы крикнуть: — Таура, обеспечь охрану этого строения!

Сверху сержант моментально начала выкрикивать приказы своим людям.

Куин вытащила вибронож из ножен на поясе и стала взрезать полевой мундир Майлза, вспарывая ремни и нейробластерный костюм, отбрасывая в сторону окровавленные лоскуты. И тут подоспел медик с антигравитационной платформой. Он затормозил и опустил платформу на пол рядом с погибшим командующим. Полдюжины ошарашенных клонов шли за медиком гуськом, как утята, и теперь застыли, сбившись в кучку и с ужасом взирая на отвратительные последствия короткого, но бурного боя.

Медик переводил взгляд с тела Майлза на за-

груженную криокамеру.

— Капитан Куин, это бесполезно. Двое туда не поместятся.

— Черта с два бесполезно. — Куин, шатаясь, поднялась на ноги. Кажется, она не осознавала, что у нее по лицу текут слезы. — Черта с два. — Она безнадежно посмотрела на сверкающую криокамеру. — Вываливай ее.

— Куин, я не могу!

— Мой приказ. На моей совести.

— Куин! — в его голосе слышалась мука. — Разве он отдал бы такой приказ?

— Он только что потерял право голоса. Ладно. — Она судорожно вздохнула. — Я это сделаю. Начинай его готовить.

Сжав зубы, медик послушно начал выполнять приказ. Он достал лоток с инструментами. Инструменты были в беспорядке, ими уже воспользовались и поспешно убрали обратно. Он выкатил несколько больших теплоизолированных бутылей.

Куин раскрыла камеру. Раздался хлопок, когда нарушилась герметичность, и крышка распахнулась. Она просунула руки внутрь, расстегивая что-то, Марк не видел что. И не хотел бы видеть. Она зашипела от боли, когда мгновенно замерз-

шая кожа на руках начала отслаиваться, но снова сунула руки обратно. Охнув, она вытащила из камеры зеленоватое, усеянное синяками обнаженное тело женщины и положила его на пол. Это была разбившаяся рядовая с мотоцикла, Филиппи. Патруль Торна, несмотря на обстрел бхарапутрян, в конце концов нашел ее рядом с упавшим воздушным мотоциклом. Перебитый позвоночник, переломанные руки и ноги… Она умирала несколько часов, несмотря на героические попытки медика Зеленого отряда ее спасти. Куин подняла голову и заметила, что Марк на нее уставился. Ее лицо искажало отчаяние.

— Ты… нечего таращиться… заверни ее, — прошипела Куин и поспешила туда, где медик Голубого отряда стоял на коленях рядом с Майлзом.

Марк наконец вышел из оцепенения, засуетился, отыскал среди медицинских припасов тонкую теплозащитную фольгу. Он боялся мертвого тела, но еще больше он боялся Куин. Расстелив серебристое покрывало, он перекатил на него холодную мертвую женщину. Под его робкими пальцами тело было холодным и жестким.

Распрямившись, он услышал, как медик бормочет, глубоко запустив руки без перчаток в

кровавое месиво, бывшее когда-то грудью Майлза Форкосигана:

— Не могу найти вход. Где, к дьяволу, вход? Хоть аорта чертова, хоть что…

— Уже больше четырех минут, — прорычала Куин, вытащила свой вибронож и перерезала Майлзу горло. Она сделала два аккуратных разреза.

Медик поднял глаза и спокойно сказал:

— Проследи за тем, чтобы взять сонную артерию, а не яремную вену.

— Я пытаюсь. На них не написано. — Она отыскала что-то бледное и резинистое. Вытащив трубку из горлышка термоизолированной бутыли, она засунула ее пластиковый конец-сопло в якобы артерию и включила питание: крошечный насос зажужжал, проталкивая прозрачную зеленоватую жидкость через прозрачные трубки. Вытащив из бутыли вторую трубку, она вставила ее в разрез по другую сторону шеи Майлза. Из рассеченных вен хлынула кровь и потекла по рукам, кровь не пульсировала, как при работе сердца, а текла ровным механическим потоком. Она растеклась по полу сверкающей лужей, а потом стала уходить по какому-то незаметному наклону для слива маленьким карминовым

ручейком. Невероятное количество крови. Сбившиеся в кучку клоны плакали. У самого Марка голова пульсировала болью, такой сильной, что в глазах потемнело.

Куин все продолжала закачивать жидкость, пока наружу не потекла такая же зеленовато-прозрачная. Тем временем медик, похоже, нашел тот вход, который искал, и закрепил еще две трубки. Новая кровь, смешанная с криожидкостью, волной выхлестнулась из раны. Ручеек превратился в реку. Медик стянул с Майлза ботинки и носки и приложил датчики к его бледнеющим ступням.

— Почти порядок… Черт, все истратилось.

Он бросился к своей бутыли, которая отключилась и замигала красным индикатором.

— Я использовала все, что было, — сказала Куин.

— Этого, наверное, хватит. Они оба были маленькие. Поставь зажимы… — Он швырнул ей что-то блестящее, что она поймала на лету. Они склонились над маленьким телом. — Ну, в камеру, — решил медик.

Они поспешно положили его в криокамеру, оставив на полу кучу пропитанных кровью обрывков мундира. Куин, предоставила последние подключения медику и отвернулась, невидяще

уставившись в пространство. Она не смотрела на длинный серебристый пакет у своих ног.

Рысцой прибежал Торн. Где он был? Торн поймал взгляд Куин и, указав на бхарапутрян, доложил:

— Они точно пришли через туннели. Я сейчас поставил охрану у всех выходов.

Торн безнадежно нахмурился на криокамеру. Гермафродит вдруг оказался… пожилым. Нет, даже не пожилым — старым.

Куин отреагировала на это кивком.

— Переключись на канал 9-В. У нас неприятности снаружи.

Несмотря на шок, Марк вдруг почувствовал нечто вроде мрачного любопытства и снова включил свой шлем. Он бессильно и безнадежно отключил его уже много часов назад, когда Торн отнял у него командование. Теперь Марк с интересом следил за передачами капитанов.

Заградительные посты Голубого и Оранжевого отрядов находились под сильнейшим давлением усиленных отрядов охраны дома Бхарапутра. Задержавшаяся в этом здании группа Куин притягивала бхарапутрян, жужжавших вокруг, словно мухи вокруг падали. Две трети клонов находились уже в катере, и тяжелый огонь прекратился,

но воздушные подкрепления собирались быстро, кружа над ним, как коршуны. Куин и группа прикрытия вот-вот будут отсечены и окружены.

— Должен быть другой путь, — пробормотала Куин, переключая каналы. — Лейтенант Кимура, как у вас? Сопротивление все еще вялое?

— Оно дивно оживилось. — Высокий, странно жизнерадостный голос Кимуры пробивался через волны разрядов, говоривших о плазменном огне и включении его зеркального противоплазменного поля. — Мы достигли цели и выходим из боя. Пытаемся. Поболтаем потом, ладно?

Опять помехи.

— Какой цели? Позаботься о своем чертовом катере, слышишь, парень? Тебе еще, может, придется лететь за нами. Свяжись со мной в ту же секунду, как окажешься в воздухе.

— Ладно. — Небольшая пауза. — А почему по этому каналу не говорит адмирал, Куини?

Куин зажмурилась от боли:

— Он… временно недосягаем. Шевелись, Кимура!

Ответ Кимуры, какой бы он ни был, потонул в сумятице помех. В шлеме Марка не было заложено никакой программы относительно Кимуры и его цели, но похоже, что лейтенант выходит

на связь не из медкомплекса. Ложный выпад? Если так, то Кимура отвлек от них недостаточно много охранников. Канал сержанта Фрэмингема, находящегося в катере, настоятельно призывал Куин спешить — и почти одновременно заградительные силы Оранжевого отряда доложили, что их вытеснили с еще одной выгодной позиции.

— Катер может приземлиться на крышу этого здания и забрать нас? — спросила Куин, разглядывая балки на потолке.

Торн хмуро проследил за ее взглядом:

— Думаю, он проломит крышу.

— Дьявол. Есть еще идеи?

— Вниз, — неожиданно вмешался Марк. Оба дендарийца дернулись и еле успели удержаться и не упасть на пол. — Через туннели. Бхарапутряне пришли сюда — мы можем уйти отсюда.

— Там настоящий лабиринт, — возразила Куин.

— У меня есть план, — сказал Марк. — У всего Зеленого отряда он есть, в программах. Зеленый отряд может нас вести.

— Так что же ты раньше молчал? — рявкнула Куин, нелогично забыв о том, что этого «раньше» практически и не было.

Торн кивнул, подтверждая его слова, и начал

быстро прослеживать маршрут по объемной голокарте шлема.

— Реально. Мы окажемся в здании позади твоего катера, Куин.

Там заграждения почти нет. А внизу численное превосходство им не поможет.

Куин уставилась на пол.

— Ненавижу грязь. Мне нужен вакуум и простор для действий. Ладно, пошли. Сержант Таура!

Поспешные сборы, еще несколько взорванных дверей — и небольшой отряд снова двинулся вперед, вниз по лифтовой шахте, в подземные коммуникации. Передовые разведывали путь перед основным отрядом. Таура и полдюжины клонов несли завернутое тело Филиппи, уложенное на три металлических прута, которые она оторвала от перил переходов. Словно у мотоциклистки еще осталась какая-то слабая надежда на воскресение.

Марк обнаружил, что шагает рядом с криокамерой, которую тащил обеспокоенный медик. Краешком глаза он заглянул под прозрачную крышку. Его родитель лежал с открытым ртом, бледный, синегубый и неподвижный. Иней перьями оседал на швах, с радиатора охлаждающего элемента сорвалась волна отводимого

тепла. На инфракрасном скопе противника такая волна вспыхнет костром. Марк задрожал и весь сжался. Как холодно, как хочется есть.

«Будь ты проклят, Майлз Форкосиган. Я так много хотел сказать тебе, а теперь ты не слушаешь».

Прямой туннель привел их в просторный вестибюль. Сколько здесь разных ответвлений и перекрестков… Лифтовые шахты, пожарные лестницы, еще туннели, чуланы… Все двери распахнуты или взорваны их авангардом, выискивавшим бхарапутрян. В воздухе резко пахло дымом и плазменным огнем. К сожалению, здесь авангард нашел то, что искал.

Погас свет. Вокруг Марка на шлемы всех дендарийцев опустились фильтры: они перешли на инфракрасный обзор. Он сделал то же и потерянно уставился на мир без красок. Два передовых дендарийца из разных коридоров вбежали обратно в вестибюль, стреляя из плазмотронов. Четверо бхарапутрян в полуброне выскочили из лифтовой шахты, разделив колонну Куин пополам, и они оказались втянутыми в рукопашный бой. Марка случайно сбил с ног дендариец, и он пригнулся рядом с антигравитационной платформой.

— Она не защищена, — простонал медик,

шлепая по криокамере, когда над самыми их головами хлестнул плазменный луч. — Одно прямое попадание, и…

— Тогда в лифтовую шахту! — заорал Марк. Медик кивнул, задвигая платформу в ближайшее темное отверстие, где не было бхарапутрян. Шахта оказалась отключенной, иначе противодействующее гравиполе могло бы замкнуть цепи и на платформе, и в камере. Медик взгромоздился на криокамеру, словно на лошадь, и начал медленно спускаться вниз. За ним на руках по запасной лестнице начал спускаться еще один рядовой. Плазменный огонь три раза почти без интервалов ударил в Марка, снова сбив его с ног. Его зеркальная защита взревела, рассыпая голубые искры, и он перекатился к шахте через волны жара. Цепляясь за лестницу, он ушел из зоны обстрела.

Но ненадолго. В отверстии над ними сверкнул шлем бхарапутрянина, и огонь плазмотрона ударил вниз по лифтовой шахте, словно молния. Рядовой помог медику вытолкнуть платформу в самый нижний проход и нырнул следом. Марк пробрался за ними, ощущая себя живым факелом, опутанным шумным голубым свечением. Который это уже выстрел? Он потерял счет. Сколько

еще сможет выдержать его защита?

Рядовой приготовился стрелять, целясь в лифтовую шахту, но бхарапутрянин за ними не полез. Они стояли в темноте и тишине — сверху в шахту доносились выстрелы и крики боя наверху. Этот вестибюль поменьше, и из него только два выхода. Тусклое желтое аварийное освещение вдоль пола казалось обманчиво теплым.

— Черт, — сказал медик, глядя вверх. — Кажется, мы только что дали себя отрезать.

— Не факт, — возразил Марк. Медик и рядовой были не из Зеленого отряда. Он включил план, нашел их местоположение и предоставил компьютеру шлема проложить маршрут. — С этого уровня туда тоже можно добраться. Путь немного более кружной, но именно поэтому меньше вероятности наткнуться на бхарапутрян.

— Ну-ка я посмотрю, — потребовал медик.

Нехотя, но с облегчением, Марк отдал ему свой шлем. Медик нахлобучил его себе на голову и стал смотреть на красную линию, змеящуюся по трехмерному изображению медкомплекса. Марк рискнул бросить быстрый взгляд вверх, в лифтовую шахту. Бхарапутрян не видно, и звуки боя стали более приглушенными. Он нырнул обратно, поймав на себе неприязненный взгляд

рядового.

«Да, я не ваш чертов адмирал. Очень жаль, правда?»

Рядовой явно считал, что бхарапутряне пристрелили не того коротышку. Чтобы понять это, Марку даже не нужны были слова. Он ссутулился.

— Угу, — решил медик. Было видно, как он сжал челюсти.

— Если вы поторопитесь, то можете оказаться там даже раньше капитана Куин, — сказал Марк. Он по-прежнему держал шлем медика. Сверху больше ничего не слышно. Что ему теперь делать? Догонять отряд Куин или остаться охранять платформу? Он не знал, что страшнее — Куин или огонь противника. Но, очевидно, оставаясь с криокамерой, он все-таки в большей безопасности.

Он сделал глубокий вдох:

— Вы… оставьте себе мой шлем. Я возьму ваш. — Медик и рядовой смотрели на него, словно отталкивая. — Я пойду за Куин и клонами.

Его клоны. А какое, собственно, дело Куин до их жизни?

— Ну так иди, — сказал медик. Они с рядовым вывезли платформу за двери и не оглянулись.

Они явно решили, что он не помощник, а обуза, и были рады от него избавиться.

Он мрачно начал карабкаться вверх по лифтовой шахте. Оказавшись на уровне пола, он осторожно осмотрел вестибюль. Немалые разрушения. К удушающему дыму автоматическая противопожарная система добавила еще и пар. Одно тело в коричневой форме неподвижно лежало на полу. Пол мокрый и скользкий. Он вылез из шахты и неуверенно бросился в коридор, по которому должны были уйти дендарийцы, если не изменили намеченный маршрут. Новые следы плазменного огня убедили его в том, что он на верном пути.

Марк завернул за угол, резко затормозил и снова кинулся назад, чтобы спрятаться. Бхарапутряне его не заметили: они смотрели в противоположную сторону. Он отступил обратно по коридору, неловко переключая каналы незнакомого шлема, пока не связался с Куин.

— Капитан Куин? Э-э… это Марк.

— Куда ты подевался, черт возьми, и где Норвуд?

— У него мой шлем. Он повез криокамеру другим маршрутом. Я позади вас, но не могу вас догнать. Между нами четыре бхарапутрянина в

полной космической броне. Заходят к вам с тыла. Будьте осторожны.

— Черт, теперь у них еще и преимущество. Ну, все. — Куин промолчала. — Нет. С ними я справлюсь. Марк, уматывай отсюда. Иди за Норвудом. Беги!

— Что вы собираетесь сделать?

— Уроню на этих подонков крышу. Пусть тогда попробуют воспользоваться своей космической броней. Беги!

Он бросился бежать, поняв, что она задумала. У первой же лифтовой шахты он ринулся к лестнице и стал отчаянно карабкаться вверх, не думая, куда она его приведет. Он не хотел уходить глубже под землю, когда…

Это было похоже на землетрясение. Лифтовая шахта затрещала и содрогнулась, а он цеплялся за перекладину, чувствуя, как в него бьет взрывная волна. Через секунду все уже закончилось, только эхо гулко перекатывалось по туннелям, и он снова начал подъем. Впереди показался дневной свет, посеребривший вход в лифтовую шахту.

Он оказался на первом этаже какого-то здания. Похоже на шикарную контору. Окна потрескались. Он разбил окно, выбрался наружу и поднял инфракрасный фильтр. Справа половина какого-

то строения провалилась в чудовищную воронку. Оттуда поднимались удушливые клубы пыли. Возможно, бхарапутряне в крепкой космической броне все еще живы под всеми этими обломками, но, чтобы их вытащить, понадобится несколько часов раскопок. Несмотря на ужас, он ухмыльнулся, пытаясь отдышаться и привыкнуть к дневному свету.

Шлем медика не давал ему таких возможностей для подслушивания, как командирский шлем, но он снова отыскал Куин.

— Хорошо, Норвуд, продолжайте двигаться, — говорила она. — Идите как можно быстрее! Фрэмингем! Слышишь? Следи за Норвудом. Начинай отводить ограждение. Взлетай, как только возьмешь на борт Норвуда и Тонкина. Кимура! Ты уже в воздухе? — Пауза. Марку не слышен был ответ Кимуры, кто бы он ни был и где бы ни находился, но по тому, что сказала Куин дальше, он смог понять смысл его ответа: — Ну, мы только что сделали себе новую посадочную площадку. Она немного неровная, но сойдет. Следуй по моему сигналу, опускайся прямо в воронку. Как раз хватит места. Да, еще как можешь, я проверила все лазерным скопом. И разрешение у тебя еще как есть. Теперь ты можешь рисковать катером,

Кимура. Давай!

Он тоже бросился к воронке, пробираясь вдоль стены здания, пользуясь прикрытием архитектурных деталей, пока дождь бетонных осколков не подсказал ему, что поврежденный взрывом балкон начинает разваливаться. Остаться под ним и быть раздавленным или выйти на открытое место и быть застреленным? Какую цитату из военного пособия так любил Форкосиган? «Ни один из планов сражения не выдерживает первого столкновения с противником». Тактика и диспозиция Куин менялась с ошеломляющей скоростью. Она воспользовалась в буквальном смысле новым выходом. Рев спускающегося катера становился все громче, и он выскочил из-под балкона как раз в тот момент, когда вибрация окончательно расшатала его и один край обвалился. Он бежал не останавливаясь. Пусть снайперы Бхарапутры попытаются поймать движущуюся мишень…

Куин и ее группа отважились выйти как раз в тот момент, когда катер, вытянув длинные ноги наподобие гигантского насекомого, осторожно опустился в воронку. Несколько последних бхарапутрян заняли позицию на крыше здания напротив и открыли по ним огонь. Но они были

вооружены только плазмотронами и по-прежнему старались не попасть в клонов, хотя одна девочка в розовой пижамке закричала, попав в поле плазменного зеркала дендарийца. Легкие ожоги, болезненные, но не смертельные. Она плакала и страшно перепугалась, но тем не менее кто-то из дендарийцев поймал ее и подтолкнул к люку, который уже начал открываться, выпуская трап.

Бхарапутряне, не надеясь сбить катер снайперским оружием, сменили тактику. Они начали сосредоточивать свой огонь на Куин. Выстрел за выстрелом ударяли в ее перегруженное зеркальное поле. Она вся сверкала голубыми искрами, шатаясь под ударами. Клоны и дендарийцы взбегали по трапу.

«Командирские шлемы притягивают огонь».

Он не видел другого выхода, кроме как пробежать перед ней. Воздух вокруг вспыхнул от рассеиваемой зеркальным полем энергии, но за эту короткую передышку Куин сумела сориентироваться. Она схватила его за руку, и они вдвоем взбежали по трапу — последние. Не успели они упасть в люк, как катер уже взлетел, втягивая трап. Люк загерметизировался за ними. Тишина показалась музыкой.

Марк перекатился на спину и лежал, хватая ртом воздух. Легкие его горели. Куин села. Лицо ее было красным пятном на фоне серого шлема. Просто легкий ожог, как при загаре. Она три раза истерически всхлипнула, потом сжала зубы. Ее пальцы робко прикоснулись к горящим щекам, и Марк вспомнил: у этой женщины когда-то плазменным огнем сожгло все лицо. Но только один раз. Второго не случилось.

Она встала на колени и принялась переключать каналы командирского шлема, чуть не стоившего ей жизни. С трудом поднявшись на ноги, она пробежала вперед. Марк сел и огляделся, полностью потеряв ориентацию. Он увидел сержанта Тауру, Торна, клонов. Остальные дендарийцы были ему незнакомы: надо полагать, Желтый отряд лейтенанта Кимуры, некоторые — в обычной полевой форме, некоторые — в полной космической броне. Выглядели они довольно потрепанными. Все четыре койки для раненых были разложены и заняты ранеными, пятый лежал на полу. Но занимавшаяся ими женщина-медик двигалась плавно, не дергалась. Видимо, состояние ее пациентов стабилизировалось и они могут дожидаться лечения в более благоприятных условиях. Но криокамера Желтого

отряда, оказывается, была недавно занята. Теперь прогноз для завернутой в фольгу Филиппи был настолько плохим, что Марк сомневался, что ее заморозят по возвращении на борт «Перегрина». Но если не считать мотоциклистки и криокамеры, больше накрытых тел не было: отряд Кимуры выполнил свое задание, каково бы оно ни было, достаточно легко.

Катер накренился: они делали круг, не выходя пока на орбиту. Марк чуть слышно простонал и встал, чтобы пойти за Куин и выяснить, что происходит.

Увидев пленного, он остановился как вкопанный. Мужчина сидел со связанными за спиной руками, надежно привязанный ремнями к креслу, под охраной двух рядовых Желтого отряда: крупного мужчины и худой женщины, чем-то напомнившей змею, — гибкое мускулистое тело и немигающие глаза-бусинки. Пленный лет сорока был очень внушителен и одет в разорванный китель из коричневого шелка. Пряди темных волос выбились из золотого кольца, стягивавшего их сзади, и упали на лицо. Он не вырывался, а сидел спокойно, выжидая с холодным терпением, вполне соответствующим терпению женщины-змеи.

Бхарапутра. Сам Бхарапутра. Барон дома Бхарапутра, сам Васа Луиджи. Он ничуть не переменился с того дня восемь лет назад, когда Марк последний раз мельком видел его.

Васа Луиджи поднял голову и глаза его чуть расширились при виде Марка.

— Так, адмирал, — пробормотал он.

— Вот именно, — автоматически ответил Марк нейсмитовской фразой. Катер накренился сильнее, и он покачнулся, стараясь скрыть ужас и смертельную усталость. Он ведь не спал и в ночь перед операцией.

«Бхарапутра, здесь?»

Барон приподнял бровь:

— Кто это на вашей рубашке?

Марк посмотрел на себя. Полоса крови еще не потемнела: она была влажной, липкой и холодной. Он почувствовал острое желание ответить: «Мой брат», — просто для того, чтобы потрясти. Но вряд ли барон доступен потрясениям. Марк предпочел отойти подальше, избегая более тесного общения. Барон Бхарапутра! Что, Куин с компанией собираются прокатиться верхом на этом тигре? Каким образом? Но по крайней мере теперь ему было понятно, почему катер может кружить над местом боя, не опасаясь вражеского

огня.

Он нашел Куин и Торна в кабине пилота, вместе с командиром Желтого отряда Кимурой. Куин заняла место у пульта комм-связи. Серый капюшон откинут, открыв спутавшиеся влажные кудряшки.

— Фрэмингем! Докладывай! — кричала она в комм. — Тебе необходимо взлетать! Воздушные подкрепления Бхарапутры почти у тебя над головой!

Через проход от Куин Торн работал с тактическим монитором. Две окрашенные дендарийские точки, истребители, наскакивали на эскадрилью вражеских катеров, пролетающих над призрачным городом, но никак не могли разбить их построение. Марк выглянул наружу, но в освещенном солнцем утреннем смоге не смог разглядеть реальные летательные аппараты.

— Мы сейчас осуществляем извлечение неходячего, мэм, — ответил голос Фрэмингема. — Минутку — и отряд вернется.

— Все остальные уже у вас? Норвуда вы взяли? Я не могу вызвать его шлем!

Наступила долгая пауза. Куин сжала кулаки… Ногти у нее были обгрызаны почти до мяса.

Наконец послышался голос Фрэмингема:

— Теперь мы его взяли, мэм. Все на борту — и живые, и мертвые, все, кроме Филиппи. Я не хочу никого оставлять этим гадам…

— Филиппи у нас.

— Слава Богу! Тогда все на месте. Мы взлетаем, капитан Куин.

— Ценный груз, Фрэмингем, — сказала Куин. — Встречаемся под огневым зонтиком «Перегрина». Истребители будут охранять ваши крылья.

На тактическом дисплее дендарийские точечки оторвались от неприятеля и оставили его позади.

— А как насчет ваших крыльев?

— Мы полетим следом за вами. Желтый отряд купил нам обратный билет первого класса. Возвращаемся на станцию Фелл.

— А потом улетаем?

— Нет. У «Ариэля» небольшие повреждения. Мы стыкуемся. Это договорено.

— Ясно. Увидимся там.

Дендарийские катера наконец соединились и начали ускоренный набор высоты. Марк отчаянно вцепился в кресло. Истребителям вражеский огонь опаснее, понял он, наблюдая за тактическим дисплеем. Один из истребителей явно хромал.

Он держался поближе к катеру Желтого отряда. Скорость выдерживали, ориентируясь на «раненого». Но в кои-то веки все шло по плану. Их преследователи неохотно отстали, когда катера вышли за пределы атмосферы.

Куин на мгновение устало облокотилась на пульт и спрятала лицо в ладонях. Торн сидел бледный и молчал. На Куин, Торне и на нем самом — следы крови. Теперь они как будто связаны этим.

Наконец показалась станция Фелл — крупнейшая орбитальная станция Архипелага Джексона, штаб-квартира дома Фелл и его город. Барон Фелл любил занимать господствующие высоты. В системе Главных домов у Фелла был перевес в грубой силе. Но грубая сила редко бывает доходной, а на Архипелаге Джексона успех исчисляется в звонкой монете. Какой монетой дендарийцы оплатят помощь станции Фелл или по крайней мере ее нейтралитет? Персоной барона Бхарапутры? Тогда какая роль достанется клонам — роль разменной монеты? И подумать только, что он ненавидел джексонианцев за торговлю людьми!

Станция Фелл как раз выходила из тени планеты, и надвигающаяся линия солнечного света эффектно подчеркивала ее гигантские размеры.

Они начали тормозить, подлетая к одному из ответвлений, передав управление диспетчерской системе станции и тяжеловооруженным буксирам, возникшим словно из ниоткуда, чтобы сопровождать их. А вот и дрейфующий «Перегрин». Посадочные и боевые катера исполняли вокруг корабля сложный танец, подлетая к своим стыковочным захватам. Сам «Перегрин» осторожно двигался к отведенной стоянке.

Послышался стук захватов и шипение герметизирующихся переходных труб, возвещавших об их возвращении домой. В основном отсеке дендарийцы торопились с отправкой раненых в лазарет «Перегрина», а потом уже устало перешли к наведению порядка и уборке. Куин промчалась мимо них, за ней по пятам — Торн. Марк последовал за ними.

Стремительный бег Куин привел ее к люку, где совершал стыковку катер Фрэмингема. Они оказались там, когда начали подводить гибкую трубу-переходник, а потом им пришлось посторониться: в первую очередь выгружали раненых. Марк с тревогой узнал рядового Тонкина, который сопровождал Норвуда. Тонкин сменил амплуа, превратившись из охранника в пациента. Лицо его потемнело и застыло. Он оставался

без сознания, пока заботливые руки проносили его в корабль и укладывали на антигравитационную платформу.

«С ним что-то очень нехорошее».

Куин нетерпеливо переминалась с ноги на ногу. Появились другие дендарийцы, выводя клонов. Куин нахмурилась и протолкалась по гибкому переходнику в катер.

Торн и Марк пробрались следом за ней в хаос невесомости. Клоны были повсюду — одни плакали, других выворачивало наизнанку… Дендарийцы пытались их поймать и доставить к выходу. Крики, вопли и шум такие, что можно с ума сойти. Зычные окрики Фрэмингема не могли установить военный порядок, пока не выведут из катера всех перепуганных клонов.

— Фрэмингем! Где, черт возьми, криокамера, которую вез Норвуд? — спросила Куин, ухватив его за щиколотку.

— Но вы же сказали, что она у вас, капитан.

— Что?!

— Вы сказали, что Филиппи у вас. — Его губы растянулись в яростной гримасе. — Черт побери, если мы оставили ее внизу, я…

— Да, Филиппи у нас, но она… она была уже не в криокамере. Норвуд должен был доставить

камеру вам — Норвуд и Тонкин.

— У них ее не было, когда мой спасательный отряд их нашел. Мы их обоих привезли — то, что от них осталось. Норвуд убит. Ему в глаз попала иглограната. Всю голову разнесло. Но я его тело не оставил, оно тут, в мешке.

«Командирские шлемы притягивают огонь. О, да, я это знал…»

Неудивительно, что Куин не удалось вызвать его шлем.

— Криокамера, Фрэмингем! — В голосе Куин звучала такая мука, какой Марку еще не приходилось слышать.

— Мы не видели никакой криокамеры, Куин! Когда мы до них добрались, у Норвуда с Тонкиным криокамеры не было! А что там такое ценное, если Филиппи, как вы говорите, у вас?

Куин отпустила его щиколотку и поплыла, сжимаясь в комок. Глаза ее стали темными и огромными. Она резко оборвала цепочку бессвязных ругательств и так сжала зубы, что у нее даже десны побелели.

— Торн, — сказала Куин, когда снова смогла говорить, — свяжись по комму с Элен. С этой секунды оба корабля прерывают связь с окружающим. Никаких отпусков, никаких увольнений,

никаких переговоров со станцией Фелл или с кем-либо еще без моего ведома. Скажи, чтобы она вызвала сюда с «Ариэля» лейтенанта Харта. Мне надо переговорить с ними — и не по комм-связи. Иди.

Торн кивнул, перевернулся в воздухе и направился к кабине пилота.

— В чем дело? — спросил Фрэмингем.

Куин сделала глубокий-глубокий вдох:

— Фрэмингем, мы оставили внизу адмирала.

— Что за чушь — вот ведь он… — Палец Фрэмингема не дошел до Марка. Указующая рука сжалась в кулак. — О! — Он помолчал. — Это клон.

У Куин горели глаза. Марку казалось, что они прожигают его насквозь, словно лазерные дрели.

— Может, и нет, — тяжело проговорила Куин. — В том, что касается дома Бхарапутра.

— О? — Фрэмингем прищурился, соображая.

«Нет!» — мысленно вскрикнул Марк. Но беззвучно. Совершенно беззвучно.

Глава 8

Он словно оказался в одной комнате с полдюжиной маньяков убийц, страдающих от похмелья. До Марка доносилось их тяжелое дыхание. Они собрались в кают-компании рядом с главным тактическим центром «Перегрина». Только Элен Ботари-Джезек на своем месте во главе стола и сидящий справа от нее лейтенант Харт по-корабельному чистенькие и подтянутые. Остальные пришли в том виде, в каком вернулись с операции: Таура, сержант Фрэмингем, лейтенант Кимура, Куин, сидевшая слева от Ботари-Джезек, и, конечно, он сам — в одиночестве, на противоположном конце длинного стола.

Капитан Ботари-Джезек нахмурилась и молча пустила вдоль стола пузырек с болеутоляющими таблетками. Сержант Таура взяла шесть. Только лейтенант Кимура отказался. Таура передала пузырек через стол Фрэмингему, не предложив лекарство Марку. Он жаждал этих таблеток как глотка воды в пустыне. Пузырек обошел всех сидящих и вернулся в карман капитана. У Марка виски пульсировали в такт боли, а кожа на голове

стянулась, как высыхающая шкура.

Ботари-Джезек заговорила:

— Нам предстоит решить только два вопроса — и предельно быстро. Что произошло и что нам делать теперь? Записи из шлемов сейчас будут здесь?

— Да, мэм, — ответил сержант Фрэмингем. — Их принесет капрал Абрамс.

— К сожалению, самого важного у нас нет, — заметила Куин. — Так, Фрэмингем?

— Боюсь, что да, мэм. Надо думать, записывающее устройство воткнулось в стенку в туннелях Бхарапутры вместе с остальными частями шлема Норвуда. Чертовы гранаты.

— Проклятие!

Куин ссутулилась в своем кресле.

Дверь скользнула в сторону, и рысцой вбежал капрал Абрамс. Он нес четыре небольших прозрачных пластиковых подноса, сложенных стопкой, с этикетками «Зеленый отряд», «Голубой отряд», «Желтый отряд», «Оранжевый отряд». На каждом подносе лежал ряд из десяти—шестнадцати крошечных пуговичек. Записывающие устройства шлемов. Личные записи каждого бойца: каждое движение, каждый удар сердца, каждый поворот, выстрел, удар, каждое слово.

События, которые в реальном времени происходили слишком стремительно, могли быть замедлены, проанализированы, разобраны на кусочки. Ошибочные действия можно было выделить и исправить в следующий раз.

Абрамс отдал честь и вручил подносы капитану Ботари-Джезек. Поблагодарив, она отпустила его и передала подносы Куин, которая поочередно вставила их в паз моделирующего устройства и переписала данные. Кроме того, она сделала этот файл чрезвычайно секретным. Ее ободранные пальцы стремительно двигались по пульту.

Над крышкой стола возникло уже привычное изображение трехмерной карты медкомплекса дома Бхарапутра.

— Я сразу перескочу на тот момент, когда на нас напали в туннеле, — сказала Куин. — Вот где мы. Голубой отряд, часть Зеленого отряда… — Переплетенные спагетти голубых и зеленых нитей появились в глубине призрачного здания. — Тонкин был номером шестым Голубого отряда, и далее сохраняет свой шлем. — Ради контраста она высветила маршрут Тонкина желтым.

— На Норвуде все еще был надет Номер десятый Голубого отряда. — Марк… — она сжала губы, — был в шлеме Номер один. — Этот марш-

рут, естественно, на изображении отсутствовал. Она выделила маршрут Норвуда розовым. — В какой момент вы с Норвудом обменялись шлемами, Марк?

Задавая этот вопрос, она на него не посмотрела.

«Пожалуйста, отпустите меня».

Он не сомневался, что болен — его все еще трясло. На шее сзади все время судорожно сокращалась какая-то мышца, прибавляя неприятные ощущения к общему фону боли.

— Мы спустились до конца этой лифтовой шахты. — У него получился только сухой шепот. — Когда… когда шлем Номер десять снова поднимется наверх, он будет уже на мне. Норвуд и Тонкин пошли вместе дальше — и я их больше не видел.

Действительно, розовая линия снова выползла из шахты и двинулась следом за скопищем голубых и зеленых. Желтый маршрут пошел дальше один.

Куин быстро прокрутила голосовую связь. Басок Тонкина звучал, словно писк накачавшегося амфетаминами комара.

— Когда я последний раз с ними говорила, они были вот здесь. — Куин отметила место сверка-

ющей точкой — внутренний коридор еще под одним зданием. Она замолчала, наблюдая, как желтая линия змеится дальше, вниз по лифтовой шахте, через еще одну подземную коммуникацию, под зданием, через еще одно.

— Здесь, — вдруг сказал Фрэмингем. — Вот этаж, где они попались. Мы связались с ними вот здесь.

Куин сделала еще одну пометку.

— Значит, криокамера должна быть где-то недалеко от их маршрута между этим и тем местом. — Она указала на две светящиеся точки. — Просто обязана. — Она всмотрелась в план, прищурив глаза. — Два здания. Может, два с половиной. Но в голосовой связи Тонкина ничто не может служить подсказкой.

Комариный голосок просил о помощи, снова и снова, но не упоминал о криокамере. У Марка перехватывало горло в такт его словам.

«Куин, отключите его, пожалуйста…»

Программа закончилась. Все дендарийцы, сидевшие за столом, уставились на изображение медкомплекса, словно надеясь услышать что-то еще. Но больше ничего не было.

Отодвинувшаяся в сторону дверь впустила капитана Торна. Марк еще никогда не видел столь

измученного человеческого существа. На Торне все еще была грязная полевая форма, только аккумулятор плазменного зеркала отстегнут. Серый капюшон сдвинут, темные волосы слиплись. Движения Торна торопливые и резкие: сила воли боролась со смертельной усталостью.

Торн наклонился, опираясь о стол заседаний, мрачно сжав губы.

— Ну, получилось узнать что-нибудь от Тонкина? — спросила у Торна Куин. — Мы только что видели то, что осталось в компьютере. И, по-моему, этого мало.

— Медикам удалось на время привести его в сознание, — доложил Торн, — и он говорил. Я надеялся, что по записям удастся понять, что он сказал, но…

— Так что же он все-таки сказал?

— Он сказал, что, когда они попали вот в это здание, — Торн показал на карту, — их отрезали. Еще не окружили, но перекрыли дорогу к катеру, и противник стал быстро замыкать кольцо. Тонкин сказал, что Норвуд крикнул: «Есть идея!» Он что-то видел «позади». Он велел Тонкину отвлечь противника и охранять один коридор — должно быть, вот этот. Норвуд схватил криокамеру и побежал с ней обратно. Он вернулся довольно

скоро, не больше чем через шесть минут, и сказал Тонкину: «Теперь все в порядке. Адмирал отсюда выберется, даже если у нас с тобой не получится». Примерно через две минуты его убило той гранатой, а Тонкин потерял сознание — контузия.

Фрэмингем кивнул:

— Мой отряд добрался до них не больше чем через три минуты. Мы оттеснили бхарапутрян, которые обыскивали тела: то ли грабили, то ли искали информацию, капрал Абрамс не может сказать определенно, — взяли Тонкина и тело Норвуда и побежали. Никто из отряда не докладывал, что видел где-нибудь криокамеру.

Куин рассеянно закусила обглоданный ноготь. Казалось, все собравшиеся за столом пытаются переварить эту последнюю новость, глядя на карту.

— Он сделал что-то хитрое, — сказала Ботари-Джезек. — Или по крайней мере ему это казалось хитрым.

— У него было всего минут пять. Какую хитрость можно устроить за пять минут? — пожаловалась Куин. — Будь он тысячу раз проклят, этот хитрец, за то, что не доложился!

— Он наверняка собирался это сделать, — вздохнула Элен. — Мне кажется, не надо тратить время

на выяснение кто виноват и в чем. Вины на всех хватит.

Торн содрогнулся — Фрэмингем, Куин и Таура тоже. Потом все они посмотрели на Марка. Тот еще сильнее вжался в кресло.

— Прошло всего, — Куин взглянула на часы, — меньше двух часов. Что бы Норвуд ни придумал, криокамера должна все еще быть там. Просто должна.

— И что мы будем делать? — сухо поинтересовался лейтенант Кимура. — Организуем еще одну операцию по высадке?

Куин поджала губы, показывая, что сейчас не время для шуток.

— Вы вызываетесь добровольцем, Кимура?

Кимура промолчал.

— Тем временем, — сказала Элен, — станция Фелл нас вызывает — и достаточно настоятельно. Нам надо начать переговоры. Мне представляется, что они должны включить нашего заложника. — Отрывистый кивок в сторону Кимуры отметил единственный безоговорочно успешный эпизод операции, и Кимура ответно кивнул. — Кто-нибудь из присутствующих знает, что адмирал собирался сделать с бароном Бхарапутрой?

Никто не знал.

— И ты не знаешь, Куини? — удивленно переспросил Кимура.

— Нет. Времени поболтать не было. Я даже не знаю, Кимура, рассчитывал ли адмирал, что твое похищение окажется успешным, или задумал его как отвлекающий маневр. Это больше похоже на его стратегию: вся операция не строится в расчете на один непредсказуемый результат. Полагаю, он собирался, — ее голос стал тише, — сориентироваться по обстановке. — Она села прямее. — Но я совершенно определенно знаю, что намерена делать я. На этот раз сделка должна быть в нашу пользу. Барон Бхарапутра может стать для нас всех обратным билетом отсюда — и для адмирала тоже, но нам надо правильно разыграть все карты.

— В таком случае, — сказала Ботари-Джезек, — думаю, нам не следует говорить, насколько ценный груз мы оставили внизу.

Тут Ботари-Джезек, Торн, Куин — все — повернулись и посмотрели на Марка, холодно и расчетливо.

— Я тоже об этом думала, — согласилась Куин.

— Нет, — прошептал он. — Нет! — Вместо крика у него получился только резкий хрип. — Вы это

не серьезно. Вы не можете заставить меня быть им. Я больше не хочу быть им. Господи! Нет!

Его трясло, тошнило, ломало.

«Мне холодно».

Куин с Ботари-Джезек переглянулись. Ботари-Джезек кивнула в ответ на какую-то безмолвную фразу.

Куин сказала:

— Все могут возвращаться к исполнению своих обязанностей. Кроме вас, капитан Торн. Вы освобождаетесь от командования «Ариэлем». Лейтенант Харт вас заменит.

Торн кивнул, словно ожидая именно этого:

— Я под арестом?

Куин зажмурилась, словно от боли:

— Черт, у нас нет на это времени. И людей. И вы еще не сделали доклад, и кроме того, мне нужен ваш опыт. Эта… ситуация в любой момент может быстро измениться. Считайте себя арестованным и поступившим в мое распоряжение. Можете охранять себя сами. Займите гостевую офицерскую кабину на «Перегрине» и можете называть ее камерой, если считаете нужным.

Лицо Торна стало еще мрачнее.

— Слушаюсь, мэм, — невыразительно отозвался он.

Куин нахмурилась:

— Пойдите и приведите себя в порядок. Продолжим позднее.

Кроме Куин и Ботари-Джезек, все вышли. Марк попытался последовать за ними.

— Ну, нет, — сказала Куин, и слова ее прозвучали как удары погребального колокола. Он снова упал в свое кресло и съежился. Когда из зала ушел последний дендариец, Куин протянула руку и отключила все записывающие устройства.

Женщины Майлза. Возлюбленная юности Элен, теперь капитан Ботари-Джезек. Ее Марк изучал тогда, когда комаррцы готовили его к исполнению роли лорда Форкосигана. И все же она оказалась не совсем такой, как он ожидал. Дендарийка Куин стала для комаррцев неожиданностью. Две женщины случайно оказались похожи: короткие темные волосы, тонкая бледная кожа, влажные карие глаза… Или не так уж случайно? Может, Форкосиган подсознательно выбрал Куин как подмену Ботари-Джезек, когда не смог получить оригинал? Даже имена у них были похожи: Элли и Элен.

Ботари-Джезек была выше на целую голову, с длинным аристократическим лицом. И держалась она более холодно и сдержанно, что еще

сильнее подчеркивал офицерский мундир. Элли, в полевой форме и боевых ботинках, была ниже, хотя и на целую голову выше его самого и не такая надменная, как Элен. Обе внушали ужас. Собственный вкус Марка, если когда-то он сможет проявить его, скорее склоняется к той блондиночке, которую они извлекли из-под кровати, но только чтобы возраст у нее соответствовал внешности. Невысокая, мягкая, розовая, робкая — чтобы она не сожрала его после совокупления.

Элен Ботари-Джезек наблюдала за ним с каким-то брезгливым любопытством.

— Так похож на него. И не он. Чего ты трясешься?

— Мне холодно, — пробормотал Марк.

— Холодно! — возмутилась Куин. — Ему холодно! Ты, проклятый всеми богами маленький негодяй…

Тут она стремительно развернула свое кресло и села спиной к ним.

Элен встала и прошла к его месту за столом. Она прикоснулась к его лбу, покрытому холодным потом. Он резко отпрянул. Наклонившись, она заглянула ему в глаза:

— Куини, он в психологическом шоке.

— Он не заслуживает того, чтобы с ним счита-

лись! — прошептала Куин.

— Но он все равно в шоке. Если хочешь получить результаты, то следует это учитывать.

— Дьявол! — Куин снова повернулась к ним. От ее глаз по перепачканному лицу пролегли влажные чистые дорожки. — Ты-то не видела. Ты не видела, как Майлз лежал с взорванным сердцем!

— Куини, он же на самом деле не умер. Правда? Он просто заморожен и… потерялся.

Не слышится ли в ее голосе слабого оттенка неуверенности, отрицания?

— О, еще как умер. На самом деле умер и заморожен. И таким останется навечно, если мы не вернем его обратно!

Элен глубоко вздохнула:

— Давай сосредоточимся на ближайших задачах. Самый важный вопрос: Марк сможет провести барона Фелла? Фелл один раз встречался с настоящим Майлзом.

— Я именно поэтому и не посадила Бела Торна под настоящий арест. Бел при этом присутствовал и, надеюсь, сможет что-то посоветовать.

— Да. И вот что странно… — Она уселась на край стола, раскачивая ногой. — Шок или не шок, но Марк не выдал тайну Майлза. Имя «Форкосиган» в его устах не звучало, так?

— Да, — признала Куин.

Ботари-Джезек изучающе посмотрела на него.

— Почему? — внезапно спросила она.

Он еще сильнее скорчился в кресле, пытаясь спрятаться от ее взгляда.

— Не знаю, — пробормотал он. Она безжалостно продолжала ждать, и он постарался говорить чуть громче. — Наверное, по привычке. — Главным образом, по привычке Сера Галена избивать его до полусмерти при каждой ошибке, в те старые злые времена. — Если я играю роль, то я ее играю. М-Майлз никогда не сделал бы такой ошибки — и я тоже не сделал.

— А кто ты, когда не играешь роли? — Элен оценивающе прищурилась.

— Я… почти не знаю. — Он сглотнул и попытался еще раз заставить свой голос звучать громче. — Что теперь будет с моими… с клонами?

Когда Куин собралась ответить, Элен остановила ее, подняв руку.

— А что бы ты хотел, чтобы с ними было?

— Я хочу, чтобы они были свободны. Чтобы их отпустили на свободу где-нибудь в безопасности, откуда дом Бхарапутра не сможет их снова украсть.

— Странный альтруизм. Я все пытаюсь понять:

почему? Почему ты вообще предпринял всю эту операцию? Что ты рассчитывал получить?

Он открыл было рот, но не смог издать ни звука. Он не мог ответить. Он все еще был покрыт холодным липким потом, его колотила дрожь, и сил совсем не было… Голова болела по-черному, словно оттуда отхлынула вся кровь. Он помотал головой.

— Ха! — фыркнула Куин, — ну и слабак. Что за чертов анти-Майлз! Сумел вырвать поражение из пасти победы.

— Куин, — негромко сказала Элен. В этом одном слове была глубокая укоризна, которую Куин услышала и признала, пожав плечами. — Думаю, мы обе не слишком понимаем, что нам тут досталось, — добавила она. — Я знаю, когда дело мне не по силам. Но знаю я и кого-то, кому оно будет по силам.

— Кому?

— Графине Форкосиган.

— Хм-м, — вздохнула Куин. — Вот и еще одно. Кто расскажет ей о… — Она ткнула в них пальцем, обозначая Архипелаг Джексона и роковые события, которые там произошли. — И да помогут мне боги: если я действительно теперь командую всей этой конторой, то мне предстоит доложить

обо всем этом Саймону Иллиану. — Она помолчала. — Хочешь взять командование на себя, Элен? Как старший из присутствующих здесь капитанов кораблей — после ареста Бела — и все такое прочее… Я просто взяла командование на себя, потому что так надо было — в бою.

— У тебя прекрасно получается, — отозвалась Элен, чуть улыбаясь. — Я буду тебя поддерживать. Ты все время была больше связана с разведкой, так что выбор логически падает на тебя.

— Да, знаю. — Куин поморщилась. — Если до этого дойдет, ты скажешь семье?

— Тут, — вздохнула Ботари-Джезек, — выбор логически падает на меня. Да, я скажу графине.

— Заметано.

Но у обеих был такой вид, словно обе не уверены, кому досталось дело похуже.

— А что до клонов… — Ботари-Джезек снова всмотрелась в Марка, — хочешь заработать их свободу?

— Элен, — предупреждающе проговорила Куин, — не надо давать обещаний. Мы еще не знаем, что нам придется предложить за то, чтобы отсюда вырваться. Чтобы получить… — она снова указала вниз, — …его обратно.

— Нет, — прошептал Марк. — Вы не можете. Не

можете… отправить их снова туда — после всего.

— Я отдала Филиппи, — сурово сказала Куин. — И тебя бы отдала не колеблясь, если не считать того, что он… Ты знаешь, почему мы вообще оказались на планете и начали эту чертову операцию?

Он безмолвно покачал головой.

— Из-за тебя, дерьмо. Адмирал почти обо всем договорился с бароном Бхарапутра. Мы могли выкупить Зеленый отряд за четверть миллиона бетанских долларов. Это было бы не дороже операции, если посчитать, сколько оборудования мы потеряли вместе с катером Торна. И сколько жизней. Но барон отказался включить тебя в сделку. Не знаю, почему он отказался тебя продавать. Больше никому ты не нужен. Но Майлз не мог тебя оставить!

Марк уставился на свои пальцы, которые беспокойно дергались. Подняв глаза, он увидел, что Ботари-Джезек снова разглядывает его так, словно он какая-то ключевая криптограмма.

— Как адмирал не мог оставить своего брата, — медленно проговорила Ботари-Джезек, — так Марк не может оставить клонов. Так ведь? А?

Он судорожно сглотнул.

— Ты сделаешь все, чтобы их спасти, а? Все, о

чем мы просим?

Его рот открылся и закрылся снова. Это могло быть глухим, беззвучным «да».

— Ты сыграешь для нас роль адмирала? Мы, конечно, тебя подготовим.

Он полукивнул, но сумел выдавить:

— Какое обещание?

— Когда мы улетим, мы заберем всех клонов. Мы высадим их где-нибудь, куда дом Бхарапутра не достанет.

— Элен! — запротестовала Куин.

— Мне нужно… нужно слово женщины Баррая-ра. Ваше слово, — сказал он Элен.

Куин закусила нижнюю губу, но промолчала. После долгой паузы Элен кивнула:

— Хорошо. Даю тебе мое слово. Но ты будешь во всем нам помогать, ясно?

— Ваше слово как кого?

— Просто мое слово.

— …Да. Ладно.

Куин встала и посмотрела на него сверху вниз:

— Но сможет ли он сейчас сыграть эту роль?

— В таком состоянии — нет. Наверное, нет. Пусть сначала приведет себя в порядок, поест, отдохнет. Тогда видно будет, что делать дальше.

— Возможно, барон Фелл не даст нам времени

нянчиться с ним.

— А барону Феллу мы скажем, что он принимает душ. И это правда.

Душ. Еда. Он так проголодался, что уже даже есть не хотелось, он чувствовал только отупение, слабость и холод.

— Ну что ж, единственное, что я могу сказать, — не выдержала Куин, — что он чертовски неудачная имитация настоящего Майлза Форкосигана.

«Да, ведь именно это я вам и твержу».

Элен покачала головой и не стала оспаривать это утверждение.

— Пошли, — позвала она Марка.

Она провела его в офицерскую каюту, маленькую, но, слава Богу, отдельную. Каюта необжитая, чистая и по-военному суровая. Воздух немного застоявшийся. Наверное, Торна устроили где-то поблизости.

— Я распоряжусь, чтобы с «Ариэля» прислали чистую одежду. И закажу еду.

— Сначала еду — можно?

— Конечно.

— Почему вы ко мне добры?

Вопрос прозвучал жалобно и настороженно — боялся, что все его сочли слабаком-параноиком.

Какое-то время Элен задумчиво молчала.

— Я хочу понять… кто ты. Что ты такое.

— Вы же знаете. Я — клон, искусственно изготовленный. И изготовленный именно здесь, на Архипелаге Джексона.

— Я не имела в виду твое тело.

Он автоматически ссутулился, хоть и знал, что это только подчеркивает его уродство.

— Ты очень замкнут, — заметила она. — Очень одинок. Это не похоже на Майлза. Хотя иногда он бывает и таким…

— Он вообще не человек, а толпа. За ним повсюду таскается целая армия. — «Не говоря уже о чудовищном гареме». — Надо полагать, ему это нравится.

И вдруг она улыбнулась. Марк впервые увидел, как она улыбается. У нее даже лицо стало совсем другим.

— Да, наверное, нравится. — Улыбка погасла. — Нравилось.

— Вы делаете это ради него, так? Обращаетесь со мной хорошо, потому что он бы этого хотел.

Ну разумеется, не ради него самого, а из-за Майлза и его проклятой одержимости братом.

— Отчасти.

«Так я и думал».

— Но главным образом, — добавила она, — потому, что в один прекрасный день графиня Форкосиган спросит меня, что я сделала для ее сына.

— Вы планируете обменять его на барона Бхарапутра, да?

— Марк… — Ее глаза потемнели от странной… иронии? Жалости? Он не мог разгадать ее взгляда. — Она спросит, что я сделала для тебя.

Резко повернувшись, она оставила его одного в каюте.

Он принял самый горячий душ, какой только можно было в такой крошечной кабинке, а потом долго стоял в жаре воздушной сушилки, пока кожа у него не покраснела, и только тогда его перестало трясти. От усталости кружилась голова. Выйдя из душа, он обнаружил, что кто-то заходил в его каюту и оставил еду и одежду. Он поспешно натянул нижнее белье, черную дендарийскую футболку и серые брюки из корабельного трикотажа, принадлежавшие его родителю. А потом набросился на обед. На этот раз ему не предложили специально нейсмитовские лакомства — это была стандартная готовая еда, предназначенная поддерживать на должном уровне энергию крупного и физически активного рядового. От-

нюдь не гурманский стол, но зато впервые за несколько недель у него на тарелке оказалось достаточно еды. Он проглотил все, словно та фея, которая доставила обед, может вновь появиться и все отнять. До боли набив живот, он кинулся на кровать и лег на бок. Его больше не трясло от холода, слабость и неуверенность, вызванные пониженным содержанием сахара в крови, тоже прошли. Но какое-то психологическое эхо прошедших событий все еще раскатывалось по его телу, словно черный прилив.

«По крайней мере тебе удалось вывести клонов».

«Нет. Это Майлзу удалось вывести клонов».

О черт…

Этот полупровал вовсе не походил на триумф, о котором он мечтал. Ну а какими он представлял себе последствия? Плетя свои отчаянные интриги, он фактически никаких планов и не строил — кроме возвращения на Эскобар с «Ариэлем». Да, именно так он все и представлял — вернуться на Эскобар, с улыбкой и клонами под крылышком. Ему очень отчетливо виделась картина встречи с разъяренным Майлзом, но тогда Майлз уже не смог бы его остановить, отнять у него победу. Он почти ожидал ареста, но собирался пойти смело

посвистывая. Чего же он все-таки хотел?

Избавиться от чувства вины, что он единственный, оставшийся в живых? Разбить то старинное проклятие? «Никого из тех, кого ты знал тогда, уже не осталось в живых…» Он считал, что им движет именно это — если он вообще думал о том, что им движет. Может, все было не так просто. Он хотел от чего-то освободиться… В последние два года, избавившись от Сера Галена и комаррцев благодаря Майлзу Форкосигану и расставшись с самим Майлзом на рассвете на улице Лондона, он не нашел того счастья, о котором мечтал, томясь в рабстве у террористов. Майлз разбил только физические цепи, сковывавшие его: другие, невидимые, врезались в его плоть так глубоко, что вросли в нее.

«На что ты рассчитывал? Что, если будешь таким же героем, как Майлз, к тебе и относиться будут, как к Майлзу? Что они вынуждены будут тебя полюбить?»

И кто такие «они»? Дендарийцы? Сам Майлз? Или, за Майлзом, те грозные и манящие тени: граф и графиня Форкосиган?

Образ родителей Майлза был нечетким, размытым. Ненормальный Гален изобразил их, своих ненавистных врагов, как черных негодяев

— Мясник Комарры и его ведьма-жена. Но другой рукой он заставил Марка изучать их, пользуясь непроцензурированными материалами: их письмами, публичными выступлениями, частными видеозаписями. Родители Майлза, конечно, люди сложные и отнюдь не святые, но все-таки это не необузданный садист-содомит и сука-убийца, как можно было бы решить из маниакальных излияний Галена. На видео граф Эйрел Форкосиган оказывался просто седеющим коренастым мужчиной: резкие черты лица, пронизывающий взгляд, хрипловатый, красивый голос. Графиня Корделия Форкосиган говорила реже: высокая женщина с темно-рыжими волосами и удивительными серыми глазами, слишком сильная, чтобы ее можно было назвать хорошенькой, но такая уравновешенная и уверенная, что казалась красивой, хотя, строго говоря, таковой не была.

И теперь Ботари-Джезек грозится доставить его к ним…

Он сел и включил свет. Быстрый осмотр каюты обнаружил, что покончить с собой нечем. Ни оружия, ни режущих предметов: дендарийцы разоружили его, когда он вошел на корабль. Прицепить ремень или веревку не к чему. Сварить себя заживо в душе не получится: спрятанный

датчик автоматически отключает воду, когда ее температура превышает физиологически допустимую. Он снова лег.

Образ маленького, настойчивого, кричащего человечка со взрывающейся грудью, разлетающейся карминовыми брызгами, медленно прокручивался в его голове. Он изумился, когда понял, что плачет. Шок — конечно, все дело в шоке, вот и Ботари-Джезек так подумала.

«Я ненавидел этого маленького паскудника, когда он был жив, так почему же я плачу?»

Это абсурд. Наверное, он сходит с ума.

После двух бессонных ночей он вымотан до опустошения, но заснуть сейчас просто нереально. Можно только дремать, погрузившись в какие-то полусны и недавние обжигающие воспоминания. Ему полупривиделось, что он плывет на резиновом плотике по реке крови, отчаянно маневрируя в красном потоке. Так что когда Куин пришла за ним всего после часа отдыха, он испытал настоящее облегчение.

Глава 9

— Ни при каких обстоятельствах, — сказал капитан Торн, — не упоминай о бетанском методе омоложения.

Марк нахмурился:

— Что это еще за бетанский метод омоложения? Разве такой существует?

— Нет.

— Тогда с чего бы мне о нем упоминать?

— Не важно — просто запомни.

Марк сжал зубы, развернул свое кресло к коммпульту и нажал кнопку, опускающую сиденье, чтобы как следует упереться в пол. Он был полностью облачен в нейсмитовский офицерский мундир. Куин одела его, словно он кукла или ребенок дебил. Потом Куин, Ботари-Джезек и Торн набили ему голову массой противоречивых инструкций, как ему играть роль Майлза в предстоящем разговоре.

«Можно подумать, я этого не знаю».

Теперь три капитана сидели в креслах вне пределов приема комма в тактическом центре «Перегрина», чтобы в случае чего подсказывать

в скрытый наушник. А он-то считал Галена мастером-кукловодом! У него свербило ухо, и он раздраженно потрогал наушник, заслужив неодобрительный взгляд Ботари-Джезек. Куин непрестанно хмурилась.

Куин вообще непрестанно что-нибудь делала. На ней все еще была окровавленная полевая форма. Внезапно получив командование после этой катастрофы, она не могла позволить себе роздых. Торн привел себя в порядок и переоделся в корабельную форму, но явно еще не спал. На их лица легли морщины усталости. Куин заставила Марка принять стимулянт, обнаружив во время одевания, что он слишком мямлит — и результат был достаточно неприятным. Голова, пожалуй, даже слишком ясная, но все равно ощущение такое, как будто его долго били. Все предметы казались неестественно четкими. Голоса и звуки — то слишком резкие, то размытые. Он понял, что Куин тоже держится на этой штуке, увидев, как она поморщилась, когда комм резко запищал.

— Хорошо, ты на связи, — услышал он в наушнике голос Куин. Экран включился. Наконец-то они все заткнулись.

Появившееся изображение барона Фелла тоже хмуро посмотрело на него. Джориш Стойбер,

барон Фелл дома Фелл был исключением среди всех глав основных домов Архипелага Джексона: он все еще донашивал первое тело. Тело старика. Барон был толст, краснолиц и лыс. Покрытую старческими пятнами лысину окружал седой ежик. Китель зеленого цвета его дома делал его похожим на увядшего эльфа. Но в его холодных проницательных глазах ничего общего с эльфом не чувствовалось. Марк напомнил себе, что Майлза не испугала бы сила джексонианского барона. Майлза не запугала бы никакая сила, не подкрепленная мощью менее чем трех планет. Его отец, Мясник Комарры, может закусить всеми главными джексонианскими домами.

Но он, конечно, не Майлз.

«К дьяволу. По крайней мере следующие пятнадцать минут я — Майлз».

— Так, адмирал, — пророкотал барон, — мы все же встретились снова.

— Вот именно. — Марку с трудом удалось не пискнуть.

— Я вижу, вы все такой же нахальный. И столь же малоинформированный.

— Вот именно.

(– Начинай с ним говорить, черт тебя подери! — прошипел ему в ухо голос Куин.)

Марк сглотнул:

— Барон Фелл, в мои первоначальные планы не входило вовлекать станцию Фелл в эту операцию. Я настолько же стремлюсь убраться отсюда с моими людьми, как вы — нас спровадить. С этой целью я прошу вашей помощи в роли посредника. Вы, полагаю… знаете, что мы выкрали барона Бхарапутру?

— Так мне сообщили. — У Фелла дергалось веко. — Вы, похоже, сильно просчитались в том, на какую поддержку можете рассчитывать, не так ли?

— Разве? — Марк пожал плечами. — Дом Фелл находится с домом Бхарапутра в состоянии вендетты, не так ли?

— Не совсем. Дом Фелл в принципе готов прекратить вендетту с домом Бхарапутра. В последнее время мы увидели, что она невыгодна обеим сторонам. Теперь меня подозревают в пособничестве вашему налету.

Барон нахмурился еще сильнее.

— Э-э… — Его мысли прервал шепот Торна:

(– Скажи ему, что Бхарапутра жив и здоров.)

— Барон Бхарапутра жив и здоров, — сказал Марк, — и я не против, если он и впредь будет находиться в том же состоянии. Мне кажется,

что, выступив в роли посредника, вы сможете продемонстрировать дому Бхарапутра свои добрые намерения. Я хочу просто обменять его — целым и невредимым — на один предмет — и мы улетаем.

— Вы полны оптимизма, — сухо заметил Фелл.

Марк упрямо продолжил:

— Это простой взаимовыгодный акт торговли. Барон в обмен на моего клона.

(– Брата! — в один голос поправили его в наушнике Торн, Куин и Ботари-Джезек.)

— …брата, — прибавил Марк напряженно. Он с трудом разжал стиснутые зубы. — К несчастью, моего… брата застрелили внизу, в суматохе. К счастью, его успешно заморозили в одной из наших переносных криокамер. Гм… к несчастью, криокамеру случайно оставили в спешке отлета. Живой мужчина меняется на мертвого — я не вижу, в чем может быть проблема.

Барон отрывисто хохотнул, замаскировав смешок кашлем. Три дендарийца напротив Марка были холодны, напряжены и ничуть не развеселились.

— У вас был интересный визит, адмирал. А для чего вам мертвый клон?

(– Брат, — снова сказала Куин. — Майлз всегда

на этом настаивает.)

(– Да, — поддержал Торн, — я поэтому и заподозрил, что ты не Майлз, тогда, на «Ариэле», когда назвал тебя клоном, а ты не возмутился.)

— Брат, — устало повторил Марк. — Ранения в голову не было и криообработку начали сразу же. У него неплохой шанс на оживление.

(– Только если мы получим его обратно, — проворчала Куин.)

— У меня есть брат, — заметил барон Фелл. — И он не внушает мне таких чувств.

«Тут я с вами целиком согласен, барон», — подумал Марк.

Торн в наушники подсказал Марку:

(– Он говорит о своем сводном брате, бароне Риовале из дома Риоваль. Первоначально вендетта шла между Феллом и Риовалем. Бхарапутряне втянулись потом.)

«Я знаю, кто такой Риоваль», — хотелось огрызнуться Марку, но было нельзя.

— По правде говоря, — продолжал барон Фелл, — моему брату будет очень интересно узнать, что вы здесь. После того как вы в свой прошлый приезд сократили его ресурсы, он, увы, ограничен маломасштабными нападениями. Но я советую вам быть бдительным.

— О? Так агенты Риоваля так свободно себя чувствуют на станции Фелл? — промурлыкал Марк.

(– Прекрасно! Точь-в-точь Майлз!)

Фелл заледенел:

— Ничуть.

Торн прошептал:

(– Да, напоминай ему, как ты помог ему с его братом!)

Что это Майлз сделал четыре года назад?

— Барон. Я помог вам с вашим братом. Теперь вы помогите мне с моим, и будем считать, что мы квиты.

— Едва ли. То яблоко раздора, которое вы швырнули нам, улетая, вызвало долгие недоразумения. Однако… Действительно, вы нанесли Ри более удачный удар, чем смог бы я. — Не блеснула ли в глазах Фелла крохотная искра одобрения? Он потер свой круглый подбородок. — Поэтому я дам вам сутки на завершение ваших дел и отлет.

— Вы выступите посредником?

— Чтобы быть в курсе дел обеих сторон. Да.

Марк объяснил догадки дендарийцев относительно примерного местонахождения криокамеры и дал описание ее внешнего вида и серийный номер.

— Скажите бхарапутрянам, что мы подозрева-

ем, что ее могли как-то спрятать или замаскировать. Пожалуйста, подчеркните, что мы желаем получить ее в хорошем состоянии. Тогда их барон тоже будет в хорошем состоянии.

(– Хорошо! — похвалила его Ботари-Джезек, — дай им понять, что она слишком ценная, чтобы ее уничтожить, но не показывай, что с нас за нее можно запросить больше.)

Фелл поджал губы:

— Адмирал, вы человек сообразительный, но, по-моему, вы не совсем понимаете, как принято делать дела на Архипелаге Джексона.

— Но вы понимаете, барон. Вот почему мы хотели бы, чтобы вы были на нашей стороне.

— Я не на вашей стороне. Это — одна из вещей, которых вы не понимаете.

Марк медленно кивнул: он решил, что так сделал бы Майлз. Отношение Фелла было странным. Немного враждебным.

«И тем не менее кажется, что он меня уважает».

Нет. Он уважает Майлза. Дьявол!

— Я не прошу большего, чем ваш нейтралитет.

Фелл быстро взглянул на него из-под седых бровей:

— А остальные клоны?

— А что остальные клоны?

— Дом Бхарапутра будет спрашивать.

— О них переговоры вестись не будут. Жизни Васа Луиджи должно быть больше чем достаточно.

— Да, обмен кажется неравноценным. Чем так ценен ваш покойный клон?

Три голоса хором сказали ему в ухо:

(– Брат!)

Марк вытащил микронаушник и швырнул его на столик рядом с коммом. Куин чуть не подавилась.

— Я не могу предложить к обмену кусочки барона Бхарапутра! — рявкнул Марк. — Хоть и испытываю большой соблазн это сделать.

Барон Фелл успокаивающе приподнял пухлую руку:

— Спокойнее, адмирал. Сомневаюсь, чтобы вам пришлось заходить настолько далеко.

— Надеюсь. — Марка снова начало трясти. — Было бы жаль, если бы пришлось отправить его на планету без мозгов. Как клонов.

Видимо, барон почувствовал полную искренность его угрозы.

— Я посмотрю, что можно будет сделать, адмирал.

— Спасибо, — прошептал Марк.

Барон кивнул — его изображение растаяло. Из-за какой-то причуды видеопластины или принятого Марком стимулянта глаза Фелла, казалось, задержались еще на один тревожащий взгляд. Марк не двигался несколько секунд, пока не убедился, что они исчезли.

— Ха! — удивленно сказала Ботари-Джезек. — У тебя вышло совсем не плохо.

Он даже не стал на это отвечать.

— Интересно, — сказал Торн, — почему Фелл не потребовал оплаты или своей доли?

— Мы можем ему доверять? — встревожилась Элен.

— Не то чтобы доверять… — Куин задумчиво закусила остатки ногтя. — Но нам нужно содействие Фелла, чтобы улететь через пятый п-в-туннель. Мы не смеем его оскорбить — ни за какие деньги. Я считала, что он будет доволен нашей внезапной вылазкой против Бхарапутры, но, похоже, со времени нашего последнего визита сюда, Бел, стратегическая ситуация переменилась.

Торн вздохнул, соглашаясь.

Куин продолжила:

— Попробуйте как можно больше узнать о те-

перешней расстановке сил. Обо всем, что может повлиять на наши действия или чем мы могли бы воспользоваться. О домах Фелл, Бхарапутра и Риоваль — и о любой неожиданности. Тут есть что-то, из-за чего мне безумно неспокойно — хотя, может быть, дело просто в лекарствах, которые я приняла. Но я слишком устала, чтобы сейчас разобраться, что к чему.

— Посмотрю, что можно будет сделать. — Торн кивнул и ушел.

Когда за Торном закрылась дверь, Ботари-Джезек спросила у Куин:

— Ты уже доложила обо всем этом на Барраяр?

— Нет.

— Ни о чем?

— Да. Я не хочу передавать такое по какому-нибудь коммерческому комм-каналу — пусть даже и зашифрованное. Может, у Иллиана тут есть тайные агенты, но я не знаю, ни кто они, ни как с ними связаться. Майлз бы знал. И…

— И? — вопросительно приподняла бровь Ботари-Джезек.

— И я хотела бы сначала получить обратно ту криокамеру.

— Чтобы подсунуть под дверь вместе с докладом? Куини, это не пройдет.

Куин пожала плечом, защищаясь.

Немного помолчав, Ботари-Джезек проговорила:

— Но я согласна с тобой относительно того, что не следует ничего посылать с джексонианскими курьерами.

— Да, судя по тому, что говорил Иллиан, они полны шпионов — и это не только главные дома проверяют друг друга. Все равно в течение следующих суток Барраяр нам ничем не поможет.

— В течение суток… — Марк сглотнул. — Это мне столько играть Майлза?

— Не знаю! — огрызнулась Куин. Потом, овладев собой, добавила: — День, неделю, две недели — пока мы не сдадим тебя вместе с криокамерой Галактическому бюро Имперской службы безопасности на Комарре. А дальше — это уже не мое дело.

— И как, к дьяволу, вы надеетесь сохранить все в тайне? — презрительно поинтересовался Марк. — Несколько десятков человек знают, как все было на самом деле!

— Тайну могут хранить двое, если один из них мертв? — поморщилась Куин. — Не знаю. Рядовые подчиняются дисциплине. Клонов я могу изолировать. Да и вообще мы все будем закрыты

в этом корабле, пока не прилетим на Комарру. А потом… об этом я подумаю.

— Я хочу видеть моих… этих… моих клонов. Что вы с ними сделали? — забеспокоился Марк.

Казалось, Куин вот-вот взорвется, но тут вмешалась Элен:

— Я отведу его вниз, Куини. Я тоже хочу навестить моих пассажиров.

— Ну… только после этого ты сразу отведешь его в каюту. И поставь у двери охранника. Нечего ему разгуливать по кораблю.

— Слушаюсь.

Элен поспешно вывела Марка из тактического центра, пока Куин не надумала для пущей безопасности связать его.

Клонов разместили в трех грузовых отсеках, очищенных на скорую руку от всякого хлама: в двух — мальчиков и в одном — девочек. Нырнув следом за Ботари-Джезек в мальчиковый отсек, Марк осмотрелся. На полу три ряда спальных мешков — очевидно, с «Ариэля». В одном углу установлен переносной сортир, в другом — переносной душ. Наполовину тюрьма, наполовину лагерь беженцев, теснота… Марк шагал по проходу, сопровождаемый враждебными взглядами клонов.

«Проклятие: ведь я же освободил вас! Вы что, не знаете, что это я вас освободил?»

Конечно, все вышло не так, как он ожидал. Той страшной ночью, когда они сидели в осаде, дендарийцы не скупились на угрозы. А как еще они могли усмирить своих подопечных? Теперь некоторые клоны спали, другие постепенно приходили в себя после парализатора. Дендарийка медик ходила по отсеку, оказывая первую помощь и утешая перепуганных детей. Напряженная тишина. Скованность. Никакого ликования, никакой благодарности.

«Если они поверили нашим угрозам, почему же они не верят нашим обещаниям?»

Даже те мальчишки, которые только что с энтузиазмом помогали дендарийцам во время сражения, смотрели на Марка с явным недоверием.

Марк остановился рядом с белокурым мальчуганом и присел на корточки. Ботари-Джезек ждала, молча наблюдая за ними.

— Все это, — Марк неопределенно махнул рукой, — временно. Понимаешь? Все будет хорошо. Мы вас увезем отсюда.

Мальчик отодвинулся от него, закусил губу и с подозрением спросил:

— Ты — который?

«Живой», — чуть было не ответил Марк, но, поймав взгляд Элен, вовремя сдержался.

— Это не важно. Мы все равно вас отсюда вытащим.

«Вытащим ли?» У него больше не было никакой власти над дендарийцами, а уж тем более над барраярцами. А ведь Куин сказала, что теперь они направятся именно к барраярцам. Марку стало очень не по себе. Поднявшись, он направился в отсек к девочкам.

Оборудован отсек был так же — спальные мешки, туалет, душ, но, поскольку девочек было всего пятнадцать, здесь казалось просторнее. Дендарийка, раздававшая упаковки с едой, стояла спиной, но не узнать ее невозможно. Таура. Чтобы не казаться такой пугающе большой, Таура опустилась на пол и села по-турецки. Девочки смотрели на нее без страха, с нескрываемым любопытством. Из всех дендарийцев только Таура, даже в самые трудные моменты, ни разу не повышала на них голос. Теперь она напоминала сказочную героиню, которая пытается подружиться с дикими животными.

Причем весьма успешно. Заметив Марка, две девочки спрятались за спину Тауры и уставились

на него, чувствуя себя в безопасности. Таура, нахмурившись, посмотрела на Ботари-Джезек. Элен быстро кивнула:

«Все в порядке. Он со мной».

— Н-не ожидал вас здесь увидеть, сержант, — пробормотал Марк.

— Я сама вызвалась присматривать за ними, — решительно ответила Таура. — Не хочу, чтобы к ним приставали.

— Это… может стать проблемой?

Пятнадцать красивых девственниц… Да, пожалуй.

«Пятнадцать. И один девственник», — прозвучал у него в голове чей-то насмешливый голосок.

— Теперь — нет, — сказала Элен.

— Хорошо, — еле слышно отозвался Марк.

И тут он увидел ту самую платиновую блондинку: девочка спала на боку, и розовая пижамка туго обтягивала ее не по годам пышное тело. Смутившись, Марк опустился на колени и укрыл ее одеялом до подбородка, невольно коснувшись шелковых волос. Он виновато взглянул на Тауру:

— Она уже получила синэргин?

— Да. Пусть теперь поспит. Когда проснется, ей станет лучше.

Марк взял поднос с едой и поставил его рядом с блондинкой — пусть поест, когда проснется. Дышала она медленно и ровно. Марк почувствовал чей-то взгляд: сзади на него злобно смотрела та, темноволосая. Он поспешно отвернулся.

Тем временем Элен, завершив инспекцию, вышла в коридор. Марк покорно поплелся следом. Заметив охранника, вооруженного парализатором, Элен остановилась.

— ...с широким рассеянием, — донеслось до Марка. — Сначала стреляй, а задавать вопросы будем потом. Они все здоровые, так что, я надеюсь, скрытых пороков сердца можно не опасаться. Не думаю, чтобы они причинили много хлопот.

— За одним исключением, — вмешался Марк. — Там есть такая темноволосая девушка — стройная, смуглая, очень заметная... Похоже, ей как-то по-особому промыли мозги. Она... ну, не совсем в своем уме. Будьте с ней осторожны.

— Есть, сэр, — автоматически отозвался рядовой, но тут же, опомнившись, посмотрел на Ботари-Джезек. — Э-э...

— Сержант Таура подтверждает эту информацию, — сказала Элен. — И в любом случае ни одна из них не должна свободно бродить по кораблю. Они ничему не обучены. Их невежественность

может оказаться еще опаснее, чем враждебность. Это не почетный караул. Будь начеку.

Элен быстро пошла вперед, Марк, стараясь не отставать, припустился за ней.

— Ну? — спросила она наконец, — наше обращение с клонами одобрено?

Марк не понял, есть ли в ее словах ирония.

— Лучшего для них сейчас никто не мог бы сделать. — И, не сдержавшись, выпалил: — Проклятие, это несправедливо!

Элен, не замедляя шага, вопросительно подняла брови:

— Что несправедливо?

— Я их спас… ну, то есть я хотел сказать, мы их спасли… то есть вы… а они на нас смотрят, как на злодеев. Словно мы изверги какие-то, похитители, чудовища! Даже не рады совсем!

— Может… придется удовлетвориться тем, что ты просто их спас. Требовать, чтобы они этому радовались, — это, возможно, чересчур… герой ты наш.

Теперь в ее голосе явно звучала ирония, но почему-то совсем лишенная презрения.

— Казалось бы, гораздо естественнее была бы благодарность. Доверие. Признательность. Хоть что-то!

— Доверие? — тихо переспросила Элен.

— Да, доверие! По крайней мере хоть от некоторых! Неужели ни один из них не понимает, что мы говорим правду?

— Они довольно сильно травмированы. На твоем месте я многого бы не ждала — пока у них не появится возможность увидеть какие-то доказательства. — Элен замолчала, остановилась и повернулась к нему. — Но если ты когда-нибудь придумаешь… придумаешь, как добиться доверия от невежественного, травмированного, глупого ребенка-параноика, то скажи Майлзу. Ему бы очень хотелось это знать.

Марк тоже остановился.

— Это… вы это обо мне? — переспросил он.

Элен, глядя куда-то мимо него, с горечью улыбнулась.

— Вот ты и дома. — Она кивнула на дверь его каюты. — Оставайся там.

Наконец-то он заснул и спал долго. Хотя, когда пришла Куин, Марку показалось, что он почти не спал. Куин успела помыться и привести себя в порядок. Теперь на ней был привычный офицерский мундир. Это немного успокоило Марка, а то он уже подумывал, что Элли так и будет ходить в своей окровавленной полевой форме, пока они

не получат криокамеру. Но даже и без полевой формы Элли выглядела не лучшим образом. Глаза у нее покраснели, лицо казалось очень усталым.

— Пошли, — прорычала она. — Ты должен еще раз поговорить с Феллом. Он чего-то крутит. Я начинаю подозревать, что он сговорился с Бхарапутрой. Ничего не понимаю.

Элли снова притащила его в тактический центр, но на этот раз она не стала полагаться на микронаушник, а агрессивно встала рядом с ним. Со стороны могло показаться, что Элли — телохранитель и главный помощник, но Марк не мог отделаться от мысли, что Элли в любой момент может схватить его за волосы и перерезать горло.

Капитан Ботари-Джезек тоже была здесь: она заняла свое кресло и наблюдала молча за происходящим.

Когда на экране материализовалось лицо Фелла, Марк сразу понял, что румянец барона свидетельствует отнюдь не о его благодушии. Барон, судя по всему, пребывал в крайнем раздражении.

— Адмирал Нейсмит, я сказал капитану Куин, что, когда у меня появится конкретная информация, я сам с вами свяжусь.

— Барон, капитан Куин… находится в моем подчинении. Примите мои извинения, если она вела себя чересчур назойливо. Она только… э-э… достоверно демонстрирует мою собственную обеспокоенность. — Марк совершенно увяз в столь привычных для Майлза цветистых оборотах. Куин впилась пальцами ему в плечо — не зарывайся. — И какой… скажем, не вполне конкретной… информацией вы располагаете?

Фелл откинулся на спинку кресла — все еще недовольный, но успокоенный.

— Грубо говоря, люди Бхарапутры уверяют меня, что не могут найти вашу криокамеру.

— Она должна быть там! — прошипела Куин.

— Ну-ну, Куини. — Марк похлопал ее по руке. Элли сдавила ему плечо, словно тисками, но все же ей удалось выдавить неестественную улыбку — для комма. Марк снова повернулся к Феллу: — Барон, как, по-вашему, люди Бхарапутры лгут?

— Не думаю.

— У вас есть независимые источники, подтверждающие это предположение? Агенты на месте?

Губы барона искривились:

— Право, адмирал, не могу вам сказать.

«Естественно».

Он характерным нейсмитовским движением

потер лицо:

— Вы можете сказать что-то определенное о действиях людей Бхарапутры?

— Сейчас они буквально выворачивают свой медкомплекс наизнанку. Все работники и вся охрана, которую они вызвали, чтобы помешать вашему налету, заняты поисками.

— Это не может быть сложным спектаклем, рассчитанным на то, чтобы нас провести?

Барон задумался.

— Нет, — в голосе его звучала уверенность. — Они действительно суетятся. На всех уровнях. Вы представляете себе… — он глубоко вздохнул, — во что выльется похищение барона Бхарапутры для равновесия сил главных домов, если это затянется надолго?

— Нет. Во что?

Барон резко поднял голову и пристально посмотрел на Марка, проверяя, не было ли в его словах сарказма.

— Вы должны осознавать, что с течением времени ценность вашего заложника понизится. Вакуум власти на вершине крупного дома — впрочем, как и мелкого — долго не продержится. Всегда найдутся группировки более молодых, зачастую тайные, которые стремительно его

заполняют. Даже если предположить, что Лотос устроит так, что место Васа Луиджи займет его главный помощник, рано или поздно он наверняка сообразит, что возвращение его господина связано не только с наградой, но и с понижением в должности. Представьте себе крупный дом в виде мифической гидры: если отрезать ей голову, на шее возникают семь новых, которые начнут кусать друг друга. В конце концов выживет только одна. Но дом станет слабее, и все старые договоры и сделки окажутся ненадежными. Смятение распространяется на дома, связанные с ним… Такие резкие перемены здесь не приветствуются. Никем.

«И меньше всего самим бароном Феллом», — догадался Марк.

— Не считая, вероятно, ваших молодых коллег, — сказал он.

Взмахом руки Фелл выразил все свое пренебрежение к молодым коллегам. Взмах подразумевал: если они хотят получить власть, пусть плетут интриги, суетятся и убивают, как это пришлось делать мне.

— Ну, у меня нет желания держать здесь барона Бхарапутру до тех пор, пока он не постареет и не покроется плесенью, — сказал Марк. — Как та-

ковой барон мне вообще не нужен. Пожалуйста, попросите дом Бхарапутра поспешить с поисками моего брата, а?

— Просьбы излишни. — Барон смерил его ледяным взглядом. — Учтите, адмирал: если эта… ситуация не будет успешно разрешена в самые ближайшие сроки, станция Фелл не сможет вас укрывать.

— Э-э… Уточните, что такое «самые ближайшие сроки».

— Очень скоро. В течение суток.

Не приходится сомневаться: на станции Фелл хватит сил для того, чтобы по первому слову барона выдворить два маленьких дендарийских корабля, когда только барон пожелает. А может даже и не просто выдворить.

— Вас понял. Э-э… как насчет свободного перелета к п-в-туннелю номер пять?

Если дела пойдут плохо…

— Тут… вам придется вести отдельные переговоры.

— То есть?

— Если у вас все еще будет ваш заложник… Я не желал бы, чтобы вы увезли Васа Луиджи с Архипелага Джексона. И я способен добиться того, чего хочу.

Куин стукнула кулаком по столику.

— Нет! — закричала она. — Не выйдет! Барон Бхарапутра — наш единственный козырь, чтобы получить Ма… криокамеру. Мы его не отдадим!

Фелл, инстинктивно отпрянув, укоризненно проговорил:

— Капитан!

— Если нас вынудят, мы возьмем его с собой, — пригрозила Куин, — и плевать я на всех хотела. В противном случае мы отправим его от пятого п-в-туннеля пешком без скафандра. Если мы не получим криокамеру… Ну, у нас найдутся союзники и получше вас. И не такие закомплексованные. Им плевать на ваши прибыли, ваши сделки и ваше равновесие сил. Единственный вопрос, который они зададут, это — с чего начать: с Северного полюса и жечь вниз, или с Южного — и жечь вверх!

Фелл сердито поморщился:

— Не глупите, капитан. Вы говорите о силе планетного масштаба.

Куин подалась к комм-пульту и прорычала:

— Барон, я говорю о силе многопланетного масштаба!

Изумленная Элен резко провела ребром ладони по горлу: «Заткнись, Куин!»

Глаза Фелла сверкнули.

— Это блеф, — сказал он после минутной паузы.

— Нет. И лучше вам поверить, что это не блеф!

— Никто не пойдет на такое ради одного человека. А уж тем более ради одного трупа.

Куин колебалась. Марк взял ее за руку и сжал ее изо всей силы, словно говоря: «Возьми себя в руки, черт подери!» Элли готова была выдать то, что сама же совсем недавно требовала хранить в строжайшей тайне.

— Ладно. Может, вы и правы, барон, — наконец сказала она. — Молите Бога, чтобы вы оказались правы.

После продолжительного молчания Фелл вежливо осведомился:

— И кто же этот ваш незакомплексованный союзник, адмирал?

После не менее продолжительного молчания Марк поднял глаза и ласково ответил:

— Капитан Куин блефовала, барон.

Губы Фелла растянулись в чрезвычайно сухой улыбке.

— Все критяне — лжецы.

Протянув руку, он прервал связь, и изображение рассыпалось обычным дождем искр. На этот

раз, казалось, задержалась его улыбка.

— Прекрасно, капитан Куин, — огрызнулся Марк в наступившей тишине, — вы только что сообщили барону Феллу, сколько он может запросить за эту криокамеру. И, возможно, даже с кого. Теперь у нас два врага.

Куин тяжело дышала, словно после быстрого бега.

— Он нам не враг и не друг. Фелл заботился о Фелле. Не забывай об этом — потому что он это помнит всегда.

— Но лгал ли Фелл или просто передавал ложь дома Бхарапутра? — медленно спросила Ботари-Джезек. — Какой дополнительный доход может получить с этого Фелл?

— А если лгут и те, и другие? — предположила Куин.

— А что, если никто не лжет? — раздраженно спросил Марк. — Об этом вы не подумали? Вспомните, что Норвуд…

Их прервал сигнал комма.

— Куин, это Бел. Тот человек, на которого я вышел, согласен встретиться с нами у стыковочного узла «Ариэля». Если ты хочешь присутствовать при допросе, тебе надо вылететь немедленно.

— Хорошо. Буду. Конец связи. — Она устало

направилась к выходу. — Элен, проследи, чтобы он, — она ткнула пальцем, — сидел в своей каюте.

— Угу. Ну, когда поговоришь с этим человеком, отдохни немного, а, Куин? Ты расклеиваешься. Только что ты чуть не сорвалась.

Куин махнула рукой. Когда она вышла, Элен повернулась к пульту и вызвала для Куин транспорт.

Марк встал и начал мерять шагами тактический центр, предусмотрительно засунув руки в карманы. Дисплеи оставались темными и неподвижными, шифровальные устройства молчали. Он представил себе тактический центр, наполненный людьми, живой, яркий, суматошный: тактический центр перед боем. Он представил себе, как вражеский огонь вскрывает корабль, будто консервную банку, и как вся эта жизнь размазывается, горит и рассыпается в вакууме. Например, огонь станции дома Фелл у пятого п-в-туннеля. Марк содрогнулся.

У закрытой двери в конференц-зал он задержался. Элен обсуждала с кем-то решение относительно надежности их причала у станции Фелл. Марк из чистого любопытства приложил ладонь к пластине замка. К немалому его удивлению, дверь

мгновенно поехала в сторону. Кому-то предстоит немалая работа по перепрограммированию. Очень немалая работа — Майлз, несомненно, устроил так, чтобы свободно разгуливать везде, где пожелает. Это вполне в его стиле.

Элен взглянула на него, но ничего не сказала. Расценив это как безмолвное разрешение, Марк вошел в конференц-зал и обошел вокруг стола. В зале зажглись лампы. У него в голове снова прозвучали слова Торна: «Норвуд сказал, что адмирал отсюда выберется, даже если у нас не получится». Насколько тщательно дендарийцы изучили записи операции? Надо полагать, они внимательно просмотрели все, и не один раз. Что он сможет там увидеть такого, что не заметили бы другие? Они знают своих людей, свое оборудование…

«Но я знаю медкомплекс. Я знаю Архипелаг Джексона».

Интересно, на что еще способна его ладонь? Он сел в кресло Куин. Так и есть: в ответ на его прикосновение экран мгновенно засветился, аппаратура подчинялась его прикосновениям так, как этого не делала ни одна женщина. Он отыскал нужные записи. Данные Норвуда были потеряны, но ведь часть времени с ним был Тонкин. Что

видел Тонкин? Существует ли эта запись? Если у рядовых шлем аналогичен командирскому… Ага! Перед его зачарованным взглядом возникли визуальные и слуховые записи Тонкина.

Марк попытался включиться в происходящее, и у него сразу разболелась голова. Движения камеры были резкими, как отрывистые взгляды при поворотах головы. Он замедлил запись — и увидел самого себя в вестибюле у лифтовой шахты: взволнованного коротышку в сером мундире с блестящими глазами на застывшем лице.

«Неужели я действительно такой?»

Кажется, под свободной полевой формой его уродство было не так заметно.

Теперь, глядя на все глазами Тонкина, Марк шел вместе с ним по лабиринту зданий, коридоров и туннелей до самого последнего боя. Торн правильно процитировал слова Норвуда: они звучали именно так. Вот только со временем он ошибся: Норвуд отсутствовал одиннадцать минут. На экране снова появилось разгоряченное лицо Норвуда, послышались его тяжелое дыхание, какой-то странный смех — и еще через несколько минут — удар гранаты, взрыв… Невольно отшатнувшись, Марк поспешно отключил запись и оглядел себя так, словно ожидал

увидеть брызги крови.

«Если подсказка и есть, то раньше».

Он снова включил запись… Но в третий раз Марк замедлил ее еще сильнее. Всепоглощающая сосредоточенность была почти приятной. Тщательный анализ. Мельчайшие подробности… Можно буквально утонуть в мельчайших подробностях — анестезия от душевной боли.

— Поймал! — прошептал он.

Если прокручивать запись в реальном времени, все промелькнет очень быстро, но останется в подсознании. Мимолетный взгляд на надпись со стрелкой, указывающей в перпендикулярный коридор: «Прием отправлений».

Подняв глаза, он увидел, что за ним наблюдает Элен. Когда она сюда вошла? Она сидела непринужденно, вытянув длинные ноги, сцепив руки в замок.

— Что ты поймал? — тихо спросила она.

Он вызвал трехмерную карту призрачных зданий, на которой были высвечены маршруты Норвуда и Тонкина.

— Не здесь, — показал он, — а вот где! — Он отметил здание в стороне от коридора, по которому шли с криокамерой дендарийцы. — Вот куда пошел Норвуд. По этому туннелю. Я уверен!

Я видел, что там — проходил по всему зданию! Черт, я даже играл там с друзьями в прятки, пока надзиратели не запретили. Я так ясно его себе представляю, словно у меня здесь есть запись из шлема Норвуда. Он привез камеру в помещение для приема отправлений — и отправил ее!

Ботари-Джезек выпрямилась в кресле:

— Разве это возможно? У него было так мало времени!

— Не просто возможно. Это легче легкого! Упаковочное оборудование полностью автоматизировано. Ему надо было только завезти криокамеру в пакующий аппарат и нажать кнопки. Автоматы даже доставили ее на погрузочную палубу. Там масса дел — они получают припасы на весь комплекс, отправляют все что угодно — от дисков данных до замороженных органов для пересадки, от генетически измененных эмбрионов до аварийного оборудования для спасательных команд. Включая перепрограммированные криокамеры! Все что угодно! Почта работает круглосуточно — так что во время нашего нападения ее наверняка пришлось спешно эвакуировать. Пока работало упаковочное оборудование, Норвуд составил на компьютере ярлык с адресом. Налепил ярлык, передал посылку транспортному

роботу — а потом, если он был так сообразителен, как мы думаем, стер файл с записью адреса. И помчался обратно к Тонкину.

— Так что криокамера лежит себе упакованная на планете, на погрузочной палубе! Подожди, я скажу Куин! Наверное, нам следует подсказать людям Бхарапутры, где искать…

— Мне… — он приподнял руку, останавливая ее, — мне кажется…

Посмотрев на него, Элен снова откинулась в кресле, подозрительно сощурившись:

— Что тебе кажется?

— Прошли уже почти сутки с нашего отлета. И почти все это время люди Бхарапутры ищут криокамеру. Если бы камера все еще оставалась на погрузочной палубе, они ее уже нашли бы. Но на Архипелаге Джексона автоматическая система почтовых отправлений работает очень хорошо. Думаю, люди барона и Фелл говорят правду. Наверное, они сейчас буквально сходят с ума. Мало того, что там, внизу, криокамеры нет, они еще и понятия не имеют, куда она могла подеваться!

Элен напряглась.

— А мы имеем понятие? — спросила она. — Господи! Если ты прав… Она же может быть где угодно! Отправлена через любые двадцать пять

грузовых перевалочных станций — она могла сейчас уже пройти через п-в-туннель! Саймона Иллиана удар хватит, когда мы ему об этом доложим!

— Нет. Не где угодно, — решительно возразил Марк. — Она могла быть отправлена только в такое место, о котором знал медик Норвуд. О котором он вспомнил бы, даже находясь в окружении и под огнем!

Элен облизнула губы и задумалась.

— Хорошо, — наконец признала она, — почти где угодно. Но по крайней мере мы можем попробовать угадать, изучив личное дело Норвуда. — Элен посмотрела на него очень серьезно. — Знаешь, в тишине ты соображаешь нормально. Ты не дурак. Я этого в тебе не замечала. Ты просто не годишься в боевые офицеры.

— Я ни в какие офицеры не гожусь. Ненавижу военных.

— Майлз обожает боевые условия. Он просто адреналиновый наркоман.

— Ненавижу. Ненавижу, когда мне страшно. Когда я испуган, я перестаю что-либо соображать. Когда на меня кричат, я цепенею.

— Но ты можешь соображать… А когда ты испуган?

— Почти всегда, — мрачно признался он.

— Тогда почему… — Элен замялась, подбирая слова, — почему ты все время пытаешься быть Майлзом?

— Не я пытаюсь, это вы меня заставляете в него играть!

— Не сейчас. Вообще.

— Не знаю, о чем вы.

Глава 10

Через двадцать часов два дендарийских корабля отстыковались от станции Фелл и направились к пятому п-в-туннелю. Они были не одни. Их сопровождали — вернее, конвоировали — шесть военных кораблей дома Фелл, рассчитанных на полеты только в местном пространстве. Сэкономленная энергия тратилась на грозное вооружение и защиту. Корабли-громилы.

Следом за конвоем на безопасном расстоянии шел крейсер Бхарапутра — скорее яхта, чем военный корабль, — готовый принять согласно договоренности барона Бхарапутру около фелловской станции у пятого туннеля.

Увы, на борту этой яхты криокамеры не было.

Когда пришлось смириться с неизбежным, Куин чуть не сорвалась.

— Я не оставлю Майлза! — кричала она. — Да я лучше вышвырну этого подонка Бхарапутру в открытый космос!

— Слушай! — прошипела Ботари-Джезек, схватив Элли за шиворот. Марку показалось, что, будь она зверем, уши у нее сейчас прижались бы к

голове. Он съежился в кресле, стараясь казаться совсем маленьким. Еще меньше, чем на самом деле. — Мне это нравится не больше, чем тебе, но ситуация осложнилась. Майлз явно не у людей Бхарапутры, и одному Богу известно, куда его заслали. Нам нужны подкрепления: не боевые корабли, а подготовленные агенты-разведчики. Масса. Нам нужен Иллиан со всей его Службой безопасности, очень нужен — и как можно скорее. Пора сматываться отсюда: чем быстрее мы улетим, тем быстрее сможем вернуться.

— Я вернусь! — пообещала Куин.

— Это уж ты будешь решать с Саймоном Иллианом. Уверяю тебя, он не меньше нашего заинтересован в возвращении криокамеры.

— Иллиан — всего-навсего барраярец. — В устах Куин это прозвучало уничтожающе-презрительно. — Чиновник. Не может ему это быть так же важно, как нам.

— Не будь так уверена, — прошептала Элен.

В конце концов Куин пришлось уступить Элен, чувству долга и логике.

И Марк снова вынужден был напялить на себя серый офицерский мундир, искренне уповая на то, что это — его последнее выступление в роли адмирала Нейсмита. Ему предстояло наблюдать

за передачей заложника представителям дома Фелл. Что бы потом ни случилось с Васа Луиджи — это будет на совести Фелла. И Марк очень надеялся, что это будет что-то неприятное.

Элен лично сопровождала Марка от каюты к стыковочному люку, куда было назначено явиться кораблю Фелла. Она казалась столь же невозмутимой, как всегда, только усталой. Марк решительно одернул китель и пошел следом за Элен.

— Почему я должен это делать? — жалобно спросил он.

— Это наш последний шанс доказать Васа Луиджи, что Майлз Нейсмит — ты, а в криокамере — всего лишь клон. На тот случай, если криокамера все-таки находится на планете, и на тот случай, если люди Бхарапутры найдут ее раньше нас.

Они прибыли к люку одновременно с двумя вооруженными до зубов техниками, которые тут же заняли свои места у пульта управления стыковочным узлом. Барон Бхарапутра явился чуть позже в сопровождении Элли Куин и двух бдительных дендарийских охранников. Марк решил, что охранники тут больше для проформы. Главная угроза — не эти пешки. Главная угроза — Пятая станция и охраняющие ее корабли дома

Фелл. Он представил себе корабли Фелла, окружившие дендарийцев. Шах. А барон Бхарапутра кто, король? Сам Марк казался себе пешкой, прикинувшейся офицером. Васа Луиджи вообще на охранников не обращал внимания, украдкой поглядывая на Куин — черную королеву, но главным образом смотрел на люк.

Куин отсалютовала Марку:

— Адмирал.

Он ответил тем же.

— Капитан.

Он стоял в позе «вольно», словно наблюдая за операцией. Должен ли он говорить с бароном? Он предоставил Васа Луиджи самому начать разговор. Барон просто ждал, пугающе собранный и терпеливый, словно время для него шло не так, как для Марка.

Несмотря на то что дендарийцы сильно уступали кораблям Фелла в огневой мощи, они находились всего в нескольких минутах от спасительного п-в-туннеля. Как только будет передан заложник, «Перегрин» и «Ариэль» могут начинать п-в-переход — и клоны окажутся вне досягаемости смертоносных щупалец дома Бхарапутра. Этого они по крайней мере добились — с невероятными потерями, но добились. Малые

победы.

Наконец послышались звяканье стыковочного узла и шипение герметизирующего перехода. Дендарийцы проследили за раскрытием люка и встали навытяжку. По другую строну люка мужчина в зеленой форме дома Фелл с капитанскими знаками различия в сопровождении двух собственных восточного вида охранников, отрывисто кивнув, назвал себя и свой корабль.

Определив в Марке высшего по чину офицера, он отдал ему честь.

— Барон Фелл приветствует вас, адмирал Нейсмит, сэр, — и возвращает вам то, что вы случайно оставили, улетая.

Куин побледнела. Марк готов был поклясться, что у нее остановилось сердце. Капитан Фелла посторонился, но позади него оказалась не столь желанная криокамера, а строй из троих мужчин и двух женщин в гражданской одежде. Вид у них был от смущенного до гневного и даже мрачного. Один мужчина хромал и опирался на соседа.

Шпионы Куин. Группа дендарийских добровольцев, которых она попыталась внедрить на станцию Фелл для продолжения поисков. Куин, густо покраснев от досады, гордо вскинула голову и внятно проговорила:

— Передайте барону Феллу, что мы благодарим его за заботу.

Капитан Фелла ответил на это салютом и кислой усмешкой.

— Встретимся в конференц-зале, — выдохнула она, кивком отпуская своих людей. Они потопали прочь. Элен ушла с ними.

Капитан Фелла объявил:

— Мы готовы принять на борт пассажира.

Он ждал за люком. Дендарийские охранники вместе с Куин отошли от барона Бхарапутра, который, подняв голову, шагнул вперед.

— Мой господин! Подождите меня!

Марк резко обернулся на крик. Барон изумленно раскрыл глаза.

Смуглая девочка с развевающимися волосами выскользнула из коридора и бросилась вперед. Она держала за руку пышнотелую платиновую блондиночку. Ужом проскользнув мимо дендарийских охранников, которые, к счастью, не выхватили оружие, она стремительно помчалась вперед. Низенькая блондинка оказалась не такой спортивной, тем более что одной рукой ей приходилось поддерживать пышную грудь. Она отстала, тяжело дыша, с широко раскрытыми испуганными голубыми глазами.

Марк четко представил себе, как она лежит на операционном столе, а светловолосый скальп аккуратно отведен в сторону… Вой хирургической пилы, вгрызающейся в кость, осторожное рассечение нейронов в основании мозга, и, наконец, мозг вынимают как подарок. Разум, память, личность — жертва какому-то темному богу…

Марк сделал ей подножку. Тонкая рука блондинки вырвалась из пальцев темноволосой, и девочка упала. Сначала она закричала, а потом, плача, принялась лягать его, извиваясь, вырываясь, перекатываясь на спину. Боясь, что она вывернется, Марк полз вверх, пока не прижал ее к полу всем телом. Девочка дергалась под ним, не понимая даже, что может просто дать ему коленом в пах.

— Прекрати. Прекрати, ради Бога, я не хочу сделать тебе больно, — прошептал он, зарывшись в сладко пахнущие волосы. Тем временем второй девочке удалось нырнуть в люк катера. Капитан дома Фелл был совершенно ошарашен ее появлением, но когда один из дендарийцев попытался схватить девочку, он моментально вытащил нейробластер.

— Остановитесь немедленно. Барон Бхарапутра, что это?

— Мой господин! — вскричала смуглая девочка. — Возьмите меня с собой, пожалуйста! Я должна соединиться с моей госпожой, должна!

— Оставайся на той стороне, — спокойно посоветовал барон. — Там они тебя не тронут.

— Только попробуйте… — начала Куин, готовясь шагнуть вперед, но барон приподнял руку, чуть согнув пальцы — жест ни угрожающий, ни непристойный, но чем-то оскорбительный.

— Капитан Куин. Не может быть, чтобы вам хотелось устроить инцидент и задержать ваш отлет. Очевидно, что девочка сделала выбор совершенно добровольно.

Куин остановилась.

— Нет! — завопил Марк. Он неловко вскочил, схватил блондинку и передал ее самому рослому дендарийскому охраннику. — Держи ее. — Он бросился вперед, готовясь пробежать мимо барона Бхарапутры.

— Адмирал? — барон чуть иронично приподнял бровь.

— На тебе надет труп, — огрызнулся Марк. — Не разговаривай со мной! — Он проковылял вперед, вытянув руки, и остановился перед девочкой, отделенной этим невидимым, ужасным, политически значимым порогом. — Девочка… — Он

не знал ее имени. Он не знал, что сказать. — Не уходи. Не надо уходить. Они убьют тебя.

Она торжествующе улыбнулась Марку из-за спины капитана и встряхнула темными волосами. Глаза у нее горели.

— Я защитила свою честь. Совсем одна! Моя честь — это моя госпожа. У тебя нет чести. Свинья! Моя жизнь — это жертва… Ты такого даже представить себе не можешь. Я — цветок на ее алтаре.

— Ты — сумасшедшая дурочка, цветочный горшок, — резко сказала Куин.

Девочка подняла голову, сжала губы.

— Идите, барон, — приказала она хладнокровно, театрально протягивая руку.

Барон Бхарапутра пожал плечами, словно говоря: «Ну что вы хотите?», и пошел к люку. Никто из дендарийцев не поднял оружия: Куин не давала им такого приказа. У Марка оружия не было. Он в отчаянии повернулся к ней:

— Куин…

Она тяжело дышала:

— Если мы не улетим сейчас, мы можем потерять все. Не двигайтесь.

Васа Луиджи задержался у люка, стоя одной ногой на территории «Перегрина», и повернулся

к Марку.

— На тот случай если вам интересно, адмирал, это клон моей жены, — промурлыкал он.

Подняв правую руку, он облизал указательный палец и приложил его Марку ко лбу. Палец оставил холодный след. Очко в его пользу.

— Одно мое. Сорок девять — ваших. Но если вы посмеете вернуться, обещаю вам сравнять счет — да так, что вы будете только мечтать о смерти. — Он проскользнул в люк. — Привет, капитан. Спасибо за ваше терпение…

Люк закрылся, заглушив дальнейшие слова его приветствия, обращенного охранникам его соперника — или союзника.

Звякнул освобождающийся захват. Теперь тишину нарушали только безнадежные, отчаянные всхлипывания блондиночки. Пятно у Марка на лбу зудело, как отмороженное. Марк потер лоб ладонью, словно опасаясь, как бы он не треснул.

В коридор у люка влетела сержант Таура. Увидев блондиночку, она закричала, оборачиваясь:

— Вот она! Осталось две!

Следом за ней вбежал задыхающийся рядовой.

— Что случилось, Таура? — спросила Куин.

— Та девица, заводила. Хитрая! — сказала Таура, переводя дыхание и продолжая обшаривать

взглядом коридоры. — Она сказала девочкам, будто мы — работорговцы. Убедила десятерых одновременно броситься наутек. Охранник с парализатором уложил трех, остальные семь разбежались. Четырех мы уже поймали. Большинство просто прятались, но, по-моему, у той длинноволосой был настоящий план: добраться до персональных капсул, пока мы еще не начали п-в-переход. Я поставила там охранника.

Куин чертыхнулась:

— Правильно сделала, сержант. Ваша тактика удалась — потому что она явилась сюда. К несчастью, она прибежала как раз к моменту обмена. И улетела с бароном. Вторую нам удалось перехватить. — Куин кивнула на всхлипывающую блондинку. — Так что вам осталось найти только еще одну.

— Как… — Таура недоуменно смотрела на люк, — как вы это допустили, мэм?

Лицо Куин застыло, словно маска.

— Я не сочла возможным начинать из-за нее перестрелку.

Таура сжала огромные когтистые руки в кулаки:

— Тогда мы должны поскорее найти последнюю, пока чего-нибудь не случилось.

— Продолжайте, сержант. Вы четверо, помогите ей, — приказала Куин охранникам. — Доложите мне в конференц-зале, когда снова всех соберете, Таура.

Таура, кивнув, направила дендарийцев по разным коридорам, а сама пошла к ближайшей лифтовой шахте. Ноздри у нее раздувались: казалось, она буквально вынюхивает беглянку.

Куин резко повернулась, бормоча:

— Мне надо в конференц-зал. Узнать, что случилось с…

— Я… отведу ее к остальным клонам, Куин, — предложил Марк.

Куин с сомнением посмотрела на него:

— Пожалуйста. Мне хотелось бы. — Она взглянула на люк, за которым скрылась темноволосая девочка, а потом снова на Марка. — Знаешь, я несколько раз просмотрела записи. У меня не было… возможности тебе сказать. Когда ты заслонил меня при отступлении к катеру, ты знал, насколько мало энергии оставалось в твоем противоплазменном зеркале?

— Нет. То есть я знал, что в меня много раз попадали там, в туннелях.

— Один выстрел. Если бы оно поглотило еще один выстрел, оно бы отказало. Еще два выстрела

— и ты бы вспыхнул.

— О!

Куин хмуро смотрела на Марка, не зная, что это — мужество или просто глупость.

— Вот. Я решила, что это интересно. Что тебе надо это знать. — Она еще помедлила. — А у меня энергия была на нуле. Так что если ты действительно ведешь счет против Бхарапутры, можешь поднять свой до пятидесяти.

Марк не знал, какого ответа она ждет. Наконец Куин вздохнула:

— Хорошо. Можешь ее отвести. Если тебя это утешит.

Она быстро зашагала к конференц-залу.

Марк повернулся и взял блондиночку за руку, очень нежно. Она отпрянула, мигая огромными заплаканными глазами. Хотя он прекрасно понимал, насколько сознательно вылеплены ее черты и ее тело, эффект все равно был потрясающим: красота и невинность, сексуальность и страх смешались в один опьяняющий напиток. На вид ей было лет двадцать, полный физический расцвет. И она была всего на несколько сантиметров выше него. Можно подумать, она просто создана, чтобы стать героиней этой драмы — вот только его жизнь далеко не героическая. Хаос и полная

потеря ориентации. Никаких наград, только новые наказания.

— Как тебя зовут? — притворно-радостно спросил Марк.

Девочка подозрительно глянула:

— Мари.

Фамилий у клонов не было.

— Красивое имя. Пошли, Мари. Я отведу тебя в твой… э-э… дортуар. Среди подруг тебе станет лучше.

Мари пошла за ним.

— Сержант Таура хорошая, знаешь ли. Она действительно о вас заботится. Ты просто напугала ее тем, что вот так убежала. Она боялась, как бы с тобой чего не случилось. Ты ведь ее не боишься, правда?

Ее дивные губки неуверенно приоткрылись.

— Н-не знаю…

Шла она изящно, покачивая бедрами, и от каждого шага ее груди чертовски завлекательно колыхались под розовой пижамной курточкой. Ей следовало бы их уменьшить — хоть он и не уверен, входит ли это в сферу деятельности хирурга «Перегрина». И если ей пришлось пережить в доме Бхарапутра что-то вроде того, что выпало на его долю, то, наверное, ее сейчас просто тош-

нит от хирургии. Его определенно тошнило.

— Мы не работорговцы. — Марк старался говорить как можно более убедительно. — Мы везем вас… — Да, если они узнают, что их везут в Барраярскую империю, их это мало успокоит. — Наша первая остановка, наверное, будет на Комарре. Но вам не обязательно там оставаться.

Он не имеет права ничего обещать ей. Никакого права. Пленный пленного не вызволит.

Девочка закашлялась и протерла глаза.

— С тобой… все в порядке?

— Я хочу попить водички.

Она охрипла от бега и слез.

— Я тебя напою, — пообещал Марк. Его каюта была совсем рядом, и он провел ее туда.

Марк прикоснулся к пластине замка, и дверь с шипением отъехала в сторону.

— Входи. У меня не было возможности с вами поговорить. Иначе… может быть, та девочка тебя и не обманула бы.

Марк завел ее в каюту и усадил на постель. Девочка дрожала. Он тоже.

— Она тебя обманула.

— Н-не… знаю, адмирал.

Он горестно усмехнулся:

— Я не адмирал. Я клон, как и все вы. Меня вы-

растили в доме Бхарапутра, этажом выше. — Он прошел в ванную, налил в чашку воды и принес ей. Ему вдруг захотелось подать ей воды, опустившись на одно колено. Ей надо… — Я хочу, чтобы вы поняли. Поняли, кто вы, что с вами происходит. Чтобы вас больше никто не обманул. Вам надо многому научиться, чтобы суметь защитить себя. — Особенно ей. С таким телом. — Ты будешь ходить в школу.

Девочка отпила глоток.

— Не хочу в школу, — пробормотала она в чашку.

— Разве бхарапутряне никогда не давали тебе виртуальные программы обучения? Когда я там жил, это было самое интересное. Даже интереснее игр. Хотя игры мне, конечно, тоже нравились. Ты играла в «Зайлек»?

Она кивнула.

— Это было здорово! Но программы по истории и астрографии… Виртуальный инструктор был такой забавный! Седой такой дядька в костюме двадцатого века, в куртке с заплатами на рукавах… Я все гадал, то ли это образ реального человека, то ли просто некий обобщенный учитель.

— Я их вообще не видела.

— А чем вы занимались весь день?

— Болтали друг с другом. Делали прически. Плавали. Наставники каждый день заставляли нас делать гимнастику…

— Нас тоже.

— … пока мне не сделали вот это. — Она прикоснулась к своей груди. — Потом меня заставляли только плавать.

Логично.

— Насколько я понимаю, последний раз тебе поменяли фигуру совсем недавно.

— Примерно месяц назад. — Она помолчала. — Ты правда не… не думаешь, что меня ждала мама?

— Мне очень жаль. У тебя нет матери. И у меня тоже. То, что тебя ждало… это был ужас. Почти невообразимый.

Девочка нахмурилась, явно не желая расставаться с мечтой.

— Мы все красивые. Если ты действительно клон, то почему тогда ты урод?

— Я рад, что ты начинаешь думать, — он тщательно подбирал слова. — Я точная копия моего родителя. Он урод.

— Но если это правда — насчет пересадки мозга, — то почему тебя?..

— Я был… частью другого плана. Мои заказчики взяли меня целиком. Я только позже узнал всю правду о Бхарапутре. — Он сел на кровать рядом с девочкой. Ее запах… неужели они генетически закладывают нежный аромат кожи? …просто пьянит. Воспоминание о том, как ее мягкое тело извивалось под ним, будоражило Марка… — У меня были друзья… У тебя, наверное, тоже?

Она кивнула.

— К тому времени, когда я мог что-то для них сделать… Задолго до того, как я мог им хоть чем-то помочь… они все исчезли. Их убили. И поэтому я спас вас.

Девочка смотрела на него с сомнением. Он не мог угадать, о чем она думает.

Внезапно пол задрожал.

— Что это было? — Мари, широко распахнув глаза, бессознательно схватила его за руку.

— Все в порядке. Более чем в порядке. Это был твой первый п-в-переход. — Со своим опытом в… ну, скажем, несколько переходов… он постарался говорить весело и небрежно. — Мы улетели. Теперь джексонианцам до нас не добраться. — Гораздо лучше, чем двойная измена, которую он почти ожидал от барона Фелла. Никакого рева и сотрясений от неприятельского огня. Просто слав-

ный и спокойненький такой переходик. — Вы в безопасности. Мы все теперь в безопасности.

Марк вспомнил безумную смуглую девочку. «Почти все».

Ему так хотелось, чтобы Мари поверила! Дендарийцы, барраярцы… от них он не ждал особого понимания. Но эта девочка… если бы только он мог стать героем в ее глазах! Он хотел получить в награду поцелуй.

Он весь напрягся. Может, она не заметит? Не поймет? Не осудит?

— Ты… не поцелуешь меня? — робко спросил Марк пересохшими губами. Приняв у нее из рук чашку, он допил воду.

— Зачем? — спросила она, морща лоб.

— По… понарошку.

Такая просьба была ей понятна. Она моргнула, но достаточно охотно подалась вперед и прикоснулась губами к его губам. Ее пижамная курточка натянулась…

— Ох! — выдохнул он, обнимая ее. — Еще, пожалуйста…

Он притянул ее ближе. Мари не сопротивлялась и не отвечала, но все равно ее рот был потрясающим.

«Я хочу… хочу…»

Ничего страшного не случится, если он дотронется до нее — просто дотронется. Мари инстинктивно обхватила руками его шею. Он ощущал каждый прохладный пальчик, заканчивающийся остреньким ноготком. Ее губы раскрылись. В висках гулко стучала кровь. Он скинул китель…

«Прекрати. Прекрати немедленно, черт тебя побери!»

Ведь она могла была бы стать его героиней. У Майлза их — целый гарем, тут никаких сомнений. Может, она позволит ему… не только ее целовать? Конечно, он ничего такого не сделает. Ничего, что причинило бы ей боль. Но если потереться между этими огромными грудями — это не может причинить ей боль, хотя может удивить. Она, наверное, подумает, что он псих, но плохо ей от этого не будет. Его губы жадно искали ее рот. Он прикоснулся к ее коже. Еще… Он нетерпеливо сдвинул пижаму с ее плеч. Кожа у нее бархатисто-мягкая. Его рука, дрожа, метнулась вниз — расстегнуть пояс брюк. Какое облегчение… Он так ужасно, мучительно возбужден. Но он не прикоснется к ней ниже пояса — нет…

Он уложил Мари на кровать, навалился на нее, отчаянно осыпая поцелуями. Она изумленно ахнула. Его дыхание участилось — и вдруг

неожиданно остановилось. Спазм хватил легкие, словно все дыхательные пути вдруг сжались.

«Нет! Только не это!»

Опять как в тот раз, год назад, когда он попробовал…

Марк скатился с нее, весь покрывшись холодным потом. Ему удалось сделать один астматический, мучительный вдох. Вспышки воспоминаний такие ясные, словно у него начались галлюцинации.

Гневные крики Галена. Ларс и Мок схватили его, сорвали с него одежду — словно те побои, которые он только что от них вытерпел, — это еще недостаточное наказание. Сначала они выгнали девушку. Она сбежала, как заяц. Он выплюнул соленую кровь. Электрошоковая дубинка указывала, прикасаясь: сюда, сюда. Удар и треск. Гален краснел все сильнее, обвиняя его в предательстве — и хуже, расписывая сексуальные склонности Эйрела Форкосигана, включив слишком сильное напряжение… «Переверните его». Смутное воспоминание о боли, унижении, ожоге, судорогах, странном электрическом возбуждении и отвратительно постыдном оргазме…

Он оттолкнул от себя воспоминания и, почти теряя сознание, еще раз вдохнул и выдохнул.

Почему-то вдруг оказалось, что он сидит не на кровати, а на полу, судорожно сжавшись. Блондиночка скорчилась на сбитой постели и удивленно уставилась на него:

— Что с тобой? Почему ты перестал? Ты умираешь?

«Нет, только жалею, что не умер».

Это нечестно! Он знал, откуда взялась такая реакция. Это не воспоминание, погребенное в подсознании, это не из далекого и забывшегося детства. Это произошло всего четыре года назад. Разве не считается, что подобное ясное осознание помогает человеку освободиться от демонов прошлого? Он что, будет кататься в судорогах всякий раз, когда попробует секс с настоящей девушкой? Если все будет спокойно, если его не будет мучить совесть, если у него когда-нибудь появится возможность заниматься любовью — настоящей любовью, тогда, может, ему удастся справиться с безумием. «Или, может, не удастся…» Он сделал еще один судорожный вздох. И еще один. Легкие снова работали. Неужели он действительно мог умереть? Надо полагать, в момент потери сознания автономная нервная система должна снова заработать.

Дверь его каюты скользнула в сторону. В проеме

показались Таура и Элен. Увидев, что происходит, Элен разразилась проклятиями, а Таура стремительно шагнула вперед.

Сейчас! Ему надо потерять сознание прямо сейчас! Но упрямый демон не слушался. Он продолжал тяжело дышать, свернувшись на боку, со спущенными до коленей брюками.

— Ты что делаешь? — прорычала Таура. В неярком свете ее клыки угрожающе засверкали. Марк видел, как она одной рукой разрывала солдатам горло.

Блондиночка, страшно встревоженная, поднялась на колени. Она, как всегда, пыталась прикрыть руками свои самые выдающиеся атрибуты и, как всегда, только привлекла к ним всеобщее внимание.

— Я только попросила попить водички, — прохныкала она. — Извините!

Таура поспешно опустилась на одно колено и повернула руки ладонями вверх, показывая девочке, что на нее-то она не сердится. Марк решил, что Мари таких тонкостей не понять.

— Тогда что случилось? — сурово спросила Элен.

— Он заставил меня его целовать.

Элен, глянув на Марка, яростно сверкнула

глазами:

— Ты пытался ее изнасиловать?

— Нет! Не знаю. Я только…

Сержант Таура распрямилась, сгребла Марка за рубашку, прихватив заодно и немного кожи, подняла на ноги и притиснула к ближайшей стене. Пол оказался в метре от его ног.

— Отвечай честно, будь ты проклят, — рыкнула сержант.

Марк закрыл глаза и сделал глубокий вдох. Не потому, что ему угрожают женщины Майлза, нет. Не из-за них. Но из-за того, что тогда, четыре года назад, последовало за этим унижением. Когда встревоженные Ларс и Мок в конце концов убедили Галена остановиться, Марк был в глубоком шоке, на грани остановки сердца. Галену пришлось отвезти дорогостоящего клона к врачу. Была глубокая ночь. Гален объяснил ожоги, сказав, будто Марк тайком занимался онанизмом с помощью электрошока, случайно его включил и не смог выключить, потому что у него свело руки. Врач ошарашенно захихикал. Марк еле слышно подтвердил все: он слишком боялся Галена, чтобы сказать правду. Но врач ведь видел следы побоев, неужели он не понял, как все было на самом деле? Но врач ничего не сказал.

Ничего не сделал. Потом уже Марк осознал, что самые глубокие сожаления вызывает в нем его собственное пугливое подтверждение, что тот мрачный смешок обжег его больнее всего. Он не может допустить, не допустит, чтобы с Мари произошло то же самое.

Отрывистыми, резкими фразами он описал, что пытался сделать. Это звучало просто отвратительно, хотя виной тому была ее красота. Он крепко зажмурился. Он ни словом не обмолвился о своей панике, не попытался рассказать про Галена. Внутренне содрогаясь, он говорил правду. Пока он говорил, стена медленно поползла вверх вдоль его позвоночника, и его ступни коснулись пола. Сжимавшие рубашку руки разжались, и он осмелился открыть глаза.

И чуть было не зажмурился снова, обожженный откровенным презрением, читавшимся на лице Элен. Ну все. Она — почти дружелюбная, почти добрая, почти его друг — теперь словно окаменела от ярости, и он понял, что потерял единственного человека, который мог бы за него заступиться. Было больно, смертельно больно потерять то малое, что он имел.

— Когда Таура доложила, что одной из девочек нет, — произнесла Элен, — Куин сказала, что ты

настаивал на том, чтобы проводить ее. Теперь мы знаем почему.

— Нет. Я… ничего такого не планировал. Она действительно захотела попить.

И Марк указал на чашку, валявшуюся на полу.

Таура повернулась к нему спиной и опустилась на колено, мягко заговорив с блондиночкой демонстративно-мягко.

— У тебя ничего не болит?

— Со мной все в порядке, — дрожащим голосом ответила она, натягивая пижамную курточку. — Но этот человек по-настоящему болен.

Она смотрела на него удивленно-встревоженно.

— Несомненно, — пробормотала Элен. Подняв голову, она взглядом пронзила Марка, все еще цеплявшегося за стену. — Ты сидишь в каюте под арестом. И я снова ставлю у твоей двери охрану. Даже не пытайся выйти.

«Не буду, не буду».

Они увели Мари. Дверь с шипением закрылась, словно падающий нож гильотины. Марк, весь дрожа, бросился на свою узенькую койку.

Две недели до Комарры. Ему очень хотелось умереть.

Глава 11

Первые три дня одиночного заключения Марк провел лежа на кровати в глубокой депрессии. Он хотел, чтобы его героическая операция спасла человеческие жизни, а не отняла их. Он считал погибших. Пилот катера. Филиппи. Норвуд. Рядовой из отряда Кимуры. И восемь тяжело раненных. Когда он только составлял план, у всех этих людей не было имен. А еще — люди Бхарапутры, для него — безымянные. Обычный джексонианский охранник просто зарабатывал себе на хлеб. Может быть, даже Марк и встречался раньше с кем-нибудь из погибших бхарапутрян. Перекидывался шутками… Всегда так: в мясорубку попадают ни в чем не повинные люди, а те, у кого есть власть, кто действительно виноват, выходят сухими из воды, как барон Бхарапутра.

Стоят ли жизни сорока девяти клонов гибели четырех дендарийцев? Похоже, сами дендарийцы так не считают.

«Они не знали, на что идут. Ты обманул их».

Это неожиданное прозрение ошеломило его. Жизни не складываются, как простые числа. Они

складываются, как бесконечности.

«Я не хотел, чтобы так вышло!»

И клоны. Та блондиночка. Уж ему ли не знать, что она, несмотря на пышные формы, не взрослая женщина. Шестидесятилетний мозг, который собирались пересадить ей, наверняка знал бы, что делать с таким телом. Но ведь Марк же прекрасно понимал, что она еще маленькая! Он не хотел пугать или обижать ее, но ухитрился сделать и то, и другое. Он так хотел понравиться ей, так хотел, чтобы у нее осветилось лицо.

«Как при виде Майлза?» — насмешливо спросил внутренний голос.

Ни один клон не отреагировал так, как хотелось Марку. Надо расстаться с этой фантазией. Через десять, через двадцать лет, они, возможно, поблагодарят его. А может, и не поблагодарят.

«Я сделал все, что мог. Простите меня».

На второй день заключения ему пришла в голову страшная мысль: ведь его самого вполне могут использовать для пересадки мозга Майлза. Как ни странно — а, может, вполне логично, — со стороны Майлза он такого не боялся. Но сейчас Майлз не в состоянии наложить вето. А вдруг кто-нибудь подумает, что куда проще пересадить мозг Майлза в теплое и живое тело Марка,

избежав тем самым сложнейшей операции по восстановлению грудной клетки криотрупа? Марк настолько перепугался, что уже готов был добровольно предложить такой план — лишь бы долго не мучиться.

Он был уже на грани безумия, когда вспомнил, что криокамера все равно потеряна, и опасность остается чисто умозрительной. По крайней мере до тех пор, пока не отыщется криокамера. В темной каюте, зарывшись лицом в подушку, он вдруг осознал, что затеял всю эту отчаянную операцию по освобождению клонов, чтобы увидеть уважение на лице Майлза!

«Ну, такую возможность ты практически свел к нулю, верно?»

Освобождение от круговерти отчаяния давали только еда и сон. Запихнув в себя полный рацион, Марк впадал в такое отупение, что мог на короткое время заснуть. Стремясь забыться, он уговорил мрачного дендарийца, который трижды в день просовывал ему в дверь подносы, приносить лишнюю еду. Ну а поскольку наемники явно не считали свои полевые рационы особым лакомством, возражать никто не стал.

Еще один дендариец принес Марку комплект одежды Майлза из запасов «Ариэля». Знаки раз-

личия были тщательно спороты.

На третий день Марк бросил все попытки застегнуть пояс форменных брюк и перешел на трикотажные костюмы. И тут на него снизошло озарение.

«Они не смогут меня заставить играть Майлза, если я не буду на него похож!»

И с этого момента Марк потерял ощущение времени. Один дендариец так разозлился на его бесконечные просьбы о лишних рационах, что притащил полный ящик, шмякнул об пол и велел Марку больше никого не дергать. Марк остался наедине со своей операцией по самоспасению и углубился в хитроумные расчеты. Он слышал, что пленным удавалось прорыть подкоп, пользуясь одной только ложкой. А чем он хуже других?

В глубине души он понимал, что это совершенно безумная затея, но зато теперь у него появилась цель. И неожиданно оказалось, что у него слишком мало времени. Марк тщательно изучал сведения о питательности продуктов. Если бы он не шевелился, одного рациона хватило бы на целый день. Следовательно, все, что сверх того, должно превращать его в не-Майлза. Каждые четыре плитки дадут килограмм лишнего веса. Жаль, конечно, что еда так однообразна…

Но все равно времени оставалось слишком мало. В итоге он запаниковал и ел беспрерывно, пока острая боль не вынуждала его остановиться. Так он соединил удовольствие, мятеж и наказание. Ощущение было странным, но приятным.

Куин вошла без стука и решительно переключила освещение на максимальную яркость.

Марк, вскрикнув, закрыл лицо руками. Вырванный из тревожной дремоты, он перевернулся на постели и, моргая, попытался разглядеть показания хроно. Куин пришла за ним на день раньше, чем он ожидал. Видимо, дендарийские корабли летели с максимальным ускорением.

«Господи, помоги!»

— Вставай, — приказала Куин. Она наморщила нос. — Помойся. И надевай вот этот мундир.

И она положила на кровать что-то густо-зеленое с золотом. У Элли был такой вид, будто ей очень хочется швырнуть мундир ему в лицо, и по тому, как бережно она уложила костюм, Марк заключил, что он принадлежит Майлзу.

— Я встану, — ответил Марк. — И вымоюсь. Но я не надену этот мундир — и вообще никакого мундира не надену.

— Будешь делать то, что прикажут.

— Это — мундир барраярского офицера. Он оли-

цетворяет реальную власть. Барраярцы вешают тех, кто надевает чужие мундиры.

Марк отбросил одеяло и сел. У него немного кружилась голова.

— Боги! — придушенным голосом ахнула Куин. — Что ты с собой сделал?

— Полагаю, — гордо сказал Марк, — вы все равно можете запихнуть меня в мундир. Но советую вам подумать, как это будет смотреться.

И поплелся в ванную.

Умывшись и сняв депиллятором щетину, Марк осмотрел результаты своей попытки к бегству. Жаль, времени не хватило. Правда, он снова набрал тот вес, который ему пришлось сбросить, чтобы сыграть адмирала Нейсмита на Эскобаре, плюс, может быть, немного лишнего, и всего за четырнадцать дней. Намек на двойной подбородок. Живот болезненно растянулся, так что двигаться приходилось очень осторожно.

«Мало. Для безопасности — мало».

Куин — это Куин. Не в ее натуре было сразу отступать. Когда она все же попробовала напялить на Марка барраярский мундир, он тут же ссутулился. Впечатление получилось… ну очень невоенное. Элли с рычанием сдалась и разрешила ему самому подобрать себе одежду. Марк

выбрал чистую пару трикотажных корабельных брюк, мягкие тапочки и свободный гражданский пуловер Майлза с широкими рукавами и вышитым поясом. С минуту Марк раздумывал, что больше досадит Куин: если он повяжет пояс поверх округлившегося животика, по экватору, или снизу, как поддержку. Судя по ее кислому виду — внизу. Так он его и оставил.

Куин почувствовала его отчаянную отвагу.

— Развлекаешься? — саркастически спросила она.

— Сегодня больше ничего веселенького не будет. Так ведь?

Куин разжала кулак, невесело признавая его правоту.

— Куда вы меня ведете? И если уж на то пошло — где мы?

— На орбите Комарры. Мы сейчас тайно перелетим в капсуле на одну из барраярских военных станций. Там у нас состоится очень секретная встреча с шефом Имперской службы безопасности, капитаном Саймоном Иллианом. Он прилетел с Барраяра на курьерском корабле в ответ на довольно двусмысленное шифрованное сообщение, которое я отправила. Ему очень не терпится узнать, с чего это я нарушила его распо-

ряжение. Он спросит, в чем дело. И, — тут голос у нее сорвался, и она глубоко вздохнула, — я ему расскажу.

Элли провела его по «Перегрину». Все коридоры казались опустевшими. Нет, не опустевшими. Очищенными.

Они вошли в капсулу, где за пультом управления уже сидела Ботари-Джезек. Когда она через плечо оглянулась на Марка, глаза ее удивленно раскрылись, а темные выгнутые брови нахмурились.

— Дьявольщина, Марк. Ты выглядишь, как утопленник, который неделю пролежал в воде.

«И чувствую я себя не лучше», — подумал Марк, но сказал только:

— Спасибо.

Элен фыркнула — он не понял, насмешливо, сердито или презрительно — и снова повернулась к пульту. Люк закрылся, разжались захваты, и они бесшумно отчалили от «Перегрина». При переходе от невесомости к ускорению Марку снова пришлось вспомнить о своем туго набитом животе.

— Почему глава имперской разведки всего лишь капитан? — спросил Марк, стараясь отвлечься от неприятных ощущений. — Ведь не

из-за секретности же — все равно все знают, кто он такой.

— Еще одна барраярская традиция, — ответила Элен. На слове «традиция» в ее голосе послышалась горечь. — Предшественник Иллиана, покойный великий капитан Негри, не захотел принять повышений после капитана. Видимо, приближенному императора Эзара это было ни к чему. Все знали, что Негри — голос императора, и его приказы распространялись на все чины и звания. Иллиан… наверное, он стесняется оказаться выше по званию, чем его прежний шеф. Но получает он жалованье вице-адмирала. А тот бедняга, который возглавит службу безопасности после Иллиана, наверное, вынужден будет навечно остаться капитаном.

Они приближались к орбитальной станции. Марку наконец удалось далеко внизу разглядеть Комарру: с орбиты она казалась полумесяцем. Элен строго придерживалась траектории, заданной предельно лаконичным диспетчером. После напряженного обмена паролями им разрешили стыковку.

У люка гостей встретили два молчаливых охранника, очень аккуратных и подтянутых. Барраярцы провели их в небольшую каюту без

окон, превращенную в кабинет: комм-пульт, три кресла — и все. Никаких излишеств.

— Спасибо. Можете идти, — сказал мужчина, сидевший за комм-пультом. Охранники бесшумно исчезли.

Мужчина, казалось, немного расслабился. Он кивнул Ботари-Джезек:

— Привет, Элен. Рад тебя видеть.

В голосе прозвучало неожиданное тепло — словно дядюшка приветствует любимую племянницу.

Марк сразу узнал Саймона Иллиана. Именно таким он и был на записях, которые показывал Гален: худощавый стареющий мужчина, с сединой, приливом поднимавшейся в темно-русых волосах от висков. Округлое лицо с курносым носом слишком изборождено морщинами, чтобы казаться моложавым. Иллиан был в мундире, с воротничка мигало Недремное око — символ Имперской службы безопасности.

И тут Марк заметил, что Иллиан, в свою очередь, уставился на него с каким-то ужасно странным выражением.

— Господи, Майлз, ты… — Он осекся, и во взгляде зажглась догадка. Иллиан снова откинулся на спинку стула. — А! — Его губы чуть искриви-

лись. — Лорд Марк. Леди Форкосиган будет вам очень рада. И я очень рад наконец встретиться с вами.

Казалось, Иллиан говорит совершенно искренне.

«Эта радость ненадолго, — безнадежно подумал Марк. — И почему лорд Марк? Он, наверное, шутит!»

— И еще я очень рад снова знать, где вы находитесь. Я так понимаю, капитан Куин, что сообщение моего департамента относительно исчезновения лорда Марка наконец до вас дошло?

— Нет. Пока нет. Наверное, его пересылают с места нашей… последней остановки.

Иллиан изумленно поднял брови:

— Так лорд Марк пришел добровольно? Или это мой бывший подчиненный послал его мне?

— Ни то, ни другое, сэр.

Казалось, Куин трудно говорить. Элен даже не пыталась.

Иллиан подался вперед.

— Так что за недопеченную нахальную выдумку он послал вас проталкивать под вывеской: «Я считал, что вы посоветовали бы мне поступать по обстановке, сэр»? За что мне платить на этот раз?

— Никакой выдумки, сэр. — Куин побледнела. — Но счет будет просто чудовищный.

— Да? — сказал он после секундного молчания.

Куин положила руки на пульт. Марку показалось, что это не для внушительности, а просто чтобы не упасть.

— Иллиан, у нас проблема. Майлз погиб.

Иллиан словно окаменел. Потом резко повернулся на стуле спиной к ним, так что Марк видел только его затылок. Макушка начала лысеть. Когда Иллиан наконец повернулся, на его застывшем лице пролегли новые морщины, глубокие, как шрамы.

— Это не проблема, Куин, — прошептал он. — Это катастрофа.

Он крепко прижал обе ладони к пульту — очень осторожно. «Так вот где Майлз подхватил это движение!» — некстати подумал Марк.

— Он в криокамере. — Куин облизала пересохшие губы.

Иллиан закрыл глаза. Губы его шевелились, то ли в молитве, то ли в проклятиях… Но он только мягко произнес:

— С этого можно было бы начать. Остальное можно вывести логически. — Он снова открыл глаза, пытаясь сосредоточиться. — Так что случи-

лось? Насколько тяжело он был ранен? Надеюсь, не в голову? Насколько хорошо его обработали?

— Я сама помогла его обработать. В боевых условиях. По… по-моему, обработали хорошо. Но невозможно сказать, пока… Да. Он получил очень тяжелое ранение в грудь. Насколько я могла судить, выше шеи все цело.

Иллиан осторожно выдохнул:

— Вы правы, Куин. Не катастрофа. Всего лишь проблема. Я отправлю сообщение в Форбарр-Султан, в госпиталь, чтобы ждали своего любимого пациента. Мы можем погрузить криокамеру на мой курьер немедленно.

Похоже, от облегчения он говорит слишком много.

— Э-э… нет, — прервала его Куин.

— Договаривай, Куин, — сказал он с плохо скрытым ужасом.

— Мы потеряли криокамеру.

— Как можно было потерять криокамеру?

— Она была переносная. — Перехватив обжигающий взгляд, Элли поспешила с докладом. — Ее оставили внизу при поспешном отлете. Было два боевых катера. И на каждом считали, что криокамера — на втором. Вопрос в неточности связи — клянусь, я проверяла! Так случилось,

что медик, которому поручили криокамеру, был отрезан от катера. Он оказался рядом с коммерческой посылочной станцией. Мы считаем, что он отправил криокамеру по почте.

— Вы считаете? Я еще спрошу, что это была за боевая операция на поверхности планеты. Куда он ее отправил?

— В том-то и дело: мы не знаем. Медика убили прежде, чем он успел сказать. Сейчас криокамера может оказаться где угодно.

Иллиан откинулся на спинку стула:

— Ясно. И все это произошло… Когда? И где?

— Две недели и три дня назад, на Архипелаге Джексона.

— Я отправил вас всех к Иллирии через станцию Вега. Какого черта вас понесло на Архипелаг Джексона?

Куин встала «вольно» и сдержанно, в коротких словах, рассказала все с самого начала.

— У меня тут полный отчет со всеми нашими записями и личный журнал Майлза, сэр. — Она положила на комм-пульт куб данных.

Иллиан посмотрел на куб, как на ядовитую змею:

— А сорок девять клонов?

— На борту «Перегрина», сэр. Мы хотели бы их

выгрузить.

«Мои клоны. Что Иллиан собирается с ними сделать?»

Марк не смел спросить.

— Личный журнал Майлза нам ничего не даст, полагаю, — отстраненно заметил Иллиан. — Он весьма поднаторел в том, чтобы не записывать.

Иллиан молча встал и начал расхаживать по кабинету. Хладнокровная маска раскололась без всякого предупреждения: с исказившимся лицом он повернулся и со всей силы, так, что кости захрустели, ударил кулаком в стену.

— Будь он проклят, этот парень! Даже собственные похороны умудрился превратить в комедию ошибок!

Когда Иллиан снова повернулся к посетителям, его лицо было застывшим и ничего не выражало. Подняв глаза, он обратился к Ботари-Джезек.

— Элен. Ясно, что мне придется остаться на Комарре и руководить поисками из штаб-квартиры по внешнегалактическим делам. Я, конечно… составлю официальное сообщение о пропаже без вести лейтенанта лорда Форкосигана и немедленно отправлю его графу и графине Форкосиган. Мне больно думать, что это сообщение им вручит посторонний, но ничего не поделаешь. Но не со-

гласишься ли ты, в качестве личного одолжения, сопроводить лорда Марка в Форбарр-Султан к Форкосиганам?

«Нет! Нет! Нет!» — мысленно закричал Марк.

— Мне… не хотелось бы лететь на Барраяр, сэр.

— У премьер-министра будут вопросы, на которые сможет ответить только тот, кто при всем присутствовал. Ты… идеальный курьер для столь тонкого дела. Не спорю, задача будет очень нелегкой.

— Сэр, я — старший капитан, — затравленно сказала Элен. — Я не могу оставить «Перегрин». И… откровенно говоря… мне не хочется сопровождать лорда Марка.

— Взамен я пообещаю тебе все, что хочешь.

Элен колебалась:

— Все?

Он кивнул.

Она взглянула на Марка.

— Я дала слово, что все клоны дома Бхарапутра будут отправлены в безопасное место, где о них будут заботиться и куда не смогут добраться джексонианцы. Вы поможете мне сдержать слово?

— Конечно, Службе безопасности ничего не стоит сделать им новые биографии. Тут ничего трудного нет. С размещением будет сложнее. Но

— да. Мы ими займемся.

«Займемся». Что, интересно, он хочет этим сказать? Несмотря на все их недостатки, барраярцы по крайней мере не практикуют рабство.

— Это дети! — выпалил Марк. — Вы должны помнить, что они — всего лишь дети!

«Об этом нелегко помнить», — хотел он добавить, но замолчал, наткнувшись на холодный взгляд Элен.

Иллиан отвернулся от Марка:

— Тогда я обращусь за советом к графине Форкосиган. Что-нибудь еще?

— «Перегрин» и «Ариэль»…

— Должны пока остаться на орбите Комарры и ни с кем не выходить на связь. Извинитесь за меня перед своими людьми, но им придется потерпеть.

— И вы возьмете на себя оплату всей этой истории?

Иллиан поморщился:

— Увы, да.

— И… и будете изо всех сил искать Майлза!

— О, да! — выдохнул он.

— Тогда полечу, — еле слышно сказала Элен.

— Спасибо тебе, — негромко отозвался Иллиан. — Мой курьерский корабль примет вас, как

только вы будете готовы. — Он неохотно посмотрел на Марка. Всю вторую часть разговора он старался на него не глядеть. — Сколько охранников ты желаешь взять с собой? — спросил он у Ботари-Джезек. — Я дам им четкие инструкции, что, пока они не доставят вас к графу, они подчиняются только тебе.

— Я вообще не хотела бы брать охранника, но, боюсь, мне надо будет поспать… Двоих.

Итак, теперь он официальный пленник императорского правительства Барраяра, понял Марк. «Приехали».

Элен поднялась и жестом приказала Марку встать.

— Пошли. Мне надо взять с «Перегрина» личные вещи. И передать командование моему помощнику. И объяснить людям насчет карантина. Тридцать минут.

— Хорошо. Капитан Куин, задержитесь, пожалуйста.

— Слушаюсь, сэр.

Иллиан встал, чтобы проводить Элен.

— Скажи Эйрелу и Корделии… — Он замолчал. Время мучительно замедлилось.

— Скажу, — тихо ответила Элен. Иллиан кивнул.

Дверь раскрылась. Элен даже не обернулась, проверяя, идет ли за ней Марк. Каждые пять шагов ему приходилось переходить на бег, чтобы не отстать.

Каюта на борту скоростного курьера Службы безопасности оказалась еще более тесной и похожей на тюремную камеру, чем та, которую Марк занимал на «Перегрине». Элен заперла его и ушла. Не было даже отсчета времени по доставке питания: в каюте находилась управляемая компьютером система доставки с центрального склада. Марк постоянно переедал, сам не понимая, зачем. Разве что для успокоения и самоистязания. Но чтобы умереть от тучности, нужны годы, а у него было всего пять дней.

В последний день у него началась рвота. На катере все решили, что это болезнь невесомости, и на удивление мягкосердечный охранник, видимо, страдавший подобным недугом, быстро наклеил Марку противорвотный пластырь.

Пластырь обладал и слабым успокаивающим действием. У Марка немного уменьшилось сердцебиение. Когда катер приземлился, их уже поджидал бронированный лимузин. Охранник сел спереди, рядом с водителем, а Марк оказался напротив Элен сзади. Начался последний этап

этого кошмарного путешествия: дорога из военного космопорта в самое сердце Форбарр-Султана. Центр Барраярской империи.

Только когда у него началось нечто вроде приступа астмы, Элен вышла из мрачной задумчивости:

— Что с тобой?

Наклонившись вперед, Элен нащупала его пульс. Марк весь был покрыт холодным потом.

— Тошнит, — выдавил он и в ответ на ее раздраженный взгляд признался: — Страшно.

Марку казалось, что под огнем бхарапутрян он перепугался так, что сильнее просто невозможно, но это были еще цветочки по сравнению с медленным кошмаром и удушающей беспомощностью перед судьбой.

— Чего тебе бояться? — презрительно спросила Элен. — Никто тебе ничего плохого не сделает.

— Капитан, они меня убьют!

— Кто? Лорд Эйрел и леди Корделия? Едва ли. Если нам по какой-то причине не удастся вернуть Майлза, ты можешь стать следующим графом Форкосиганом. Надо полагать, ты и сам это сообразил.

И тут он наконец удовлетворил свое давнее любопытство: когда он потерял сознание, дыхание

действительно возобновилось автоматически. Он сморгнул черную пелену и отстранил испуганную Элен. На всякий случай она прихватила из аптечки катера пару пластырей и теперь неуверенно крутила их в руках. Марк жестом поторопил ее. Это помогло.

— За кого ты их принимаешь? — гневно вопросила она, когда его дыхание немного выровнялось.

— Не знаю. Но они наверняка злы на меня.

Хуже всего понимание, что все могло бы и не быть так плохо. Теоретически в любой момент до заварушки на Архипелаге Джексона он мог просто явиться и сказать: «Привет!». Но он хотел встретиться с Барраяром на равных. Все равно что пытаться взять штурмом небо. Его попытка все исправить вконец испортила дело.

Элен откинулась в кресле и с запоздалым недоумением уставилась на Марка.

— Ты что, правда до смерти перепуган, да? — спросила она с таким изумлением, что ему захотелось взвыть. — Марк, лорд Эйрел и леди Корделия отнесутся к тебе со всем возможным снисхождением. Я это точно знаю. Но ты должен будешь выполнять свои обязанности.

— Какие обязанности?

— Я… Я точно не знаю, — призналась она.

— Спасибо. Ты так мне помогла!

И тут они приехали. Машина миновала несколько ворот и оказалась на узкой площадке перед огромной каменной резиденцией. Марк решил, что резиденция кажется такой внушительно древней благодаря архитектуре Периода Изоляции. Подобную архитектуру он видел в Лондоне, но тем зданиям было больше тысячелетия, а этому — всего сто пятьдесят стандартных лет.

Резиденция Форкосиганов.

Фонарь открылся, и Марк выбрался из машины следом за Ботари-Джезек. На этот раз она задержалась, поджидая его. Элен крепко сжала ему руку выше локтя, то ли тревожась, как бы он не упал, то ли опасаясь, что он сбежит. Они прошли по ласковому солнышку в прохладные сумерки большого вестибюля, вымощенного черно-белой плиткой. Сколько раз Майлз переступал через этот порог?

Ботари-Джезек на миг показалась Марку служанкой какой-то злой волшебницы, похитившей любимого Майлза и подменившей его бледным толстеньким подкидышем. Он с трудом подавил истерический смешок в ответ на насмешливо-издевательский внутренний голос: «Здравствуй,

мама, здравствуй, папа, вот и я!»

Что самое печальное, злая волшебница — это он сам.

Глава 12

В вестибюле их встретили два ливрейных слуги в цветах дома Форкосигана: в коричневом с серебром. Один направил Ботари-Джезек куда-то направо. Марк готов был разрыдаться. Конечно, Элен его презирает, но по крайней мере она хоть какая-то поддержка. Чувствуя себя даже более одиноким, чем в темной каюте, он последовал за слугой налево, по сводчатому коридору.

Когда-то он под руководством Галена выучил план резиденции Форкосиганов, поэтому знал, что сейчас они идут в «Первую гостиную», расположенную перед огромной библиотекой, которая занимала пол-этажа. По сравнению с огромными парадными комнатами эта, надо полагать, считалась интимной, хотя из-за высокого потолка в ней царила атмосфера холодной суровости. И тут Марку стало не до архитектуры: он увидел женщину, сидевшую на мягкой кушетке и спокойно ожидавшую его.

Она была высокая, не худая и не толстая, а скорее просто крепко сложенная. Каштановые волосы закручены на затылке в замысловатый

узел. Четкая линия скул и носа, ясные серые глаза. Держалась она довольно напряженно. На ней была мягкая бежевая шелковистая блуза, перехваченная вышитым поясом, — Марк вдруг понял, что узор на поясе совпадает с тем, что на нем, краденым, — коричневая юбка ниже колен и сандалии на платформе. Никаких драгоценностей. Он ожидал увидеть что-то более пышное, замысловатое, подавляющее: облик графини Форкосиган с записей, сделанных на официальных приемах. А может, графиня настолько уверена в своей власти, что ей и не требуется ее подчеркивать — она сама и есть власть? Он не заметил между нею и собой никакого внешнего сходства. Ну разве что только цвет глаз. И бледность кожи. Ну, может, еще переносица. Линия скул у нее была очень четкая — на записях этого не видно…

— Лорд Марк Форкосиган, миледи, — торжественно доложил слуга. Марк содрогнулся.

— Спасибо, Пим, — кивнула графиня пожилому слуге, отпуская его. Закрывая за собой двери, он позволил себе только один быстрый взгляд.

— Привет, Марк. — Голос у графини был мягкий, грудной. — Садись, пожалуйста.

Она махнула рукой в сторону кресла, стоявшего под углом к кушетке. Вроде никаких ловушек

или капканов незаметно, да и кресло не слишком близко от графини — Марк осторожно опустился на сиденье. Как ни странно, оно оказалось не слишком высоким — ступни касались пола. Может, его подрезали для Майлза?

— Рада наконец познакомиться с тобой, — сказала она. — Хоть мне и жаль, что обстоятельства такие неловкие.

— Взаимно, — пробормотал он.

Рад — или жаль? И кто они вообще такие, сидящие тут напротив друг друга и вежливо лгущие о своей радости и сожалении? «Кто вы, леди?» Он опасливо огляделся в поисках Мясника Комарры. — А где… ваш супруг?

— Формально — приветствует Элен. А если по правде — он струсил и выслал меня на линию огня. Очень на него не похоже.

— Я… не понимаю, сударыня.

Он не знал, как к ней обращаться.

— Последние два дня он пьет лекарства от желудка, как лимонад… Ты должен понять, как к нам просачивались вести, взглянуть на все с нашей точки зрения. Первый намек на то, что не все в порядке, мы получили четыре дня назад. Офицер из штаба Службы безопасности принес короткое стандартное сообщение от Иллиана:

Майлз пропал без вести, подробности позже. Сначала мы не склонны были паниковать. Майлз и раньше пропадал без вести, иногда достаточно надолго. Только когда несколько часов спустя было получено и расшифровано полное сообщение Иллиана вместе с известием, что ты летишь сюда, все стало понятно. У нас было три дня, чтобы обо всем подумать.

Он сидел молча, пытаясь привыкнуть к мысли, что у великого адмирала Форкосигана, грозного Мясника Комарры, вообще существует точка зрения. Не говоря уже о том, что такие жалкие смертные, как он сам, могут так запросто ее понять.

— Иллиан никогда не виляет, — продолжила графиня, — но в сообщении он ни разу не употребил слово «погиб» или «убит». Медицинские данные свидетельствуют об обратном. Правильно?

— Э-э… Криообработка, похоже, была успешной.

«Чего она добивается?»

— И таким образом мы попали в эмоциональное и юридическое небытие, — вздохнула она. — Кажется, было бы почти легче, если бы он… — Она яростно нахмурилась, глядя в пол. Впервые ее

руки сжались в кулаки. — Понимаешь, нам надо говорить о массе возможных вариантов. Многое зависит от тебя. Но я не буду считать Майлза мертвым, пока он не истлеет.

Марк вновь увидел лужу крови на цементе и беспомощно хмыкнул.

— То, что ты сыграл роль Майлза… — Графиня осеклась, недоуменно глядя на него. — Говоришь, дендарийцы тебя приняли?..

Он съежился под ее пристальным взглядом, чувствуя, как под рубашкой Майлза перекатывается и обвисает его живот, как туго натянулись брюки…

— С тех пор… я немного прибавил в весе.

— Всего за три недели?

— Да. — Марк покраснел.

Она приподняла бровь:

— Специально?

— Вроде как.

— Ага! — Она откинулась назад, явно удивленная. — Но это ты очень хорошо придумал!

Он разинул рот, но, поняв, что так еще заметнее двойной подбородок, поспешно его закрыл.

— Твой статус был предметом немалых споров. Я выступала против любых уловок скрыть случившееся с Майлзом, заставив тебя играть его

роль. Во-первых, это излишне: лейтенант лорд Форкосиган часто надолго исчезает — в последнее время его отсутствие стало почти привычным. Стратегически более важно заявить о тебе, как о тебе самом, лорде Марке — если ты действительно им будешь.

Он сглотнул:

— А что, у меня есть право выбора?

— Да. Но сознательного выбора. После того как ты разберешься, что к чему.

— Вы шутите! Я же клон!

— Я — с Колонии Бета, парнишка, — язвительно сказала она. — Бетанские законы относительно клонов ясны и разумны. Это не барраярские традиции, которых — по этому вопросу — просто не существует. Барраярцы! — Это слово прозвучало, как ругательство. — Барраяру не хватает опыта с разнообразными технологическими вариантами воспроизведения потомства. Никаких юридических прецедентов. А если у них нет традиции, — это слово графиня произнесла совершенно так же, как Элен, — то они не знают, что делать.

— И кто я для вас, как для бетанки? — спросил Марк с тревожным любопытством.

— Или сын, или двоюродный сын, — мгновенно

ответила она. — Нелицензированный, но признанный мною в качестве наследника.

— Это категории вашей родной планеты?

— Еще бы! Значит так, если бы я заказала твой клон от Майлза — разумеется, получив сначала лицензию, — ты был бы просто моим сыном. Если бы то же самое сделал Майлз, будучи юридически совершеннолетним, то твоим юридическим родителем был бы он сам, а я была бы твоей двоюродной матерью, и мои права и обязанности по отношению к тебе были бы примерно те же, что и у бабушки. Конечно, в тот момент, когда тебя клонировали, Майлз не был совершеннолетним, и твое рождение не было лицензировано. Если бы ты все еще оставался несовершеннолетним, мы с ним предстали бы перед судьей, и тот назначил бы тебе опекуна, исходя из соображений твоего благополучия. Конечно, ты уже не несовершеннолетний — ни по бетанским, ни по барраярским законам. — Она вздохнула. — Время юридического опекунства миновало. Потеряно. Наследование собственности будет запутано барраярскими недоразумениями. Когда придет время, Эйрел обсудит с тобой традиционный закон Барраяра — или отсутствие оного. Остаются наши эмоциональные взаимоотношения.

— А они у нас есть? — с опаской поинтересовался Марк. Он не знал, чего боится больше: того, что она выхватит оружие и прикончит его, или же того, что она бросится к нему в припадке материнской любви. Впрочем, оба варианта казались ему все менее вероятными.

— Есть. А вот какие — это еще предстоит выяснить. Но усвой следующее. В твоем теле половина генов — мои, а мой эгоистический геном эволюционно запрограммирован на то, чтобы заботиться о своих копиях. Вторая половина принадлежит человеку, который восхищает меня больше всех среди всех времен и народов, так что мой интерес удваивается. Художественное сочетание того и другого… ну, скажем так, имеет право на мое внимание.

Облеченные в такую форму их отношения казались вполне логичными и совсем не страшными. Тошнота отступила, дыхание стало свободным. И ему моментально захотелось есть — впервые после выхода на орбиту Барраяра.

— Ну, твои отношения со мною не имеют ничего общего с твоими отношениями с Барраяром. Это — область Эйрела, и он сам выскажет свою точку зрения. Все настолько неопределенно… Кроме одного: пока ты находишься здесь, ты

— это ты, Марк, брат-близнец Майлза. Так что чем убедительнее ты сможешь показать свою непохожесть на Майлза — тем лучше.

— Ох! — выдохнул он. — Да, пожалуйста!

— Я так и думала, что ты уже догадался. Хорошо, договорились. Но просто не быть Майлзом — это оборотная сторона подражания Майлзу. Я хочу знать: кто такой Марк?

— Леди… я не знаю.

В его словах прозвучала мука.

Корделия понимающе смотрела на него:

— Время есть. Майлз… он хотел, чтобы ты оказался здесь. Мечтал, как будет тебе все показывать. Представлял, как будет учить тебя ездить верхом.

Марк вздрогнул:

— Гален пытался меня учить верховой езде в Лондоне. Это было жутко дорого, а у меня не очень-то получалось, и в конце концов он велел мне избегать лошадей, когда попаду сюда.

— О? — Она чуть повеселела. — Хм… Видишь ли, Майлз питал… питает романтические воззрения на то, что такое родные братья и сестры. Такое бывает только у единственных детей в семье. Ну, у меня-то брат был, так что никаких иллюзий не осталось. — Она помолчала, огляделась и пода-

лась вперед, доверительно понизив голос. — У тебя есть дядя, бабушка и два кузена в Колонии Бета — такие же родственники, как мы с Эйрелом и твой кузен Айвен здесь, на Барраяре. Не забывай: у тебя не один вариант. Я отдала Барраяру одного сына. И двадцать восемь лет смотрела, как Барраяр пытается его сломать. Может, с Барраяра достаточно, а?

— А Айвен сейчас не здесь? — испуганно спросил Марк.

— Он не живет в резиденции Форкосиганов — если ты это имел в виду. Он в Форбарр-Султане, в распоряжении штаб-квартиры Службы безопасности. Может, — в ее глазах вспыхнул интерес, — он покажет тебе кое-что из того, что планировал Майлз.

— Айвен, наверное, все еще злится на меня за то, что я сделал в Лондоне, — затрясся Марк.

— Забудет, — уверенно сказала графиня. — Да, пожалуй, Майлз бы просто наслаждался тем, как ты смущаешь окружающих.

Теперь все понятно. Значит, Майлз пошел в маму.

— Я почти тридцать лет на Барраяре, — задумалась она. — Мы прошли такой большой путь! А осталось гораздо больше. Даже Эйрел начинает

уставать. Может, за одно поколение всего не сделать. По-моему, пришло время смены караула… А, ладно.

Он впервые откинулся на спинку кресла, начиная по-настоящему воспринимать происходящее. Союзница! Похоже, у него есть союзница, хотя все еще непонятно почему. Гален мало внимания уделял графине Форкосиган: он был полностью одержим своим старым врагом, Мясником. Похоже, Гален серьезно ее недооценил. Она выдержала здесь двадцать девять лет… Может, и у него получится? Впервые это показалось ему достижимым.

Раздался отрывистый стук в дверь. Когда графиня Форкосиган откликнулась, створки приоткрылись и заглянувший в комнату мужчина напряженно ей улыбнулся.

— Мне можно зайти, капитан?

— Да, думаю, что да, — ответила графиня Форкосиган.

Мужчина вошел, закрыв за собой дверь. У Марка перехватило дыхание. Он сглотнул и вздохнул, сглотнул и вздохнул, с трудом сохраняя самообладание. Он не грохнется в обморок на глазах этого человека!

Это был он, несомненно он: премьер-министр

адмирал граф Эйрел Форкосиган, бывший регент Барраярской империи и фактический властитель трех планет, завоеватель Комарры, военный гений, крупнейший политик… Обвинявшийся в убийствах, применении пыток, в безумии — слишком во многом, чтобы все это вместилось в одном коренастом человеке, который сейчас шагал к Марку.

Марк смотрел записи, сделанные в самое разное время. Может, и неудивительно, что его первой связной мыслью было: «Он кажется старше, чем я ожидал».

Граф Форкосиган был на десять лет старше своей жены-бетанки, но по виду ему можно было дать лишние двадцать или тридцать. В волосах даже по сравнению с видеозаписями двухлетней давности прибавилось седины. Для барраярца он был невысок — одного роста с графиней. Лицо — внушительное, полное жизни. На графе были зеленые форменные брюки и кремовая рубашка, рукава закатаны, воротник расстегнут. Если это попытка одеться небрежно, то попытка неудачная. С его появлением атмосфера в комнате стала удушающе напряженной.

— Элен устроилась, — доложил граф Форкосиган, садясь рядом с графиней: поза свободная,

руки — на коленях, спина прямая. — Похоже, этот визит вызвал в ней столько воспоминаний… Она не была готова.

— Я скоро пойду поговорю с ней, — пообещала графиня.

— Хорошо. — Граф изучал Марка. Что он испытывает: недоумение? Отвращение? — Так. — Опытный дипломат, в обязанности которого входило уговорами толкать три планеты по пути прогресса, сидел в полной растерянности, не зная, что сказать. — И он умудрился выдать себя за Майлза?

Во взгляде графини заиграли веселые искорки.

— Он с тех пор прибавил в весе.

— Ясно.

Молчание длилось.

Марк ни с того ни с сего выпалил:

— Первое, что я должен был сделать при встрече с вами, — это попытаться вас убить.

— Знаю.

Граф Форкосиган откинулся на спинку дивана и наконец посмотрел Марку в глаза.

— Меня заставили выучить около двадцати способов — я мог повторить их даже во сне, но основным был кусочек пластыря с парализующим токсином, который при вскрытии давал карти-

ну сердечной недостаточности. Мне надо было остаться с вами наедине и приклеить пластырь к любой части тела, которая будет мне доступна. Этот яд — удивительно медленный. Я должен был ждать минут двадцать, пока вы не умрете, и так и не признаться, что я не Майлз.

Граф мрачно улыбнулся:

— Ясно. Хорошая месть. Очень искусная. Метод сработал бы.

— А потом я, как новый граф Форкосиган, должен был возглавить восстание и захватить власть в империи.

— А вот это бы не получилось. Сер Гален это предвидел. Ему нужен был только хаос, вызванный провалом восстания, чтобы Комарра тем временем обрела независимость. Тогда ты стал бы еще одним Форкосиганом, которому он отомстил.

Казалось, этот человек чувствовал себя более непринужденно, профессионально обсуждая заговоры.

— Ваше убийство стало для меня единственной целью. Два года назад я был готов его осуществить.

— Не огорчайся, — посоветовала графиня. — У многих и такой цели нет.

Граф заметил:

— Когда стало известно о заговоре, служба безопасности собрала о тебе массу сведений. Они охватывают период от момента, когда ты был еще только безумным огнем в глазах Галена, до недавнего сообщения о твоем исчезновении с Земли. Но в этих документах нет ничего, свидетельствующего, что твое… э-э… недавнее посещение Архипелага Джексона — тайная программа, направленная на мое убийство. Это так?

В голосе графа звучало сомнение.

— Да, — решительно сказал Марк. — Меня достаточно программировали, я знаю, что это такое. Такого нельзя не заметить. По крайней мере как это делал Гален.

— Я не согласна, — неожиданно вмешалась графиня Форкосиган. — Тебя запрограммировали, Марк. Но не Гален.

Граф изумленно-вопрошающе поднял брови.

— Боюсь, это сделал Майлз, — объяснила она. — Совершенно невольно.

— Не представляю, как, — сказал граф.

Марк поспешил согласиться:

— Я виделся с Майлзом всего несколько дней, на Земле.

— Не уверена, что ты готов это услышать, но

ладно. У тебя было всего три шанса научиться быть человеком. От джексонианских торговцев телом, от комаррских террористов… и от Майлза. Ты был весь пропитан Майлзом. Мне очень жаль, но Майлз считает себя странствующим рыцарем. Нормальное правительство не доверило бы ему и перочинного ножика, не то что космический флот. И вот, Марк, когда тебе наконец пришлось выбирать между двумя вариантами очевидного зла и безумием, ты вскочил и побежал за безумцем.

— Я считаю, что у Майлза с головой все в порядке! — запротестовал граф.

Графиня, как-то странно всхлипнув, закрыла лицо ладонью.

— Милый, мы говорим о молодом человеке, на которого Барраяр взвалил такую невыносимую ношу, такую боль, что он нашел убежище в совершенно другой личности! А потом убедил несколько тысяч галактических наемников поддерживать его психоз и сверх того заставил Барраярскую империю все это оплачивать. Адмирал Нейсмит — это куда больше, чем просто маска службы безопасности, ты и сам знаешь. Согласна, он — гений, но только не смей говорить мне, что он не безумен. — Она помолчала. — Нет.

Это несправедливо. Предохранительный клапан Майлза работает. Я не буду всерьез опасаться за его рассудок, пока он не отрезан от маленького адмирала. В целом — это просто чудеса акробатики. — Она взглянула на Марка. — И я бы сказала, номер, не подлежащий повторению.

Марк никогда не считал Майлза серьезно сдвинутым — он только считал его лишенным недостатков. Все это так странно.

— Но дендарийцы действительно функционируют как оперативное отделение Службы безопасности, — сказал граф, тоже несколько озадаченный. — Иногда — просто потрясающе хорошо.

— Конечно. Будь иначе, ты не позволил бы Майлзу держать их, поэтому он и добивается того, чтобы они прекрасно функционировали. Я просто напоминаю, что официальная функция — не единственная. И… если они когда-нибудь перестанут быть нужны Майлзу, не пройдет и года, как Служба безопасности найдет причину порвать с ними связь. И вы все будете искренне полагать, что поступаете совершенно логично.

Почему они его не винят?.. Он набрался храбрости:

— Почему вы не вините меня за то, что я убил

Майлза?

Корделия взглянула на мужа. Тот кивнул и ответил. За них обоих?

— В рапорте Иллиана говорится, что Майлза убил выстрел бхарапутрянина.

— Но он не оказался бы под огнем, если б я не…

Граф Форкосиган поднял руку, прерывая:

— Если бы ты не решил туда отправиться. Не пытайся замаскировать свою истинную вину, взяв на себя слишком многое. Я сам совершил немало смертельных ошибок, чтобы попасться на такое. — Он опустил глаза. — А еще мы приняли во внимание дальнюю перспективу. Хотя ты — это ты, ты — не Майлз, но дети, которых ты мог бы иметь, будут генетически неотличимы от его детей. Не ты, но твой сын может стать необходимым Барраяру.

— Только чтобы поддержать систему форов, — сухо заметила графиня. — Сомнительная цель, милый. Или ты видишь себя дедушкой-ментором потенциальных детей Марка, каким твой отец был для Майлза?

— Боже упаси, — искренне возмутился граф.

— Следи за своим собственным программированием. — Она повернулась к Марку. — Дело в том… — Она отвела глаза, снова посмотрела ему

в лицо. — Если мы не сможем вернуть Майлза, то тебя ждут не просто взаимоотношения. Тебя ждет должность. Как минимум ты будешь отвечать за благополучие двух миллионов человек в твоем округе: ты будешь их Голосом в Совете графов. К этой должности Майлза готовили буквально с рождения. Не уверена, что в последнюю минуту возможны замены.

«Ох, нет, конечно, нет!»

— Не знаю, — задумчиво сказал граф. — Я сам был такой заменой. Пока мне не исполнилось одиннадцать, я был запасным. Надо признать, после того как убили моего брата, события развивались столь стремительно, что перемена судьбы прошла легко. Мы все были так сосредоточены на мести, во время войны Ури Безумного. Когда у меня появилась минутка, чтобы оглядеться и вздохнуть, я уже полностью освоился с тем, что стану графом. Хотя и не мог себе представить, что это «когда-то» наступит через пятьдесят лет. Возможно, и у тебя, Марк, будет немало времени, чтобы учиться и готовиться. Но возможно и то, что графство свалится на тебя завтра.

Этому мужчине семьдесят два года — по галактическим меркам средний возраст, но для жестокого Барраяра — старость. Граф Эйрел тра-

тил себя беспощадно — не растратил ли он себя целиком? Его отец, граф Петер, прожил на двадцать лет больше — чуть ли не целую жизнь.

— А разве Барраяр примет клона в качестве вашего наследника? — усомнился Марк.

— Ну, давно пора начать разработку законов, как бы они ни решили этот вопрос. Твой случай станет крупным прецедентом. Если приложить определенные усилия, я могу, наверное, вбить им в голову…

Марк не сомневался.

— Но начинать юридическую войну преждевременно, пока не прояснится вопрос с потерянной криокамерой. А пока официально будет объявлено, что Майлз находится на задании, а ты впервые приехал навестить нас. Все достаточно близко к истине. Нет нужды подчеркивать, что все подробности должны быть засекречены.

Марк кивнул. У него голова шла кругом.

— Но… есть ли в этом необходимость? Предположим, меня не создали бы, а Майлза бы убили при исполнении обязанностей. Вашим наследником стал бы Айвен Форпатрил.

— Да, — согласился граф. — И после одиннадцати поколений прямого наследования дому Форкосиганов пришел бы конец.

— И в чем проблема?

— Проблема в том, что это не так. Ты же существуешь. Проблема в том… что я всегда хотел, чтобы моим наследником был сын Корделии. Заметь, мы обсуждаем немалую собственность по обычным масштабам.

— Я считал, что большинство ваших наследственных земель светятся по ночам после атомного взрыва Форкосиган-Вашнуй.

Граф пожал плечами:

— Кое-что осталось. Например, эта резиденция. Но мое наследство — это не просто собственность. Как любит говорить Корделия, оно сопряжено с настоящей должностью и полным рабочим днем. Если мы признаем твои права на нее, ты должен признать ее права на тебя.

— Оставьте себе, — искренне предложил Марк. — Я все подпишу.

Граф дернулся.

— Считай, что это инструктаж, — посоветовала графиня Марку. — Кое-кто из тех, с кем ты встретишься, будет очень интересоваться этими вопросами. Тебе просто надо быть в курсе необъявленной повестки дня.

Граф вдруг ушел в себя. Когда он снова поднял взгляд, лицо его было пугающе серьезным.

— Это так. И есть один пункт, о котором не только не надо, но и ни в коем случае нельзя говорить. Тебя следует предупредить.

Видимо, табу на подобные разговоры было настолько сильным, что графу Форкосигану самому было трудно его нарушить.

— Что такое? — испугался Марк.

— Существует… ложная теория родословных, одна из возможных шести, которая ставит меня следующим императором Барраяра, если император Грегор умирает, не оставив потомства.

— Ну да, — нетерпеливо отозвался Марк. — Конечно, я это знаю. Заговор Галена был на это и рассчитан. Вы, потом Майлз, потом Айвен.

— Да. Теперь это я, потом Майлз, потом ты, потом Айвен. А Майлз в настоящий момент… технически мертв. Таким образом, между тобой и заговором стою только я. Не тобой, как поддельным Майлзом, а тобой, как таковым.

— Бред! — взорвался Марк. — Это еще глупее, чем мысль, что я стану графом Форкосиганом!

— Держись этой позиции, — поддержала его графиня. — Держись крепко, и никогда даже намека не давай на то, что мог бы думать иначе.

«Я оказался среди сумасшедших».

— Если кто-то заведет с тобой разговор на эту

тему, сообщи мне, Корделии или Саймону Иллиану. Как можно скорее, — добавил граф.

Марк поглубже забился в кресло:

— Ладно…

— Ты его перепугал, милый, — заметила графиня.

— В данном случае паранойя — залог здоровья, — виновато сказал граф. Он посмотрел на Марка. — У тебя усталый вид. Мы проводим тебя в твою комнату. Можешь отдохнуть и помыться.

Все встали. Марк вышел следом за графом в вымощенный камнем вестибюль. Графиня кивнула в сторону арки, уходившей куда-то под лестницу:

— Я поднимусь на лифте и повидаюсь с Элен.

— Хорошо, — согласился граф. Марку пришлось идти за ним по лестнице. Когда они поднялись на второй этаж, Марк задыхался, как старик. Граф свернул в коридор третьего этажа.

Марк не без ужаса спросил:

— Вы ведь не поселите меня в комнату Майлза?

— Нет. Хотя та, где ты будешь жить, когда-то была моей детской.

Надо полагать, пока не погиб его старший брат. Комната второго сына. Ничуть не лучше.

— Сейчас это просто комната для гостей.

Граф распахнул еще одну простую деревянную дверь. За ней оказалась залитая солнцем спальня. Среди предметов мебели ручной работы неизвестного периода и огромной ценности были кровать и комоды: у резного изголовья домашний пульт управления освещением и механизированными окнами казался неуместным.

Марк оглянулся и встретился с пытливым взглядом графа. Это было в тысячу раз хуже восторженного дендарийского «Я-люблю-Нейсмита». Он схватился за голову и прокричал:

— Майлза тут нет!

— Знаю, — тихо ответил граф. — Я искал… себя, наверное. И Корделию. И тебя.

И тут Марк невольно стал вглядываться в графа, пытаясь найти в нем себя. Трудно сказать. Раньше — волосы: у них с Майлзом такие же темные, как и на ранних записях адмирала Форкосигана. Разумом он всегда знал, что Эйрел Форкосиган— младший сын старого генерала графа Петера Форкосигана, но тот потерянный старший брат умер уже шестьдесят лет назад. Он был изумлен, что граф помнит все так живо. Это было странно — и страшно.

«Я должен был убить этого человека. И еще

могу. Он совершенно не защищается».

— Ваши люди из службы безопасности даже не допросили меня с суперпентоталом. Разве вас не беспокоит, что я могу все еще быть запрограммирован на ваше убийство?

— Я считал, что ты уже застрелил того, кто выступал в роли твоего отца. Достаточно очистительно.

Губы графа изогнулись в улыбке.

Марк вспомнил удивленный вид Галена, когда луч нейробластера ударил ему в лицо.

— Ты тогда спас Майлза, — сказал граф. — Два года назад, на Земле, ты выбрал, за кого ты. Очень действенно. У меня с тобой связано немало опасений, Марк, но страха смерти от твоей руки нет. У тебя не такой уж плохой счет с братом, как тебе кажется. В моем представлении — равный.

— С родителем. Не с братом, — похолодев, сказал Марк.

— Твои родители — мы с Корделией, — твердо сказал граф.

На лице Марка отразилось неприятие.

Граф пожал плечами:

— Кем бы ни был Майлз — это мы его создали. Возможно, ты прав, относясь к нам с опаской. Может, и тебе мы тоже будем не на пользу.

Сердце у него отчаянно забилось. Родители. Мать и отец. Он не был уверен, что хочет так поздно обрести родителей. Они казались такими чудовищно громадными. Ему чудилось, что он теряется в их тени, раскалывается, как стекло, исчезает. Он вдруг испытал странное желание вернуть Майлза. Ему нужен человек одного с ним размера и возраста.

Граф снова заглянул в спальню:

— Пим должен был бы разложить твои вещи.

— У меня нет вещей. Только то, что на мне… сэр.

— У тебя должна была быть какая-то еще одежда!

— То, что я привез с Земли, осталось в камере хранения на Эскобаре. Время хранения истекло, так что вещи, наверное, уже конфискованы.

Граф осмотрел его:

— Я пришлю кого-нибудь снять с тебя мерки и собрать все необходимое. Если бы ты приехал погостить при более нормальных обстоятельствах, мы бы водили тебя всюду. Знакомили бы с родными и друзьями. Показали бы город. Проверили бы твои склонности, позаботились о твоем дальнейшем образовании. Но кое-что мы все равно сделаем.

Образование? Какое? Барраярская военная академия в представлении Марка приравнивалось к аду. Могут ли они его заставить?.. Ну, он найдет способ сопротивления. Он уже успешно избежал пользования гардеробом Майлза.

— Если тебе что-нибудь понадобится, вызови Пима, — проинструктировал граф.

Живые слуги. Как странно! Страх, от которого его выворачивало наизнанку, начал слабеть, сменяясь общим беспокойством.

— Я могу что-нибудь поесть?

— А! Пожалуйста, присоединись к нам с Корделией за ленчем через час. Пим проведет тебя в Желтую гостиную.

— Я сам найду. Этажом ниже, второй коридор на юг, третья дверь справа.

Граф поднял бровь:

— Правильно.

— Я же вас изучал.

— Ничего. Мы тоже тебя изучали. Мы все выполнили домашнее задание.

— А контрольная?

— А, вот в том-то все и дело. Никаких контрольных. Это жизнь.

И смерть.

— Мне очень жаль! — выпалил Марк.

Майлза? Себя? Он и сам толком не знал.

Похоже, граф подумал то же самое: губы его изогнулись в ироничной улыбке.

— Ну… как ни странно, мы почти рады, что все так плохо — хуже некуда. Раньше, когда Майлз пропадал без вести, никто не знал, где он и что еще выкинет… э-э… усиливая хаос. По крайней мере на этот раз известно, что в большую неприятность он уже не угодит.

Коротко взмахнув рукой, граф ушел. На мгновение Марк представил себе три способа, которыми мог бы сейчас его убить. Но вся подготовка, казалось, уже зачерствела. Да и вообще он сейчас не в форме. Поднимаясь по лестнице, он полностью выдохся. Закрыв дверь, Марк упал на резную кровать. Напряжение отступило, и его охватил озноб.

Под предлогом того, что Марк устал после перелета, граф и графиня первые два дня не давали ему никаких заданий. Честно говоря, если не считать официальных сборов за трапезой, Марк вообще не видел графа Форкосигана. Он бродил по дому и по окрестностям без всякой охраны — разве что под ненавязчивым присмотром графини. У ворот стояли охранники в мундирах: у Марка не хватило мужества проверить, поручено

ли им не выпускать его.

Он изучал резиденцию Форкосиганов и никак не мог привыкнуть к мысли, что он действительно здесь. Все казалось чуть-чуть не таким. Дом был полон всевозможных закоулков, но несмотря на обилие антиквариата, в старые окна было вставлено современное высокопрочное бронированное стекло. Это напоминало огромную защитную оболочку. Дворец — крепость — тюрьма. Удастся ли привыкнуть к этой оболочке?

«Я всю жизнь был пленником. Я хочу стать свободным».

На третий день Марку принесли новую одежду. Графиня помогла распаковать вещи. Осенняя утренняя прохлада врывалась в спальню через окно, которое он с ослиным упрямством открывал навстречу таинственному, опасному, незнакомому миру.

Расстегнув один чехол, Марк обнаружил костюм в омерзительно военном стиле: китель с высоким воротником и брюки с лампасами. Все — цвета дома Форкосиганов, коричневое с серебром.

— Что это?

— А, — отозвалась Корделия, — довольно кричащий, правда? Это твой мундир, мундир младшего

лорда дома Форкосиганов.

Его, не Майлза. Все новые наряды были рассчитаны компьютером с щедрым припуском. При мысли о том, сколько ему придется есть, чтобы сбежать и из этой одежды, у Марка похолодело в желудке.

Заметив его непритворное отчаяние, графиня улыбнулась:

— Ты обязан надевать это только в двух случаях: на Совете графов и на церемонии в честь дня рождения императора. Что, возможно, ты и сделаешь: день рождения Грегора не за горами. — Она помедлила, водя пальцем по вышитому на воротнике вензелю Форкосиганов. — А вскоре после него — день рождения Майлза.

Ну, сейчас Майлз не стареет.

— Для меня дни рождения не существуют. Как вы назовете момент, когда кого-то вынимают из маточного репликатора?

— Мои родители назвали его моим днем рождения, — сухо ответила Корделия.

Ну да, она же бетанка.

— Я даже не знаю, когда мой.

— Правда? Это есть в твоих записях.

— Каких записях?

— В твоей медицинской карте. Ты не видел ее?

Надо будет дать тебе копию. Это… гм… увлекательное чтение — из разряда ужасов. Твой день рождения был в прошлом месяце, семнадцатого числа.

— Ну так я его все равно пропустил. — Марк застегнул мешок и упрятал мундир подальше в шкаф. — Впрочем, это не важно.

— Важно, чтобы кто-то праздновал наше существование, — мирно возразила Корделия. — Люди — единственное зеркало, в котором мы себя видим. Область всех значений. Все добродетели и все пороки — в людях. Во Вселенной, как таковой, их нет. Одиночное заключение является наказанием в любой культуре.

— Это… правда, — признал Марк, вспомнив свое недавнее заточение. — М-да.

Следующий наряд как нельзя лучше соответствовал его настроению: весь черный. Но при ближайшем рассмотрении он оказался практически таким же, как и мундир младшего лорда, только лампасы и вензеля — не из серебра, а из черного шелка, почти не различимые на черной же ткани.

— Это для похорон, — объяснила графиня. Голос ее зазвучал очень монотонно.

— А! — Он повесил костюм еще дальше, чем

мундир юного фора.

В конце концов он выбрал самый невоенный костюм: мягкие свободные брюки, низкие ботинки без пряжек, стальных набоек и прочих агрессивных украшений, и рубашку с жилетом темных тонов. Чувство было такое, словно он нацепил на себя маскарадный костюм, но только великолепно сшитый. Камуфляж? Должна ли одежда представлять того, кто в ней, или скрывать его?

— Это я? — спросил он, выходя из ванной.

Графиня усмехнулась:

— Сложный вопрос. Даже я не могла бы на него ответить.

На четвертый день за завтраком объявился Айвен Форпатрил. В зеленом имперском мундире лейтенанта, великолепно смотревшемся на его высокой подтянутой фигуре. С появлением Айвена в Желтой гостиной вдруг стало тесно. Марк виновато съежился, а его предполагаемый кузен приветствовал тетку чинным поцелуем в щеку, а дядю — церемонным полупоклоном. Взяв тарелку, Айвен навалил на нее яичницы, мяса, обсахаренного хлеба, прихватил чашку кофе, выдвинул ногой стул и уселся за стол напротив Марка.

— Привет, Марк, — наконец соизволил заметить его Айвен. — Выглядишь отвратительно. Когда это тебя так разнесло?

Он отправил в рот кусок мяса и принялся сосредоточенно жевать.

— Спасибо, Айвен. А ты, я вижу, совсем не изменился.

Марк очень надеялся, что ему удалось высказать «не изменился к лучшему».

Карие глаза Айвена сверкнули. Он уже хотел ответить, но Корделия укоризненно покачала головой:

— Айвен!

Марк не думал, что упрек относился к попытке говорить с полным ртом, но Айвен все же сначала проглотил, а потом ответил — не Марку, графине:

— Примите мои извинения, тетя Корделия. Но у меня все еще наблюдаются трудности с чуланами и прочими маленькими непроветриваемыми помещениями. А все из-за него.

— Извини, — пробормотал Марк, ссутулившись. Но что-то не позволяло ему сдаваться, и он добавил: — Я просто заставил Галена похитить тебя, чтобы выманить Майлза.

— Так это была твоя идея?

— Моя. И она сработала. Майлз не замедлил явиться и сунул ради тебя голову в петлю.

Айвен стиснул зубы.

— Насколько я понимаю, он так и не поборол эту привычку, — то ли прорычал, то ли промурлыкал он.

Теперь уже настала очередь Марка замолчать. Впрочем, так оно и лучше, что Айвен обращается с ним так, как он того заслужил. Желанное наказание. Под дождем презрения он начал оживать, как полузасохшее растение.

— Зачем ты здесь?

— Не по своей воле, можешь не сомневаться, — парировал Айвен. — Я должен тебя вывести. В город. На прогулку.

Марк взглянул на графиню, но та смотрела на мужа.

— Уже? — спросила она.

— Это пожелание, — ответил граф Форкосиган.

— А! — понимающе кивнула графиня. Марку от этого легче не стало. — Хорошо. Может, Айвен по дороге покажет тебе город.

— Это мысль, — согласился граф. — А поскольку Айвен — офицер, необходимость в телохранителе отпадает.

Зачем? Чтобы можно было говорить откровен-

но? Кошмар какой! И потом — кто в таком случае защитит его от Айвена?

— Надеюсь, внешняя охрана будет, — сказала графиня.

— Разумеется.

Внешнюю охрану не должен видеть никто — даже те, кого она охраняет. Интересно, что мешает людям из внешней охраны просто взять выходной, а потом заявить, что на самом деле они незримо присутствовали? И ведь такое жульничество может длиться достаточно долго — в перерыве между кризисами.

Как обнаружил Марк после завтрака, у лейтенанта лорда Форпатрила была собственная машина: спортивная модель красного цвета. Марк неохотно устроился рядом с Айвеном.

— Ну, — начал он неуверенно, — тебе все еще хочется свернуть мне шею?

Айвен стремительно вывел машину из ворот резиденции и бросил ее в поток на улицах Форбарр-Султана.

— В глубине души — да. С точки зрения практической — нет. Мне нужно, чтобы между мною и должностью дяди Эйрела стояло как можно больше людей. Жаль, Майлз не обзавелся полудюжиной ребятишек. А ведь мог бы… В каком-то

смысле ты — подарок судьбы. Не будь тебя, меня бы уже сейчас записали в наследники. — Айвен помедлил — только словесно, машина, продолжая нестись с прежней скоростью, еле увернулась от четырех встречных. — На самом деле, насколько Майлз мертв? Дядя Эйрел говорил ужасно неопределенно. И не уверен, что из соображений секретности — таким застывшим я его еще не видел.

Движение тут было похлеще, чем в Лондоне, и, если такое вообще возможно, еще более неорганизованным. Или организованным по принципу: выживает сильнейший. Марк, вцепившись в сиденье, ответил:

— Не знаю. Иглограната попала ему в грудь. Хуже могло бы быть только если б его разорвало пополам.

Не сжались ли губы Айвена в тайном ужасе? Если и да, маска беззаботности вернулась почти мгновенно.

— Чтобы оживить его, нужен первоклассный восстановительный центр, — продолжил Марк. — Что касается мозга… Никогда не известно, пока человека не оживят. — «А тогда уже слишком поздно». — Но проблема не в том. Или — пока не в том.

— Угу, — поморщился Айвен. — Жуткая неразбериха, правда? И как вы умудрились потерять… — Он так резко повернул, что бампер чиркнул по покрытию, рассыпая искры. Айвен жизнерадостно чертыхнулся в адрес грузовой платформы, которая чуть не въехала в них со стороны Марка. Марк пригнулся и стиснул зубы. Лучше пускай кончится разговор, чем он сам — похоже, его жизнь зависит от того, насколько водитель сосредоточен.

Первое впечатление от родного города Майлза: половина населения еще до вечера погибнет в автокатастрофах. Или, может, погибнут только те, что попадутся Айвену. Айвен резко повернул машину в противоположном направлении, заносом выскочил на свободную парковку, к которой подъезжали еще два автомобиля и затормозил так резко, что Марка чуть не швырнуло на пульт управления.

— Замок Форхартунг, — объявил Айвен под замирающий рев двигателя. — Сегодня Совет графов не заседает, так что музей открыт для публики. Хотя мы — не публика.

— Как… э-э… познавательно. — Марк с опаской посмотрел сквозь стекло фонаря.

Замок Форхартунг действительно выглядел,

как замок: огромное древнее каменное сооружение, окруженное деревьями на высоком берегу порожистой реки, разделившей Форбарр-Султан на две части. Сейчас Форхартунг был окружен парком и там, где когда-то люди и лошади волокли по ледяной грязи таран, безуспешно пытаясь взять твердыню, были разбиты клумбы.

— И что же на самом деле?

— Ты встретишься с одним человеком. Я не имею права обсуждать это сейчас.

Айвен воткнул фонарь и вылез наружу. Марк последовал за ним.

То ли в соответствии с планом, то ли из вредности, но Айвен действительно провел его в музей, занимавший целое крыло замка и полностью посвященный оружию и доспехам форов с Периода Изоляции. Айвен в военной форме прошел бесплатно, но законопослушно заплатил за Марка. Для секретности, догадался Марк. Ведь форов тоже пускали бесплатно, как шепотом объяснил ему Айвен. Объявления об этом не было. Если ты фор, то предполагается, что ты и так знаешь.

А может, Айвен таким образом высказался по поводу форства Марка — или же отсутствия оного. Айвен играл роль аристократического нахала столь же блестяще, как и роль имперского

лейтенанта. Или любую другую роль, которую требовало от него окружение. Настоящий Айвен не так прост, решил Марк. Было бы ошибкой его недооценивать.

Значит, ему предстоит встреча с каким-то человеком? С каким? Если это еще один допрос Службы безопасности, то почему этот неизвестный не мог встретиться с Марком в резиденции Форкосиганов? Может, кто-то из правительства или центристской коалиции премьер-министра графа Эйрела? Но опять-таки почему он сам не приехал? Не может быть, чтобы Айвен вел его на смерть — за последние два года Форкосиганы могли убить его сто раз. А может, его подставят, чтобы обвинить в преступлении? Ему приходили в голову все более странные идеи, но все имели один недостаток: они были полностью лишены мотивации и логики.

Марк разглядывал витрину, заполненную комплектами дуэльных шпаг, расположенных в хронологическом порядке (демонстрировалось развитие барраярского кузнечного дела на протяжении двух столетий), а потом поспешно догнал Айвена у витрины с оружием, действующим по принципу «снаряд, толкаемый химической взрывчаткой». Среди экспонатов были богато

украшенные крупнокалиберные мушкеты, заряжавшиеся с дула — как утверждала надпись, некогда принадлежавшие императору Вэлду Форбарре. Пули были изготовлены из чистого золота: массивные шарики размером с сустав большого пальца. На близком расстоянии — все равно что попадание тяжелого кирпича. А на большом, наверное, летят мимо. И какой-то бедняга крестьянин или оруженосец обязан ходить и подбирать те, что не попали? Или, еще хуже, те, что попали? Некоторые шарики были сплющены, и, к полному недоумению Марка, одна из надписей гласила, что вот этот (совершенно искореженный) комочек убил лорда Фор-такого-то в битве такой-то… и «вынут из его мозга». Надо полагать, после смерти. Надо надеяться. Уф-ф! Удивительно еще, что кто-то счистил с пули засохшую кровь и лишь потом выставил ее напоказ — если учесть мрачный характер некоторых других экспонатов. Например, выдубленный скальп императора Ури Безумного, предоставленный музею какой-то частной коллекцией.

— Лорд Форпатрил. — Говоривший появился настолько беззвучно, что Марк даже не смог бы сказать, откуда он пришел. Пожилой, с виду — неглупый. Можно принять за музейного работ-

ника. — Будьте добры, пройдите со мной.

Айвен без лишних вопросов направился следом за пришедшим, пропустив Марка вперед. Марк пошел, разрываясь между любопытством и страхом.

Они зашли в дверь с надписью «Нет входа», которую незнакомец открыл механическим ключом, а потом снова запер, поднялись по двум лестницам, прошли по гулкому коридору с голым деревянным полом в комнату, оказавшуюся на верхнем этаже круглой угловой башни. Раньше здесь стояли часовые. Теперь комната была обставлена как кабинет, и вместо амбразур в стенах были прорезаны обычные окна. Внутри дожидался мужчина, сидевший на табурете, задумчиво глядя на спускавшийся к реке парк, где гуляла пестрая публика.

Худой, темноволосый, лет тридцати с небольшим. Бледная кожа казалась еще бледнее благодаря свободной черной одежде, начисто лишенной псевдовоенных деталей.

Он мимолетно улыбнулся:

— Спасибо, Кеви.

Видимо, это было одновременно приветствие и приказ удалиться, потому что проводник, кивнув, вышел.

Только когда Айвен сказал: «Ваше величество», — Марк узнал наконец того, кто ждал их.

Император Грегор Форбарра. Вот влип! Айвен закрыл путь к отступлению. Марк подавил приступ ужаса. Грегор — всего лишь человек. Он один, и, судя по всему, без оружия. А все остальное… пропаганда. Чушь. Иллюзия. Но все равно сердце у него забилось.

— Привет, Айвен, — сказал император. — Спасибо, что пришел. Почему бы тебе не пойти посмотреть на экспонаты?

— Уже смотрел, — лаконично ответил Айвен.

— И все же. — Грегор кивнул на дверь.

— Говори прямо, — сказал Айвен, — это не Майлз. И хоть с виду и не скажешь, но когда-то его готовили как убийцу. Не преждевременно ли?

— Ну, — негромко ответил Грегор, — вот мы и посмотрим, правда? Ты хочешь меня убить, Марк?

— Нет! — прохрипел Марк.

— Ну вот. Поди прогуляйся, Айвен. Я пришлю за тобой Кеви.

Айвен поморщился — Марк почувствовал, что в нем говорит любопытство. Он удалился с ироничным поклоном, который словно говорил: «Пеняйте на себя».

— Ну, лорд Марк, — сказал Грегор, — и что вы думаете о Форбарр-Султане?

— Город промелькнул очень быстро, — дипломатично ответил Марк.

— Боже правый, да не позволили ли вы Айвену сесть за руль?!

— А у меня был выбор?

Император рассмеялся.

— Садитесь. — Он указал на кресло за коммпультом: маленькая комната была обставлена по-спартански. Хотя древние военные гравюры и карты на стенах могли попасть сюда из музея.

Улыбка императора сменилась выражением задумчивости, и он внимательно вгляделся в Марка. Это походило на то, как смотрел на него граф Форкосиган: тот же взгляд, вопрошающий «кто ты?», но без жадной напряженности. Терпимое любопытство.

— Это ваш кабинет? — поинтересовался Марк, осторожно устраиваясь в императорском кресле. Комната показалась ему чересчур маленькой и строгой.

— Один из. Весь комплекс полон всевозможных кабинетов, расположенных в самых неожиданных местах. У графа Форволка кабинет в одной из тюремных камер. Выпрямиться невозможно. Я

пользуюсь этой комнатой как личным убежищем во время заседаний Совета графов или когда у меня здесь дела.

— И я оказался делом? Почему? Впрочем, не могу претендовать на то, что я — потеха. Это личное или официальное?

— Для меня даже сплюнуть — дело официальное. На Барраяре очень трудно отделить одно от другого. Майлз… был… — Грегору тоже трудно далось прошедшее время. — Перечисляя совершенно произвольно: человек моей касты, офицер на моей службе, сын чрезвычайно, чтобы не сказать первостепенно, важного официального лица и личный друг всей моей жизни. И наследник графства. А графы — это механизм, с помощью которого один человек, — он прикоснулся к своей груди, — превращается в шестьдесят, а потом — во множество. Графы — опора империи. Я ее глава. Вы сознаете, что я — это не империя? Империя ведь не чисто географическое понятие. Империя — это общество. Множество, все вместе — в конце концов до последнего подданного — вот что такое империя. И я — только ее часть. И если уж на то пошло, часть вполне заменимая… Кстати, вы обратили внимание на скальп моего двоюродного дедушки?

— Э-э… да. Он… э-э… очень бросается в глаза.

— Это — дом заседаний Совета графов. Точка приложения рычага может счесть себя главенствующей, но без рычага она ничто. Ури Безумный об этом забыл. Я — помню. Граф округа Форкосиганов — еще одна такая живая часть. Тоже вполне заменимая.

Он замолчал.

— Э-э… звено цепи, — осторожно подсказал Марк, демонстрируя свое внимание к речи императора.

— Звено кольчуги. Часть паутины. Так что одно слабое звено — это не фатально. Надо, чтобы разорвалось сразу много — тогда произойдет настоящая катастрофа. Но… все равно хочется иметь как можно больше надежных звеньев, очевидно.

— Очевидно.

«Почему вы на меня так смотрите?»

— Так. Расскажите мне, что произошло на Архипелаге Джексона. С вашей точки зрения.

Грегор выпрямился на своем табурете, зацепившись каблуком за ножку. Он казался уравновешенным и спокойным, как ворон на ветке.

— Мне придется начать с Земли.

— Пожалуйста.

Непринужденная улыбка императора словно говорила, что у Марка сколько угодно времени, и он слушает его со всем вниманием. Марк, запинаясь, начал свой рассказ. Грегор задавал мало вопросов: он вмешивался только тогда, когда Марк застревал на трудных местах. Вопросов мало — но очень глубокие. Марк довольно быстро понял, что Грегора интересуют не факты. Он явно уже видел рапорт Иллиана. Императора интересовало что-то другое.

— Не могу не сочувствовать вашим благим намерениям, — сказал Грегор в какой-то момент. — Пересадка мозга — дело отвратительное. Но вы должны были понимать: ваша попытка, ваш налет — это крохотное препятствие. Дом Бхарапутра попросту выметет разбитое стекло и продолжит работу.

— Но сорока девяти клонам это даст все, — упрямо заявил Марк. — Все твердят одно: «Я не могу с этим покончить, так что не буду делать ничего». И не делают. И все это продолжается и продолжается. И вообще, если бы мне удалось вернуться через Эскобар, как я и планировал, поднялась бы шумиха. Может, дом Бхарапутра даже попытался бы вернуть клонов законным путем — и тогда об этом узнала бы вся Вселенная. Уж я бы позаботил-

ся. Пусть я даже угодил бы в эскобарскую тюрьму. Где, между прочим, людям Бхарапутры было бы очень трудно до меня добраться. И может быть… может быть, этой проблемой заинтересовались бы и другие.

— А! — сказал Грегор. — Рекламный трюк!

— Это был не трюк! — прошипел Марк.

— Извините. Я не хотел сказать, что ваши усилия были тривиальны. Совсем напротив. Но, значит, у вас все же был долгосрочный план.

— Да, и он провалился полностью, как только я потерял контроль над дендарийцами. Как только они узнали, кто я на самом деле.

Его захлестнуло воспоминание о собственной беспомощности.

Понукаемый Грегором, Марк рассказал о смерти Майлза, о путанице с потерянной криокамерой и об их унизительном изгнании из пространства Архипелага Джексона. Он заметил, что высказывает неприятно много своих истинных мыслей, но… С Грегором было почти легко. Как ему это удается? Мягкое, почти сверхскромное поведение, за которым скрывается несравненное умение работать с людьми. Марк путано рассказал об эпизоде с Мари и о своем полубезумном пребывании в одиночном заключении, а потом

бессильно замолчал.

Грегор задумчиво нахмурился и какое-то время ничего не говорил. Дьявол, он вообще почти ничего не говорил!

— Мне кажется, Марк, вы недооцениваете свои сильные стороны. Вы прошли испытание в бою и продемонстрировали отвагу. Вы способны взять на себя инициативу и рискнуть многим. У вас есть мозги, хотя иногда вам недостает… информации. Неплохие предпосылки, чтобы стать графом. Когда-нибудь.

— Никогда. Я не хочу быть барраярским графом, — решительно заявил Марк.

— Это может стать первым шагом к моей должности, — подсказал Грегор с легкой улыбкой.

— Нет! Это еще хуже! Они меня живьем съедят! Мой скальп присоединится к тому, что уже выставлен в музее.

— Очень может быть. — Улыбка Грегора погасла. — Да. Я часто задумываюсь над тем, где в конце концов окажутся различные части моего тела. И все же… насколько я понимаю, два года назад вы были намерены этого добиваться. Включая графство Эйрела.

— Играть — да. Но сейчас вы говорите о настоящем! Не о подделке. — «Я весь подделка, разве

вы еще не поняли?» — Я изучал только внешнее. Суть я едва ли могу себе представить.

— Но, видите ли, — сказал Грегор, — мы все с этого начинаем. Играем. Роль — это личина, но постепенно под ней появляется реальная плоть.

— Стать механизмом?

— Некоторые становятся. Это патологический вариант графа, и такие существуют. Другие становятся… более человечными. Механизм, роль становятся обжитым протезом, который служит человеку. На мой взгляд, оба типа полезны. Надо просто сознавать, в чем именно заблуждается тот, с кем имеешь дело.

Да, графиня Корделия явно приложила руку к воспитанию императора. Марк видел ее влияние, словно фосфоресцирующий след в темноте.

— И чем они вам полезны?

Грегор пожал плечами:

— Надо сохранять мир. Надо не дать различным партиям уничтожить друг друга. Надо быть абсолютно уверенным в том, что ни один галактический захватчик снова не поставит свой сапог на барраярскую землю. Надо способствовать экономическому развитию. Леди Мир первой попадает в заложницы, когда ощущается экономический дискомфорт. Тут мое правление

необычайно благословенно: мы терраформируем второй континент и открыли для колонизации Зергияр. После того, как нам наконец удалось справиться с этими подкожными паразитами. На освоение Зергияра уйдет вся энергия нескольких поколений. Я в последнее время изучал историю колонизации: хочу проверить, скольких ошибок мы сможем избежать… В общем, так.

— И все равно я не хочу быть графом Форкосиганом.

— Если Майлза нет, нельзя сказать, чтобы у вас оставался выбор.

— Глупости. — «По крайней мере хотелось бы думать, что это глупости». — Вы сами только что сказали, что это вполне заменимая роль. Если понадобится, можно найти кого-нибудь ничуть не хуже. Например, Айвена.

Грегор невесело улыбнулся:

— Признаюсь, я часто пользовался тем же аргументом. Хотя в моем случае речь идет о потомстве. Кошмары относительно дальнейшей судьбы различных частей моего тела — ерунда по сравнению с тем, что станет с моими гипотетическими детьми. И я не намерен жениться на каком-то форовском бутончике, чье фамильное древо скрещивалось с моим за последние шесть

поколений не меньше шестнадцати раз. — Он быстро взял себя в руки, виновато поморщившись.

И в то же время этот человек настолько хорошо владел собой, что у Марка возникло подозрение, что даже эта демонстрация тайных чувств не случайна.

У него разболелась голова. Без Майлза… При Майлзе все эти барраярские дилеммы были бы уделом Майлза. А он, Марк, был бы волен… волен разбираться с собственными дилеммами как минимум. Со своими собственными, а не с этими, навязанными со стороны.

— Графство — не мое призвание. Талант. Интерес. Предназначение. Что угодно — я не знаю… — Он потер затылок.

— Страсть? — подсказал Грегор.

— Да. Это слово подойдет. Графство — не моя страсть.

Помолчав секунду, Грегор с любопытством спросил:

— А что ваша страсть, Марк? Если не власть, не богатство… Кстати, вы даже не упомянули о богатстве.

— Иметь столько денег, чтобы уничтожить дом Бхарапутра, настолько недостижимо, что…

просто не обсуждается. Такое решение мне недоступно. Я… я… Некоторые люди — каннибалы. Дом Бхарапутра, его клиенты… Я хочу остановить каннибалов. Ради этого не обидно утром вставать с постели.

Марк заметил, что голос его зазвучал громче, и снова ссутулился в мягком кресле.

— Иначе говоря… у вас страсть к правосудию. Или, смею ли я сказать — к безопасности? Странное эхо вашего… э-э предка.

— Нет-нет! — «Ну… может быть, немного». — Надо полагать, на Барраяре тоже есть каннибалы, но они не вызвали моего непосредственного интереса. Я не мыслю категориями правопорядка, потому что на Архипелаге Джексона трансплантация мозга не является противозаконной. Так что полицейский — не решение. Или… это должен быть чертовски необычный полицейский.

«Например, тайный агент Имперской службы безопасности?» Марк попытался представить себе инспектора-следователя с правом на возмездие. Почему-то ему все время представлялся Майлз. Черт бы побрал этого Грегора.

«Не полицейский. Странствующий рыцарь. Графиня дала абсолютно точное определение».

Но сейчас странствующим рыцарям нет места:

полицейским пришлось бы их всех арестовать.

Грегор откинулся назад с выражением чуть заметного удовлетворения.

— Это очень интересно. — Он был так сосредоточен, словно пытался запомнить сложный код к сейфу. Соскользнув с табуретки, Грегор прошелся вдоль окон, чтобы посмотреть вниз с несколько другой точки. Остановившись лицом к свету, он заметил: — Кажется, ваша возможность в будущем заняться своей… страстью довольно сильно зависит от возвращения Майлза.

Марк вздохнул:

— Это не в моей власти. Мне никогда не позволят… Что я могу, чего не могла бы Служба безопасности? Может, они его найдут. Со дня на день.

— Иными словами, — медленно проговорил Грегор, — на самую важную вещь в вашей жизни вы сейчас не имеете совершенно никакого влияния. Примите мои глубочайшие соболезнования.

Марк невольно обратился к откровенности:

— Я здесь практически пленник. Я ничего не могу — и уехать мне нельзя!

Грегор наклонил голову:

— Вы пробовали?

Марк помедлил:

— Ну… вообще-то нет.

— А! — Грегор отвернулся от окна и, вынув из внутреннего кармана пиджака пластиковую карточку, протянул ее через пульт Марку. — Мой Голос не распространяется за границы Барраярской империи, — сказал он… — Тем не менее… вот мой личный номер комм-связи. Ваш вызов пройдет только через одного человека. Вы будете в списке. Просто назовите свое имя — и вас соединят со мной.

— Э-э… спасибо, — смущенно сказал Марк. На карточке была только цепочка цифр и никаких имен. Он очень тщательно ее спрятал.

Грегор прикоснулся к булавке на пиджаке, включающей аудиосвязь, и вызвал Кеви. Через несколько секунд в дверь постучали. Вошел Айвен. Марк, который начал крутиться в кресле Грегора (оно не скрипело), смущенно выбрался из него.

Грегор с Айвеном попрощались так же лаконично, как и поздоровались, и Айвен увел Марка из комнаты в башне. Когда они поворачивали за угол, Марк оглянулся на звук шагов. Кеви уже вел на аудиенцию к императору следующего посетителя.

— Ну и как? — поинтересовался Айвен.

— Меня просто выжали, — признался Марк.

Айвен мрачно улыбнулся:

— Грегор это умеет, когда выступает как император.

— Выступает? Ты хотел сказать — играет роль?

— О, нет. Он не играет.

— Он дал мне свой личный номер.

«И, похоже, забрал у меня все секреты».

Айвен изумленно поднял брови:

— Добро пожаловать в клуб избранных. Я могу пересчитать всех, у кого он есть, по пальцам — и даже не снимая ботинок.

— И Майлз… был среди них?

— Конечно.

Глава 13

Айвен, не иначе как следуя указаниям графини, пригласил его на ленч. Они отправились в караван-сарай — район, расположенный неподалеку от замка Форхартунг. Поездки в машине Марку удалось избежать только благодаря тому, что этот древний район славился чрезвычайно узкими переулочками.

Караван-сарай мог служить живой иллюстрацией социального развития Барраяра. Его древнейшую часть вычистили и отреставрировали, превратив в декоративный лабиринт магазинчиков, кафе и маленьких музеев. Днем там было многолюдно: горожане закусывали в уютных кафе, приезжие осматривали достопримечательности.

Но изменения коснулись только центральной части караван-сарая, расположенной у реки. На окраинах, ближе к югу, все еще оставались злачные места: в былые времена весь район пользовался дурной славой.

По дороге Айвен с гордостью показал Марку здание, где он якобы родился во время войны с

Фордарианом. Теперь там продавались дорогие ковры ручной работы. Айвен так гордо говорил об этом событии, что Марк стал искать взглядом мемориальную доску. Но доски не оказалось.

После того как они поели в маленьком кафе, Айвен, внезапно зациклившийся на семейной истории, пожелал продемонстрировать Марку тот кусочек тротуара, на котором во время все той же войны убили его отца, лорда Падму Форпатрила. Все это прекрасно сочеталось с мрачными впечатлениями дня, и Марк не стал возражать. Они пешком направились к югу. Низкие домики с бежевой штукатуркой первого века Периода Изоляции сменились высокими зданиями из красного кирпича.

На этот раз, слава Богу, мемориальная доска была: литой бронзовый квадрат, утопленный в мостовую. Мимо него и по нему проносились машины. Айвен остановился, глядя вниз.

— Можно было бы установить ее на тротуаре, — заметил Марк.

— Точность, — отозвался Айвен. — Матушка настояла.

Марк вежливо молчал, Айвен предавался неизвестно каким размышлениям. Наконец Айвен вышел из глубокой задумчивости и жизнерадост-

но предложил:

— Как насчет десерта? Тут за углом чудесная пекаренка. Матушка всегда меня туда водила после ежегодного возжигания. Похожа на пещеру, но выпечка что надо!

Марк еще не успел переварить ленч, но пекаренка оказалась настолько же неотразима внутри, насколько непрезентабельна снаружи, и кончилось тем, что он незаметно купил пакет с марципановыми булочками и традиционными шанежками с блестяникой — на потом. Пока Айвен занимался выбором вкусностей для леди Форпатрил, а возможно, и более сладкими переговорами с хорошенькой продавщицей (трудно сказать, флиртует ли Айвен всерьез или это у него безусловный рефлекс), Марк вышел на улицу.

Когда-то Гален внедрил в этот район несколько тайных комаррских агентов. Их, несомненно, замели два года назад, после раскрытия заговора, но все же интересно проверить, сумел бы он, Марк, их отыскать, если б планы Галена осуществились. Так. Свернуть на следующую улицу, миновать еще две… Айвен самозабвенно болтал с продавщицей. Марк отправился.

Он нашел нужный адрес почти сразу, но заходить не стал. Повернув обратно, Марк решил

вернуться к пекарне более коротким путем. Этот путь привел его в тупик. Он снова повернул и пошел к началу переулка.

Старуха и худой парнишка, сидевшие на крыльце, смотрели, как он заходил, а теперь смотрели, как он выходит. Тусклые близорукие глаза старухи внезапно неприязненно вспыхнули.

— Это не мальчик. Это мутантик! — прошипела она парнишке. Внуку? Она демонстративно пихнула его в бок. — Мутантик набрел на нашу улицу!

После такой подсказки парнишка лениво встал и загородил Марку дорогу. Марк остановился. Мальчишка был выше его — а кто не был? — но ненамного тяжелее. Бледный, с сальными волосами. Он агрессивно расставил ноги, не давая Марку пройти. Замечательно. Аборигены. Во всем великолепии.

— А тебе тут не место, мутантик. — Юнец сплюнул, явно подражая старшим товарищам.

— Ты прав, — охотно согласился Марк, выговаривая слова со среднеатлантическим земным акцентом. — Это просто дыра.

— Инопланетник! — взвыла старуха. — Делай переход к дьяволу, инопланетник!

— Похоже, это я уже сделал, — сухо отозвался

Марк. Невежливо, но настроение такое скверное, что не до вежливости. Если этим трущобникам нравится его задирать, он последует их примеру. — Барраярцы! Если и найдется что-то хуже форов, так это — дураки, которыми они управляют. Неудивительно, что вся Галактика говорит, будто здесь — настоящая свалка.

Марка удивило, насколько легко ему удается выразить накопившуюся ярость и какое это доставляет ему удовольствие. Пожалуй, не стоит заходить слишком далеко.

— Я тебе покажу, мутантик, — пообещал парнишка, покачиваясь на носках. Старая ведьма сделала грубый жест в адрес Марка: явно наущивает. Странная компания: обычно старушки и хулиганы бывают естественными врагами, но эти двое, похоже, спелись. Да… Сторонники империи перед лицом общего врага.

— По мне — лучше быть мутантиком, чем дебилом, — с напускным добродушием проговорил Марк.

Задира нахмурился.

— Эй! Ты что, отвечать вздумал? А?

— А ты видишь здесь еще дебилов? — Взгляд юнца на секунду скользнул в сторону. Марк оглянулся. — Ах! Извини. Тут действительно еще

двое. Теперь понятно, почему ты запутался.

Еще два юнца: выше, крепче, старше, но все равно — подростки. Возможно, злобные, но необученные. И все же… куда подевался Айвен? И где, интересно знать, эта якобы незримая внешняя охрана? Отдыхает?

— Вы случаем не опаздываете в школу? На лечебные занятия по распусканию слюней?

— Шутник-мутантик, — сказал тот, что постарше. Он не смеялся.

Нападение было внезапным и чуть не застигло Марка врасплох: он считал, что согласно этикету следует обменяться еще несколькими оскорблениями и как раз придумал парочку. Возбуждение странно перемешалось с ожиданием боли. А может, это ожидание боли так возбуждает? Самый крупный попытался лягнуть Марка в пах. Марк ухватил его за ногу и дернул резко вверх, бросив парнишку на камни с такой силой, что у того перехватило дыхание. Второй замахнулся кулаком. Марк поймал его за руку. Они развернулись, и парень неожиданно для себя налетел на своего худого товарища. Увы, теперь оба закрывали Марку пути к отступлению.

Подростки поспешно вскочили. За два года Марк утратил быстроту реакции, и дыхание у

него уже начало сбиваться. Но в то же время лишний вес помогал удерживаться на ногах.

«Трое на одного, притом искалеченного? Вам такое соотношение по душе? Ну, идите сюда, маленькие людоеды».

Все еще сжимая в кулаке нелепый кулек со сладостями, Марк ухмыльнулся и приветственно раскрыл объятия.

Юнцы бросились одновременно, заранее обозначая каждое движение. Оборонительные приемы не подвели: оба отлетели в сторону и, оказавшись на земле, ошарашенно замотали головами. Жертвы собственной агрессии. У Марка заныла челюсть. Удар был неловкий, но достаточно сильный, чтобы заставить его проснуться. Следующий раунд прошел не так успешно: Марку пришлось откатиться в сторону, выпустив пакет с булочками, на который тут же наступили. А потом одному все же удалось схватить его за шиворот. Посыпались неумелые кулачные удары. Марк уже задыхался. Пора прибегнуть к болевому приему и уносить ноги. Тем, может, дело бы и кончилось — и все остались бы довольны, если бы один из этих идиотов не вытащил электрошок и, пригнувшись, не ткнул им в Марка.

Марк чуть не убил его ударом ноги в шею: толь-

ко в самую последнюю секунду он успел смягчить удар, чуть изменив направление. Паренек, хрипя, упал на землю, и Марк в ужасе отшатнулся.

«Нет, меня учили не драться. Меня учили убивать. А, дерьмо!»

Оставалось только молить Бога, чтобы ударом не разорвало какой-нибудь важный сосуд. Остальные двое ошеломленно остановились.

Из-за угла с топотом выскочил Айвен.

— Какого дьявола ты тут делаешь? — завопил он.

— Не знаю, — выдохнул Марк. Он пригнулся, уперевшись ладонями в колени. Из носа на новую рубашку лилась кровь. — Они на меня набросились.

«Я их дразнил».

И правда, какого дьявола он это сделал? Все произошло так быстро…

— Этот мутантик с вами, офицер? — в голосе худощавого звучал ужас, смешанный с изумлением.

Марк понял, что Айвену очень хочется отказаться от него. Наконец он с трудом выдавил из себя:

— Да.

Второй, который еще держался на ногах, попя-

тился, повернул и бросился бежать. Худощавого на месте происшествия удерживало присутствие пострадавшего и старухи, но по нему видно было, что он бы тоже рад сбежать. Старая ведьма осыпала Марка обвинениями и угрозами. Казалось, она — единственная, кого не смутил мундир Айвена. И тут явилась муниципальная охрана.

Как только Марк убедился, что потерпевшему будет оказана помощь, он заткнулся и предоставил объяснения Айвену. Айвен лгал, как… настоящий ветеран, ни разу не упомянув имени Форкосигана. Охранники, в свою очередь, разобравшись, кто такой Айвен, поспешно утихомирили старуху и отпустили их. И без подсказки Айвена Марк отказался выдвигать какие-либо обвинения. Через полчаса они уже сидели в машине Айвена. Теперь Айвен вел ее не так лихо. Марк решил, что это последствия испуга: ведь лейтенант чуть не потерял своего подопечного.

— Где, интересно знать, прятался этот тип из внешней охраны, мой ангел-хранитель? — спросил Марк, осторожно ощупывая разбитое лицо. Кровь из носа остановилась. Иначе Айвен не позволил бы ему сесть в машину.

— А кто, по-твоему, вызвал муниципальную охрану? Внешней охране положено быть неза-

метной.

— Ох! — Ребра болели, но переломов, по-видимому, не было. В отличие от Майлза, он ни разу ничего не ломал. «Мутантик». — А Майлзу часто… приходилось… приходится иметь дело с такой дрянью?

Единственное, в чем он провинился перед этими людьми, — то, что прошел мимо них. Если бы Майлз был одет в гражданское и оказался один, они напали бы и на него?

— Начнем с того, что Майлз никогда не был настолько глуп, чтобы ходить сюда в одиночку!

Марк задумался. Если верить Галену, знатное происхождение защищало Майлза от мутагенных предрассудков Барраяра. Неужели ему постоянно приходилось мысленно оценивать степень опасности и ограничивать себя в передвижениях и в действиях?

— А если бы уж забрел, — добавил Айвен, — то заговорил бы их. Увернулся бы. Какого черта тебе понадобилось связываться с тремя парнями? Если хочешь, чтобы тебя кто-нибудь хорошенько избил, обратись ко мне. Буду счастлив оказать тебе эту услугу.

Марк неловко пожал плечами. Может, подсознательно этого он и добивался? Наказания?

Может, именно поэтому все настолько стремительно обернулось так плохо?

— Я считал, что вы все — великие форы. Зачем вам выворачиваться? Нельзя, что ли, просто затоптать это отребье?

— Нет! — простонал Айвен. — Ну до чего ж я рад, что мне не придется быть твоим постоянным телохранителем!

— Я тоже, если ты всегда так работаешь, — огрызнулся Марк. Он пощупал челюсть: губа и десна распухли. Хорошо хоть зубы на месте.

Айвен только зарычал. Марк откинулся на спинку сиденья, думая о том пареньке с разбитым горлом. Муниципальная охрана увезла его в больницу. Не следовало с ним драться — еще чуть-чуть, и он его убил бы. Он мог убить всех троих. В конце концов это ведь всего-навсего маленькие людоеды. Так вот почему Майлз попытался бы отговориться и вывернуться: не из страха и не потому, что положение обязывает, а потому, что эти дети… не в его весовой категории. Марку стало нехорошо.

По дороге Айвен заехал в свою квартиру, которая оказалась неподалеку от Главного штаба Имперских вооруженных сил. Там он позволил Марку умыться и отстирать кровь с одежды. До-

ставая из сушки его рубашку, Айвен заметил:

— У тебя завтра все тело будет в синяках. Майлз бы недели на три угодил в больницу. Мне бы пришлось везти его туда, примотав к доске.

Марк посмотрел на красные пятна, только начинающие лиловеть. Ему становилось трудно двигаться. Ныли потянутые связки. Но это все ерунда, это можно скрыть. А вот лицо… Придется давать объяснения. Самое лучшее — сказать, что они с Айвеном попали в аварию. Этому все поверят… Жаль, ложь быстро раскроется.

Как бы то ни было, объяснения взял на себя Айвен. Звучали они приблизительно так:

— У, он просто отстал и его слегка потрепали местные жители, но я вовремя вернулся, так что ничего страшного не случилось. Пока, тетя Корделия.

Марк не стал мешать его отступлению.

К обеду полный отчет о происшествии, очевидно, дошел до графини. Марк сразу почувствовал напряжение. Он сел за стол напротив Элен, которая наконец вернулась после длительного и, надо полагать, тяжелого допроса в штабе службы безопасности.

Граф подождал, пока слуга не принесет первое блюдо.

После его ухода он заметил:

— Я рад, что твой образовательный опыт, Марк, не закончился сегодня смертью.

Марк чуть не подавился.

— Его или моей? — еле слышно спросил он.

— Обоих. Хочешь узнать новости о своей… э-э… жертве?

«Нет!»

— Да. Пожалуйста.

— Врачи муниципальной больницы рассчитывают выписать его через два дня. Неделю он сможет принимать только жидкую пищу. Голос у него восстановится.

— А. Хорошо.

«Я не хотел…» Что толку объяснять? Наверняка никакого.

— Я справлялся о возможности анонимно оплатить его лечение, но обнаружил, что Айвен меня опередил. Поразмыслив, я решил ему это позволить.

— О.

Значит ли это, что он должен предложить Айвену деньги? И вообще, есть ли у него деньги или какие-то права на них? Юридические? Моральные?

— Завтра твоим экскурсоводом будет Элен, —

объявила графиня. — И вас будет сопровождать Пим.

Вид у Элен был не слишком довольный.

— Я говорил с Грегором, — продолжал тем временем граф Форкосиган. — Оказалось, что тебе как-то удалось произвести на него впечатление: он дал свое разрешение, чтобы я официально представил тебя как своего наследника. Стажера дома Форкосиганов в Совете графов. Время я могу выбрать по своему усмотрению, тогда когда — и в том случае, если — будет подтверждена смерть Майлза. Очевидно, что пока этот шаг преждевремен. Не знаю, что лучше: провести подтверждение прежде, чем графы узнают, или потом, когда у них будет время привыкнуть к этой мысли. Быстрым маневром: удар и побег, или путем длительной осады. В кои-то веки я бы предпочел осаду. Если мы победим, твоя победа будет намного надежнее.

— А что, они могут меня отвергнуть? — с надеждой спросил Марк.

«Неужели — свет в конце туннеля?»

— Чтобы ты унаследовал графский титул, они должны принять и утвердить тебя простым большинством голосов. Мое личное имущество — вопрос отдельный. При обычных обстоятель-

ствах такая процедура является рутинной для старшего сына или, в случае его отсутствия, для любого компетентного родственника мужского пола, которого граф пожелает выдвинуть. Формально даже не обязательно, чтобы это был родственник. Существовал знаменитый прецедент с графом Фортала, еще в Период Изоляции, который поссорился со своим сыном. Молодой лорд Фортала в Зидиаркской торговой войне встал на сторону своего тестя. Фортала лишил сына права наследования и каким-то образом сумел заставить немногочисленный Совет графов объявить наследником его коня, Полуночника. Он утверждал, что конь ничуть не глупее, зато никогда его не предавал.

— Это… обнадеживает, — пробормотал Марк. — И как проявил себя граф Полуночник? В сравнении с обычным средним графом?

— Лорд Полуночник. Увы, никто так и не узнал. Конь скончался раньше Форталы, война затихла, и в конце концов все досталось сыну. Но это событие — одна из зоологических вершин многообразной истории Совета, почти на уровне заговора кошек-поджигателей. — Пока граф Форкосиган излагал все это, в глазах его светилось оживление. Потом его взгляд упал на Марка, и

оживление погасло. — У нас было несколько столетий, чтобы накопить множество прецедентов, от смешных до ужасных.

Граф больше не расспрашивал Марка, как прошел день, а Марк предпочел не вдаваться в подробности. Еда казалась тяжелее свинца, и он сбежал, как только позволили приличия.

Марк прокрался в библиотеку, длинную комнату самой старой части здания. Графиня поощряла его интерес к этому помещению. Кроме считывающего устройства с доступом к публичным базам данных и закрытого от посторонних шифрованного комм-пульта тут были длинные ряды переплетенных книг, напечатанных и даже переписанных вручную на бумаге в Период Изоляции. Библиотека напомнила Марку замок Форхартунг, где современное оборудование неловко ютилось в закоулках древнего здания.

Его взгляд случайно упал на большой фолиант с гравированными изображениями доспехов и оружия. Бережно сняв книгу с полки, Марк отнес ее в один из альковов по сторонам высоких застекленных дверей, выходивших в сад за домом. Альковы были шикарно обставлены. Рядом с огромным креслом стоял столик, на который можно было положить тяжелый том.

Марк с любопытством пролистывал книгу. Пятьдесят видов холодного оружия, причем у каждой разновидности клинка — свое название, да еще названия разных деталей… Потрясающая область знаний: как раз такую обычно создают, и, в свою очередь, с ее помощью создаются замкнутые группы вроде форов…

Дверь распахнулась и по мраморному полу и ковровому покрытию прозвучали шаги. Граф Форкосиган. Марк съежился в кресле подтянув ноги, чтобы его не заметили. Может, граф просто возьмет книгу и уйдет. Марку ужасно не хотелось нарываться на всякие доверительные разговоры, к которым так располагала обстановка. Хоть он и преодолел первоначальный страх перед графом, но все равно в его присутствии чувствовал себя ужасно неловко, даже когда не говорилось ни слова.

К несчастью, граф Форкосиган устроился за комм-пультом. На оконном стекле замелькали отражения разноцветных огней. Марк понял, что чем дольше он просидит, скрываясь, словно убийца, тем более неловко будет себя обнаружить.

«Ну так скажи „Привет“. Урони книгу. Высморкайся. Сделай что-нибудь!»

Он уже почти собрался с духом, когда дверь сно-

ва скрипнула и прозвучали более легкие шаги. Графиня. Марк сжался в комок.

— А! — сказал граф. Огоньки погасли: он отключил комм и повернул рабочее кресло. Прошуршала материя — Корделия села.

— Ну, Марк действительно проходит ускоренный курс Барраяра, — заметила она, лишив Марка последней возможности заявить о своем присутствии.

— Это ему и надо, — вздохнул граф. — Ему надо нагнать двадцать лет, чтобы тут функционировать.

— А ему надо тут функционировать? Я хочу сказать: так вот сразу?

— Нет. Не сразу.

— Хорошо. Мне показалось, что ты ставишь перед ним невыполнимую задачу. А как известно, невыполнимое требует немного больше времени.

Граф усмехнулся:

— По крайней мере он увидел одну из самых худших наших особенностей. Надо позаботиться, чтобы он подробно узнал о мутагенных катастрофах. Тогда он поймет, откуда идет такое насилие. Насколько глубоко впитались мука и страх, которые движут видимыми тревогами и… э-э…

как это воспринимаете вы, бетанцы, дурными манерами.

— Не думаю, чтобы ему легко удалось продублировать врожденную способность Майлза играючи пробегать по минному полю.

— У него скорее склонность это поле пропахивать, — проворчал граф и после паузы добавил: — Его внешность… Майлз прилагает огромные усилия к тому, чтобы двигаться, одеваться, вести себя так, чтобы отвлекать внимание от своей внешности. Чтобы личность затмевала внешний вид. Марк… кажется, сознательно это преувеличивает.

— Что — угрюмая сутулость?

— Это, и… признаюсь, меня тревожит то, как он набирает вес. Особенно если судить по докладам Элен. Может, стоит показать его врачам? Это же наверняка вредно.

Графиня фыркнула:

— Ему только двадцать два. Непосредственной опасности для здоровья нет. Тебя не то беспокоит, милый.

— Может быть… не только.

— Ты его стесняешься. Мой озабоченный внешним барраярский друг.

— М-м…

Марк заметил, что граф не стал спорить.

— Очко в его пользу, — заметила Корделия.

— Ты не пояснишь эту фразу?

— Поступки Марка — это язык. Главным образом язык отчаяния. Их не всегда легко истолковать. Но этот-то очевиден.

— Не мне. Проанализируй, пожалуйста.

— Проблема трехсторонняя. Во-первых, чисто физический фактор. Надо понимать, ты не читал медицинские материалы так же внимательно, как я.

— Я читал сводку Службы безопасности.

— Я читала необработанные данные. Полностью. Когда джексонианские художники по телу укоротили Марка «под Майлза», они не стали генетически менять его обмен. Вместо этого они составили коктейль из гормонов и стимуляторов, который вводили ему каждый месяц, меняя по необходимости состав. Дешевле, проще, легче регулируется. Теперь возьми Айвена как образец того, к чему привел бы генотип Майлза без солтоксинового отравления. А в Марке мы имеем человека, генетически запрограммированного на вес Айвена, но физически урезанного до роста Майлза. И когда комаррские процедуры закончились, его тело снова стало пытаться осуществить

генетически заложенную программу. Если ты когда-нибудь сможешь заставить себя по-настоящему посмотреть на него, то заметишь, что дело не в одном жире. У него больше масса костей и мышц, даже если сравнивать не с Майлзом, а и с ним самим, каким он был два года назад. Когда он наконец найдет новое равновесие, вид у него скорее всего будет довольно приземистый.

«Вы хотите сказать — шарообразный», — в ужасе подумал Марк. Да, он, пожалуй, за обедом переел. Героическим усилием Марк удержал отрыжку.

— Как у маленького танка, — подсказал граф, перед которым, похоже, встало несколько более обнадеживающее видение.

— Возможно. Это зависит от двух других факторов, которые присутствуют в… э-э… языке его тела.

— А именно?

— От протеста и страха. Что до протеста… Всю жизнь им кто-то распоряжался. Например, насильственно навязали это тело. А теперь наконец наступила его очередь. И страх. Перед Барраяром, перед нами, но, откровенно говоря, больше всего перед тем, что его полностью подавит Майлз, который может давить достаточно сильно, при-

чем не только на младшего брата. И Марк прав. В каком-то смысле для него это благо. Телохранителям и прислуге легко отличить его, принимать не как Майлза, а как лорда Марка. Я вижу в этом фокусе странную полубессознательную гениальность, которая… напоминает мне одного нашего общего знакомого.

— Но когда это прекратится?

Марк решил, что теперь графу тоже представилось нечто сферическое.

— Обмен — когда он пожелает. Он может отправиться к врачу и отрегулировать его, чтобы иметь любой вес, какой ему понравится. Он выберет свой тип, когда пройдет страх и когда ему больше не понадобится выражать протест.

Граф хмыкнул:

— Я знаю Барраяр с его паранойей. Здесь никогда не чувствуешь себя в полной безопасности. И что нам делать, если он решит, что никогда не будет достаточно толст?

— Ну тогда мы купим ему антигравитационную платформу и наймем пару мускулистых прислужников. Или… поможем ему победить его страхи. А?

— Если Майлз мертв… — начал граф.

— Если Майлза не удастся вернуть и ожи-

вить, — резко поправила она.

— Тогда Марк — это все, что нам останется от Майлза.

— Нет! — Зашуршав юбками, Корделия встала и начала расхаживать по комнате. «Господи, не дай ей пройти сюда!» — Вот здесь ты ошибся, Эйрел. Марк — это не все, что нам останется от Майлза. Марк — будет все, что у нас есть.

Граф помедлил:

— Хорошо. Готов согласиться. Но если Марк — это все, что у нас есть… Есть ли у нас следующий граф Форкосиган?

— А ты не можешь принять его как сына, даже если он — не следующий граф Форкосиган? Или это — испытание, которое ему надо пройти, чтобы быть принятым?

Граф промолчал. Графиня заговорила тише:

— Не слышу ли я голос твоего отца? Не его ли я вижу в твоих глазах?

— Не… Невозможно, чтобы его там не было. — Граф тоже говорил тихо и взволнованно, но только не виновато. — На каком-то уровне. Несмотря ни на что.

— Я… Да. Понимаю. Извини. — Она снова села. Марк вздохнул с облегчением. — Хотя, право же, чтобы считаться барраярским графом, нужно

удивительно мало. Посмотри, какие странные типы сейчас заседают в Совете. Или, в некоторых случаях, не являются туда. Сколько, ты говоришь, прошло с тех пор, как голосовал граф Фортьенн?

— Его сын уже достаточно взрослый, чтобы занять его место, — ответил граф. — К нашему великому облегчению. В последний раз, когда требовалось единогласное решение, Старшему оруженосцу Совета пришлось насильственно вывозить графа из его резиденции. Он застал там совершенно невероятную сцену… ну, граф находит своим телохранителям несколько необычное применение.

— И к ним предъявляются несколько необычные требования, насколько я понимаю.

Судя по голосу графини, она ухмыльнулась.

— А это ты откуда узнала?

— Элис Форпатрил.

— Я… даже не стану спрашивать, откуда знает она.

— Очень мудро. Но речь о том, что Марку придется очень и очень постараться, если он надумает стать худшим в Совете. Они не так хороши, как желают казаться.

— Фортьенн — самый гадкий пример. Это нечестно. Совет графов действует исключитель-

но благодаря редкостной преданности очень многих. Он пожирает людей. Но… графы — это еще полбеды. Гораздо острее стоит вопрос с округом. Примут ли его там? Неуравновешенную копию изуродованного оригинала?

— Они приняли Майлза. По-моему, они даже гордятся им. Но… Майлз сам этого добивается. Он излучает столько преданности, что они невольно отражают какую-то часть.

— Интересно, что излучает Марк, — задумался граф. — По-моему, он больше похож на какую-то живую черную дыру. Свет в нее заходит, но наружу не выходит ничего.

— Дай срок. Он все еще боится тебя. Думаю, это чувство вины из-за того, что он столько лет был твоим потенциальным убийцей.

Марк съежился еще сильнее. У нее не глаза, а настоящий рентген! Какая пугающая союзница — если действительно союзница.

— У Айвена, — медленно проговорил граф, — проблем с популярностью в округе не будет. И пусть неохотно, но мне кажется, он даст то, что нужно Совету. Он не будет ни худшим, ни лучшим, но по крайней мере средним.

— Именно этой системой он пользовался, чтобы окончить школу, Императорскую академию и

пережить службу в армии, — сказала графиня. — Середнячок-невидимка.

— Досадно смотреть. Он способен на большее.

— Находясь так близко к престолу, насколько блестящим он смеет быть? Он притягивал бы заговорщиков, как фонарь насекомых. За него хватались бы все, кому нужна яркая фигура, чтобы возглавить партию. Он только прикидывается дурачком. На самом деле он умнее всех нас.

— Оптимистическая теория, но если Айвен настолько расчетлив, как ему удалось стать таким буквально с пеленок? — жалобно спросил граф. — Ты изображаешь его пятилетним Макиавелли, милая капитан.

— Я не настаиваю на своем толковании, — успокоила его графиня. — Но речь идет о том, что, надумай Марк жить, например, в Колонии Бета, Барраяру удастся как-то существовать и дальше. Даже твой округ скорее всего не погибнет. И Марк все равно не перестанет быть нашим сыном.

— Но мне хотелось оставить несколько больше… Ты все возвращаешься к этой мысли. О Колонии Бета.

— Да. Тебя это удивляет?

— Нет. — Он заговорил совсем тихо. — Но если ты увезешь его на Колонию Бета, у меня не будет

возможности узнать его.

Графиня ответила не сразу, но голос ее звучал твердо:

— На меня эта жалоба произвела бы гораздо большее впечатление, если бы по тебе было заметно, что ты хочешь его узнать. Ты избегал его почти так же старательно, как он — прятался от тебя.

— Я не могу из-за личного кризиса отложить все правительственные дела, — чопорно возразил граф. — Как бы мне того ни хотелось.

— Насколько я помню, ради Майлза ты это делал. Вспомни, сколько времени ты проводил с ним, здесь и в Форкосиган-Сюрло… Ты как вор крал время, урывал его то тут, то там: утро, день… Сколько получалось. И все это время на бегу протаскивал регентство через полдюжины крупных политических и военных кризисов. Ты не можешь лишить Марка тех преимуществ, которые имел Майлз, а потом обвинять его в том, что ему не удается затмить Майлза.

— Ах, Корделия, — вздохнул граф, — я тогда был моложе. Я теперь уже не тот па, который был у Майлза двадцать лет назад. Тот человек ушел, сгорел.

— Я и не прошу, чтобы ты пытался быть тем па,

которым был тогда. Это нелепо. Марк не ребенок. Я только прошу, чтобы ты постарался быть тем отцом, какой ты сейчас.

— Милая капитан…

После паузы графиня решительно сказала:

— У тебя было бы больше времени и энергии, если бы ты вышел в отставку. Наконец, отказался от поста премьер-министра.

— Сейчас?! Подумай, Корделия! Я не имею права потерять контроль именно сейчас. Если я стану просто графом, я выпаду из цепочки командования, я потеряю власть вести розыски.

— Чепуха. Майлз — офицер Службы безопасности. Сын он премьер-министра или нет, они все равно станут его искать. Преданность своим — одно из немногих привлекательных качеств Службы.

— Они будут вести розыск в пределах разумного. И только будучи премьер-министром, я могу заставить их пойти дальше.

— Не думаю. По-моему, Саймон Иллиан ради тебя вывернется наизнанку, даже если ты будешь мертвый и в могиле, милый.

Когда граф наконец снова заговорил, голос у него был страшно усталый.

— Три года назад я был готов уйти от власти,

передав ее Квинтиллиану.

— Да. Я была в восторге.

— Если бы только он не погиб в той глупой авиакатастрофе! Такая бессмысленная трагедия. Даже не убийство!

Графиня мрачно расхохоталась:

— По-настоящему бессмысленная гибель, по барраярским меркам. Но — я серьезно. Пора остановиться.

— Давно пора, — согласился граф.

— Отойди в сторону.

— Как только позволят обстоятельства.

Она помолчала.

— Ты все равно никогда не будешь достаточно толстым, милый. Лучше отойди.

Марк сидел, скрючившись, потеряв способность двигаться. Одна нога у него совершенно онемела. У него было такое чувство, будто его пропахали и проборонили, обработали почище, чем та троица в тупике. Да, графиня вести бой обучена.

Граф усмехнулся, но ничего не ответил. К громадному облегчению Марка, оба встали и вышли из библиотеки. Как только за ними закрылась дверь, он скатился на пол и принялся разминать затекшие ноги. Его трясло. Наконец он закашлял,

блаженно восстанавливая дыхание. Марк не знал, плакать ему или смеяться, а потому просто хрипло дышал, глядя, как вздымается и опадает его живот. Он чувствовал себя жирным. Он чувствовал себя сумасшедшим.

Отдышавшись, Марк понял, что чего он не чувствует — так это страха. По крайней мере страха перед графом и графиней. Их поведение на людях и дома оказалось неожиданно одинаковым. Похоже, он может доверять им.

«Так вот как выглядит прямота. А я не знал».

Глава 14

Графиня сдержала обещание (или исполнила угрозу) — отправила Марка знакомиться с Барраяром в сопровождении Элен. Следующие недели были наполнены экскурсиями по Форбарр-Султану и окрестностям. Уклон у них был культурно-исторический. В программу вошел даже тур по императорскому дворцу. К глубочайшему облегчению Марка, Грегора в тот день дома не оказалось. Похоже, они побывали во всех музеях столицы. Элен протащила его по двум десяткам колледжей, академий и технических институтов. Марк облегченно вздохнул, убедившись, что не каждое учебное заведение на Барраяре готовит военных. Самыми крупными и популярными оказались Сельскохозяйственный и Технический институты округа Форбарра.

Элен держалась с Марком очень официально. Что бы она ни испытывала, впервые за десять лет оказавшись на родной планете, ее чувства надежно хранились под маской. Марк заподозрил, что напряженная программа экскурсий рассчитана специально на то, чтобы Элен не пришлось

говорить. Паузы она заполняла лекциями. Он уже начал жалеть, что не попытался наладить отношения с Айвеном: может, кузен повел бы его по пивнушкам — ради разнообразия.

Но как-то вечером все переменилось: граф неожиданно вернулся в резиденцию и объявил, что они отправляются в Форкосиган-Сюрло. Уже через час Марк со всеми пожитками оказался в флайере вместе с Элен, графом и телохранителем Пимом — и они понеслись на юг, в загородное поместье Форкосиганов. Графиня осталась дома. Наконец вдали показались Дендарийские горы — темное пятно на фоне ночных облаков и звезд. Они облетели тускло поблескивающее озеро и приземлились на склоне холма, перед большим каменным домом. В окнах горели огни. Из второго флайера незаметно высадилась охрана.

Была почти полночь, и граф ограничился тем, что быстро провел Марка по дому, оставив его в комнате для гостей с видом на уходящую к озеру лужайку. Оставшись наконец в одиночестве, Марк облокотился на подоконник и устремил взгляд в темноту. На другом берегу озера мерцали огни деревни.

«Зачем вы меня сюда привезли?»

Форкосиган-Сюрло — самое уединенное поме-

стье. Если его допустили сюда, значит ли это, что он успешно прошел какое-то испытание? Или Форкосиган-Сюрло и есть испытание?

Его разбудили косые лучи утреннего солнца. Вчера ночью слуги развесили в гардеробе его самую неофициальную одежду. Марк отыскал ванную, умылся, оделся и отправился на поиски живых. Домоправительница на кухне отправила его на улицу искать графа, даже не предложив завтрак.

Он пошел по вымощенной гравием дорожке к купе земных деревьев, чья характерная зеленая листва уже начала пестреть с приближением осени. Большие деревья, очень старые. Граф и Элен оказались неподалеку, в обнесенном стеной садике, который теперь служил семейным кладбищем Форкосиганов.

Брови Марка изумленно поползли вверх. Граф надел самый торжественный синий мундир. Элен была в дендарийском сером бархате с серебряными пуговицами и белыми лампасами. Она сидела на корточках у небольшой бронзовой курильницы. Горели бледно-оранжевые язычки пламени. В позолоченном солнцем утреннем тумане поднималась тонкая струйка дыма. Марк понял, что это — возжигание усопшему, и неуве-

ренно остановился у чугунной калитки.

Элен поднялась. Они с графом негромко переговаривались, пока остатки возжигания не обратились в пепел. Спустя несколько секунд Элен сделала из ткани прихватку, сняла курильницу с треножника и вытряхнула на могилу серые и белесые хлопья. Протерев бронзовую чашу, она убрала ее в коричневый с серебром мешочек. Повернувшись к озеру, граф увидел стоящего у калитки Марка и приветственно кивнул, не приглашая зайти — но и не приказывая убираться прочь.

Еще что-то сказав графу, Элен вышла из обнесенного невысокой стеной сада. Граф отдал ей честь. Проходя мимо Марка, она любезно кивнула. Лицо у нее было очень серьезным, но Марку показалось, что теперь оно не такое напряженное и застывшее, как раньше. Граф поманил Марка к себе. Чувствуя одновременно любопытство и неловкость, Марк прошел через калитку, и под ногами захрустел гравий.

— Что… происходит? — наконец спросил он. Слова прозвучали довольно легкомысленно, но, кажется, графа это не задело.

Граф Форкосиган кивком указал на могильную плиту: «Сержант Константин Ботари». Даты. И

еще одно слово: «Фиделис» — верный.

— Я выяснил, что Элен никогда не приносила возжигание отцу. Он восемнадцать лет был моим телохранителем, а до того служил под моим командованием в космических силах.

— Телохранитель Майлза. Это я знал. Но его убили раньше, чем Гален начал мое обучение. Гален на нем не останавливался.

— Напрасно. Сержант Ботари много значил для Майлза. И для всех нас. Ботари был… непростым человеком. По-моему, Элен так с этим и не смирилась. Ей нужно научиться как-то принимать его, чтобы жить в мире с самой собой.

— Непростым? Насколько мне известно, он был преступником.

— Это очень… — Граф помедлил. Марк ожидал услышать «несправедливо» или «неправильно», но в конце концов граф добавил: — Неполно.

Они стали ходить по кладбищу: граф провел для Марка экскурсию. Родственники и вассалы… Кто такой майор Эмор Кливи? Марк вспомнил бесконечные музеи. История Форкосиганов повторяла историю Барраяра. Граф показал могилу отца, матери, брата, сестры, деда и бабки. Надо полагать, все, кто умер раньше, покоились в прежней столице округа Форкосиган-Вашнуй

и цетагандийские захватчики расплавили их вместе с городом.

— Я буду лежать здесь, — сказал граф, глядя на спокойное озеро. Утренний туман уже поднялся и солнце светило ярче. — Не хочу оказаться на императорском кладбище в Форбарр-Султане. Отца хотели похоронить там. Мне пришлось выдержать бой, хотя в завещании была четко выражена его воля.

Он кивнул на камень. «Генерал граф Петер Форкосиган». И даты. Очевидно, граф одержал верх. Вернее, оба графа.

— Здесь прошли мои самые счастливые дни, когда я был маленьким. А потом — свадьба и медовый месяц. — По его лицу промелькнула страдальческая улыбка. — Майлз был зачат здесь. Так что в каком-то смысле и ты тоже. Осмотрись. Вот ты откуда. Когда мы позавтракаем и я переоденусь, я еще тебя здесь повожу.

— А. Так, э-э… значит, никто еще не ел.

— Перед возжиганием принято поститься. Я подозреваю, что именно поэтому возжигание устраивают на рассвете.

Граф улыбнулся.

Здесь графу больше ни для чего не мог понадобиться великолепный дворцовый мундир, а Элен

— дендарийский парадный. Они взяли их с собой именно для этой цели. Марк посмотрел на свое неверное отражение в начищенных до блеска сапогах графа. Из-за выпуклой поверхности он казался карикатурно толстым. Так он будет выглядеть в будущем?

— И мы все прилетели сюда для этого? Чтобы Элен могла совершить обряд?

— Отчасти.

Звучит пугающе. Марк пошел следом за графом, испытывая непонятную тревогу.

Завтрак подали на освещенную солнцем террасу. Цветущие кусты окружали ее со всех сторон, оставив свободной только сторону, открывавшуюся на озеро. Граф переоделся в черные брюки от старой полевой формы и широкую куртку с поясом. Элен к завтраку не вышла.

— Она решила прогуляться, — объяснил граф. — И мы сделаем то же.

Марк благоразумно положил в корзинку третью булочку.

Уже очень скоро он обрадовался своей выдержке: граф повел его вверх по холму. На вершине они остановились передохнуть. Вид на длинное озеро, извивающееся между холмами, вполне заслуживал остановки. По другую сторону холма

оказалась небольшая долина со старой каменной конюшней и ухоженными пастбищами, покрытыми по-земному зеленой травой. По пастбищу бродило несколько упитанных лошадей. Граф провел Марка вниз, к изгороди, и облокотился на нее.

— Вон тот большой чалый — конь Майлза. В последние годы он немного заброшен. Даже когда Майлз бывал дома, у него не всегда находилось время поездить верхом. Чалый всегда прибегал на зов Майлза. Удивительно было смотреть, как этот крупный ленивый конь встает и мчится. — Граф помолчал. — Может, попробуешь.

— Что? Позвать коня?

— Мне любопытно посмотреть. Заметит ли конь разницу? Голоса у вас… по-моему, очень похожи.

— Меня на это натаскивали.

— Его зовут… э-э… Дурачок. — В ответ на удивленный взгляд Марка граф добавил: — Ласковое прозвище.

«Его зовут Толстый Дурачок. Вы это подредактировали. Вот!»

— И что я должен делать? Стоять и кричать: «Дурачок, Дурачок, сюда»?

Он и сам уже чувствовал себя дураком.

— Три раза.

— Что?

— Майлз всегда повторял его имя три раза.

Лошадь стояла на другой стороне пастбища, навострив уши и глядя на них. Марк набрал побольше воздуха и с великолепным барраярским выговором позвал:

— Дурачок-Дурачок-Дурачок, сюда! Дурачок-Дурачок-Дурачок!

Лошадь фыркнула и затрусила к изгороди. Нельзя было сказать, что она мчится, но она и вправду пару раз взбрыкнула. Подскакав, она брызнула потом на Марка с графом и навалилась на изгородь, которая застонала и прогнулась. При ближайшем рассмотрении конь показался чудовищно большим. Марк поспешно отступил.

— Привет, старина, — граф потрепал коня по холке. — Майлз всегда дает ему сахар, — сообщил он.

— Тогда неудивительно, что к нему мчатся! — возмутился Марк. А он-то решил, что опять имеет дело с эффектом «любовь к Нейсмиту»!

— Да, но мы с Корделией тоже даем ему сахар, а к нам он не бежит. Он просто подходит — неспешно так.

Конь уставился на Марка в полном недоуме-

нии. Вот и еще одна душа, которую ты предал тем, что ты — не Майлз. Две другие лошади тоже подошли, словно ревнуя. Марк затравленно спросил:

— А вы не принесли сахару?

— Ну… вообще-то да, — признался граф и, достав из кармана штук шесть белых кубиков, вручил Марку. Марк осторожно положил их на ладонь и с опаской протянул руку. Пронзительно заржав, Дурачок прижал уши, куснул соперников и потом скромненько собрал сахар большими мягкими губами, оставив у Марка на ладони след травянисто-зеленых слюней. Марк попытался обтереть ладонь об изгородь, глянул исподтишка на брюки и стер остальное о лоснящуюся лошадиную шкуру. Марк на шее коня казался давним шрамом. Дурачок боднул Марка, и он отошел подальше. Граф восстановил порядок в толпе, пару раз крикнув и раздав всем шлепки — «Ага, точь-в-точь барраярская политика», — и позаботился, чтобы двое опоздавших тоже получили сахар. А потом вытер руки о штанины, ничуть не смутившись.

— Не хочешь прокатиться на нем? — предложил граф. — Хотя в последнее время на нем не ездили, так что он может быть немного игрив.

— Нет, спасибо! — поспешил отказаться

Марк. — Может, в другой раз.

— А!

Они пошли вдоль изгороди, а Дурачок тащился за ними по другую сторону, пока на углу не потерял последнюю надежду. Он заржал, когда они уходили — потрясающе печально. Марк ссутулился, словно от удара. Граф улыбнулся, но, наверное, улыбка далась ему с трудом.

— Старику уже за двадцать. — Граф оглянулся через плечо. — Для лошади — немало. Я начинаю понимать его чувства.

Они шли к лесу.

— Тут есть дорожка для верховой езды… Она выходит туда, откуда виден дом. Мы, бывало, устраивали там пикники. Хочешь посмотреть?

Пеший переход. Марку совсем не хотелось идти, но он уже отверг предложение проехаться верхом. Отказываться во второй раз он не смел: граф может решить, что он… замкнут.

— Хорошо.

Вокруг не было видно ни охранников из Службы безопасности, ни графских телохранителей. Граф приложил немало усилий, чтобы они оказались вдвоем. Марк напрягся. Приближается доверительный разговор.

Когда они оказались на опушке, под ногами за-

шуршали первые опавшие листья. Запах тления почему-то казался приятным. Но шорох шагов все же не заполнял молчания. Несмотря на внешнюю непринужденность, граф был явно напряжен. Марк не выдержал:

— Графиня заставила вас это сделать. Так?!

— На самом деле — нет, — ответил граф. — …Да.

Ужасно противоречивый ответ — и, вероятно, честный.

— Вы когда-нибудь простите людей Бхарапутры за то, что они застрелили не того адмирала Нейсмита?

— Наверное, нет.

Граф говорил спокойно, без обиды.

— Если бы все случилось наоборот — если бы снайпер прицелился в того коротышку, что стоял левее, — Имперская служба безопасности искала бы сейчас мою криокамеру?

И вообще, выбросил бы Майлз рядовую Филиппи, чтобы положить на ее место Марка?

— Поскольку в этом случае представителем службы безопасности там был бы Майлз, то, полагаю, ответом будет «да», — негромко ответил граф. — Раз я сам с тобой не встречался, то мой интерес, вероятно, был бы несколько… акаде-

мическим. Но твоя мать все равно не дала бы никому покоя, — задумчиво добавил он.

— Да уж, давайте будем друг с другом честными, — горько сказал Марк.

— На другой основе ничего надежного не построишь, — холодно ответил граф. Марк вспыхнул. Он не мог не согласиться.

Дорога сначала шла вдоль ручья, потом — вброд через ручей, а потом взяла круто вверх по склону оврага. Какое-то время она, слава Богу, шла по ровной местности, петляя между деревьями. То тут, то там виднелись небольшие препятствия для лошадей, которые при желании можно было и обойти. Почему он так уверен, что Майлз всегда выбирал прыжок?

Лес дышал каким-то древним покоем: пятна солнечного света, высокие привезенные с Земли деревья и исконно барраярский кустарник создавали иллюзию полной уединенности. Если не знать о терраформировании, можно подумать, что вся планета — вот такая безлюдная пустыня. Они свернули на более широкую дорогу и пошли рядом.

Граф облизал губы:

— Кстати, о криокамере.

Марк вскинул голову, как та лошадь, когда

почуяла сахар. Служба безопасности ему ничего не говорила, граф ему ничего не говорил. Чуть не сойдя с ума от информационного вакуума, он в конце концов сломался и начал мучить расспросами графиню. Но даже она смогла сообщить только об отрицательных результатах. Сейчас Служба безопасности могла назвать уже более четырехсот мест, где криокамеры не было. Неплохо для начала. Четыреста спишем — остальная Вселенная в уме. Невозможно, бесполезно, глупо…

— Служба безопасности ее нашла.

Граф потер щеку.

— Что?! — Марк резко остановился. — Они ее вернули? Все позади! И где они… Почему вы…

Он вдруг осекся. Видимо, есть причина тому, что граф не сказал об этом сразу. И кажется, ему не очень-то хочется узнать, что это за причина. Лицо у графа было безрадостное.

— Она была пустая.

— Ох… Как… Не понимаю. — Он представлял себе множество вариантов развития событий, но такого — никогда. Пустая?! — Где?

— Агент Безопасности обнаружил ее в прейскуранте компании по продаже медоборудования на Ступице Хеджена. Пустую и заново отлаженную.

— И они уверены, что это именно она?

— Если номера, которые передала нам капитан Куин, правильные, то — да. Агент — один из самых наших талантливых ребят — просто без шума ее купил. Сейчас ее на курьерском корабле везут на Комарру для тщательного анализа. Не думаю, чтобы там осталось что анализировать.

— Но это улика. Наконец-то у нас есть подсказка! Компания должна вести учет, мы сможем проследить ее историю до… до…

До чего?

— И да, и нет. Цепочка обрывается на следующем же звене. Независимый поставщик, у которого они ее приобрели, похоже, принимал краденое.

— С Архипелага Джексона? Но ведь это сильно сужает область поиска!

— Гм-м. Не следует забывать, что Ступица Хеджена — действительно центр. Вероятность того, что криокамера с Архипелага Джексона была направлена в Цетагандийскую империю, а потом через Ступицу Хеджена обратно, не слишком велика… но существует.

— Нет. Вопрос времени.

— По времени это трудно, но возможно. Иллиан просчитал. Временное ограничение сводит район поиска всего к… девяти планетам, семнадцати

станциям и всем кораблям, которые находятся в полете между ними. — Граф поморщился. — Мне почти хочется, чтобы это оказался цетагандийский заговор. По крайней мере я был бы уверен, что гем-лорды знают или догадываются о ценности содержимого. Самое страшное — если камера попала в руки мелкого джексонианского воришки, который просто выкинул содержимое, чтобы перепродать оборудование. Мы заплатили бы выкуп… В десятки раз больший, чем стоимость криокамеры, за одно только тело. За Майлза… Сколько бы ни запросили. Меня просто сводит в ума мысль, что Майлз гниет где-то просто по ошибке!

Марк прижал ладони к вискам:

— Нет… Это безумие… безумие. У нас есть уже оба конца — не хватает только середины. Норвуд… Норвуд был предан адмиралу Нейсмиту. И он был сообразителен. Я видел его — недолго. Конечно, он не рассчитывал на то, что его убьют, но он не стал бы отправлять криокамеру наугад. — Уверен ли он в этом? Ведь Норвуд думал забрать камеру из места назначения самое большее через день. Если она попала… не важно куда… с какой-то малопонятной запиской вроде «оставьте у себя, пока за ней не заедут», а потом никто за ней

не заехал… — Она была заново отлажена до того, как ее получили на Ступице Хеджена или после?

— До.

— Тогда возможно, что в промежутке скрыт какой-то медицинский центр. Может, с криоустановками. Может… может, Майлза перевели в банки постоянного хранения.

Неидентифицированного и нищего? На Эскобаре такая благотворительность была бы возможной, но на Архипелаге Джексона?.. Почти исключено.

— Молю Бога, чтобы это было так. Таких центров не так уж много. Служба безопасности сейчас ими занимается. Но только… Простая механика очистки опустевшей камеры может быть проведена в лазарете любого корабля. Или в техническом отделе. Безымянную могилу найти труднее. А может, и не могилу. Может, он просто гниет, как отбросы…

Граф посмотрел на лес.

Марк был уверен, что он не видит деревьев. Он знал, что граф видит ту же картину, что и он сам: замороженное маленькое тело с разорванной грудью небрежно запихивают в мусоросжигатель. Задумаются ли они, кем был этот человек? И кто такие эти «они»? И как давно граф думает о

том же и каким образом ему еще удается идти и разговаривать?

— Вы давно это узнали?

— Мы получили рапорт вчера. Так что видишь… стало несравненно более важно узнать твою позицию. В отношении Барраяра.

Граф снова пошел по дороге, потом свернул на тропинку, которая круто поднималась вверх, туда, где деревья были выше, а подлесок — реже.

Марк с трудом поспевал за ним.

— Никто, будучи в здравом уме и трезвой памяти, не станет иметь никаких отношений с Барраяром. Они сбегут отсюда. Подальше.

Граф ухмыльнулся:

— Боюсь, ты слишком много разговаривал с Корделией.

— Да, ну… Она тут единственная со мной разговаривала.

Он догнал графа, который замедлил шаги.

Граф болезненно поморщился:

— Это правда. — Он зашагал вверх по крутой каменистой тропе. — Мне очень жаль. — Пройдя еще несколько шагов, он добавил: — Интересно, как мой отец реагировал, когда я шел на риск. Если так, как я, — он отомщен. Но тем более необходимо… знать…

Граф неожиданно остановился и сел, привалившись к стволу.

— Странно, — пробормотал он. Его лицо, разгоряченное от быстрого подъема, вдруг побледнело и покрылось испариной.

— Что? — испуганно спросил запыхавшийся Марк. Он уставился на графа, казавшегося таким странным в необычной перспективе.

— Кажется… мне лучше передохнуть.

— Очень кстати.

Марк опустился на камень. Граф молчал, и у Марка тревожно сжалось сердце.

«Что с ним? С ним явно что-то не то».

Небо стало ярко-синим, легкий ветерок вздыхал в кронах, медленно падали золотые листья…

— Это, — спокойно сказал граф, — не прободение язвы. Оно у меня уже было. Это совсем другое.

Он скрестил руки на груди. Дыхание его участилось.

«Что-то очень нехорошее».

Марк решил, что храбрый человек, изо всех сил старающийся скрыть страх, одно из самых пугающих зрелищ. Храбрый, но не глупый: граф не пытался, например, сделать вид, что все в порядке, и продолжить подъем.

— Вы плохо выглядите.

— Я себя плохо чувствую.

— Что с вами?

— Э-э… боюсь, боль в груди, — признался он с явным смущением. — По правде говоря, довольно сильная. Очень… странное… ощущение. Вдруг появилось после очередного шага.

— Это не может быть несварение желудка, а?

— Боюсь, что нет.

— Может, вам следует вызвать помощь по комму, — робко подсказал Марк. Уж он-то определенно ничем не поможет, если это что-то серьезное. А все говорит именно за это.

Граф хрипло рассмеялся:

— Я его не взял.

— Что?! Вы же премьер-министр, вам не положено ходить без…

— Я хотел, чтобы у нас был спокойный разговор, без помех. Ради разнообразия, чтобы помощники министра из Форбарр-Султана не донимали меня расспросами, где лежат их папки с текущими делами. Я раньше… делал это для Майлза. Иногда, когда дел становилось слишком много. Все просто с ума сходили, но в конце концов… они… смирились. — На последнем слове его голос сорвался. Он лег на спину, на подстилку из прелых

листьев. — Нет… Так не лучше.

Он протянул руку, и Марк, замирая от ужаса, помог ему снова сесть.

«Парализующий токсин… сердечная недостаточность… Я должен был остаться с вами наедине… Ждать на ваших глазах минут двадцать, пока вы будете умирать…»

Как это произошло? Черная магия? Может, он и правда запрограммирован и какая-то частичка его существа делает вещи, о которых сознание даже не подозревает, как при раздвоении личности?

«Неужели это сделал я? О Боже!»

Граф заставил себя улыбнуться.

— Не пугайся так, мальчик, — прошептал он. — Просто вернись к дому и пришли моих телохранителей. Это близко. Обещаю не двигаться.

И опять хрипло засмеялся.

«Я не следил за дорогой, когда мы поднимались. Я шел за вами».

Не сможет ли он нести?.. Нет. Марк не был медиком, но с леденящей ясностью осознавал, что пытаться двигать этого человека было бы огромной ошибкой. Даже при своей новой солидности он намного легче графа.

— Хорошо.

Заблудиться будет нелегко, так ведь?

— Вы… вы…

«Не смейте умирать. Только не сейчас!»

Марк повернулся и побежал трусцой, поскальзываясь и переходя, где можно, на бег. Направо или налево? Налево, вниз по широкой дороге. Но где они на нее вышли? Они пробились сквозь кустарник — но кустарник рос вдоль барьеров, и просветов в нем было штук пять. Вот барьер, который они миновали. Или нет? Они все похожи.

«Я заблужусь в этих проклятых лесах и буду кружить… двадцать минут, пока мозг у него не умрет, а он не похолодеет, и они все решат, что я это сделал специально…»

Он споткнулся, налетел на дерево и с трудом удержался на ногах. Ему вдруг показалось, что он — пес из мелодрамы, спешащий за помощью: прибежав, он сможет только лаять, скулить, валиться на спину… и никто его не поймет. Он уцепился за дерево, задыхаясь и затравленно озираясь. Кажется, мху полагается расти с северной стороны деревьев, или это только на Земле?.. А! Вот и ручей. Они шли вверх по течению или вниз?

«Ах, тупица, тупица, тупица!»

Закололо в боку.

Ура! Впереди показалась высокая женская фигура. Элен направляется обратно. Он не только не заблудился, но и нашел помощь! Он попытался крикнуть. Получился какой-то хрип, но Элен услышала, обернулась, увидела его и остановилась. Он заковылял к ней.

— Что на тебя нашло?

Холодное раздражение сменилось любопытством, к которому подмешивалась тревога.

Марк с трудом выговорил:

— Графу… стало плохо… в лесу. Можно… вызвать туда телохранителей?

Она нахмурилась и с подозрением спросила:

— Плохо? Как это? Час назад он был абсолютно здоров!

— Очень плохо, ради Бога, скорее!

— Что ты с ним… — начала Элен, но, заметив его смятение, остановилась. — В конюшне есть комм, это ближе всего. Где ты его оставил?

Марк неопределенно махнул рукой:

— Где-то… Не знаю, как вы называете… По дороге к месту для пикников. Так можно понять? Что, у вашей чертовой охраны нет сканеров? — Он заметил, что чуть не подпрыгивает с досады на ее медлительность. — У тебя ноги длиннее! Иди!

Элен наконец поверила и бросилась бежать.

Повернувшись, он снова помчался вверх, туда, где оставил графа. Может, лучше поискать убежище? Если угнать флайер и добраться до столицы, можно ли найти какое-нибудь галактическое посольство, которое предоставит ему политическое убежище?

«Она думает, что я… Они все решат, что я…»

Проклятие, он сам себе не доверяет, почему ему должны доверять барраярцы? Может, лучше сэкономить силы и прямо сейчас покончить с собой — здесь, в этом дурацком лесу? Но оружия нет, и скалы слишком низкие — не разобьешься.

Граф лежал на спине возле поваленного дерева. Дыхание прерывистое, руки сжаты. Очевидно, боль усилилась. Но он не умер. Пока не умер.

— Привет, мальчик, — с трудом проговорил граф.

— Элен побежала за помощью. — Марк посмотрел наверх, прислушался.

«Но их еще нет».

— Хорошо.

— Не надо… разговаривать.

Это заставило графа отрывисто засмеяться, что еще сильнее сбило ему дыхание.

— Только Корделии… удавалось… заставить меня заткнуться.

Но выговорив это, он замолчал. Марк благоразумно оставил последнее слово за ним.

«Живи! Не оставляй меня так!»

Сверху донесся знакомый свистящий звук. Элен решила проблему транспортировки — воздушный мотоцикл. Позади Элен, обхватив ее за талию, примостился мужчина в зеленом мундире Службы безопасности. Элен стремительно опустила мотоцикл через тонкие ветви, которые только затрещали. Ветви хлестали ее по лицу, оставляя на коже красные полосы, но она ни на что не обращала внимания. Когда до земли оставалось полметра, мужчина спрыгнул с мотоцикла.

— Отойди! — рявкнул он на Марка. По крайней мере у него хоть аптечка с собой. — Что ты с ним сделал?

Марк попятился поближе к Элен:

— Он врач?

— Нет, просто медик.

Медик поднял голову и сообщил:

— Это — сердце, но я не знаю, в чем дело. Не вызывайте сюда врача премьер-министра, пусть он встретит нас в Хассадаре. Незамедлительно. Думаю, нам нужна хорошая больница.

— Так. — Элен стремительно отдала приказы в

наручный комм.

Марк попытался помочь им устроить графа на воздушном мотоцикле — между Элен и медиком. Но тот гневно бросил Марку:

— Не прикасайся к нему!

Граф открыл глаза и прошептал:

— Эй! С парнем все в порядке, Джази! — Медик увял. — Все в порядке, Марк.

«Он же при смерти, черт возьми, и все равно думает о будущем. Он пытается отвести от меня подозрения».

— Флайер ждет на ближайшей прогалине, — Элен указала вниз. — Поспеши, если хочешь улететь с нами.

Мотоцикл медленно набрал высоту.

Марк мчался по склону, не упуская из виду движущуюся над деревьями тень. Они его опередили. Марк побежал быстрее, хватаясь на поворотах за стволы деревьев, ободрав ладони, и вылетел на широкую дорогу ровно в тот момент, когда медик Службы безопасности, Элен и телохранитель Пим закончили укладывать графа Форкосигана на заднем сиденье черного флайера. Марк ввалился в салон и уселся рядом в Элен. Фонарь моментально опустился. Пим сел за штурвал, они, кружась, набрали высоту и помчались на полной скорости

к Хассадару. Медик дал графу кислород и сделал инъекцию синэргина.

Марк никак не мог отдышаться. Джази с чисто медицинским интересом хмуро посмотрел на него, но постепенно его дыхание выровнялось. Марк обливался потом и весь дрожал. Последний раз ему было так жутко, когда стреляли люди Бхарапутры.

«Разве флайер рассчитан на такую скорость?»

Оставалось надеяться, что в воздухозаборники не попадает ничего крупнее жука.

Несмотря на синэргин, взгляд у графа начал туманиться от шока. Он отодвинул пластиковую кислородную маску, отмахнулся от медика и настоятельно поманил к себе Марка. Ему так требовалось что-то сказать, что лучше было ему это позволить, а не пытаться помешать. Марк опустился на колени у изголовья.

— Все… истинное богатство… биологическое, — доверительно прошептал граф.

Медик затравленно посмотрел на Марка, но тот только беспомощно пожал плечами.

— Кажется, он отключается.

Когда флайер приземлился на посадочной площадке Окружной больницы Хассадара, на них мгновенно набросилась небольшая армия

медперсонала, захватившая графа. Марка с Элен увели в комнату ожидания.

Вскоре туда заглянула медсестра с блокнотом и спросила у Марка:

— Вы — ближайший родственник?

Марк открыл рот, но остановился. Он действительно не в состоянии ответить.

— Графиня Форкосиган уже вылетела из Форбарр-Султана, — выручила его Элен. — Она будет здесь через несколько минут.

Это, похоже, удовлетворило медсестру, поскольку она мгновенно исчезла.

Элен оказалась права. Не прошло и десяти минут, как в коридоре прозвучали стремительные шаги. Графиня в сопровождении двух ливрейных телохранителей. Она буквально промелькнула мимо, только бросила Марку с Элен быструю успокаивающую улыбку. Неосведомленный доктор попытался ее остановить:

— Извините, сударыня, но посетителям…

— Нечего мне тут заливать, парень, я — твоя хозяйка, — отрезала Корделия.

Он поперхнулся, наконец разглядев ливрею телохранителей. До Марка с Элен донесся удаляющийся голос:

— Сюда, миледи.

— Она не шутит, — заметила Элен, иронически улыбаясь. — Медицинское обслуживание округа Форкосиганов — в числе ее главных интересов. Половина здешнего медперсонала служит ей по личной присяге в обмен на обучение.

Время тянулось мучительно медленно. Марк подошел к окну. Хассадар — новый город, наследник разрушенного Форкосиган-Вашнуй. Почти все дома построены после окончания Периода Изоляции. Рассчитанный на более современные средства передвижения, нежели повозки, запряженные лошадьми, он раскинулся широко, как города развитых миров Галактики. Кое-где в лучах утреннего солнца блестели небоскребы. Утреннего? Да, утреннего. А ведь казалось, с рассвета прошло не меньше столетия. Больница ничем не отличалась от скромного учреждения подобного рода, скажем, на Эскобаре. Официальная резиденция графа в Хассадаре была одной из немногих полностью современных вилл в перечне владений Форкосиганов. Графиня утверждала, что любит ее, но жила там, только когда приезжали в Хассадар по делам округа, так что вилла скорее походила на отель, чем на дом. Странно.

Укоротившиеся тени от небоскребов говорили

о приближении полудня, когда наконец за ними пришла графиня. Марк тревожно вгляделся в ее лицо. Вокруг усталых глаз залегли морщинки, но губы не искажены отчаянием. Значит, граф жив.

Графиня обняла Элен, кивнула Марку:

— Состояние Эйрела стабилизировалось. Его собираются переводить в Имперский госпиталь в Форбарр-Султане. Сердце сильно повреждено. Врач говорит, что показана трансплантация или механический протез.

— А где вы были утром? — спросил Марк.

— В штабе Службы безопасности. — «Логично». — Мы поделили работу. Двоим в шифровальной делать нечего. Эйрел тебе сказал, да? Он поклялся, что скажет.

— Да. Как раз перед тем, как ему стало плохо.

— Что вы делали?

По крайней мере не «Что ты с ним сделал?» Запинаясь, Марк пересказал события утра.

— Стресс, завтрак, пробежка по холмам, — подытожила графиня. — Готова спорить, что темп задавал он.

— Марш-бросок, — подтвердил Марк.

— Ага!

— Это тромб? — спросила Элен.

— Нет. Я знала, что артерии у него чистые — он

принимает лекарство, иначе бы это ужасное питание убило его давным-давно. Артериальная аневризма сердечной мышцы. Сосуд лопнул.

— Стресс, да? — переспросил Марк. — А давление у него было высокое?

Графиня сощурилась:

— Да, очень, но сосуд был ослаблен. Это все равно случилось бы в ближайшее время.

— Нет ли… от агентов были еще известия? — робко спросил он. — Пока вы там находились?

— Нет. — Корделия подошла к окну и невидящим взглядом уставилась на небоскребы Хассадара. — Такая находка… пошатнула наши надежды. По крайней мере это заставило Эйрела наконец попытаться найти с тобой контакт. — Молчание. — У него получилось?

— Нет… не знаю. Он водил меня по поместью, показывал. Он пытался. Он так пытался, что больно было смотреть.

Ему и сейчас было больно — комок боли застрял где-то в солнечном сплетении. По чьей-то там мифологии в этом месте живет душа.

— Получилось! — выдохнула она.

Это было слишком. Стекло, конечно, ударопрочное, но рука… Марк сжал кулак, замахнулся, ударил…

Графиня стремительно перехватила его руку. Агрессия испарилась.

— Оставь, — спокойно посоветовала она.

Глава 15

Большое зеркало в резной раме висело в холле рядом с библиотекой. Марк остановился, чтобы еще раз осмотреть себя перед тем, как предстать перед графиней.

Мундир младшего лорда дома Форкосиганов не скрывал формы его тела, ни старых уродств, ни новых, хотя когда он вставал очень прямо, кажется, костюм придавал ему некоторую несгибаемую солидность. Правда, стоило ему ссутулиться, и вся внушительность пропадала. Но мундир сидел уж как-то слишком хорошо. Это внушало определенную тревогу: восемь недель назад он был чуть свободным. Может, какой-нибудь аналитик Службы безопасности просчитал, насколько он прибавит в весе к сегодняшнему дню? С них станется.

Всего восемь недель назад? Казалось, он заключен здесь уже целую вечность. Конечно, это очень мягкое заключение, как в старину, когда офицеры, дав клятву, могли свободно ходить по крепости. Хотя с него никто никаких обещаний не брал. Может, его слово ничего не стоит? Он

поспешил в библиотеку.

Графиня сидела на обитой шелком кушетке, стараясь не помять длинное платье: что-то очень воздушное и бежевое, все расшитое медными и серебряными нитями, перекликавшимися с цветом ее волос, уложенных на затылке кольцами. Ни намека на черное или серое или еще на что-то, что могло бы подсказать ожидание траура: вызывающе элегантный наряд.

«У нас все в полном порядке, — словно говорил ее ансамбль. — И очень по-форкосигановски».

Увидев Марка, она улыбнулась. Он невольно улыбнулся в ответ.

— Ты прекрасно выглядишь.

— И вы тоже, — испугавшись, что это прозвучало слишком фамильярно, он поспешно добавил: — Сударыня.

Она чуть приподняла брови, но ничего не сказала. Марк подошел к соседнему креслу, но понял, что слишком взволнован, и не стал садиться, а облокотился на спинку.

— И как, по-вашему, они примут сегодняшнее? Ваши друзья-форы?

— Ну, ты определенно привлечешь их внимание, — вздохнула графиня. — Можешь не сомневаться. — Взяв небольшой коричневый

шелковый мешочек с вышитым на нем серебряным гербом Форкосиганов, она вручила его Марку. Вложенные в кошель тяжелые золотые монеты звякнули. — Когда ты вручишь его Грегору во время сегодняшней церемонии уплаты налогов вместо Эйрела, это послужит официальным заявлением, что мы приняли тебя как законного сына и что ты с этим согласен. Первый этап. Потом будет еще много других.

А в конце — титул графа? Марк нахмурился.

— Что бы ты ни чувствовал, чем бы ни кончился текущий кризис, пусть они не увидят, как ты трясешься. Вся эта система форства — чистый вымысел. Убежденность заразительна. Сомнение — тоже.

— Вы считаете систему форства иллюзией? — спросил Марк.

— Раньше считала. Теперь бы я назвала институт форов неким организмом, который, как все живое, должен непрерывно воссоздаваться. Я видела барраярскую систему неловкой, прекрасной, извращенной, глупой, благородной, раздражающей, безумной и поразительной. Почти всегда ей удается выполнять всю правительственную работу, что, как правило, и делает любая система.

— Так… вы ее одобряете или нет? — озадаченно

спросил он.

— Не думаю, что мое одобрение имеет какое-то значение. Империя — большая, обрывочная симфония, которую сочиняет комитет. Уже триста лет. А исполняет ее шайка музыкантов-любителей. Она обладает колоссальной инерцией и в основе своей очень хрупкая. Ее нельзя назвать совсем уж неизменной или не подверженной изменениям. Но она может раздавить тебя, как слепой слон.

— Очень мило.

Она улыбнулась:

— Сегодня мы не бросаем тебя одного. Там будут Айвен и твоя тетя Элис, и молодые лорд и леди Фортала. И другие, с кем ты здесь познакомился в последние недели.

Плоды мучительных обедов. Еще до болезни графа в резиденцию Форкосиганов постоянно приглашались избранные. Графиня Корделия настойчиво продолжала этот процесс, невзирая на то, что случилось неделю назад, — она упорно вела приготовления к сегодняшнему вечеру.

— Надо полагать, все будут выуживать информацию о состоянии Эйрела, — прибавила она.

— И что им говорить?

— Легче всего не запутаться, когда говоришь

правду. Эйрел находится в госпитале и ждет, пока ему вырастят сердце для пересадки. Пациент он трудный. Врач то грозится привязать его к постели, то выйти в отставку, если он не будет себя хорошо вести. В медицинские подробности вдаваться не нужно.

Подробности открыли бы, насколько серьезно болен премьер-министр. Разумеется, никаких подробностей.

— А что, если меня спросят о Майлзе?

— Рано или поздно, — она вздохнула, — если Служба безопасности не найдет его тело… рано или поздно придется официально сообщить о его смерти. Пока Эйрел жив, я предпочла бы, чтобы это было поздно. Никому, кроме самых высоких чинов Службы безопасности, императора Грегора и нескольких правительственных лиц, не известно, что Майлз не просто курьер Службы безопасности в сравнительно небольшом чине. Большинство из тех, кто будет о нем справляться, не слишком удивятся, что Служба безопасности не делится с тобой сведениями о том, куда он направлен и на какой срок.

— Гален как-то говорил… — начал Марк и замолчал.

Графиня пристально посмотрела на него:

— Ты сегодня много думаешь о Галене?

— Довольно много, — признался Марк. — К этому он меня тоже готовил. Мы прошли все основные церемониалы Империи, потому что он не мог сказать заранее, в какое именно время года удастся меня внедрить. День рождения императора, Парад середины лета, Зимнепраздник — все. Я не могу не думать о нем и о том, как он ненавидел Империю.

— У него были на то причины.

— Он говорил… что адмирал Форкосиган — убийца.

Графиня, вздохнув, села поудобнее:

— Да?

— Это так?

— Ты видел его. Что ты сам думаешь?

— Сударыня… Я сам убийца. Не мне его судить.

Она сощурилась:

— Справедливо. Так. Его военная карьера была долгой и непростой… и кровавой. И о ней немало написано. Но мне представляется, что Гален сосредоточился главным образом на убийстве в день Солнцестояния, когда погибла его сестра Ребекка.

Марк молча кивнул.

— Это офицер из политотдела барраярской экс-

педиции, а не Эйрел, отдал приказ. За это Эйрел казнил его собственными руками — когда узнал. К сожалению, без такой необходимой формальности, как трибунал. Так что одно обвинение с него снимается, но другое — нет. Так что — да. Он — убийца.

— Гален сказал, это было сделано, чтобы скрыть улики. Что существовал устный приказ, о котором знал только тот офицер.

— А откуда это мог узнать Гален? Эйрел говорит иначе. Я верю Эйрелу.

— Гален говорил, он — садист…

— Нет, — решительно ответила графиня. — Это — Джес Форратьер и принц Зерг. Их сторонников больше не осталось.

И улыбнулась странной непримиримой улыбкой.

— …сумасшедший.

— По бетанским меркам на Барраяре вообще нет нормальных. — Она посмотрела на Марка смеющимися глазами. — Включая и нас с тобой.

«Особенно меня». Он вздохнул:

— Гомосексуалист.

Она наклонила голову:

— Для тебя это важно?

— Это… играло большую роль, когда Гален меня

обрабатывал.

— Знаю.

— Правда? Черт… — Он что, для них прозрачный? Забавное порношоу? Правда, по графине не заметно, чтобы ее это забавляло. — Надо полагать, это было в сообщениях Службы безопасности.

— Они допросили с суперпентоталом одного из помощников Галена. Ларса, если это тебе что-нибудь говорит.

— Еще бы…

Он стиснул зубы. Ему не оставили ни капли человеческого достоинства.

— А если не думать о Галене, разве склонности Эйрела имеют значение? Для тебя?

— Не знаю. Правда — имеет.

— Да, конечно. Ну, правда… Я считаю, что он — бисексуал, но подсознательно мужчины его привлекают больше. Или, вернее — солдаты, а не мужчины вообще, как мне кажется. Я, по барраярским понятиям, ужасный сорванец и поэтому решила все его проблемы. Когда он впервые увидел меня, на мне был мундир и все происходило во время неприятного вооруженного конфликта. Он решил, что это любовь с первого взгляда. Я никогда не видела нужды объяснять ему, что дело просто в его потребностях.

Уголки губ чуть приподнялись.

— А почему? Или у вас тоже проснулись потребности?

— Нет, я совершенно расклеилась только через четыре-пять дней. Ну, через три. — От воспоминаний ее глаза засияли. — Жаль, что ты не видел его тогда, в сорок с небольшим.

Марк слышал, как графиня препарировала и его — в этой же библиотеке. Все-таки утешительно, что для ее скальпеля нет исключений.

«Дело не во мне. Она так разбирает каждого. Вот ужас-то!»

— Вы… очень откровенны, сударыня. А что обо всем этом думал Майлз?

Она нахмурилась:

— Он никогда ни о чем меня не спрашивал. Возможно, тот неприятный период в жизни Эйрела дошел до Майлза в искаженном виде, как нападки политических противников, и он не поверил.

— А почему вы рассказали мне?

— Ты спросил. Ты взрослый. И… тебе знать важнее. Из-за Галена. Чтобы между тобой и Эйрелом наладились отношения, надо, чтобы ты видел его не ложно возвеличенным и не ложно приниженным. Эйрел — великий человек. Я, бетанка, утверждаю это, но я не путаю величие

с безупречностью. Быть великим, несмотря ни на что, гораздо… большее достижение. — Она усмехнулась. — Это должно тебя ободрить. А?

— Хм-м. Перекрыть мне путь к отступлению, хотите вы сказать. Надо понимать так: какой бы я ни был сдвинутый, вы все равно будете ждать от меня чудес?

«Кошмар».

Она задумалась над его словами, потом безмятежно ответила:

— Да. Больше того, поскольку безупречных людей не бывает, все великие дела создавались из недостатков. И тем не менее каким-то образом они совершались.

Марк понял, что Майлз сумасшедший не только из-за отца.

— Я что-то не слышал, чтобы вы анализировали себя, сударыня. Кто бреет брадобрея?

— Меня? — Она улыбнулась. — Я — игрушка, мальчик.

Она уклонилась от ответа. Или нет?

— Игрушка любви? — небрежно спросил он, пытаясь развеять неловкость.

— Не только.

В глазах ее был зимний холод.

Влажные туманные сумерки плащом окутали

столицу, когда Марк с графиней направились в императорский дворец. Разряженный в самую что ни на есть парадную ливрею, неимоверно аккуратный Пим сидел за пультом управления. Еще с полдюжины телохранителей ехали следом — скорее почетный кортеж, чем охрана. Марк чувствовал, что они предвкушают приятный вечер. В ответ на какие-то его слова графиня сказала:

— Да, для них это скорее выходной. Служба безопасности полностью контролирует дворец. На подобных мероприятиях встречается избранное общество прислуги, и бывает даже, видный вассал знакомится с младшей форовской дочкой и женится на ней — если его послужной список достаточно хорош.

Они прибыли к императорскому дворцу — что-то вроде резиденции Форкосиганов, возведенной в восьмую степень. Липкий туман заставил их поспешить внутрь. Графиня строго по этикету взяла Марка под левую руку — жест пугающий и успокаивающий одновременно. Кто он — спутник или обуза? Как бы то ни было, он втянул живот и выпрямил спину.

Как ни странно, первый человек, которого они встретили в вестибюле, был Саймон Илли-

ан, одетый, согласно требованиям этикета, в красно-синий дворцовый мундир, придающий внушительность его худощавой фигуре. Впрочем, кругом было столько подобных мундиров, что он не выделялся. Но только у Иллиана на поясе висело настоящее боевое оружие — плазмотрон и нейробластер в потрепанных кобурах, а у офицеров-форов затупленные парадные клинки. В правом ухе шефа Безопасности поблескивал крупный наушник.

— Сударыня, — кивнув, Иллиан отвел их в сторону и, понизив голос, спросил у графини: — Вы навестили его сегодня, как он?

Кто такой «он» объяснять, разумеется, не требовалось. Графиня осмотрелась, проверяя, не может ли услышать их посторонний.

— Неважно, Саймон. Цвет лица плохой, сильные отеки. Иногда теряет ощущение действительности, что меня пугает больше всего. Хирург хотел избежать двойного шока и обойтись без установки механического сердца, пока они доращивают органический трансплантант до нужного размера, но, возможно, медлить уже нельзя. В любой момент может потребоваться операция.

— Как, по-вашему, мне следует к нему зайти?

— Нет. Как только ты войдешь, он сядет и попробует заняться делами. И стресс от попытки ни в какое сравнение не пойдет со стрессом от неудачи. — Она помолчала. — Если ты не заскочишь на секунду просто сообщить одну хорошую новость.

Иллиан беспомощно помотал головой:

— Мне очень жаль.

Марк решился нарушить молчание:

— А я считал, что вы на Комарре, сэр.

— Я был обязан вернуться. Обед в честь дня рождения императора — кошмар для Службы безопасности. Одной бомбы достаточно, чтобы ликвидировать все правительство. Впрочем, тебе это прекрасно известно. Я как раз был в пути, когда получил известие о… болезни Эйрела. Я бы вышел в космос и сам толкал корабль, если б это заставило его лететь быстрее.

— И… что на Комарре? Кто руководит… э-э поиском?

— Доверенный помощник. Теперь, когда, похоже, мы ищем только тело… — бросив взгляд на графиню, Иллиан замолчал. Корделия побледнела и нахмурилась.

«Они больше не ведут поиск в приоритетном режиме».

— И сколько ваших агентов работает на Архи-

пелаге Джексона?

— Столько, сколько можно туда отправить. Этот кризис, — дернув головой, Иллиан дал понять, что имеет в виду болезнь графа Форкосигана, — почти истощил мои ресурсы. Ты хоть представляешь себе, какое нездоровое оживление это вызовет на одной только Цетаганде?

— Сколько? — Вопрос прозвучал слишком резко и громко, но по крайней мере графиня не попыталась его утихомирить. Она наблюдала за происходящим с хладнокровным интересом.

— Лорд Марк, вы пока не имеете права требовать, чтобы вас ознакомили с самыми секретными диспозициями Службы безопасности!

Пока? Да нет, конечно же, никогда.

— Только просить, сэр. Но вам не удастся делать вид, будто эта операция меня не касается.

Иллиан как-то странно кивнул, прикоснулся к своему наушнику, на секунду сосредоточился и прощально махнул рукой графине.

— Вынужден просить извинения, сударыня.

— Желаю приятно провести время.

— Вам тоже.

Марк провел графиню по широкой лестнице, и они оказались в длинном зале: по одной стене ряд зеркал, по другой — высокие окна. Мажордом

у входа зычно объявил их имена и титулы.

Сначала Марк увидел только безликий, угрожающий калейдоскоп — словно сад с хищными цветами. Радуга мундиров различных форовских семейств, сильно разбавленная дворцовым красно-синим, затмевала даже великолепные наряды дам. Повсюду слышался шум голосов. Несколько человек сидели на тонконогих креслах у стены, словно принимая придворных. Между группками собравшихся ловко сновали слуги, предлагая подносы с закусками и напитками. Главным образом слуги. Но наверняка все эти весьма спортивные молодые люди в ливреях дворцовой прислуги — агенты Службы безопасности. А суровые немолодые стражи у входа в ливрее Форбарры — личные телохранители императора.

Марку показалось, что при их появлении толпа затихла, а все взгляды обратились на него, но он поспешил приписать это приступу параноийи. Правда, несколько голов действительно повернулось в их сторону, и разговоры в непосредственной близости от них прекратились. Немного привыкнув, он заметил Айвена Форпатрила с матерью — леди Элис Форпатрил, которая сразу же окликнула графиню Форкосиган.

— Корделия, милочка! — Леди Форпатрил оза-

боченно улыбнулась. — Ты должна ввести меня в курс. Люди спрашивают.

— Да, ну ты же знаешь, что надо делать, — вздохнула графиня.

Леди Форпатрил виновато кивнула и обратилась к Айвену, явно продолжая разговор, прерванный появлением Форкосиганов:

— Потрудись быть любезным с девицей Форсуиссонов, если представится случай. Это — младшая сестра Виолетты Форсуиссон, может, она тебе больше понравится. И Кассия Форгорофф будет здесь. Она впервые присутствует на Дне рождения императора. И Айрин Форташпуло — пригласи ее танцевать хотя бы один раз. Я пообещала ее матери. Право, Айвен, здесь сегодня будет столько подходящих девушек. Если бы ты только удосужился…

Две женщины взялись за руки и повернулись, ловко выключая Айвена с Марком из конфиденциального разговора. Решительный кивок графини Форкосиган напомнил Айвену, что сегодня на него опять возложены обязанности телохранителя. Вспомнив прошлый раз, Марк подумал, что в обществе графини был бы в большей безопасности.

— О чем это они? — спросил Марк. Мимо ше-

ствовал слуга с подносом. Последовав примеру Айвена, Марк тоже взял себе бокал и попробовал — белое сухое с привкусом чего-то цитрусового, довольно приятное.

— Ежегодный прогон скота, — поморщился Айвен. — Сегодня и в Зимнепраздник все коровы высшего форства выводятся на всеобщее обозрение.

Об этом аспекте церемониала в честь Дня рождения императора Гален никогда не упоминал. Марк сделал глоток побольше. Интересно. Значит, теперь он стал сильнее винить Галена за то, что тот о многом умолчал, чем за то, что заставил так много Марка выучить.

— Ну, на меня-то они не посмотрят, правда?

— Если учесть, каких жаб они целуют, — почему бы и нет, — пожал плечами Айвен.

«Ну, спасибо, Айвен».

Рядом с красно-синим великолепием высокого Айвена он, наверное, и правда напоминал приземистую коричневую жабу. Чувствовал он себя соответственно.

— Я в эти игры не играю, — твердо заявил он.

— Не очень-то надейся. Наследников графов всего шестьдесят, а непристроенных дочек — гораздо больше. Кажется, сотни. Как только

выплывет наружу, что сталось с беднягой Майлзом, все возможно.

— Ты хочешь сказать… мне не надо будет гоняться за женщинами? Если я буду просто стоять, они подойдут ко мне?

Или по крайней мере к его имени, положению и состоянию. Эта мысль принесла пугающее ободрение — если только такое сочетание возможно. Лучше пусть любят за положение в обществе, чем не любят вообще. Те надутые глупцы, которые уверяют, будто это не так, никогда не тосковали по человеческому прикосновению.

— Похоже, у Майлза это работало, — сказал Айвен с непонятной завистью. — Но мне никак не удавалось заставить его этим воспользоваться. Конечно, он не выносил, когда его отвергали. Моим девизом было «Попробуем еще раз», но он просто весь скисал и прятался в свою скорлупу на несколько недель. Он не любил приключений. А может, просто не жадничал. Имел тенденцию останавливаться на первой надежной женщине, которая встречалась. Сначала Элен, потом, когда с Элен сорвалось, — Куин. Хотя, наверное, я могу понять, почему можно остановиться на Куин.

Айвен одним глотком опустошил бокал и сразу же заменил его полным.

Марк напомнил себе, что адмирал Нейсмит — это второе «я» Майлза. Не исключено, что Айвену далеко не все известно о кузене.

— А, черт! — воскликнул Айвен, глядя поверх бокала. — Вон к нам нацеливают одну из маменькиного списка.

— Так ты ухлестываешь за девицами или нет? — спросил Марк, совершенно запутавшись.

— За теми, что здесь, ухлестывать нет смысла. Здесь «смотреть можно — трогать нельзя». Никаких шансов.

Очевидно, под «шансом» Айвен подразумевал секс. Как и множество других отсталых культур, где все еще существует зависимость от биологического размножения, а не от маточных репликаторов, барраярцы подразделяли секс на две категории: законный — в рамках контракта, когда получившееся потомство должно быть признано, и незаконный, то есть любой другой. Марк еще больше повеселел. Значит, сегодняшнее событие проходит в зоне сексуальной безопасности? Прекрасно, значит, можно обойтись без напряжения и страха.

Замеченная Айвеном молодая женщина в бледно-зеленом длинном платье приближалась к ним. Темнорусые волосы уложены в сложную

прическу из кос и завитков и украшены живыми цветами.

— И что же тебе не нравится вот в этой, например? — шепотом спросил Марк.

— Ты что, шутишь? — пробормотал Айвен. — Это в Кассии-то Форгорофф? Фитюлечке с лошадиной мордой, а вдобавок плоской, как доска?.. — Он замолчал, потому что девушка подошла достаточно близко, чтобы их услышать, и вежливо ей кивнул, довольно удачно скрывая досаду. — Привет, Касс.

— Здравствуйте, лорд Айвен, — взволнованно отозвалась она, одаряя его сияющей улыбкой. Пожалуй, лицо у нее было слишком длинное и фигура слишком тощая, но Марк решил, что Айвен чересчур привередлив. У нее была гладкая кожа, красивые глаза… Ну, вообще-то тут у всех женщин были красивые глаза — дело в хорошей косметике. И пьянящих духах. Ей наверняка не больше восемнадцати. Робкая улыбка растрогала Марка чуть ли не до слез: почему она так бессмысленно дарит ее Айвену?

«Никто никогда так на меня не смотрел. Айвен, ты просто свинья неблагодарная!»

— Вы рады будете потанцевать? — спросила она Айвена, явно напрашиваясь на приглашение.

— Не особенно, — пожал тот плечами. — Вечно одно и то же.

Девица завяла. Марк готов был биться об заклад, что это ее первый бал. Стой они на лестнице, Марк испытал бы сильный соблазн спустить с нее Айвена. Он откашлялся. Айвен взглянул на него и глаза его вдохновенно вспыхнули.

— Касси, — промурлыкал Айвен, — ты еще не знакома с моим кузеном, лордом Марком Форкосиганом?

Похоже, она только сейчас его заметила. Марк неуверенно улыбнулся. Она с сомнением посмотрела на него.

— Нет… Я слышала… Кажется, он не очень похож на Майлза…

— Да, — сказал Марк, — я не Майлз. Очень рад, леди Кассия.

Запоздало вспомнив о правилах приличия, она отозвалась:

— Очень приятно, лорд Марк, — и нервно кивнула. Цветы в прическе задрожали.

— Ну, вы пока знакомьтесь… Извините, мне надо найти одного человека…

Айвен махнул рукой коллеге в красно-синем мундире и ускользнул.

— Вы любите танцевать? — светским тоном

спросил Марк. Он так сосредоточился на том, чтобы запомнить все обязательные моменты церемонии выплаты налога и торжественного обеда, не говоря уж о списке «Кто есть кто», в котором находилось примерно триста имен и все начинались с «Фор», что почти не думал о том, что потом будет бал.

— Ну… вроде бы…

Кассия неохотно отвела взгляд от успешно отступившего Айвена, быстро посмотрела на Марка и тут же отвела глаза.

Он с трудом удержался и не спросил: «Вы часто здесь бываете?» Что говорить? «Как вам нравится Барраяр?» Нет, не годится. «Какой сегодня славный туман на улице?» И в голове у него тоже. «Помогите мне, барышня! Скажите хоть что-нибудь — что угодно!»

— А вы и вправду клон?

«Что угодно, но только не это!»

— Да.

— Ой! Боже!

Опять молчание.

— Очень многие люди — клоны.

— Только не здесь.

— О, да.

— Э-э… О! — На ее лице отразилось живейшее

облегчение. — Извините, лорд Марк. Я вижу, меня зовет мама…

Откупившись вымученной улыбкой, она поспешно ушла к важной матроне на другую сторону зала. Марк что-то не заметил, чтобы та ее поманила.

Он вздохнул. Ну, вот и конец приятной теории притягательности положения в обществе. Леди Кассия явно не рвется поцеловать жабу.

«Будь я на месте Айвена, я бы на голову встал ради девушки, которая так на меня смотрит».

— Вид у тебя задумчивый, — сказала графиня Форкосиган. Марк подпрыгнул от неожиданности.

— А-а… Айвен только что познакомил меня вон с той девушкой. Насколько я понимаю, он за ней не ухаживает.

— Да, я наблюдала эту сценку через плечо Элис Форпатрил. Я встала так, чтобы она ничего не видела — из соображений милосердия.

— Я… не могу понять Айвена. Мне она показалась достаточно милой девушкой.

Графиня Форкосиган улыбнулась:

— Они все милые девушки. Дело не в этом.

— А в чем?

— Ты не понял? Ну, может, ты просто не успел

их достаточно хорошо изучить. Элис Форпатрил — горячо любящая мать, но никак не может справиться с соблазном построить будущее Айвена. Айвен слишком благодушен — или слишком ленив, чтобы открыто сопротивляться. Поэтому он делает все, что она просит, — кроме того, чего она жаждет больше всего. Он отказывается жениться и дать ей внуков. По-моему, он выбрал неправильную стратегию. Если ему действительно хочется, чтобы на него перестали давить, то внуки бы поглотили все внимание бедной Элис. А пока она сходит с ума от страха всякий раз, как он садится за руль.

— Я ее понимаю, — заметил Марк.

— Иногда меня так и тянет хорошенько отшлепать его за эти игры, но только я не уверена, что он сам отдает себе отчет в том, что делает. Да и вообще, на две трети виновата тут сама Элис.

Марк наблюдал за тем, как леди Форпатрил настигла Айвена на другой стороне зала. Видимо, проверяет, как идут дела с ее списком.

— А вы, похоже, придерживаетесь достаточно сдержанной материнской политики, — не думая, проговорил он.

— Может… это было ошибкой, — чуть слышно сказала Корделия.

Марк поднял глаза и внутренне содрогнулся, поймав на мгновение во взгляде графини беспросветное отчаяние.

«Высказался. Идиот».

Она так стремительно отвела глаза, что он даже не посмел извиниться.

— Ну, не совсем уж сдержанной, — весело сказала она, снова беря его под руку. — Пошли, я продемонстрирую тебе барраярскую систему отношений.

И повела его по длинному залу.

— Как ты только что видел, сегодня здесь преследуются двоякие цели, — добродушно поучала графиня. — Политические — стариков и матримониальные — старух. Мужчины воображают, что их цели — единственные, но это всего лишь эгоистическое заблуждение. Вся система форства основана на женских играх. Старики в правительственных кабинетах тратят жизнь на споры за или против финансирования той или иной инопланетной военной технологии. А тем временем маточный репликатор проходит мимо их внимания, и они даже не сознают того, что спор, который коренным образом изменит будущее Барраяра, ведется сейчас их женами и дочерьми. Использовать или не использовать? Слишком

поздно не пускать репликатор на планету — он уже здесь. Средний класс вовсю им пользуется. Каждая мать, которая любит свою дочь, настаивает на этом, чтобы уберечь ее от физических опасностей, связанных с биологическим деторождением. Они воюют не со стариками, которые вообще ничего не замечают, а со старой гвардией своих же сестер, заявляющих своим дочерям примерно следующее: «Нам пришлось пострадать, так что извольте и вы!» Оглянись вокруг Марк! Перед тобой — последнее поколение мужчин и женщин Барраяра, которые танцуют этот танец по-старому. Система форства вот-вот изменится там, где меньше всего ожидает перемены, — в самой своей основе. Пройдет еще половина жизни поколения — и ее будет не узнать!

Марк почти готов был поклясться, что под спокойным ученым тоном графини скрывается яростно-мстительная радость. Но лицо ее оставалось все таким же бесстрастным.

К ним подошел молодой человек в капитанском мундире — его приветственный кивок равно предназначался графине и Марку.

— Главный церемониймейстер просит вашего присутствия, милорд, — пробормотал он. Казалось, и эта фраза была адресована в пространство

между ними. — Сюда, пожалуйста.

Покинув длинную приемную, они поднялись вверх по белой мраморной лестнице, украшенной богатой резьбой, а потом прошли по коридору в комнату ожидания, где уже находилось человек шесть графов или их представителей. За широкой аркой виден был Грегор в окружении небольшой группы людей, главным образом в красно-синем, но человека три были в темных министерских мантиях.

Император сидел на простой складной табуретке — даже не на стуле.

— Я почему-то ожидал увидеть трон, — прошептал Марк.

— Это символ, — тоже шепотом объяснила она. — Как и большинство символов, достался ему по наследству. Это — обычная складная офицерская походная табуретка.

Тут Марку пришлось расстаться с графиней: церемониймейстер увел его на положенное место в очереди. Место Форкосиганов. «Вот оно!» На мгновение он почувствовал неописуемый ужас: ему вдруг показалось, что он потерял мешочек с золотом… Но нет, вот он: по-прежнему надежно привязан к поясу. Вспотевшими пальцами он неловко отвязал шелковые шнурки.

«Это просто глупая церемония. Почему я так нервничаю?»

Так, повернуться, пройти вперед… Его сосредоточенность чуть было не нарушил раздавшийся за спиной шепот:

— Господи, Форкосиганы все-таки посмели!..

Так, еще шаг, приветствие, преклонить левое колено… Он протянул мешочек на раскрытой ладони правой руки и пробормотал положенные официальные формулы, чувствуя себя, словно под плазмотронным огнем взглядов собравшихся. Только потом он поднял глаза, чтобы встретиться взглядом с императором.

Грегор улыбнулся, взял мешочек и произнес столь же официальную формулу. Потом он передал кошель министру финансов в черной бархатной мантии и жестом велел министру отойти.

— Итак, вы здесь, лорд Форкосиган, — негромко произнес Грегор.

— Только лорд Марк! — поспешно взмолился Марк. — Я не лорд Форкосиган, пока Майлз не… не… — Ему вспомнилась обжигающая фраза графини: — Не истлел. Это ничего не значит. Граф с графиней этого хотели. Мне казалось, сейчас не время спорить.

— Это так. — Грегор печально улыбнулся. — Спасибо вам. А как вы сами поживаете?

Грегор был первым человеком, который спросил о нем самом, а не о графе. Марк изумленно моргнул. Но, конечно, Грегор может хоть каждый час требовать информацию о состоянии своего премьер-министра.

— Наверное, неплохо. — Он пожал плечами. — По крайней мере по сравнению со всеми остальными.

— Гм-м… Вы не воспользовались вашей карточкой. — В ответ на озадаченный взгляд Марка Грегор мягко пояснил: — Я дал ее вам не в качестве сувенира.

— Я… я не оказал вам никаких услуг, которые позволили бы мне чего-то у вас просить, сэр.

— Ваша семья заслужила практически неограниченный кредит. Вы можете им воспользоваться.

— Я ни о чем не просил.

— Знаю. Благородно, но глупо. Возможно, вы еще здесь приживетесь.

— Мне не нужны поблажки.

— Новое дело часто начинают, взяв в долг. А потом выплачивают — с процентами.

— Я уже один раз попробовал, — горько про-

говорил Марк. — Я взял взаймы дендарийских наемников — и потерпел крах.

— Гм-м… — Грегор еще раз улыбнулся и посмотрел за спину Марка — на толпу, несомненно, переполнившую комнату ожидания. — Мы еще поговорим. Приятного аппетита.

И его кивок превратился в императорский приказ удалиться.

Марк с трудом поднялся, отвесил положенный поклон и ушел туда, где его дожидалась графиня.

Глава 16

По завершении долгой и скучной церемонии выплаты налогов прислуга дворца подала обед на тысячу персон в семи залах — присутствующие занимали места в соответствии с рангом. Марк обнаружил, что сидит за столом чуть пониже главного, за которым сидел Грегор. Вино и замысловато приготовленные яства послужили отличным предлогом воздержаться от общения с соседями. Он старался пить и жевать как можно медленнее и все равно почувствовал, что опять переел, и голова уже кружилась от алкоголя. Присмотревшись, он заметил, что графиня при каждом тосте только пригубливает рюмку, и взял на вооружение ее стратегию. Жаль, он не заметил раньше, но по крайней мере ему удалось встать, а не выползти из-за стола, и стены кружились не слишком быстро.

«Могло быть и хуже. Например, выдержать все это, делая вид, что я — Майлз Форкосиган».

Графиня отвела его в бальный зал с причудливым паркетным узором: все было готово к началу танцев, но никто не танцевал. Оркестр из живых

исполнителей — одни мужчины, и все в военных мундирах — расположился в углу. Сейчас играли всего человек пять какую-то камерную музыку. Высокие двери были открыты прохладному ночному воздуху галереи. Марк про себя отметил дверь, как возможный путь к отступлению. Сейчас было бы невероятно оказаться одному, в темноте. Он даже начал скучать по своей каюте на борту «Перегрина».

— Вы танцуете? — спросил он у графини.

— Сегодня только один танец.

Ее слова вскоре стали понятны: появился император Грегор и с неизменной серьезной улыбкой вывел графиню, чтобы открыть бал. Когда мелодия повторилась, к ним присоединились и другие пары. Танцы форов были в основном чинные, торжественные: пары располагались группами, а не каждая поодиночке, и совершали множество сложных и очень труднозапоминаемых движений. Марк решил, что это очень соответствует здешнему образу жизни.

Оказавшись в одиночестве, Марк поспешно сбежал в соседнюю комнату, где музыка была не так слышна. Здесь он обнаружил столы с новыми закусками и бокалами. На мгновение он подумал, как хорошо было бы воспользоваться анестезиру-

ющими свойствами алкоголя. Зыбкое забвение…

«Ага, конечно. Публично напиться и устроить скандал». Графине сейчас только этого не хватает. Он и так уже много натворил.

Марк забился в оконную нишу. Похоже, этого оказалось достаточно, чтобы туда больше никто не совался. Прислонившись к стене и скрестив руки, он приготовился стойко ждать. Может, удастся уговорить графиню уехать пораньше, после первого танца. Но, похоже, она тут всех обрабатывает. Несмотря на кажущуюся веселость и общительность, он от нее сегодня не слышал ни единого слова, сказанного просто так, без всякой цели. Подобное самообладание, пожалуй, даже пугало.

Его настроение стало еще более мрачным, когда он задумывался о том, что означает та пустая криокамера. Графиня как-то сказала, что Служба безопасности не может быть везде. Черт побери! Считается, что Служба безопасности все знает и все видит! Именно это и значат мрачные нашивки с недремным оком на воротнике у Иллиана. Так, значит, репутация Службы безопасности — всего лишь пропагандистский трюк?

Одно несомненно. Сам Майлз из той криокамеры вылезти не мог. Интересно, он уже истлел и

рассыпался в прах или все еще заморожен? Но ведь где-то же должен существовать свидетель, или свидетели. Нить, веревочка, цепочка, связь, дорожка из кровавых хлебных крошек — хоть что-то! Что-то должно быть!

— Лорд Марк? — услышал он оживленный голос.

Марк перестал мрачно разглядывать носки своих ботинок и поднял взгляд, который уперся в дивное декольте, обрамленное малиновым шелком с белым кружевом. Нежная линия плеч, гладкие женственные формы, безупречная кожа — можно подумать, что это абстрактная скульптура, перевернутое топологическое изображение. Он вдруг вообразил, что уменьшился до размеров насекомого и шагает по этим мягким холмам и долинам босиком…

— Лорд Марк? — неуверенно спросила она.

Он поднял голову, надеясь, что в полумраке не так заметна невольная краска смущения, и сумел, как требует вежливость, посмотреть ей в глаза.

«Я не виноват, что такой низенький. Извините».

На лицо смотреть было не менее приятно: ярко-синие глаза, изящные губки. Головку окружал ореол пепельно-русых кудряшек. В соответствии

с обычаем в них были вплетены крошечные розовые цветы, принесенные в жертву ее великолепию. Но волосы оказались слишком короткими, и несколько цветочков вот-вот могли упасть.

— Да? — ответ прозвучал слишком резко. Неприветливо. Он попробовал загладить такое впечатление, добавив: — Леди?..

— О, — улыбнулась она. — Я вовсе не леди. Я — Карин Куделка.

Он нахмурился, припоминая:

— Вы — не родня капитану Клементу Куделке?

Это имя одного из главных офицеров, работающих с графом Эйрелом Форкосиганом, было включено в список Галена в качестве одной из жертв, буде предоставится возможность.

— Это мой отец, — с гордостью ответила она.

— О!.. Он здесь? — нервно спросил Марк.

Ее улыбка погасла.

— Нет. Ему в последнюю минуту пришлось уйти в Главный штаб.

— А!

Ну конечно. Было бы поучительно составить список тех, кто должен был сегодня прийти сюда, но не пришел из-за болезни премьер-министра. Будь Марк действительно вражеским агентом, как и предполагалось, то смог бы легко вычис-

лить ключевые фигуры из окружения Эйрела Форкосигана, и такая информация была бы более ценной, чем любая другая.

— Вы и правда совсем не похожи на Майлза, — сказала она, критически оглядывая его. Он весь напрягся, но все же удержался и не стал втягивать живот. — У вас кости шире. Здорово было бы посмотреть на вас вместе. Он скоро вернется?

«Она не знает. Не знает, что Майлз мертв, не знает, что это я его убил».

— Нет, вряд ли, — пробормотал он, а потом по-мазохистски спросил: — Вы тоже были в него влюблены?

— Я? — рассмеялась она. — Не имела возможности. У меня три старшие сестры, и все — выше меня. Они меня называют карлицей.

Его макушка находилась где-то на уровне ее плеча, что значило, что у нее обычный для барраярки рост. Ее сестры, видимо, были амазонками, как раз во вкусе Майлза. Аромат ее цветов — или ее кожи — укачивал его на легких, нежных волнах.

У Марка отчаянно сжалось сердце.

Она держалась дружелюбно, открыто, улыбчиво — только потому, что не знала, что он совершил. А если он соврет, если попробует, если

вдруг, вопреки всему он, как в самых пьяных грезах Айвена, пойдет прогуляться с этой девушкой и она пригласит его в поход по горам — что тогда? Насколько занимательно ей будет наблюдать, как он задохнется до полусмерти во всем великолепии своей нагой импотенции? Безнадежность, бессилие, беспросветность… От одного только предчувствия боли и унижения у него потемнело в глазах.

— Ах, уходите, ради Бога, — простонал он.

Синие глаза изумленно распахнулись.

— Пим предупреждал меня, что вы — бука… Ну, ладно…

Она пожала плечами и отвернулась, гордо вскинув голову.

Несколько крошечных розовых цветочков выскользнули и упали на пол. Марк судорожно подхватил их.

— Постойте!

Она обернулась, все еще хмурясь:

— Что?

— Вы потеряли цветы.

Он протянул их ей на сложенных лодочкой ладонях — расплющенные розовые комочки — и попытался улыбнуться. Улыбка, наверное, получилась такая же помятая, как цветы.

— О!

Она забрала их у него — длинные уверенные пальцы, короткие ненакрашенные ногти… вовсе не руки бездельницы, — посмотрела на цветы с некоторой растерянностью, словно не знала толком, как их закрепить обратно. В конце концов бесцеремонно продела их в кудряшки на макушке, совсем не так, как остальные, и еще более ненадежно, чем раньше.

«Говори хоть что-нибудь, иначе упустишь свой шанс!»

— У вас волосы короткие, не то что у остальных, — выпалил он. О, Господи, она решит, что это критика!..

— У меня нет времени с ними возиться.

Ее пальцы бессознательно зарылись в волосы, разбросав новую порцию цветов.

— А на что уходит ваше время?

— Главным образом на учебу. — Ее лицо понемногу оживилось. — Графиня Форкосиган обещала, что, если у меня результаты будут не хуже, чем сейчас, она на следующий год отправит меня учиться на Колонию Бета! — Блеск ее глаз по остроте уже мог бы сравняться с лазерным скальпелем. — И я это могу! Я всем докажу. Если Майлз делает то, что он делает, то и я смогу своего

добиться!

— А что вам известно о том, что делает Майлз? — спросил он, встревожившись.

— Ну, он же прошел через Военную академию, так? — Она вдохновенно подняла голову. — А все говорили, что он слишком хлипкий и болезненный, что все это впустую, что он просто умрет молодым. А потом, когда он своего добился, все стали говорить, что дело в отцовской протекции. Но он же окончил в числе лучших! Не думаю, чтобы его отец имел какое-то отношение и к этому.

Она уверенно кивнула, удовлетворенная своими аргументами.

«Но насчет ранней смерти они не ошиблись».

Ей явно ничего не известно о личной армии Майлза.

— А сколько вам лет? — спросил он.

— Восемнадцать.

— А мне… э-э… двадцать два.

— Знаю. — Она вгляделась в него с интересом, но не без опаски. А потом в ее глазах вдруг вспыхнуло понимание, и она понизила голос: — Вы очень тревожитесь о графе Эйреле, да?

В высшей степени милосердное истолкование его грубости.

— Граф — мой отец. — Фраза вышла по-майл-

зовски короткой. — Не считая прочего.

— Вы уже нашли здесь друзей?

— Мне… трудно сказать. — Айвен? Грегор? Его мать? Можно ли кого-то из них назвать его другом? — Я был слишком занят тем, что находил родственников. Родственников у меня прежде не было.

Ее брови изумленно поднялись.

— И друзей тоже?

— Да. — Странно это осознавать — странно и слишком поздно. — Не могу сказать, что мне не хватало друзей. У меня всегда были более насущные проблемы.

«И сейчас есть».

— У Майлза всегда была куча друзей.

— Я не Майлз, — огрызнулся Марк, задетый за живое. Нет, она не виновата — у него чуть ли не любое место больное.

— Это я вижу… — Она помолчала, слушая, как в бальном зале начинают играть новый танец. — Хотите потанцевать?

— Я ваших танцев не знаю.

— Это танец отражений. Его может танцевать любой, он нетрудный. Надо просто повторять все, что делает партнер.

Он оглянулся назад и вспомнил о высоких две-

рях, выходящих на променад.

— Может… может, на улице?

— Почему? Вы не сможете меня видеть.

— Но и меня тоже никто не сможет увидеть. — Тут к нему пришло новое подозрение: — Это моя мать вас попросила?

— Нет…

— Леди Форпартил?

— Нет! — Она засмеялась. — С чего им вдруг меня просить? Пошли, а то танец кончится! — Она схватила его за руку и решительно потащила за собой, рассыпав еще несколько цветов. Он подхватил пару бутонов и тайком спрятал в карман.

«Помогите, меня похищает энтузиастка!»

Можно себе представить ситуацию и похуже. Он натянуто улыбнулся.

— Вам не противно танцевать с жабой?

— Что?!

— Айвен сказал…

— А, Айвен! — Она равнодушно пожала белым плечиком. — Не обращайте на Айвена внимания, мы все так делаем.

«Леди Кассия, вы отомщены».

Марк еще немного повеселел, дойдя до средней степени мрачности.

Танец отражений был таким, как она обеща-

ла: пары стояли друг напротив друга, приседая, покачиваясь и ступая в такт музыке. Темп был побыстрее — не такой торжественный, как в парадных танцах, и к старшим присоединилось немало молодежи.

Чувствуя себя нелепым, Марк вышел за Карин и начал повторять ее движения, отставая примерно на полтакта. Как она и обещала, уже секунд через пятнадцать у него стало получаться. Он начал немного улыбаться. Пары постарше были совершенно серьезны и элегантны, но кое-кто из молодежи позволял себе больше вольностей. Один юный фор решил подразнить свою даму и на секунду приставил палец к носу. Она нарушила правила и не повторила его движения, но он великолепно передразнил возмущенное выражение ее лица. Марк рассмеялся.

— Ты совсем другой, когда смеешься! — Карин удивленно наклонила голову.

Он повторил наклон ее головы:

— В чем другой?

— Не знаю… Не такой… траурный. Когда ты прятался там, в углу, у тебя был такой вид, словно ты потерял лучшего друга.

«Если бы ты только знала!»

Карин покружилась — он тоже покружился.

Он отвесил ей преувеличенный поклон с удивленным, но довольным видом, она отвесила ему такой же. Зрелище при этом открылось великолепное.

— Мне просто необходимо снова вас рассмешить, — твердо решила она и совершенно серьезно пересказала ему подряд три неприличных анекдота. Кончилось тем, что он расхохотался главным образом из-за того, насколько они не соответствовали ее девическому облику.

— Где ты этого нахваталась?

— Естественно, от старших сестер, — пожала она плечиками.

Когда танец закончился, он искренне об этом пожалел. На этот раз инициативу захватил он и увел ее обратно в соседнюю комнату чего-нибудь выпить, а оттуда — на променад. После того как его сосредоточенность на танце прошла, он смущенно заметил, сколько народу на него смотрит, — и на этот раз дело не в мании преследования. Они слишком заметная пара: прекрасная Карин и жаба-Форкосиган.

На улице оказалось не так темно, как он надеялся. Из окон дворца вырывались потоки света, а туман рассеивал свет множества разноцветных фонариков в саду. Под каменной баллюстрадой

уходил склон, заросший почти по-лесному старыми кустарниками и деревьями. Серпантином спускались вымощенные каменными плитами дорожки, гранитные скамейки будто приглашали желающих помедлить. Но ночь выдалась холодной, и большинство предпочитало оставаться в залах — к счастью.

Обстановка в высшей степени романтическая — совершенно не для него.

«Почему я здесь оказался?»

Какой смысл пробуждать желания, которые он не может утолить? Даже смотреть на нее ему было больно. И все равно он придвинулся чуть ближе. От исходившего от нее аромата кружилась голова, сильнее, чем от вина и танца. Ее разгоревшаяся от движений кожа излучала тепло — в скопе снайпера она сейчас пылала бы факелом. Какая мрачная мысль. Похоже, для него смерть и секс связаны неразрывно. Ему стало страшно.

«Я разрушаю все, к чему прикасаюсь. Я не притронусь к ней».

Он поставил свой бокал на каменный парапет и сунул руки в карманы.

— Лорд Марк, — сказал она, пригубив вино, — вас можно считать гражданином Галактики. Если бы вы женились и собрались иметь детей,

вы захотели бы, чтобы ваша жена пользовалась маточным репликатором, или нет?

— А почему супружеская пара может вдруг решить не воспользоваться репликатором? — спросил он, ошеломленный столь неожиданным поворотом.

— Ну, например, чтобы она доказала ему свою любовь.

— Господи, дикость какая! По-моему, это может доказать только обратное — что он ее не любит. — Помолчав, он поинтересовался: — Это ведь был чисто теоретический вопрос?

— Ну… да.

— Я имел в виду — никто из ваших близких не ведет всерьез таких разговоров — например, ваши сестры?

— Нет, мои сестры еще не замужем. Но не из-за отсутствия предложений. Мама и па просто выжидают. Это стратегия.

— О?

— Леди Корделия так им посоветовала, после того как у них родилась вторая дочь. Вскоре после того, как она сюда иммигрировала, наступил период, когда стала распространяться галактическая медицина и можно было принять такую пилюлю, чтобы выбрать пол ребенка. И все на

какое-то время с ума посходили. Все заказывали мальчишек. В последнее время соотношение немного выравнялось. Но мы с сестрами пришлись как раз на середину настоящей засухи девочек. Сейчас мужчина, не поставивший в брачном контракте пункт о согласии на использование маточного репликатора, жены себе не найдет. Свахи даже не станут им заниматься. — Она хихикнула. — Леди Корделия сказала маме, что если она правильно разыграет свои карты, то все ее внуки могут иметь перед своим именем «Фор».

— Ясно, — изумленно моргнул Марк. — Ваши родители об этом мечтают?

— Вовсе нет, — пожала плечами Карин. — Но при прочих равных это — преимущество.

— Это… приятно знать… наверное. — Он посмотрел на бокал, но пить не стал.

Из бального зала вышел Айвен, увидел их и приветливо махнул, но прошел дальше. В руке у него был не бокал, а целая бутылка, и прежде чем направиться по дорожке в сад, он затравленно оглянулся.

Тут Марк отхлебнул вина:

— Карин… а я приемлем?

— Приемлем для чего? — Наклонив голову, она

улыбнулась.

— Для… для женщин. То есть — посмотри на меня! Прямо. Я действительно похож на жабу. Весь искорежен, и если в ближайшее время ничего не предприму, то стану поперек себя шире. И сверх того — я еще и клон!

Не говоря уж о проблеме с дыханием. Приняв все во внимание, вполне логично прямо сейчас броситься с парапета вниз головой.

— Ну, все это верно, — рассудительно ответила она.

«Черт побери, ты бы хоть из вежливости возразила!»

— Но ты же — клон Майлза. Значит, и мозги у тебя его.

— А мозги компенсируют все остальное? С точки зрения женщины?

— Не любой женщины. Только неглупой.

— Ты — неглупая.

— Да, но с моей стороны было бы нахальством так говорить. — Она ухмыльнулась и взъерошила свои кудряшки.

«И как это понимать?»

— Может, у меня и нет мозгов Майлза, — мрачно проговорил он. — Может, джексонианские врачи мне их притупили, чтобы я был послуш-

ным. Этим можно объяснить очень многое в моей жизни.

Вот еще одна неприятная идея, которая будет его преследовать.

Карин снова хихикнула:

— Не думаю, Марк.

Он иронично улыбнулся:

— Прямо. Без пощады.

— А теперь ты говоришь совсем как Майлз!

Из бального зала вынырнула молодая женщина в чем-то голубовато-шелковистом. Она была по-спортивному подтянута, ослепительно белокура и почти так же высока, как Айвен.

— Карин! — Она помахала рукой. — Мама хочет, чтобы мы все подошли к ней!

— Сейчас, Делия? — спросила Карин с явной досадой.

— Да. — Делия посмотрела на Марка с пугающим интересом, но, повинуясь дочернему долгу, ушла обратно.

Карин вздохнула, сняла руки с парапета, неловким жестом оправила платье и прощально улыбнулась.

— Очень приятно было познакомиться, лорд Марк.

— Я с большим удовольствием с вами разгова-

ривал. И танцевал.

И это было правдой. Он помахал рукой нарочито небрежно, и она исчезла в теплом свете дворца. Убедившись, что она скрылась, он опустился на колени, тайком подобрал розовые цветочки и убрал в карман.

«Она улыбнулась мне. Не Майлзу. Не адмиралу Нейсмиту. Мне самому. Марку».

Вот как все могло быть, если бы не фиаско в истории с клонами.

Теперь, оставшись один в темноте, он вдруг обнаружил, что на самом деле ему этого не так уж и хотелось. Он решил разыскать Айвена и направился следом за ним по садовой дорожке. К несчастью, дорожка разветвлялась. Он проходил мимо уединившихся парочек и несколько более солидных мужчин и женщин, которые зашли сюда просто спокойно поговорить или проветриться. Куда направился Айвен? Очевидно, не сюда — небольшой круглый балкончик оказался тупиком. Марк повернул обратно.

Кто-то шел за ним следом: высокий мужчина в красно-синем. Лица в темноте не видно.

— Айвен? — неуверенно проговорил Марк. Почему-то он был почти уверен, что это не Айвен.

— Так это ты форкосигановский клоун.

Голос не Айвена. Подвывание на слове «клон» подчеркнуло намеренность оскорбления.

Марк не шевельнулся.

— Тут ты не ошибся, — прорычал он. — А ты кто в этом цирке: дрессированный медведь?

— Я — фор.

— Это видно по низкому лбу и крохотному черепу. Что за фор?

Он чувствовал, что у него щетинятся волосы на затылке. В последний раз такое тошнотворное возбуждение он испытывал в тупике караван-сарая. Сердце забилось быстрее.

«Но он пока не угрожал — и он один. Подожди».

— Инопланетник. Ты понятия не имеешь о том, что такое честь фора! — проскрежетал незнакомец.

— Совершенно верно, — жизнерадостно согласился Марк. — По-моему, вы все сумасшедшие.

— Ты — не солдат.

— Опять-таки верно. Ну до чего мы сегодня сообразительные! Меня обучали исключительно убийствам. Смерть в темноте — моя специальность.

Он начал мысленно отсчитывать секунды.

Двинувшийся было вперед противник вдруг

отступил.

— Это точно, — прошипел он. — И времени ты зря не терял — уже обеспечил себе графство. Не слишком тонко для профессионального убийцы.

— А я — человек не тонкий.

Марк постарался собраться, но не двигаться. Никаких неожиданных жестов. Продолжай блефовать.

— Вот что я тебе скажу, маленький клоун, — говорящий опять так же оскорбительно перековеркал это слово, — если Эйрел Форкосиган умрет, ты на его место не встанешь!

— Ну, и тут ты снова прав, — промурлыкал Марк. — Только что это ты так раскипятился, зануда-фор?

«Вот черт. Он знает, что Майлз погиб. Откуда? Он из Службы безопасности?» Но насколько Марку удалось рассмотреть, в петлицах незнакомца не было Недремного ока — только знаки какого-то корабля. Судя по всему, с действительной. — А какое тебе дело до лишнего трутня, проживающего на фамильную стипендию в Форбарр-Султане? Сегодня я видел их тут целые стада — лакали на дармовщинку.

— Нахальничаешь.

— Пораскинь мозгами. — У Марка почти иссяк-

ло терпение. — Здесь ты никаких смертельных угроз не осуществишь. Это поставило бы Службу безопасности в неловкое положение. Не думаю, чтобы тебе хотелось раздражать Саймона Иллиана, кто бы ты ни был.

Он продолжал свой отсчет.

— Не знаю, какая у тебя, по-твоему, есть зацепка в Службе безопасности… — яростно начал неизвестный, но его прервали. Улыбающийся слуга в дворцовой ливрее показался на дорожке с подносом, уставленным бокалами. Очень рослый молодой человек.

— Не желаете ли выпить, джентльмены? — предложил он.

Безымянный фор бросил на него взбешенный взгляд:

— Нет, спасибо.

Резко повернувшись, он зашагал прочь. Ветви кустов закачались, стряхивая капли росы.

— А я выпью, спасибо! — весело отозвался Марк. С легким поклоном слуга подал ему поднос. Ради своего многострадального желудка Марк выбрал бокал с тем же легким вином, что он пил почти весь вечер. — Восемьдесят пять секунд. Время никудышное. Он мог бы три раза меня прикончить, а вы вмешались как раз в тот мо-

мент, когда разговор стал наконец интересным. Как вам удается отслеживать такие ситуации? Не может быть, чтобы за следящими устройствами дежурило столько народу, что прослушивали бы каждый разговор. Автоматический поиск ключевых слов?

— Канапе, сэр? — слуга невозмутимо повернул поднос другой стороной.

— Опять-таки благодарю вас. Кто был гордый фор?

Слуга взглянул на опустевшую дорожку:

— Капитан Эдвин Форвента. Он в увольнении, пока его корабль ремонтируется в орбитальных доках.

— Он не в Службе безопасности?

— Нет, милорд.

— Да? Ну, скажите своему начальнику, что я хотел бы переговорить с ним, как только у него будет возможность.

— Это будет лорд Фораронберг, управляющий кухней и погребами.

Марк ухмыльнулся:

— Ага, как же. Уходите, я и так уже пьян.

— Слушаю, милорд.

— До утра. А! Еще одно. Вы случайно не знаете, где я сейчас могу найти Айвена Форпатрила?

Молодой человек рассеянно посмотрел через край баллюстрады, словно к чему-то прислушивался, хотя никакого наушника у него заметно не было.

— В конце следующей тропинки, отходящей налево, около фонтана есть беседка. Попробуйте поискать его там.

— Спасибо.

Марк пошел по прохладному ночному туману в указанном направлении. Скоро до него донесся плеск фонтана. Около него стояло крошечное каменное строение: никаких стен, одни только арки.

В этом уголке сада было так тихо, что до него донеслось дыхание человека, находившегося в беседке. Только одного человека: слава Богу, он не уменьшит своей и без того минимальной популярности, прервав свидание. Но дыхание было странно хриплым.

— Айвен?

Наступило продолжительное молчание. Марк уже пытался решить, окликнуть ли Айвена снова или уйти на цыпочках, когда кузен неприветливо пробурчал:

— Чего?

— Я… просто не знал, что ты делаешь.

— Ничего.

— Прячешься от своей матери?

— Угу.

— Я… э-э… не скажу ей, где ты.

— Весьма признателен, — кисло ответил тот.

— Ну… пока. — Он повернулся, собираясь уйти.

— Погоди.

Марк остановился, недоумевая.

— Выпить хочешь? — предложил Айвен после длинной паузы.

— Э-э… конечно.

— Ну, заходи.

Марк нырнул в беседку и остановился, чтобы глаза привыкли к темноте. Обычная каменная скамья, на ней сидит Айвен. Кузен протянул блеснувшую бутылку, и Марк долил свой бокал, запоздало обнаружив, что Айвен пьет не вино, а что-то вроде бренди. Коктейль оказался довольно мерзким. Он уселся на пол, прислонившись к каменной колонне, и поставил бокал рядом с собой. Айвен обошелся без такой формальности, как бокал.

— А ты доберешься до своей машины? — с сомнением спросил Марк.

— А зачем? Дворцовая прислуга вывезет меня утром, вместе с остальным мусором.

— О! — Глаза привыкли к темноте, и Марк разглядел сверкающее шитье на мундире Айвена и начищенные до блеска сапоги. Отблески света от его глаз. И блеск влажных дорожек на щеках. — Айвен, ты… в порядке?

— Я, — твердо заявил Айвен, — решил напиться.

— Вижу. А почему?

— Никогда не напивался в день рождения императора. Это популярный подвиг. Все равно что кого-нибудь трахнуть в дворцовом саду.

— Неужели кто-то это делает?

— Иногда. На спор.

— До чего забавно для Службы безопасности.

Айвен насмешливо фыркнул:

— Да, это есть.

— Так с кем ты поспорил?

— Ни с кем.

Марк почувствовал, что у него скоро закончатся пытливые вопросы, чего не скажешь об односложных ответах Айвена.

Но тут Айвен вдруг сказал из темноты:

— Мы с Майлзом почти каждый год бывали тут вместе. Я… удивился, до чего мне не хватает безжалостных комментариев этого паскудника. Он вечно меня смешил.

Айвен засмеялся. Звук получился странный и совершенно неубедительный. Он тут же замолчал.

— Тебе сказали, что нашли криокамеру, да? — догадался Марк.

— Угу.

— Когда?

— Несколько дней назад. Я с тех пор все время об этом думаю. Плохо.

— Да. — Марк замолчал. Айвена трясло. — Хочешь… вернуться домой и лечь спать?

— Мне теперь в гору не подняться. — Айвен пожал плечами.

— Я дам тебе руку. Или подставлю плечо.

— Ладно.

Не без труда он поднял Айвена на ноги и они начали пробираться вверх по крутому склону сада. Марк не знал, какой милосердный ангел из Службы безопасности занимался передачей вестей, но у дворца их встретила не мать Айвена, а его тетка.

— Он… э-э… — Марк не знал, что говорят в таких случаях. Айвен тупо озирался.

— Вижу, — ответила графиня.

— Мы можем дать телохранителя, чтобы отвезти его домой. — Айвен бессильно обвис, и у

Марка подогнулись колени. — Лучше даже двух.

— Да… — Графиня прикоснулась к красивой булавке с коммом, приколотой к лифу. — Пим?

Избавившись от Айвена, Марк облегченно вздохнул. Облегчение переросло в благодарность, когда графиня заметила, что им тоже пора уезжать. Через несколько минут Пим привел машину графа к выходу, и испытание закончилось.

Ради разнообразия графиня по дороге домой почти все время молчала, измученно откинувшись на спинку сиденья и закрыв глаза. Она не задала ни одного вопроса.

В вымощенным черно-белыми плитками вестибюле графиня отдала служанке накидку и направилась налево, в библиотеку.

— Извини, Марк. Я буду звонить в госпиталь.

У нее был такой усталый вид!

— Но вам наверняка сообщили бы, сударыня, если бы в состоянии графа произошли какие-то изменения.

— Я буду звонить в госпиталь, — бесстрастно повторила она. — Иди спать, Марк.

Он остановился у двери в свою комнату. Уже глубокая ночь. Коридор пуст. Тишина огромного дома навалилась на него. Внезапно он повернулся и прошел дальше, к комнате Майлза. У двери он

снова остановился. За все недели, проведенные на Барраяре, он ни разу не осмелился сюда войти. Его не приглашали. Он нерешительно повернул старинную ручку. Дверь оказалась не заперта.

Он нерешительно вошел и включил свет. Спальня была просторной, если учесть причудливую архитектуру. Соседнюю комнатку, где в прежние времена спал камердинер, давно превратили в ванную. На первый взгляд комната казалась чуть ли не разоренной — такая она была пустая, аккуратная и чистая. Видимо, все детское барахло было сложено в коробки и отправлено на чердак в очередном припадке взрослости. Марк подозревал, что чердаки резиденции Форкосиганов могут оказаться совершенно потрясающими.

И все же следы владельца остались. Он медленно прошел по комнате, спрятав руки в карманы, словно посетитель музея.

Естественно, большая часть оставшихся сувениров говорила об успехах. Диплом Военной академии и офицерский патент были вполне ожидаемыми, хоть и непонятно, почему между ними под стеклом повешен потрепанный устав метеорологической службы. Витрина со старыми призами по конному спорту, похоже, скоро тоже отправится на чердак. Половина стены была

отведена под громадную коллекцию книжных дисков и видео, тысячи названий. Сколько из них Майлз на самом деле прочел? Любопытствуя, он снял со стены считывающее устройство и проверил в нем наугад три диска. У каждого на полях оказалось хотя бы несколько заметок или переводов трудных слов — следы Майлза. Марк бросил проверку и пошел дальше.

Один предмет был ему знаком лично: старинный кинжал, унаследованный Майлзом от генерала Петера. Марк решился снять его со стены и проверить остроту клинка и удобство рукояти. И когда же за последние два года Майлз перестал таскать его с собой? Он осторожно вложил кинжал в ножны и вернул на полку.

Одно из стенных украшений было ироничным, личностным и очевидным: старый экзоскелет для ноги, перекрещенный, на музейный манер, с форской шпагой. Наполовину шутка, наполовину вызов. И то и другое устарело. Дешевая фотонная репродукция страницы из старинной книги помещена в немыслимо дорогостоящую серебряную рамку. Без контекста отрывок трудно было понять, но, похоже, какая-то допереходная религиозная чушь: что-то о пилигримах, горе и городе в облаках. Марк толком не разобрал, к

чему это: никто никогда не подозревал Майлза в религиозности. Но тем не менее текст был явно ему важен.

«Некоторые из этих сувениров не награды, — понял Марк. — Это — уроки».

На прикроватной тумбочке лежала коробка с альбомом голографических портретов. Марк сел и включил ее. Он ожидал увидеть лицо Элли Куин, но на первом видеопортрете оказался высокий, хмурый и удивительно уродливый мужчина в ливрее дома Форкосиганов. Сержант Ботари, отец Элен. Он стал смотреть дальше. Следующей шла Куин, потом Ботари-Джезек. Родители, конечно. Лошадь Майлза, Айвен, Грегор — а потом целая вереница лиц и фигур. Он стал переключать их все быстрее и быстрее, не опознавая даже трети. После пятидесятого лица он остановился, устало потирая лоб.

«Он не человек, а толпа». Так. Он согнулся, полный боли, спрятав лицо в ладони. «Нет. Я не Майлз».

Комм-пульт Майлза была засекреченным, не хуже того, что у графа в библиотеке. Марк подошел и стал изучающе осматривать, засунув руки в карманы. Кончики пальцев нащупали смятые цветочки Карин Куделки.

Он вытащил их, разложив на ладони, а потом в припадке отчаяния смял и швырнул на пол. А уже в следующую минуту ползал по ковру, отчаянно подбирая лепестки.

«Кажется, я сошел с ума».

Стоя на коленях на ковре, он разрыдался.

В отличие от бедняги Айвена, его отчаянию никто не мешал, чему он был несказанно рад. Мысленно он извинился перед кузеном, хотя очень вероятно, что наутро Айвен и не вспомнит о его несвоевременном появлении. Он попытался успокоиться. Голова раскалывалась.

Десять минут задержки в медкомплексе Бхарапутры все решили. Успей они на десять минут раньше к катеру, бхарапутряне не смогли бы его взорвать — и будущее стало бы совсем иным. В его жизни было много тысяч десятиминутных интервалов, незаметных и не имевших никаких последствий. Но тех десяти минут хватило, чтобы превратить его из потенциального героя в ненужный хлам. И ничего уже не изменишь.

Может, как раз в этом и заключается дар командира: распознать решающие минуты среди многих и многих минут в ужасающей сумятице боя? Рискнуть всем, чтобы поймать именно эти золотые мгновения? Майлз обладал этим удиви-

тельным даром своевременности. И мужчины и женщины следовали за ним и складывали к его ногам свою веру — только за это.

И вот однажды его дар не сработал…

Нет. Он кричал, чтобы они не задерживались. Он совершенно правильно определил момент. Роковым образом его задержали чужие ошибки.

Марк с трудом встал с пола, умыл лицо в ванной, вернулся и сел за комм-пульт. На первый уровень секретности впускал отпечаток ладони. Механизму его ладонь не понравилась: ставшие шире кости и отложения подкожного жира начали сильно искажать отпечаток. Но не полностью, не до конца: с четвертой попытки отпечаток был принят. Следующий уровень требовал кодов, но ему достаточно было и первого: частный, пусть и незашифрованный вызов Службы безопасности.

Механический автоответчик Службы почти мгновенно перебросил его дежурному оператору.

— Мое имя — лорд Марк Форкосиган, — сообщил он ночному дежурному в чине капрала. — Я хочу поговорить с Саймоном Иллианом. Надо полагать, он все еще в императорском дворце.

— Это срочное дело, милорд? — спросил капрал.

— Для меня — да, — прорычал Марк.

Что бы капрал ни думал по этому поводу, он соединил Марка со своим начальством. Правда, сперва Марку пришлось пробиться еще через два уровня подчиненных. При виде Иллиана Марк судорожно сглотнул:

— Капитан Иллиан.

— Да, лорд Марк, в чем дело? — устало осведомился Иллиан. Для Службы безопасности ночь явно выдалась нелегкой.

— Сегодня вечером у меня состоялся интересный разговор с неким капитаном Форвентой.

— Я в курсе. Ты высказал несколько не слишком завуалированных угроз.

А Марк-то решил, что слугу-охранника прислали, чтобы защитить его!

— И у меня возник вопрос к вам, сэр. Капитан Форвента находится в списке тех, кто может знать о Майлзе?

Иллиан прищурился:

— Нет.

— Ну, а он знает.

— Это… очень интересно.

— Вам полезно это знать?

Иллиан вздохнул:

— У меня теперь одной тревогой больше. Отку-

да произошла утечка? Придется выяснять.

— Но… лучше знать.

— О, да.

— Могу ли я попросить об одолжении?

— Возможно. — Ответ прозвучал чрезвычайно уклончиво. — Что за одолжение?

— Включите меня. В розыск Майлза. Наверное, я хотел бы начать с просмотра ваших результатов. Что потом — не знаю. Но я больше не могу находиться в неведении.

Иллиан посмотрел на него с глубоким подозрением.

— Нет, — ответил он наконец, — я не позволю тебе резвиться в моих сверхсекретных файлах, спасибо большое. Спокойной ночи, лорд Марк.

— Постойте, сэр! Вы же жаловались на нехватку людей. Вы не можете отказать добровольцу.

— И что, по-твоему, ты сделаешь такого, чего не сделала Служба безопасности? — огрызнулся Иллиан.

— В том-то и суть, сэр, не сделала! Вы не нашли Майлза. Меньшего не сделать даже мне.

Увидев, как лицо Иллиана темнеет от гнева, Марк понял, что говорит не слишком дипломатично.

— Спокойной ночи, лорд Марк, — процедил

Иллиан сквозь зубы и резко прервал связь.

Марк замер. В доме было так тихо, что казалось, он слышит пульсирование крови в висках. Следовало бы напомнить Иллиану, как умно он себя вел, как быстро все схватил: Форвента показал все, что знает, но сам Марк не признал, что знает то, о чем знает Форвента. Теперь расследование Иллиана может застать доносчика — кто бы он ни был — врасплох.

«Разве это ничего не стоит? Я не так глуп, как все вы думаете. А ты, Иллиан, не так умен, как я думал. Ты не… непогрешим».

Это его встревожило. Почему-то он ожидал, что Служба безопасности не имеет недостатков: это давало надежную картину мира. И Майлз непогрешим. И граф с графиней. Все — непогрешимы, недоступны смерти. Все — из резины. Единственная реальная боль — его собственная.

Он вспомнил, как плакал Айвен в темноте. Как в лесу умирал граф. Маска графини была более надежной. Вынужденно. Ей приходится прятать гораздо больше. А сам Майлз… он создал даже целую личность, чтобы прятаться в ней…

Загвоздка в том, решил Марк, что он в одиночку пытался быть Майлзом Форкосиганом. Даже сам Майлз не пытался так быть Майлзом. Он набрал

себе целую труппу. Труппу из тысяч людей.

«Неудивительно, что мне за ним не угнаться».

Медленно, нерешительно Марк расстегнул китель и, достав из внутреннего кармана карточку Грегора, выложил ее на пульт. Он пристально всмотрелся в гладкий кусочек пластика, словно на нем было шифрованное послание, доступное только ему одному. И ему даже показалось, что так оно и есть.

«Ты знал. Ты знал это, да, Грегор? Подонок! Ты просто ждал, когда я сам до этого додумаюсь».

С судорожной решимостью Марк засунул карточку в щель комм-устройства.

На этот раз никаких автоответчиков. Мужчина в гражданском ответил сразу же, но не называя себя:

— Да?

— Я — лорд Марк Форкосиган. Я должен быть у вас в списке. Мне надо поговорить с Грегором.

— Прямо сейчас, милорд? — мягко спросил мужчина, протягивая руку к каким-то кнопкам.

— Да. Сейчас. Пожалуйста.

— Соединяю. — И он исчез.

Пластина осталась темной, но из усилителя послышалась мелодичная трель. Она не смолкала довольно долго. Марк начал паниковать. А что

если… Но трель оборвалась. Послышались непонятное звяканье и невнятный голос Грегора:

— Да?

Никакого изображения.

— Это я. Марк Форкосиган. Лорд Марк.

— Угу?

— Вы разрешили вам позвонить.

— Да, но… — Короткая пауза. — Черт, в пять утра! Марк!

— О! Вы спали? — отчаянно вскрикнул он, подался вперед и легонько ударился головой о твердый прохладный пластик пульта.

«Я не вовремя. Как всегда».

— Боже, вы это сказали совсем как Майлз, — пробормотал император. Пластина заработала и появилось изображение Грегора, включившего свет. Он находился в полутемной спальне и был только в просторных черных шелковых пижамных брюках. Он всмотрелся в Марка, словно проверяя, не говорит ли он с призраком. Император сделал глубокий вдох и прогнал сон. — Что вам нужно?

Какая милая лаконичность. Если отвечать подробно, то не хватит и шести часов.

— Мне нужно, чтобы меня включили в розыски Майлза. Иллиан меня не допускает. Вы можете

ему приказать.

Грегор на секунду застыл, а потом коротко рассмеялся, приглаживая взлохматившиеся от сна волосы.

— Вы его просили?

— Да. Только что. Он мне отказал.

— Гм-м, да… его обязанность — быть осторожным вместо меня. Чтобы мои суждения оставались объективными.

— Объективно, сэр. Ваше величество! Включите меня!

Грегор пристально рассматривал его, растирая щеку.

— Да… — медленно протянул он спустя некоторое время. — Давайте… посмотрим, что получится.

Взгляд у него был уже совсем несонный.

— Вы позвоните Иллиану прямо сейчас, ваше величество?

— Что это — накопившееся желание? Плотина прорвалась?

«И я полился, как вода…» Откуда эта цитата? Ужасно похоже на графиню.

— Он еще не спит. Пожалуйста, ваше величество! И пусть свяжется со мной через этот комм и подтвердит. Я буду ждать.

— Хорошо. — Губы Грегора изогнулись в странной улыбке. — Лорд Марк.

— Спасибо, ваше величество. Э-э… доброй ночи.

— Доброе утро.

Грегор отключил связь.

Марк ждал. Секунды растянулись. Начиналось похмелье, но и опьянение еще не прошло. Наихудшая комбинация. Он начал дремать, когда комм наконец дал сигнал, и он чуть не слетел со стула.

Он стремительно включил связь:

— Да. Сэр?

Возникло демонически мрачное лицо Иллиана.

— Лорд Марк. Если вы сегодня утром явитесь в штаб-квартиру Службы безопасности к началу обычного рабочего дня, то вам будет разрешено просмотреть файлы, о которых у нас с вами шла речь.

— Спасибо, сэр, — искренне сказал Марк.

— Это через два с половиной часа, — заметил Иллиан. Марк решил, что некий садизм, прозвучавший в его словах, вполне оправдан.

— Я приду.

В ответ Иллиан только чуть прикрыл глаза и

исчез.

Проклятие через благие намерения — или только милость? Марк задумался о милости Грегора.

«Он знал. Знал раньше меня».

Лорд Марк Форкосиган — реальный человек.

Глава 17

Ровный утренний свет позолотил остатки ночного тумана, и в осенней дымке Форбарр-Султан казался сказочным городом. Кубическая громада Имперской службы безопасности — без окон, с огромными дверями — явно проектировалась с расчетом на то, чтобы подавить неразумного посетителя, дерзнувшего приблизиться к ней. Марк решил, что в данном случае этот эффект совершенно излишний.

— Кошмарная архитектура, — заметил он.

Пим, сидевший за рулем графского лимузина, жизнерадостно кивнул.

— Самое уродливое здание во всем городе. Построено по проекту главного архитектора императора Ури Безумного лорда Доно Форратьера. Дяди покойного вице-адмирала. До убийства Ури он успел воздвигнуть пять крупных сооружений — только потом его удалось остановить. Муниципальный цирк стоит на втором месте, но снести его нельзя: денег нет. Так что мы уже шестьдесят лет как не можем от него избавиться.

— Тут явно должны быть подвальные темницы.

Со стенами, выкрашенными в зеленый цвет. Где работают врачи, лишенные моральных устоев.

— А они тут были, — ответил Пим.

Проехав мимо охранников, он остановил машину у огромной лестницы.

— Пим… По-моему, эти ступеньки слишком высокие.

— Да, — ухмыльнулся телохранитель. — Если попробовать подняться по ним не останавливаясь, ногу сведет обязательно. Но если обойти здание слева, там есть дверь. И вестибюль с лифтовой шахтой. Вот там все и входят.

— Спасибо. — Марк вылез из машины. — А что случилось с лордом Доно после того, как свергли Ури Безумного? Надеюсь, его все же прикончила Лига защиты архитектуры?

— Нет, он уехал в провинцию, сел на шею дочери и зятю и помер совсем психом. Он в их поместье построил такие странные башни, что теперь туда пускают за деньги.

Помахав Марку на прощание, Пим уехал.

Марк, как было указано, пошел налево. Вот он и тут. С утра пораньше, бодренький… Ну ладно, по крайней мере хоть с утра пораньше.

Перед поездкой Марк принял душ и выпил столько болеутоляющих средств от похмелья и

стимуляторов, что теперь выглядел почти нормально.

В вестибюле он подошел к охране:

— Я — лорд Марк Форкосиган. Меня ждут.

— Как же, как же, — проворчал кто-то из лифтовой шахты и оттуда появился Саймон Иллиан собственной персоной. Охранники вытянулись по стойке «смирно», а Иллиан совсем не по-военному махнул им рукой. Иллиан успел принять душ и снова надел свой зеленый мундир. Марк подозревал, что на завтрак шеф СБ тоже ел пилюли. — Спасибо, сержант, я его отведу наверх.

— До чего неприятное здание, — вежливо заметил Марк.

— Да, — вздохнул Иллиан. — Как-то раз я был в помещении Инвестигейтив Федераль на Эскобаре. Сорок пять этажей, сплошное стекло… Никогда мне еще так не хотелось эмигрировать. Доно Форратьера следовало придушить в колыбели. Но… теперь оно мое.

Иллиан провел его глубоко в… да, Марк решил, что у этого здания действительно есть чрево. Нутро Службы безопасности. Шаги гулко разносились по коридору, в который выходили двери крохотных комнаток. В самом конце коридора стояла кофеварочная машина. Иллиан наверняка

не случайно подвел его к двери под номером тринадцать.

— В комм загружены все полученные мною доклады, связанные с поисками лейтенанта Форкосигана, — неприветливо сказал Иллиан. — Если ты считаешь, что справишься лучше, чем мои аналитики, — пожалуйста, пробуй.

— Благодарю вас, сэр. — Марк сел в рабочее кресло и включил комм. — Вы неожиданно щедры.

— У вас не должно быть жалоб, милорд. — Это прозвучало как приказ.

Иллиан удалился с ироничным кивком. Видно, сегодня утром Грегор хорошенько накрутил ему хвост. Он настроен враждебно? Пожалуй, что нет. Это несправедливо. Иллиан вовсе не так уж враждебен. Могло быть и хуже. И тут Марк осознал, что дело не только в повиновении императору. В таком вопросе Иллиан вполне мог бы не пойти на уступку Грегору. Если бы захотел.

«Он начинает отчаиваться».

Сделав глубокий вдох, как перед прыжком в воду, Марк погрузился в доклады. Он читал, слушал, просматривал… Иллиан не шутил, когда сказал, что здесь все. Сотни докладов от пяти или шести десятков агентов. Одни — краткие и чисто

негативные. Другие — длинные и тоже чисто негативные. Но похоже, люди Иллиана побывали во всех криоучреждениях Архипелага Джексона, на всех его орбитальных станциях, станциях при п-в-туннелях и в нескольких соседних системах. А один доклад пришел аж с Эскобара.

Очень скоро Марк понял, чего тут не хватает — сводки и анализа. Он получил бездну информации, но информации необработанной. Впрочем, он был скорее доволен, чем огорчен.

Марк работал, пока у него не зарябило в глазах.

«Пора сделать перерыв и перекусить», — подумал он, и тут в дверь постучали.

— Лорд Марк, ваш шофер приехал, — вежливо сообщил охранник.

Проклятие! Пора кончать работу!

Охранник провел его к выходу и сдал с рук на руки Пиму. На улице было темно.

На следующее утро Марк упрямо вернулся обратно и снова принялся за работу. И на следующее. Пришли новые доклады. По правде говоря, доклады приходили быстрее, чем он успевал их прочитывать. Чем усерднее он работал, тем сильнее отставал. На пятый день он откинулся на спинку кресла и задумался. Иллиан просто

похоронил его под этой кучей. Паралич неведения сменился параличом, вызванным избытком информации.

Марк решительно вырубил комм с его бесконечным бормотанием и потоками цифр. Теперь он сидел в темноте и в тишине.

«Служба безопасности не смогла. Не смогла найти Майлза».

Ему не нужны все эти данные. Никому они не нужны. Ему нужен один-единственный факт.

«Итак, что мы имеем? Начнем с нескольких очевидных предположений. Первое. Майлза можно вернуть».

Пусть Служба безопасности сколько угодно ищет истлевший труп, безымянную могилу или запись о дезинтеграции. На здоровье. Ему такие поиски не нужны, даже если они окажутся успешными. Особенно если они окажутся успешными.

Его интересуют только криокамеры — либо банки постоянного хранения, либо новые переносные криокамеры. Либо… менее вероятно… и явно более редкие… центры криооживления. Впрочем, на центры криооживления не стоит возлагать слишком большие надежды. Если Майлза успешно оживили друзья, то первое, что бы он сделал, — дал бы о себе знать. Он этого не

сделал. Следовательно, он все еще заморожен. Или оживлен, но не в состоянии действовать. Или его оживили не друзья.

Дендарийскую криокамеру обнаружили на Ступице Хеджена. Ну и что с того? Ведь ее туда прислали уже пустой. Полуприкрыв глаза, Марк задумался. Откуда ведет этот след? «Нет! К дьяволу Ступицу Хеджена. Майлз по-прежнему на планете».

Значит, три четверти данных, мельтешивших на экране, можно отбросить.

Итак, будем рассматривать только рапорты с Архипелага Джексона. Хорошо. И что теперь?

Как Служба безопасности проверила все остальные возможные пункты? Те, которые не связаны с домом Бхарапутра? В основном агенты просто задавали вопросы, не открывая себя, но предлагая немалое вознаграждение. И все это делалось по крайней мере через четыре недели после исчезновения Майлза. По остывшему следу. У кого-то было достаточно времени подумать над таинственной посылкой. И спрятать — при желании. Так что, когда Служба безопасности проводила второе, более тщательное расследование, у нее было еще меньше шансов.

«Майлз находится в таком месте, которое СБ

уже проверила, и в руках тех людей, у которых есть скрытые причины им интересоваться».

И все равно оставалась не одна сотня вариантов.

«Мне нужна зацепка. Должна же существовать зацепка».

СБ, конечно, сразу досконально изучила все доступные материалы по Норвуду. И конечно, ничего не нашла. Но Норвуд прошел медицинскую подготовку. И он не отправил криокамеру со своим любимым адмиралом наугад. Он отправил ее куда-то и кому-то.

«Знаешь, Норвуд, если ад и впрямь существует, надеюсь, тебе сейчас там очень жарко».

Марк, вздохнув, включил комм.

Часа через два зашел Иллиан, плотно закрыв за собой звуконепроницаемую дверь. Нарочито небрежно прислонившись к стене, он осведомился:

— Как дела?

Марк взъерошил пятерней волосы:

— Несмотря на вашу любезную попытку меня похоронить, я, кажется, кое-что выяснил.

— Да? И что же?

— Я убежден, что Майлз не покидал Архипелаг Джексона.

— И как вы объясняете то, что криокамеру нашли на Ступице Хеджена?

— Никак. Обыкновенный отвлекающий маневр.

Иллиан только хмыкнул.

— И он сработал, — жестко добавил Марк.

Иллиан поджал губы.

Дипломатичнее, напомнил себе Марк. Дипломатичнее, иначе ничего не добьешься.

— Я понимаю, что ваши возможности небезграничны, сэр. Так сконцентрируйте все силы на одном. Все, что имеется в вашем распоряжении, следует сосредоточить на Архипелаге Джексона.

Язвительно-ироническая улыбка Иллиана в комментариях не нуждалась. Этот человек почти тридцать лет возглавляет Службу безопасности, а он, Марк, учит его работать. Да. Одной дипломатии тут мало.

— А что вы узнали о капитане Форвенте? — Марк сменил тему.

— Цепочка оказалась короткой. Его младший брат был адъютантом моего помощника по галактическим вопросам. Это не предатели, имейте в виду.

— Так… и что вы сделали?

— С капитаном Форвентой — ничего. Слишком

поздно. Информация все равно просочилась, слухи уже пошли. Тут мы ничего изменить не можем. Форвенту-младшего переместили и понизили в должности. И в моем штате образовалась дыра. Он был хорошим работником.

Похоже, Иллиан не слишком благодарен Марку.

— А… — Марк помолчал. — Форвента почему-то считает, будто я виноват в том, что случилось с графом. Такие слухи тоже ходят?

— Да.

Марк поморщился.

— Ну… По крайней мере вы знаете, что это неправда, — вздохнул он. Взглянув на окаменевшее лицо Иллиана, он почувствовал тошнотворную тревогу. — Ведь так, сэр?

— Может быть, и так. А может быть, и нет.

— Как — нет! У вас же есть сообщения врачей!

— Ну… Сердечная аневризма действительно кажется естественной. Но ее можно вызвать и с помощью портативного хирургического луча. Последующее повреждение всей области сердечной мышцы скрывает все следы.

Марк чуть не задохнулся от возмущения.

— Тонкая операция, — прошипел он. — Очень тонкая. И как, интересно, я заставил графа не

двигаться и ничего не замечать?

— Это — слабое место всего сценария, — согласился Иллиан.

— И что я потом сделал с портативным лучом? И с медсканером? Медсканер мне бы тоже понадобился. Два или три килограмма приборов!

— Спрятали в лесу. Или еще где-то.

— Вы их нашли?

— Нет.

— А искали?

— Да.

Марк потер лоб.

— Так, — прошипел он сквозь зубы. — Вам хватило людей, чтобы прочесать несколько квадратных километров леса в поисках портативного луча, которого там нет, но вам не хватает людей, чтобы прочесать Архипелаг Джексона в поисках Майлза, который там есть. Замечательно.

«Стоп. Возьми себя в руки или потеряешь все». Марк не знал, чего ему больше хочется: завыть или расквасить Иллиану физиономию.

— Галактический агент — высококвалифицированный специалист с редкими личными качествами, — теперь Иллиан говорил очень официально. — Поиски на местности определенного объекта могут осуществляться нижними

чинами, которых гораздо больше.

— Да. Извините.

Марк глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться. «Цель. Не забывай о цели».

— Я не говорю, что таково мое убеждение. — Иллиан посмотрел ему в глаза. — Это — подозрение.

— Ну, спасибо, — огрызнулся Марк и замолчал, пытаясь собраться с мыслями. — Послушайте, — наконец сказал он. — Вы плохо используете людей. Например, меня. Отправьте меня на Архипелаг Джексона. Я знаю его гораздо лучше, чем любой из ваших агентов. Кое-какая подготовка у меня есть — конечно, меня готовили как убийцу, но все-таки… Ведь мне же удалось трижды уйти от вашего наблюдения на Земле! Мне удалось попасть сюда. Я знаю Архипелаг Джексона. Я вырос там. И вам даже не придется платить мне!

Марк замолчал: у него перехватило дыхание. Вернуться?! Он снова увидел фонтан крови.

Иллиан холодно посмотрел на него:

— Пока результаты ваших тайных операций не впечатляют, лорд Марк.

— Да, я не гениальный боевой офицер. Я не Майлз. Мы все в этом убедились. А у вас есть такие агенты, которых можно приравнять к Майлзу?

— Если вы действительно настолько… некомпетентны, как кажется, посылать вас бесполезно. Но предположим, что вы хитрее, чем я думаю. Что ваше беспомощное трепыхание здесь — всего лишь дымовая завеса. — Иллиан тоже умеет бросать скрытые оскорбления. — И предположим, что вы первыми найдете Майлза. Что потом?

— То есть как это — «что потом»?

— Допустим, вы привезете оттаявший труп, который годится только для погребения. Как мы тогда узнаем, что именно в таком виде вы его нашли? А вы унаследуете титул, положение в обществе, богатство и будущее. Соблазнительно для человека без личности. Очень соблазнительно.

Марк закрыл лицо руками. Он был раздавлен, взбешен, выведен из себя…

— Послушайте, — проговорил он, не отнимая ладоней, — послушайте. Или я — человек, который, согласно вашей теории, сумел наполовину прикончить Эйрела Форкосигана, и до того ловко, что не оставил улик, — или нет. Вы можете утверждать, что я недостаточно компетентен. Или — что недостаточно надежен. Но нельзя же использовать оба аргумента одновременно. Выбирайте что-то одно!

— Мне не хватает информации. — Иллиан не

дрогнул.

— Клянусь, — прошептал Марк, — излишняя подозрительность делает нас большими глупцами, чем излишняя доверчивость. — Он поднял голову. — Допросите меня с суперпентоталом.

Иллиан вопросительно хмыкнул.

— Допросите меня с суперпентоталом. Вы этого не делали. Разрешите свои сомнения.

— Мне бы этого очень хотелось, лорд Марк, — признался Иллиан, — но у вашего… оригинала… весьма своеобразная реакция на суперпентотал. Полагаю, у вас такая же. Это даже не аллергия. Препарат вызывает у Майлза крайнюю гиперактивность, повышенную болтливость, но, увы, не потребность говорить только правду. Это бесполезно.

— Для Майлза. — Марк ухватился за надежду. — Вы ведь не знаете точно! Разве нельзя по крайней мере проверить?

— Да, — задумчиво протянул Иллиан, — проверить можно. Он вышел из комнаты со словами: — Работайте. Я скоро вернусь.

Марк вскочил и начал метаться по комнате. Два шага туда — два обратно. Если хочешь что-то найти, ищи там, где потерял. Он потерял все на Архипелаге Джексона.

Наконец Иллиан вернулся:

— Сядьте и закатайте левый рукав.

Марк послушался:

— Что это?

— Аллергический тест.

Иллиан быстро прижал к его руке крошечную металлическую пластинку с иглой, потом убрал ее и, заметив время, начал наблюдать за рукой.

Через минуту на месте укола появилось розовое пятно. Через две — крапивница. Через пять минут — белое уплотнение, окруженное воспаленными полосами, разбежавшимися до запястья и локтя.

Иллиан разочарованно вздохнул:

— Лорд Марк, рекомендую в будущем во что бы то ни стало избегать допроса с суперпентоталом.

— Это была аллергическая реакция?

— Это была очень сильная аллергическая реакция.

— Вот черт! — Марк задумался. И начал чесаться. Пришлось спешно застегнуть манжету, пока он не разодрал руку до крови. — Если бы на моем месте сидел Майлз и приводил те же самые доводы, вы бы его послушали?

— Лейтенант Форкосиган настолько часто оказывался прав, что заслужил мое внимание. Результаты говорят сами за себя. А как вы неод-

нократно подчеркивали, вы — не Майлз. Нельзя использовать оба аргумента одновременно, — холодно добавил он. — Выберите что-то одно!

— Зачем вы вообще пустили меня сюда, если не желаете меня слушать! — вспылил Марк.

Иллиан пожал плечами:

— Если не считать прямого приказа Грегора… По крайней мере я знаю, где вы и что делаете.

— Камера предварительного заключения? Только добровольно? А если бы меня можно было запереть в камеру без комм-устройства, вы обрадовались бы еще больше?

— Откровенно говоря, да.

— Вот. Именно.

Марк демонстративно повернулся к экрану, и Иллиан оставил его одного.

Он вскочил, проковылял к двери и выглянул.

Иллиан был уже в дальнем конце коридора.

— У меня есть собственное имя! — яростно прокричал Марк.

Иллиан оглянулся, недоуменно поднял брови — и пошел дальше.

Марк попробовал сосредоточиться на очередном докладе, но смысл слов не доходил до него. Сегодня он больше не в состоянии работать. Сдавшись, он вызвал Пима. На улице было еще светло.

Марк смотрел на заходящее за дома солнце, пока у него не заболели глаза.

На этой неделе он впервые вернулся к обеду. Графиня с Ботари-Джезек уютно устроились на первом этаже, в комнатке с окнами в сад, усеянный опавшей листвой. Прожектор выхватывал из сгущающихся сумерек многоцветный пейзаж. На графине был замысловатый зеленый жакет и длинная юбка: городской наряд знатной дамы. Элен была одета так же, но в синих тонах. Явно костюм из гардероба графини. Несмотря на то, что Марк вот уже четыре дня не являлся к обеду, стол был накрыт на троих. Растерянный, он уселся за стол.

— Как граф?

— Все так же, — вздохнула графиня.

По заведенному графиней обычаю перед едой все с минуту молчали. Графиня в это время молилась, и Марк подозревал, что ее молитва не ограничивалась благодарением за хлеб насущный. Марк с Элен вежливо ждали: Элен — размышляя о своем, а Марк — в очередной раз проигрывая разговор с Иллианом, изобретая массу остроумных ответов… Слишком поздно. Слуга внес накрытые крышками блюда и удалился, чтобы не мешать. Когда не было гостей,

графиня предпочитала оставаться без прислуги. «По-семейному».

По правде говоря, Элен все это время как дочь поддерживала графиню: сопровождала ее в частых поездках в госпиталь, выполняла поручения, выслушивала признания. Марк решил, что графиня высказывает свои тайные мысли именно Элен, и ему почему-то стало завидно. Единственная дочь любимого вассала, Элен практически была приемной дочерью Форкосиганов. Если Майлз действительно его брат, не становится ли Элен ему кем-то вроде сестры? Надо бы подкинуть ей такую мысль. И немедленно спасаться бегством. Как-нибудь в другой раз.

— Капитан Ботари-Джезек, — начал Марк, проглотив кусок, — что происходит с дендарийцами на Комарре? Или Иллиан вас тоже держит в неведении?

— Пусть только попробует, — ответила Элен. Да, у нее-то есть союзники получше, чем шеф СБ. — Мы совершили кое-какие перестановки. Куин оставила главных свидетелей вашего… налета (мило с ее стороны не сказать «позора») — Зеленый отряд, часть Оранжевого и Голубого. А остальных отправила на «Перегрине» к дендарийцам. Люди начали терять терпение, сидя на

орбите без дела и без увольнений.

Да, ее явно угнетает временная потеря командования своим кораблем.

— Так «Ариэль» все еще у Комарры?

— Да.

— С Куин, конечно… С капитаном Торном? Сержантом Таурой?

— Они по-прежнему там.

— Наверное, тоже теряют терпение.

Элен кивнула и с такой силой ткнула вилкой в кусок искусственного бифштекса, что он чуть не вылетел из тарелки. Теряет терпение. Да.

— И что ты узнал за эту неделю, Марк? — спросила графиня.

— Боюсь, ничего, о чем бы не знали вы. Иллиан ведь держит вас в курсе?

— Да, но я успеваю только просмотреть общие выводы. И вообще мне хотелось бы услышать всего одну-единственную новость.

Конечно. Приободрившись, Марк подробно рассказал ей о своем обзоре, о том, как решил отбирать данные и к какому убеждению все больше склоняется.

— Похоже, ты работал очень тщательно, — заметила графиня.

Марк пожал плечами:

— Теперь я знаю приблизительно столько же, сколько Служба безопасности — если Иллиан ничего не скрыл. Но поскольку СБ не знает, где Майлз, все это впустую. Я готов поклясться…

— Да? — ободрила его графиня.

— Я клянусь, что Майлз все еще на Архипелаге Джексона. Но я не могу заставить Иллиана сосредоточить поиски там. Он куда только не кидается. Он просто зациклился на цетагандийцах.

— На то есть веские причины исторического характера, — заметила графиня. — И не слишком давние, хотя, боюсь, Иллиан не стал делиться с тобой заботами, не связанными с исчезновением Майлза. Сказать, что у него был трудный месяц — значит сильно приуменьшить. — Она надолго замолчала, словно раздумывала: сказать или не говорить. — Марк… В конце концов ты же близнец Майлза. Большей близости и придумать невозможно. Ты настолько страстно… Кажется, будто ты на самом деле это знаешь. Ты… не думаешь, что на самом деле знаешь? На каком-то уровне сознания?

— Вы имеете в виду телепатическую связь? — переспросил он. «Что за жуткая мысль!»

Графиня кивнула, чуть краснея. Элен кинула ему умоляющий взгляд: «Не смей морочить ей

голову, ты!..»

— Извините. Я не экстрасенс. Только экстрапсих. — Элен успокоилась. Марк поник, но тут же немного оживился: — Хотя, может, следовало бы сказать Иллиану, что, по-вашему, это так.

— Иллиан слишком убежденный рационалист, — печально улыбнулась графиня.

— Страстность только результат бессилия, сударыня. Мне ничего не дают сделать.

— А что бы ты хотел сделать?

«Хочу сбежать на Колонию Бета. Графиня, наверное, поможет. Нет. Я больше никогда никуда не сбегу».

— Я хотел бы вернуться на Архипелаг Джексона и искать Майлза. Я могу работать не хуже агентов Иллиана. Знаю, что могу! Я пытался его убедить, а он… Будь его воля, он вообще посадил бы меня под замок.

— Сейчас Саймон продал бы душу дьяволу, лишь бы остановить мгновение, — сказала графиня. — Сейчас у него внимание не просто рассеивается — оно разбивается на кусочки. Мне его немного жаль.

— А мне — нет. Я у Саймона Иллиана не спросил бы даже, который час. А он бы мне и не сказал. — Марк уставился в тарелку. — Грегор бы тонко

намекнул, где поискать хроно. Вы… — сравнение пришло само собой, — вы дали бы мне часы.

— Будь у меня часовой завод, сынок, я бы его отдала весь, — вздохнула графиня.

Марк чуть не подавился бифштексом:

— Правда?

— П… — решительно начала она, но вовремя опомнилась. — Правда — что?

— Лорд Марк — человек свободный? Я хочу сказать — я ведь не совершал преступления на территории Барраярской империи, да? Ведь глупость — это не преступление. Я не арестован.

— Да…

— Я мог бы сам отправиться на Архипелаг Джексона! И пусть Иллиан подавится своими драгоценными агентами. Если… — А, вот в чем загвоздка. Он приуныл. — …если бы купил билет.

Марк замолчал. Все его состояние равнялось семнадцати маркам, оставшимся от купюры в двадцать пять марок, которую графиня дала ему на расходы в начале недели.

Графиня отодвинула тарелку и выпрямилась.

— Мне это кажется не слишком безопасным.

— После того, что ты сделал, дом Бхарапутра наверняка назначил цену за твою голову, — услужливо подсказала Элен.

— Нет… за голову адмирала Нейсмита, — возразил Марк. — И я не намерен возвращаться к бхарапутрянам. — Он настоятельно обратился к графине: — Сударыня…

— Ты просишь, чтобы я финансировала твой шанс на гибель?

— Нет! Шанс на спасение! Я больше не могу… — он бессильно махнул рукой, — жить так дальше. Я не нахожу тут себе места, я сюда не подхожу!

— Не спеши. Со временем все наладится. Пока просто слишком рано, — запротестовала графиня. — Ты здесь так недавно.

— Я должен вернуться. Я обязан исправить свою ошибку. Если смогу.

— А если не сможешь, что тогда? — холодно поинтересовалась Элен. — Улизнешь, пока никто не успеет опомниться?

Она что, мысли читает? Марк весь сжался.

— Я, — выдохнул он, — не…

«…знаю». Он прикусил язык.

Графиня переплела свои тонкие пальцы.

— Я не сомневаюсь в твоем сердце, — сказала она, глядя ему прямо в глаза. — Но… ты мой второй шанс. Моя новая надежда, совершенно неожиданная. Я никогда не думала, что у меня на Барраяре может быть еще один ребенок. А те-

перь, когда Архипелаг Джексона сожрал Майлза, ты хочешь отправиться туда следом за ним? И ты тоже?

— Сударыня, — сказал он отчаянно. — Мама… Я не могу быть твоим утешительным призом.

Ее серые глаза были холоднее зимнего моря.

— Уж ты-то должна понять, — взмолился Марк, — каким важным может оказаться второй шанс.

Корделия отодвинула стул и встала.

— Я… должна это обдумать.

Она вышла из комнаты, так и не пообедав.

— Ну, молодец! — прошипела Элен и выбежала за графиней.

Марк остался один, всеми покинутый, и с горя наелся так, что разболелся желудок. Доковыляв до своей комнаты, он повалился на кровать, мечтая если не заснуть, то хотя бы отдышаться. Но ни то, ни другое не получалось.

В дверь постучали.

— Кто там? — простонал он.

— Элен.

Марк включил свет и сел на постели, подсунув под спину подушку. Он не хотел разговаривать с Элен. И вообще ни с кем не хотел разговаривать.

— Входите.

Она тихонько вошла в комнату. Лицо у нее было бледное и серьезное.

— Привет. Чувствуешь себя нормально?

— Нет, — признался он.

— Я пришла извиниться.

— Вы? Извиниться? Передо мной? За что?

— Графиня… объяснила мне, что с тобой творится. Извини. Я не знала.

Опять препарировали! Только на этот раз в его отсутствие. То-то Элен смотрит на него с таким ужасом!

— А черт. И что она на сей раз сказала?

— Майлз говорил об этом, но не прямо. Я не понимала, насколько это страшно. Графиня сказала мне все. Что с тобой сделал Гален. Как изнасиловал электрошоком и как вызвал… нарушения в еде. И другие нарушения. — Похоже, они с графиней говорили часа два. — И все было специально рассчитано. Вот что самое ужасное!

— Я не так уверен, что с электрошоком было специально рассчитано, — осторожно начал Марк. — По-моему, Гален просто сбрендил. Крыша поехала. Или, может, началось все по расчету, а потом вышло из-под контроля. — Он взорвался: — Черт возьми! — Элен аж подскочила. — Она не имела права обсуждать меня с тобой! Я что,

лучшее кабаре в столице?!

— Нет-нет! — Элен замахала руками. — Ты должен понять. Я рассказала ей о Мари, о той блондиночке, с которой мы тебя застали. О том, что, на мой взгляд, произошло. Я обвинила тебя перед графиней!

Марк испуганно замер:

— Я не знал, что ты ей сразу не рассказала.

Господи, что же о нем подумала графиня! Наверное, теперь он ей противен.

Ботари-Джезек изумленно помотала головой:

— Она настолько бетанка! Настолько странная. Настолько непредсказуемая. Она ничуть не удивилась. А потом все мне объяснила, словно мне мозги вывернули наизнанку и хорошенько прочистили.

— Типичный разговор с графиней, — засмеялся Марк.

— Извини, Марк. Я была не права, — отважно сказала Элен.

Он развел руками:

— Очень приятно, что у меня есть такая защитница, но ты была права. Ты тогда все правильно подумала. Меня остановила не порядочность, а условный рефлекс.

— Да нет, я не то хотела сказать. Просто я

не должна была так реагировать. Я даже не представляла себе, что тебя воспитывали систематическими пытками. И что ты настолько невероятно сопротивлялся им. Я на твоем месте просто сломалась бы.

— Ну, не всегда все было так уж плохо, — поспешно прервал ее Марк.

— Но ты должен понять, — упрямо продолжила Элен, — что происходило со мной. Это связано с моим отцом.

— А? — ошарашенно спросил Марк. — Как это связано с моим отцом, я знаю, но твой-то тут при чем?

Элен заметалась по комнате.

— Мой отец изнасиловал мою мать. Вот откуда я взялась. Это было во время барраярской агрессии против Эскобара. Я узнала это несколько лет назад. Я не выношу насилия! — Элен сжала кулаки. — Но оно — во мне! Я не могу от него спрятаться. Поэтому я последние десять недель смотрела на тебя, как сквозь пелену. Графиня эту пелену сорвала. — И правда, взгляд Элен больше не обжигал его холодом. — Граф тоже мне помог — не могу даже передать, насколько.

Ну что тут можно ответить? Значит, эти два часа они говорили не только о нем.

— Мне… мне не жаль, что ты существуешь. Откуда бы ты ни взялась.

Элен криво усмехнулась:

— Если честно — мне тоже.

Его ярость погасла, сменившись удивительным чувством облегчения.

Марк слез с кровати, схватил ее за руку, подвел к деревянному стулу у окна, забрался на сиденье и поцеловал.

— Спасибо!

— За что?

Она неожиданно рассмеялась и отняла у него руку.

— За то, что ты существуешь. И вообще… Не знаю.

Марк радостно улыбнулся, но тут у него закружилась голова, и он осторожно слез со стула.

Элен закусила губу:

— Зачем ты такое над собой творишь?

Глупо притворяться, будто он не понимает, о чем речь. Физические свидетельства его неудержимого обжорства налицо. Прямо чудовище какое-то.

— Не знаю. Но мне кажется, половина того, что мы зовем безумием, просто-напросто попытки справиться с болью с помощью стратегии, кото-

рая раздражает окружающих.

— Как можно справиться с болью, причиняя себе боль? — недоуменно спросила Элен.

Он как-то странно улыбнулся и опустил взгляд.

— Это зачаровывает. Заставляет забыть о реальной боли. — Марк вздохнул. — Гален просто пытался исковеркать мои отношения с отцом. Но ему удалось исковеркать мои отношения абсолютно со всем. Он знал, что не сможет непосредственно управлять мною, когда я окажусь на Барраяре. Поэтому старался создать мотивации, которых хватит надолго. И ему это аукнулось. Потому что в каком-то смысле Гален тоже был моим отцом. Приемным отцом. Когда комаррцы забрали меня с Архипелага Джексона, я безумно хотел стать личностью. Стать самим собой. Наверное, я был как инкубаторский цыпленок, который привязывается к автопоилке, потому что это — первое, что попалось на глаза.

— У тебя удивительный талант к анализу информации, — заметила Элен. — Я поняла это еще там, на Архипелаге.

— У меня? — изумился он. — Вот уж нет!

Будь у него талант, он получил бы результаты получше.

— Графиня тоже так думает. Она хочет тебя

видеть.

— Прямо сейчас?

— Она послала меня за тобой. Но сначала я должна была сама с тобой поговорить. Пока не потеряла храбрость.

— Хорошо. Дай мне собраться.

Марк умылся ледяной водой, проглотил болеутоляющее и причесался. Натянув поверх рубашки жилет в деревенском стиле, он следом за Элен вышел в коридор.

Элен провела его в личный кабинет графини — тихую строгую комнату с окнами в сад. Рядом была спальня Корделии. Корделии и Эйрела. Марк увидел темное пространство за аркой, вниз по лестнице. Отсутствие графа казалось буквально физически ощутимым.

Графиня сидела за комм-пультом — не секретным правительственным, а просто дорогим коммерческим устройством. Пластину экрана обрамляли перламутровые цветы, инкрустированные на черном дереве. На экране было лицо перепуганного мужчины.

— Ну так выясните! — резко сказала графиня. — Да, сегодня, сейчас. А потом свяжитесь со мной. Спасибо.

Ударив по выключателю, она повернулась к

Марку и Элен.

— Ты узнаешь насчет билетов на Архипелаг Джексона? — спросил он, не смея надеяться.

— Нет.

Ну конечно, нет! Как она может его отпустить?

— Я узнаю насчет корабля. Если уж лететь на Архипелаг Джексона, нужно иметь свободу перемещений.

— Купить корабль? — ошеломленно переспросил Марк. А он-то считал, что та фраза насчет часового завода — просто шутка! — Но это же очень дорого!

— Я попробую арендовать. Если не получится — куплю. На орбитах Барраяра и Комарры есть три-четыре подходящих корабля.

— И все же — как?

Вряд ли даже Форкосиганы в состоянии просто так взять и купить скачковый корабль.

— Что-нибудь заложу, — туманно ответила графиня.

— Фамильные драгоценности? Но они же сейчас ничего не стоят. В мире полно синтекамней. — Марк проследил за ее взглядом. — Не резиденцию Форкосиганов же!

— Нет, это родовое имение. Окружная резиденция в Хассадаре — тоже. Но вот Форкосиган-Сюрло

я могу заложить совершенно спокойно.

Сердце их владений!

— Исторические дома — это прекрасно, — улыбнулась графиня, заметив его ужас, — но за чертов музей много не получишь. И вообще финансы — моя проблема. У тебя своих проблем хватает.

— Экипаж? — мгновенно спросил Марк.

— Скачковый пилот и инженер будут при корабле. Что до остальных — на орбите Комарры крутятся осатаневшие от безделья дендарийцы. Полагаю, среди них ты найдешь пару-другую добровольцев. Очевидно, что «Ариэль» в джексонианское пространство вести нельзя.

— Куин уже наверняка все ногти себе изгрызла, — сказала Элен. — Даже Иллиану ее не удержать, если Служба безопасности в ближайшее время что-то не узнает.

— А меня Иллиан попробует задержать? — забеспокоился Марк.

— Если бы не Эйрел, я бы полетела сама, — сказала графиня, — и уж определенно не позволила бы Иллиану остановить меня. Ты — моя замена. Со Службой безопасности я справлюсь.

Уж в этом-то Марк не сомневался.

— Дендарийцы, конечно, проявят рвение, но… я предвижу проблемы. Они меня не станут слу-

шаться. Кто будет руководить этой небольшой частной экспедицией?

— Золотое правило, мой мальчик. У кого золото, тот и правит. Корабль — твой. Выбор спутников — за тобой. Если они захотят, чтобы ты их взял, придется им подчиниться.

— Ага. До первого п-в-перехода. А потом Куин запрет меня в чулане.

Графиня рассмеялась:

— Это верно. — Откинувшись на спинку кресла, она задумчиво переплела длинные пальцы и прикрыла глаза. Наконец она нашла решение: — Элен, ты присягнешь на верность лорду Форкосигану?

— Я уже присягнула на верность лорду Форкосигану, — непримиримо ответила Элен.

Серые глаза посуровели.

— Смерть освобождает от присяги. Система форов никак не научится решать закавыки, которые ей подбрасывает галактическая технология. Знаешь, по-моему нет правила относительно статуса присяги, если одна из сторон находится в криостазе. Слово не может быть твоим дыханием, если ты вообще не дышишь. Придется нам создать прецедент.

Элен прошла к окну и невидящим взглядом

уставилась в темноту. Потом решительно повернулась, опустилась перед Марком на колени и подняла руки, ладонь к ладони. Марк автоматически обхватил ее руки своими.

— Милорд, я обещаю вам повиновение в качестве вашей подданной…

— Э-э, — сказал Марк. — …Думаю, мне понадобится большее. Попробуем вот как: «Я, Элен Ботари-Джезек, свидетельствую, что я — свободная жительница округа Форкосиганов. И ныне я поступаю на службу лорду Форкосигану в качестве оруженосца… оруженосицы?.. Я буду считать его своим сюзереном и командиром до тех пор, пока его или моя смерть не освободит меня от клятвы».

Элен потрясенно уставилась на него:

— Но так же нельзя! Разве так можно?

— Ну, — засмеялась графиня, — вообще говоря, не существует закона, в котором бы говорилось, что наследнику графства нельзя взять в оруженосцы женщину. Этого просто никто не делал. Традиция.

Элен с графиней обменялись долгим взглядом. Неуверенно, словно завороженная, Ботари-Джезек повторил клятву.

Марк сказал:

— Я, Марк Пьер Форкосиган, вассал-секундус императора Грегора Форбарры, принимаю твою клятву и клянусь защищать тебя как сюзерен и командир. Клянусь словом Форкосигана. — Тут он замолчал и обратился к графине: — Вообще-то я еще не приносил присяги Грегору. Это делает все недействительным?

— Детали, — графиня махнула рукой. — Детали можно выяснить потом.

Элен встала. Вид у нее был, как у женщины, просыпающейся с похмелья рядом с незнакомым мужчиной. Она потерла руки там, где к ним прикоснулись его ладони.

Власть. И сколько власти он получил? Надо полагать, ровно столько, сколько сочтет нужным сама Элен. Можно не опасаться, что она позволит ему злоупотреблять положением. Неуверенность на ее лице сменилась тайной радостью, от которой у Марка потеплело на душе. Да, это был правильный шаг. И графиня довольна: она откровенно одобряла своего нарушившего все традиции сына.

— Ну, — сказала графиня. — Сколько у нас времени на сборы? Когда вы будете готовы к вылету?

— Немедленно, — ответила Элен.

— Как только прикажете, графиня, — сказал Марк. — У меня такое чувство… ничего экстрасенсорного, конечно. Просто логика. Но я считаю, что время у нас на исходе.

— Почему? — спросила Ботари-Джезек. — Что может быть статичнее криостаза? Конечно, неопределенность нас всех с ума сводит, но это — наши проблемы. У Майлза времени больше, чем у нас.

Марк покачал головой:

— Если бы криокамера с Майлзом попала к друзьям или просто к незнакомым людям, то они бы уже давно проявились, прослышав о вознаграждении. Но если… кто-то… хотел его оживить… Для этого необходима предварительная подготовка. Сейчас мы очень остро ощущаем, сколько требуется времени, чтобы вырастить органы для пересадки. Если бы… там, куда Майлз попал… начали работу вскоре по его получении, сейчас они почти готовы к оживлению.

— Они могут все провалить, — сказала графиня. — Могут оказаться недостаточно осторожны.

Она забарабанила пальцами по нарядной перламутровой инкрустации.

— Не понимаю, — возразила Элен, — зачем врагам оживлять его? Что может быть хуже смерти?

— Не знаю, — вздохнул Марк.

«Но если что-то и есть, то уж джексонианцы это знают».

Глава 18

С дыханием пришла боль.

Он лежит на больничной койке. Это он понял, еще не открыв глаза, по тому, как ему было неудобно и холодно… И по запаху. Это казалось правильным. Отдаленно, хотя и неприятно знакомым. Он попытался моргнуть и обнаружил, что глаза залеплены жижей. Пахучей, прозрачной медицинской жижей. Словно смотришь сквозь стекло, покрытое слоем жира. Еще несколько раз моргнув, он смог сфокусировать взгляд и вынужден был остановиться, потому что от этого усилия сбилось дыхание.

С дыханием было что-то ужасно нехорошее: он дышал часто и тяжело, но воздуха не хватало. И еще этот свист. Он понял, что свист издает пластиковая трубка, которую он обнаружил, когда попытался сглотнуть. Губы пересохли и потрескались, и трубка мешала их облизать. Он попытался пошевелиться. Тело ответило сильнейшей болью, пронизавшей все кости. К рукам — или от рук — тоже шли трубки. И от ушей. И от носа?

Слишком много этих чертовых трубок. Он

смутно догадывался, что это плохо, хотя не знал, почему. Героическим усилием приподняв голову, он взглянул на свое тело. Трубка в горле тут же переместилась. Больно.

Ребра торчат. Живот ввалился. По всей груди расходятся красные рубцы, словно под кожей притаился длинноногий паук. Неровные разрезы покрыты хирургическим клеем. Повсюду какие-то датчики. Еще трубки, причем там, откуда они отходят, по идее не должно быть отверстий. Все тело покрыто толстым слоем пахучей жижи. Кожа отслаивается противными хлопьями.

Он уронил голову на подушку, и перед глазами закружились черные вихри.

«Слишком много чертовых трубок. Плохо…»

Когда пришла женщина, он словно в тумане плавал между непонятными обрывками снов и болью.

Она склонилась над ним:

— Сейчас мы вынем ритмоводитель.

У нее был грудной и чистый голос. Трубки из ушей исчезли. А может, они ему привиделись?

— Твое новое сердце будет биться, а легкие дышать сами.

Она склонилась над ним. Симпатичная женщина. С виду умная и элегантная. Ему стало

неприятно, что он одет только в жижу. Хотя, кажется, когда-то он обходился даже более скромным нарядом. Но где и когда? Этого он не мог вспомнить. Женщина что-то проделала с паукообразной шишкой: он увидел, как у него разошлась кожа. Потом все снова скрепили. Казалось, она вырезает ему сердце, словно древняя жрица, готовящая жертвоприношение, но это было не так, потому что дыхание не прервалось. Она явно что-то извлекла и положила на лоток, который держал мужчина-ассистент.

— Ну вот. — Женщина пристально посмотрела на него.

Он тоже на нее смотрел, пытаясь сморгнуть противную жижу. У нее были прямые шелковистые черные волосы, собранные на затылке в неаккуратный узел. Несколько тонких прядей выбились из пучка и трепетали вокруг лица. Золотисто-смуглая кожа. Чуть раскосые карие глаза. Аристократическая горбинка на носу. Живое своеобразное лицо, не превращенное хирургами в безупречно-красивую маску, но полное мысли. Не пустое лицо. За ним — кто-то интересный. Но, увы, незнакомый.

Высокая и стройная, она была одета в хирургический зеленый костюм.

«Док-тор», — попытался угадать он, но из-за пластиковой трубки получилось только бессмысленное клокотание.

— Я сейчас выну эту трубку, — сказала она и оторвала что-то липкое от его губ и щек — пластырь? К пластырю тоже прилипла отмершая кожа. Она стала осторожно вытягивать трубку. Его замутило. Словно пытаешься вытянуть проглоченную змею. Когда он наконец освободился от трубки, то чуть не потерял сознание. Еще какая-то трубка — кислородная? — сидела в носу.

Он подвигал челюстью, попытался сглотнуть впервые за… за… Короче, язык онемел и распух. Грудь болела жутко. Но слюна потекла — во рту снова стало влажно. Как-то не ценишь слюни, пока не приходится обходиться без них. Сердце билось быстро, но слабо. Какое-то неправильное чувство, но все же лучше, чем ничего.

— Как тебя зовут? — спросила она.

Подсознательный ужас — словно черная пропасть. Дыхание панически участилось. Воздуха не хватало. Он не мог ответить на этот вопрос! С губ сорвались еле слышные нечленораздельные звуки. Он не знал ни кто он, ни откуда у него такой огромный груз боли. Но незнание пугало гораздо сильнее, чем боль.

Молодой человек в бледно-голубом халате хмыкнул:

— Похоже, я выиграю пари. У него в черепушке сплошные короткие замыкания.

Женщина досадливо поморщилась:

— Пациенты не выходят из криостаза, как обед из микроволновой печки. Лечения требуется не меньше, чем если бы ранение не убило его. А даже больше. Я только через несколько дней смогу оценить состояние центральной нервной системы.

Но все равно она отколола от ворота что-то сверкающее и острое и, прикасаясь этим чем-то к нему, наблюдала за показаниями монитора. Его правая рука дернулась от укола, и женщина улыбнулась.

Ему хотелось говорить. Хотелось сказать этому типу в голубом, чтобы тот катился вместе со своим пари в блокированный п-в-туннель. Но изо рта вырвалось только глухое шипение. Его затрясло от злости. Он должен выкарабкаться или умереть. Это он знал точно. Быть лучшим — или быть уничтоженным.

Медики удалились. Движимый безотчетным страхом, он попытался сделать в постели статические упражнения. Ему удалось пошевелить

только правой рукой. Датчики отметили его метания. Вернулся юнец и дал успокоительное. Когда вокруг снова стала смыкаться тьма, ему захотелось взвыть. Потом ему снились омерзительные сны. Он был бы рад любому содержанию, но, проснувшись, помнил только омерзение.

Время тянулось мучительно долго. Наконец вернулась врач. Покормить его. Кажется.

Нажав кнопку, чтобы приподнять изголовье, она приветливо сказала:

— Давай-ка, друг мой, испытаем твой новый желудок. Шестьдесят миллилитров раствора глюкозы — сладкая водичка. Так сказать, первая еда в твоей жизни. Интересно, у тебя уже восстановилась мускульная деятельность, чтобы пить через трубочку?

Она вылила ему на губы несколько капель. Сосать и глотать — ничего более примитивного и не придумаешь. Вот только он не смог выпить все.

— Ничего, — весело щебетала врач, — понимаешь, у тебя еще не до конца вырос желудок. И сердце с легкими тоже. Лилли торопила нас с твоим пробуждением. Все пересаженные органы пока малы для твоего тела. Значит, им придется усиленно работать, и растут они не так быстро, как в пробирке. Ты еще довольно долго будешь

задыхаться. Но зато их легче было пересаживать. Больше места для рук — это я оценила.

Он не мог понять, обращается ли она к нему, или говорит сама с собой, как одинокий человек, у которого есть домашнее животное. Убрав чашку, она принесла тазик, губку, полотенца и принялась его мыть, участок за участком. Почему хирург ухаживает за больным? «Д-р В. Дюрона» — значилось на кармашке зеленого хирургического костюма. Но, похоже, она одновременно вела нейрофизиологическое обследование. Проверяет результаты своей работы?

— Понимаешь, ты — настоящая загадка. Тебя прислали по почте, в ящике. Ворон утверждает, что ты слишком мал, чтобы быть солдатом, но я извлекла много осколков брони и кусочков противонейробластерной сети. А еще — сорок шесть осколков гранаты. Так что можно не сомневаться — ты не случайный свидетель. Кем бы ты ни был, та иглограната предназначалась именно тебе. К сожалению, на посылке не написали твое имя. — Женщина вздохнула. — Кто же ты?

Она не стала дожидаться ответа — к счастью. Усилия, которых потребовало глотание сладкой водички, совершенно вымотали его. Не менее важным вопросом было, где он находится, и его

раздосадовало, что она, явно зная ответ, ничего не сказала. Эта палата… стандартная больничная палата. Без окон. Но на планете, а не на корабле.

«Откуда я это знаю?» При попытке сосредоточиться расплывчатое видение корабля мгновенно рассыпалось. Что за корабль? И если уж на то пошло, что за планета?

Тут должно быть окно. Большое окно, а за окном — город в дымке. Город рассекает быстрая река. И люди. Тут обязательно должны находиться люди, которых ему не хватает, хоть он и не в состоянии вспомнить, как они выглядят. Эта смесь привычного и незнакомого ужасно мучительна.

Губка была ледяная и очень жесткая. Но все равно приятно избавиться от этой жижи, не говоря уже об отвратительных струпьях, прилипших к ней, — совсем как ящерица, которая меняет кожу. Новая кожа выглядела совсем тонкой.

Женщина намазала ему лицо депиллятором — слишком густо, так что ужасно щипало щеки. Да, кажется, это ощущение даже приятное. Немного успокоившись, он почувствовал удовольствие от ее ухода, пусть даже чересчур интимного. По крайней мере эта женщина вернула ему достоинство чистого тела. И она не похожа на врага. Скорее — на союзницу. Женщина сняла с его лица

крем, щетину и немало кожи. Она даже причесала его. Одно жаль — волосы вываливались просто клочьями.

— Ну вот, — удовлетворенно проговорила врач, поднося ему большое зеркало. — Тебе знаком этот молодой человек?

Она наблюдала за ним — видимо, проверяла, фокусируется ли взгляд.

«Это я?.. Ну… Наверное, привыкнуть можно». Скелет и череп, обтянутые покрасневшей кожей. Заострившиеся черты лица… Серые глаза с красными, как после хорошей попойки белками. Темные волосы с проплешинами, словно от стригущего лишая. Если честно, он надеялся увидеть что-то более приличное.

Он попытался задать вопрос. Губы зашевелились, но речь, как и сны, получилась совершенно бессвязной. Он не смог даже чертыхнуться, отчего выругаться захотелось еще сильнее. В конце концов он издал какое-то булькающее рычание. Женщина поспешно убрала зеркало и встревоженно посмотрела на него.

Спокойно. Если он станет метаться, они опять вкатят снотворное, а это ни к чему. Он лег, бессильно задыхаясь. Женщина снова опустила изголовье кровати, притушила свет и собралась

уходить. Ему удалось застонать. Подействовало — она вернулась.

— Лилли назвала твою криокамеру шкатулкой Пандоры, — задумчиво пробормотала она, — но мне она представилась хрустальным гробом заколдованного рыцаря. Как бы мне хотелось разбудить тебя поцелуем.

Женщина склонилась над ним, полузакрыв глаза, и прижалась губами к его губам. Он замер, наслаждаясь и тревожась одновременно. Она выпрямилась, посмотрела на него и вздохнула:

— Не похоже, чтобы получилось. Наверное, я просто не та принцесса.

«У вас очень странный вкус, миледи, — ошеломленно подумал он. — На мое счастье».

Впервые мелькнула какая-то надежда. Он лежал тихо, позволив ей уйти. Прежде он либо терял сознание, либо ему вводили успокоительное. На этот раз сон пришел естественно, сам по себе. Не то чтобы он обрадовался: «Вдруг я умру, так и не проснувшись?» — но сон нужен был его телу и позволил забыть о боли.

Постепенно он овладел левой рукой. Потом заставил дергаться правую ногу. Его прекрасная дама принесла еще сладкой водички, но сладких поцелуев на десерт больше не последовало. К

тому моменту, как он начал шевелить левой ногой, она явилась снова, но на этот раз произошло что-то ужасно нехорошее.

Доктор Дюрона, казалось, постарела лет на десять и стала холодной. Как лед. Расчесанные на прямой пробор волосы были коротко острижены и в темных прядях блестела седина. Прикоснувшиеся к его телу руки, которые помогли ему сесть, были сухие, холодные, суровые. Совсем неласковые.

«Я попал в искривление времени. Нет, меня снова заморозили. Нет, я просто слишком долго не прихожу в норму, и она обозлилась. Нет…»

От смятения у него перехватило дыхание. Он только что потерял лучшего друга и не понимал почему.

Она очень профессионально растерла ему ноги, надела на него просторную больничную рубаху и заставила встать. Он чуть не лишился чувств. Женщина уложила его в постель и ушла.

В следующий раз она снова поменяла прическу. Волосы отросли и были аккуратно стянуты сзади серебряным кольцом. Хвост был прочерчен широкими полосами седины. Он готов был поклясться, что она постарела еще на десять лет. «Что со мной происходит?» Она держалась не слишком сурово,

но все же не столь непринужденно, как вначале. Женщина провела его по комнате туда и обратно, и он так измучился, что сразу же заснул.

Он ужасно расстроился, когда вновь увидел ее с короткой стрижкой. Но, что ни говори, она смогла поднять его и заставить двигаться. Женщина гаркала, как сержант на строевой подготовке, но он пошел, даже сам, без ее помощи. Она вывела его из палаты туда, где короткий коридор заканчивался дверью, потом отвела обратно.

Они как раз начали второй круг, когда дверь с шипением отъехала в сторону и оттуда вышла доктор Дюрона с конским хвостом. Он уставился на стоящую рядом стриженую особу и чуть не расплакался.

«Это нечестно! Вы меня совсем запутали!»

Доктор Дюрона подошла к доктору Дюрона. Он моргнул и вгляделся в вышитые на кармашках имена. Стриженая была «Д-р А. Дюрона». Хвостатая — «Д-р Р. Дюрона».

— Привет, Астра, как он? — спросила доктор Р.

Доктор А. ответила:

— Не так уж плохо. Но я совсем измотала его этой терапией.

— Похоже… — Доктор Р. вовремя подхватила его, иначе бы он рухнул. Губы не слушались, и

вместо слов получался сдавленный стон. — По-моему, ты перестаралась.

— Ничуть, — ответила доктор А., подхватывая его с другой стороны. — Но, похоже, восстановление умственных способностей у него задерживается. Это плохо. На нас давят. Лилли начинает терять терпение. Если в самое ближайшее время он не начнет соображать, нам он ни к чему.

— Лилли никогда не теряет терпения, — укоризненно сказала доктор Р.

— А сейчас теряет.

— А умственные способности вообще-то восстановятся? — Доктор Р. помогла ему улечься в постель.

— Кто знает? Физические Вербена нам гарантировала. Великолепная работа. Мозг электрически активен, так что…

— Да, но не так-то быстро, — прозвучал от двери теплый жизнерадостный голос. — Что вы такое сотворили с моим пациентом?

Это была доктор Дюрона. Опять. Ее длинные мягкие волосы, совершенно черные, были собраны сзади. Пока она, улыбаясь, шла к ним, он прочел на кармашке «Доктор В. Дюрона». Его Дюрона. Он даже застонал от облегчения. Большего смятения просто не вынести, эта боль сильнее,

чем физическая. Похоже, с нервами у него совсем плохо. Состояние, как во время ночного кошмара — только кошмары омерзительнее. Кровь, куски тел. А тут просто женщина в зеленом стоит и спорит сама с собой.

— Все физиотерапевты — садисты, — пошутила доктор А.

А, теперь понятно…

— Возвращайся помучить его попозже, — посоветовала доктор Р., — но осторожно.

— Какова максимально допустимая нагрузка? — Доктор А. была внимательна и серьезна. Склонив голову, она делала заметки в истории болезни. — Видишь ли, сверху поступают настойчивые запросы.

— Знаю. Физиотерапия не чаще чем раз в четыре часа. Пока. Пульс не должен быть выше ста сорока.

— Так много?

— Неизбежные последствия того, что сердце у него все еще маловато.

— Бу сде, лапочка. — Доктор А. захлопнула историю болезни и кинула ее доктору В., а потом ушла. Доктор Р. выпорхнула следом.

Его доктор Дюрона, доктор В., подошла к постели, улыбнулась и отвела волосы у него со лба.

— Тебе уже скоро пора стричься. А на проплешинах начинают расти новые волосы. Это очень хороший признак. Раз на голове столько происходит, то и внутри нее, наверное, тоже что-то меняется, а?

Да, если считать припадки истерии… Из глаза выкатилась слезинка. Она провела пальцем по влажному следу и вздохнула тревожно-сочувственно. Почему-то его это вдруг смутило.

«Я не… я не… я не мутант».

Она наклонилась поближе:

— Как ваше имя?

Он хотел заговорить. Язык не слушался. Он знал слова, но никак не мог их воспроизвести.

— Фш… мм… К фш ммя?

— Ты повторил за мной? — обрадовалась она. — Уже неплохое начало…

— Нн! К фш-ш м-мя? — Он ткнул пальцем в кармашек халата, надеясь, что она не подумает, будто он пытается ее лапать.

— Что? Ты спрашиваешь, как меня зовут?

— Гх! Гх!

— Доктор Дюрона.

Он застонал, закатывая глаза.

— А мое имя — Вербена.

Облегченно вздохнув, он упал на подушку. Вер-

бена. Славное имя. Ему хотелось сказать Вербене, что у нее славное имя. Ой, а если их всех зовут Вербенами… нет, ту, ну, которая как сержант, назвали Астрой. Все в порядке. Он может, если понадобится, выбрать из стада свою доктор-Дюрону — она особенная. Он прикоснулся дрожащей рукой к ее губам, потом к своим, но Вербена не поняла намека и не поцеловала его.

Неохотно, просто потому, что не было сил ее удерживать, он позволил Вербене уйти. Может, тот поцелуй ему приснился? А может, ему вообще все это снится?

После ее ухода прошло, похоже, немало времени, но ради разнообразия он не задремал, а лежал, охваченный бессвязными тревожными мыслями. В потоке мыслей кружился странный мусор: то какой-то образ, то что-то вроде воспоминания, но стоило ему сосредоточиться на этом, как поток мыслей замерзал и поднималась волна паники. Ну, так. Надо занять себя чем-то другим и наблюдать за мыслями исподтишка. В том, что он знает, есть его отражение. Надо попытаться расследовать, кто же он все-таки такой. «Если не можешь делать то, что хочешь, делай то, что можешь». И если нельзя ответить на вопрос, кто он такой, надо попробовать выяснить, где он.

Нашлепки с датчиками исчезли — за ним больше не наблюдали так тщательно, как прежде.

Было очень тихо. Он соскользнул с кровати и направился к двери. При его приближении дверь отъехала в сторону и он увидел короткий коридор, по-ночному тускло освещенный лампами на уровне пола.

В коридор выходили двери еще трех палат. Ни в одной не оказалось окон. Пациентов тоже не оказалось. Крошечный кабинет врача — или пост дежурной сестры — был пуст… Нет. На столике рядом с включенным коммом дымилась чашка какого-то напитка. Значит, дежурная скоро вернется. Он быстро проскользнул мимо и проверил дверь в конце коридора. И эта дверь тоже открылась автоматически.

Еще один короткий коридор. Две прекрасно оборудованные операционные. Обе отключены, стерилизованы, по-ночному молчаливы. И без окон. Пара кладовок, одна запертая, другая — нет. Две запертые стеклянные двери лабораторий: сквозь одну смутно виднеются ряды клеток для подопытных животных. Все заставлено медицинским и биохимическим оборудованием. Оборудования гораздо больше, чем может понадобиться лечебному учреждению. Несомненно,

исследовательский центр.

«Откуда я знаю, что?..» Нет. Не надо задавать вопросов. Просто двигайся. В конце коридора — лифтовая шахта. Туда.

Все тело ныло, дышать было тяжело, но надо воспользоваться шансом.

«Давай, давай, давай».

Где бы он ни находился, это — самый нижний этаж. Пол лифтовой шахты — здесь, прямо у его ног. Шахта уходила вверх в темноту, разбиваемую табличками с надписями Т-3, Т-2, Т-1. Поле отключено, низенькая дверца и не думает открываться автоматически. Открыв дверь вручную, он задумался над дальнейшими возможностями. Можно включить поле, но это рискованно — где-то на пульте немедленно загорится сигнальная лампочка (почему он так четко это себе представляет?). Или можно взобраться на первую перекладину.

При первой же попытке у него потемнело в глазах. Он включил поле.

Плавно поднявшись до уровня Т-1, он вышел из шахты. У крошечной площадки была дверь, прочная и сплошная. Дверь открылась и тут же закрылась у него за спиной. Осмотрев то, что оказалось самым обыкновенным чуланом, он

повернул обратно. Дверь исчезла, слившись со стеной.

Понадобилась целая минута испуганного исследования, чтобы убедиться в том, что он не ошибся. Дверь маскировалась под стену. И он только что сам себя запер. Он отчаянно заколотил по стене, но дверь отказывалась выпустить его. Босые ноги мерзли на гладком цементном полу, голова кружилась, усталость накатывала волнами. Ему так хотелось вернуться в постель. «Тебе это так надо только потому, что не получается. Из упрямства. Иди вперед». Тяжело опираясь на всякий хлам, он добрался до второй двери. Когда дверь захлопнулась у него за спиной, выяснилось, что и она открывается только с одной стороны.

«Иди вперед».

Впереди был еще один короткий коридор, заканчивающийся стандартным вестибюлем с лифтовой шахтой. Этот уровень тоже прикидывался, будто он последний. Уровень П-2. Таблички указывали на уровни П-1, 0, 2, 3 и дальше, уходя за пределы видимости. Он выбрал «0». Земля? Да. Он оказался в темном фойе.

Небольшое аккуратное помещение, обставленное скорее по-деловому, чем по-домашнему: растения в кадках, столик ночного дежурного.

Никого. Никаких надписей. Но здесь наконец он увидел окна и прозрачные двери. В стеклах неясно отражалось помещение — на улице стояла ночь. Главный приз: комм-пульт. Здесь можно не только сесть и передохнуть — здесь можно найти массу данных… Вот черт! Комм, оказывается, настроен на конкретных людей и на его прикосновение никак не отреагировал. Существуют способы снять защиту. Как же это делается?.. Нечеткая картина рассыпалась, как стайка испуганных рыбок. Он чуть не расплакался от беспомощности, сидя в рабочем кресле и опустив голову на панель несговорчивого комма.

Его трясло. «Господи, как я ненавижу холод!» Он проковылял к стеклянной двери. На улице шел снег: крошечные сверкающие хлопья неслись под углом в белом луче прожектора. Эти снежинки такие колючие. Они с шипением обожгут ничем не защищенную кожу. Внезапно мелькнуло воспоминание. Странная картина: ледяная метель, ночь и дюжина нагих мужчин. И еще — ощущение гигантской катастрофы. Может, тогда он и умер, под ветром и снегом? Недавно, где-то поблизости?

«Я был мертв». Он впервые осознал это. Сквозь ткань рубахи виднелись шрамы, расползшиеся

по телу. «И сейчас чувствую себя весьма неважно». Он нервно хихикнул и тут же засунул в рот кулак. Видимо, тогда он даже не успел испугаться. Запоздалая волна ужаса бросила его на колени. Потом он повалился на ледяной пол, дрожа от холода. И пополз.

Видимо, он включил какой-то датчик, потому что прозрачная дверь с шипением поползла в сторону. Ну уж нет, он не собирается повторять одну и ту же ошибку. Он не окажется во тьме внешней. Он немедленно вернется обратно. В глазах потемнело, и он потерял ориентацию. Ледяной цемент сменил гладкие плитки пола. Ошибся! Что-то словно ударило его по голове и с силой отбросило назад. Он почувствовал запах паленых волос. Перед глазами замелькали яркие узоры. Он попытался податься назад, но на пороге упал в лужу ледяной воды. «Нет, черт возьми, нет! Я не хочу снова замерзнуть!..» Он скорчился от отчаяния.

Голоса, тревожные крики. Шаги, шум… Теплые, о, благословенно теплые руки оттаскивают его от смертоносной двери.

Два женских голоса и один мужской:

— Как он сюда попал?

— … не должен был выбраться.

— Позовите Вербену. Разбудите.

— Он выглядит ужасно.

— Нет, он вообще так выглядит.

Приблизилось чье-то лицо, суровое и обеспокоенное. Ассистент Вербены, тот самый, который ввел ему тогда успокоительное: поджарый тип, смуглый, и нос у него с горбинкой. На кармашке надпись «В. Дюрона». Но не «Д-р». «Назовем его… Брат Дюрона».

— …опасность. — говорил «Брат Дюрона». — Невероятно, чтобы он смог в таком состоянии обмануть систему безопасности!

— Не ‘зпасность. — (Слова! Он выговаривает слова!) — Пжарный выхд. — И добавил: — Дурак.

«Брат Дюрона» оскорбленно дернулся:

— Ты это мне, Короткое Замыкание?

— Он говорит! — С радостным возгласом над ним склонилась его доктор Дюрона. Он узнал ее даже с распущенными волосами, темным облаком упавшими на плечи. «Вербена, любовь моя». — Ворон, что он сказал?

Молодой человек сдвинул темные брови.

— Готов поклясться, что он сказал «пожарный выход». Чушь какая-то.

Вербена широко улыбнулась:

— Ворон, все потайные двери открываются

наружу автоматически! Для эвакуации на случай пожара или химического загрязнения, или… Ты понимаешь, о каком уровне мышления это говорит?!

— Нет, — холодно ответил Ворон.

Наверное, обиделся на «дурака». Конечно, обидно, тем более если учесть, кто его так обозвал.

Откуда-то слева донесся немолодой грудной голос.

— Если вы тут не по долгу службы, идите спать. — Обладательница грудного голоса, доктор Дюрона с коротко стриженными седыми волосами появилась в его поле зрения, внимательно вглядываясь в него. — Господи, Вербена, он чуть было не сбежал — и это в его-то состоянии!

— Ну уж и сбежал, — сказал Брат Ворон. — Даже если бы ему удалось каким-то образом прорваться сквозь силовой экран, он замерз бы через двадцать минут — в его-то одежде!

— А как он вышел?

Очередная доктор Дюрона виновато сказала:

— Он, наверное, прошел мимо поста, когда я была в туалете. Извините!

— А если бы он выбрался днем? — задумалась старшая. — Если бы его увидели? Это была бы катастрофа!

— Теперь я буду запирать больничное крыло! — пообещала встревоженная Дюрона.

— Не уверена, что этого достаточно. Вчера он даже ходить не мог! И все же случившееся меня не только тревожит, но и обнадеживает. Кажется, мы тут что-то заполучили. Придется следить тщательнее.

— Кому это поручить? — спросила Вербена.

Несколько докторов Дюрона — кто в ночных рубашках, кто в халатах — разом посмотрели на молодого человека.

— Ну уж нет! — запротестовал Ворон.

— Вербена может следить за ним днем и продолжать свою работу. А у тебя будут ночные дежурства, — решительно объявила седовласая.

— Да, сударыня, — вздохнул Ворон.

Та повелительно махнула рукой:

— Верните его в палату. А ты, Вербена, проверь, не повредил ли он себе чего.

— Сейчас привезу антигравитационную платформу, — сказала Вербена.

— Не нужна нам платформа, — презрительно возразил Ворон, опустился на колени, подхватил его на руки и, хрипло выдохнув, встал. Демонстрирует, какой он сильный?.. Ну… нет. — Веса в нем не больше, чем в мокрой шубе. Пошли,

Короткое Замыкание, тебя ждет постель.

Сил больше не было — пришлось позволить себя нести. Вербена на всякий случай пошла с ними.

Вербена тщательно осмотрела его, особое внимание уделив ноющим шрамам.

— Ничего страшного. Но, похоже, он испытывает беспокойство. Может, из-за боли.

— Ввести ему пару кубиков снотворного? — с готовностью спросил Ворон.

— Нет. Выключи свет. Ему нужны покой и тишина. Он очень измучен. Думаю, он сам заснет, как только согреется. — Вербена нежно прикоснулась к его щеке, потом к губам. — Знаешь, ведь он заговорил уже второй раз за последние сутки.

Ей хочется, чтобы он поговорил с ней. Но не сейчас. Сейчас он слишком устал. И слишком переволновался. В этих Дюронах чувствуется какая-то скрытая тревога. Что-то их очень беспокоит. Что-то связанное с ним? Может, сам он о себе ничего не помнит, но они-то уж точно что-то знают. Знают и не говорят.

Вербена ушла. Брат Дюрона сдвинул два кресла и, устроившись поудобнее, углубился в чтение. Время от времени Ворон возвращался назад или делал записи. Несомненно, изучает медицину.

Он лежал пластом, безмерно усталый. Сегодняшняя экскурсия чуть не прикончила его, и какие результаты? Никаких, не считая того, что он находится в очень странном месте.

«И я здесь пленник».

Глава 19

Марк, Элен и графиня сидели в библиотеке и просматривали данные по кораблю. Вылет планировался на завтра.

— Как вы думаете, у меня будет время повидать на Комарре клонов? — спросил Марк. — Иллиан позволит?

Служба безопасности поместила клонов в комаррский частный пансион — по совету графини, которая держала Марка в курсе происходящего. Иллиану это понравилось, поскольку так надо было охранять только одно место. Клонам это понравилось, потому что они по-прежнему были вместе. Хоть что-то знакомое в совершенно незнакомом мире. Учителям это понравилось, потому что с клонами можно было заниматься по общей программе, подтягивая всех к одному уровню. В то же время детишки имели возможность встречаться с подростками из нормальных семей и понемногу учиться общению. Позже, когда минует опасность, графиня постарается найти им приемных родителей.

«Как они смогут научиться строить семью, не

имея примера для подражания?» — убеждала она Иллиана. Марк слушал этот разговор с глубочайшим интересом, но рта не открывал.

— Конечно, если захочешь, — ответила графиня. — Иллиан, естественно, заартачится, но это у него чисто рефлекторное. Только… Боюсь, он может высказать один веский аргумент. В связи с тем, куда ты направляешься. Если ты — не приведи Господь — нарвешься на людей Бхарапутры, тебе лучше не знать подробностей, касающихся клонов. Было бы куда осмотрительнее заглянуть к ним на обратном пути.

Казалось, графине самой неприятно это говорить, но многолетняя привычка сделала осмотрительность автоматической.

«Если я нарвусь на Васа Луиджи, меньше всего меня будут волновать клоны», — подумал Марк. Да и вообще, зачем ему лично навещать их? Давняя мечта выступить в роли героя? Герой должен быть сдержан и суров. Герой не нуждается в похвалах и не преследует свои… жертвы… добиваясь признания. Хватит уже валять дурака.

— Нет, — вздохнул он наконец. — Если кто-то из них захочет со мной поговорить, он, наверное, сам меня отыщет.

Да и вообще, ни одна принцесса по доброй воле

его не поцелует.

Графиня только молча пожала плечами.

Элен вернула их к практическим вопросам: стоимости топлива и ремонта системы жизнеобеспечения. Ботари-Джезек и графиня (Марк вспомнил, что когда-то она и сама была капитаном корабля) как раз обсуждали проблему отладки двигателей Неклина, когда изображение на экране комма вдруг разделилось и в одной его части материализовалось лицо Саймона Иллиана.

— Привет, Элен, — кивнул он ей, поскольку за пультом сидела именно она, — я хотел бы поговорить с Корделией.

Элен улыбнулась, кивнула, отключила микрофон, отодвинула кресло и, быстро поманив графиню, шепотом спросила:

— У нас неприятности?

— Он нам помешает, — забеспокоился Марк. — Он меня приколотит гвоздями к полу. Не сомневаюсь.

— Ш-ш, — графиня улыбнулась. — Сядьте подальше и молчите. Саймон — моя забота. — Она включила микрофон. — Да, Саймон, чем могу быть полезна?

— Миледи, — Иллиан отрывисто кивнул, — ко-

ротко говоря, — вы можете остановиться. Ваш план неприемлем.

— Для кого, Саймон? Для меня он вполне приемлем. У кого еще есть право голоса?

— У Безопасности, — прорычал Иллиан.

— Безопасность — это ты. Будь любезен, сам отвечай за собственные эмоциональные реакции и не пытайся переложить их на какую-то туманную абстракцию. Или отключись и соедини меня с капитаном Безопасность.

— Хорошо. Неприемлемо для меня.

— Коротко говоря — перебьешься.

— Я прошу вас остановиться.

— А я отказываюсь. Если хочешь меня остановить, придется тебе отдать приказ на мой арест. И на арест Марка.

— Я поговорю с графом, — непреклонно заявил Иллиан с видом человека, вынужденного прибегать к крайним мерам.

— Граф слишком болен. И я с ним уже поговорила.

Иллиан проглотил это, почти не подавившись:

— Не знаю, чего, по-вашему, вы сможете добиться, кроме как замутить воду, подвергнуть риску людей и потратить целое состояние.

— Ну вот, в том-то и дело, Саймон. Я не знаю,

чего сможет добиться Марк. И ты не знаешь. Все дело в том, что у Службы безопасности в последнее время не было конкурентов. Вы принимали свою монополию как нечто само собой разумеющееся. Вам полезно будет посуетиться.

Какое-то время Иллиан сидел, молча стиснув зубы.

— Тем самым вы подвергаете семейство Форкосиганов тройному риску, — сказал он наконец. — Вы рискуете последней возможной заменой.

— Я это сознаю. И выбираю риск.

— У вас есть на это право?

— Больше, чем у тебя.

— Такого переполоха в правительстве я не видел уже много лет. Центристская коалиция ищет человека, который заменил бы Эйрела. И три другие партии тоже ищут.

— Превосходно. Надеюсь, у одной из них это получится прежде, чем Эйрел встанет на ноги. Иначе я никогда не заставлю его выйти в отставку.

— Вот вы чего добиваетесь? — возмутился Иллиан. — Хотите оборвать карьеру вашего мужа? Где же ваша преданность, миледи?

— Я хочу увезти его из Форбарр-Султана живым, — ледяным голосом ответила Корделия. — В

последнее время я почти потеряла надежду это сделать. Выбирай сам, чему предан ты — я выбираю за себя.

— Но кто в состоянии заменить его? — жалобно спросил Иллиан.

— Таких немало. Ракоци, Форхалас или Сендорф — вот уже трое. Если не так, значит, Эйрел — плохой лидер. Единственное мерило оценки великого человека — люди, которых он оставляет после себя, которым он передал свои таланты. Если ты считаешь, будто Эйрел настолько мелок, что подавил всех окружающих, тогда, наверное, Барраяру лучше будет без него.

— Вы же знаете, что я так не считаю!

— Прекрасно. Тогда твой довод уничтожен.

— Вы меня всегда путаете. — Иллиан потер затылок и под конец сказал: — Миледи, я не хотел вам этого говорить. Но подумали ли вы, насколько опасно допустить, чтобы лорд Марк нашел лорда Майлза первым?

Графиня откинулась на спинку кресла и забарабанила пальцами по краю пульта.

— Нет, Саймон, — улыбнулась она. — О какой опасности ты говоришь?

— О соблазне продвинуться вверх.

— Убить Майлза. Говори, что думаешь, черт по-

бери! — В ее глазах появился опасный блеск. — Ну так позаботься, чтобы твои люди нашли Майлза первыми. Так ведь? Я не возражаю.

— Черт побери, Корделия, — воскликнул он, теряя самообладание. — Ты же должна понимать, что стоит им нарваться на неприятности, они первым делом обратятся за помощью к Службе безопасности!

Графиня ухмыльнулась:

— Цель вашей жизни — служение, так, по-моему, вы говорите, принося присягу. Верно?

— Посмотрим, — огрызнулся Иллиан и отключил связь.

— Что он предпримет? — испуганно спросил Марк.

— Попытается найти на меня управу. Поскольку с Эйрелом я его опередила, у него остается только одна возможность. Думаю, мне не имеет смысла вставать с кресла. Все равно со мной в ближайшее время свяжутся.

Марк с Элен попытались продолжить работу. Когда комм снова заверещал, Марк подпрыгнул.

Незнакомый молодой человек, кивнув Корделии, объявил:

— Леди Форкосиган — император Грегор, — после чего мгновенно исчез. На экране появилось

смущенное лицо Грегора.

— Доброе утро, леди Корделия. Право же, вам не следовало так огорчать Саймона.

— Он это заслужил, — спокойно ответила графиня. — Готова признать, что сейчас у него немало забот. Скрытое беспокойство вечно превращает его в мерзавца. Иначе бы ему пришлось с воплями носиться по кругу. По-видимому, для него это — средство держаться.

— А для некоторых средство держаться — чрезмерно тщательный анализ, — пробормотал Грегор. Губы Корделии изогнулись в улыбке, и Марк подумал, что знает, кто бреет брадобрея.

— Его соображения безопасности вполне законны, — продолжил Грегор. — Насколько разумно ваше предприятие?

— На это можно ответить только экспериментальным путем. Я согласна, Саймон говорит искренне. Но… ваше величество, что, по-вашему, лучше служит интересам Барраяра? Вот вопрос, на который вы должны ответить.

— В мыслях у меня есть противоречия.

— А в сердце? — Ее слова прозвучали как вызов. Графиня раскрыла ладони — то ли извинение, то ли мольба. — Так или иначе вам еще долго предстоит иметь дело с лордом Марком Форко-

сиганом. Эта поездка в любом случае проверит основательность всех сомнений. Иначе сомнения останутся с вами навсегда и будут точить душу. Я считаю, что это нечестно по отношению к Марку.

— До чего научно, — выдохнул Грегор. Собеседники с иронией посмотрели друг на друга.

— Я подумала, что вам такой довод понравится.

— Лорд Марк с вами?

— Да. — Графиня дала ему знак подойти.

Марк вышел в зону приема:

— Ваше величество.

— Ну, лорд Марк. — Грегор серьезно посмотрел на него. — Похоже, ваша мать намерена предоставить вам все возможности самому вырыть себе могилу.

Марк с трудом сглотнул:

— Да, ваше величество.

— Или спастись. — Грегор кивнул. — Так тому и быть. Удачи вам — ни пуха ни пера.

— К черту, ваше величество.

Грегор улыбнулся и отключил связь.

Больше Иллиан их не тревожил.

После обеда графиня, отправляясь в госпиталь, взяла с собой Марка. Он уже дважды навещал

отца. Правда, граф по-прежнему пугал Марка. Даже теперь, прикованный к постели, на грани между жизнью и смертью, он был все так же силен духом, и Марк не знал, что его больше пугает: сила личности или близость смерти.

У палаты премьер-министра Марк неуверенно остановился. Графиня вопросительно посмотрела на него.

— Мне… — замялся Марк. — Мне на самом деле не хочется туда заходить.

— Я не стану тебя заставлять. Но сделаю предсказание.

— Говори, о прорицательница!

— Ты никогда не пожалеешь о том, что зашел. Но возможно, будешь глубоко сожалеть о том, что не зашел.

Марк переварил ее слова, чуть слышно произнес: «Ладно» и пошел за ней.

Они прошли на цыпочках по пышному ковру. За окном открывался великолепный вид на Форбарр-Султан: древние здания и река, рассекающая сердце города. День выдался пасмурный, холодный и дождливый, и последние этажи современных зданий терялись в клубящемся белом тумане. Граф лежал, повернувшись к серебристому свету. Бледное одутловатое лицо казалось

почти зеленым — и не только из-за обманчивого освещения и бликов от зеленой пижамы. Он был весь облеплен датчиками, а к ноздрям подходила кислородная трубка.

Услышав шаги, он повернул голову, улыбнулся и включил лампочку у кровати. Но теплый электрический свет не улучшил цвет его лица.

— Милая капитан! Марк!

Графиня наклонилась к мужу, и они обменялись долгим поцелуем. Графиня уселась по-турецки у него в ногах, расправила длинную юбку и принялась массировать ему ступни. Эйрел умиротворенно вздохнул.

Марк остановился в метре от кровати:

— Добрый вечер, сэр. Как вы себя чувствуете?

— Если не можешь поцеловать собственную жену, не задохнувшись, значит, дела плохи, — пожаловался Эйрел и откинулся на подушки.

— Меня пустили в лабораторию посмотреть на твое новое сердце, — сообщила графиня. — Оно уже размером с цыплячье и очень весело бьется в своей пробирке.

Граф тихо рассмеялся:

— Мрачный юмор.

— Мне оно показалось очень симпатичным.

— Тебе — еще бы!

— А уж если хочешь мрачного юмора, то подумай, как ты распорядишься старым после пересадки. Возможности для шуток в дурном вкусе просто неограниченны.

— Голова кругом идет, — пробормотал граф. Все еще улыбаясь, он взглянул на Марка.

Марк вздохнул поглубже:

— Леди Корделия говорила вам, что я собираюсь сделать?

— Угу. — Улыбка графа погасла. — Да. Будь осторожен. Гадкое место этот Архипелаг Джексона. Хотел бы я отправить с тобой Ботари.

Графиня явно удивилась. По ее лицу Марк угадал, что она сейчас думает: «Неужели он забыл, что Ботари погиб?» Графиня постаралась изобразить еще более веселую улыбку.

— Я беру Ботари-Джезек, сэр.

— История повторяется. — С трудом приподнявшись на локте, граф строго добавил: — Смотри, чтобы она не повторилась, мальчик! — И снова откинулся на подушки. Графиня успокоилась. — Надо признать, Элен умнее отца, — печально заметил он.

Графиня закончила массаж.

Эйрел нахмурился, очевидно, пытаясь сформулировать более полезный совет.

— Когда-то я думал… конечно, я понял это уже в старости… что нет более страшной судьбы, чем стать ментором. Быть в состоянии объяснить, что надо делать — и не в состоянии сделать самому. Послать своего воспитанника вперед, яркого и красивого, чтобы он принял огонь вместо меня… Но, кажется, я узнал и кое-что похуже. Послать ученика, не имея возможности как следует его обучить… Будь умным, мальчик. Уворачивайся. Не отдавай победы врагу заранее, в своих мыслях. Потерпеть поражение ты можешь только здесь.

Граф прикоснулся пальцами к вискам.

— Я пока даже не знаю, кто мои враги, — виновато сказал Марк.

— Не беспокойся, они сами тебя найдут, — вздохнул граф. — Люди сами выдают себя: словами, поступками. Если ты терпеливо молчишь и не мешаешь им, и не торопишься настолько, что становишься глух и слеп, как крот. Верно?

— Наверное, так, сэр, — ответил озадаченный Марк.

— Ха! — граф окончательно задохнулся. — Сам увидишь, — просипел он.

Графиня пристально посмотрела на него и встала.

— Ну, — Марк отрывисто кивнул, — до сви-

дания.

Его слова беспомощно повисли в воздухе. Он судорожно сглотнул, осторожно приблизился к графу и протянул руку.

Граф быстро и сильно сжал ее. Рука у него была большая, с квадратной ладонью и крепкими пальцами: рука для лопаты и кирки, сабли и ружья. Ладонь Марка рядом с ней показалась по-детски маленькой и пухлой. У них не было ничего общего, кроме рукопожатия.

— Смерть врагам, мальчик, — прошептал граф.

— И вам тем же концом по тому же месту, сэр.

Отец хрипло рассмеялся.

Этим вечером, в свой последний день на Барраяре, Марк сделал еще один вызов по комму. Он прокрался в комнату Майлза, чтобы воспользоваться его комм-пультом — не то чтобы по секрету, но все же не при всех. Минут десять он молча смотрел на потухший экран и наконец порывисто набрал номер.

Когда отзвучал сигнал вызова, на экране возникла светловолосая женщина средних лет. Прежде, наверное, она была потрясающе красива, но и теперь казалась сильной и уверенной. В голубых глазах горели веселые искорки.

— Дом коммодора Куделки, — официально

произнесла она.

«Это ее мать!» Марк с трудом поборол ужас и дрожащим голосом проговорил:

— Можно мне поговорить с Карин Куделкой, сударыня?

Светлая бровь чуть приподнялась.

— Кажется, я знаю, кто вы, но… как мне сказать, кто ее спрашивает?

— Лорд Марк Форкосиган, — с трудом выдавил он.

— Секунду, милорд. — Изображение исчезло, и он услышал удаляющийся голос: — Карин!

Потом послышался приглушенный стук, неясные возгласы, вскрик, и смеющаяся Карин воскликнула:

— Нет, Делия, это меня! Мама, пусть она уйдет! Меня, только меня! Уходи!

Стук двери, судя по всему, кого-то прищемившей, вопль и еще один, более решительный хлопок.

На экране появилась Карин Куделка, запыхавшаяся и взъерошенная, и, радостно блеснув глазами, сказала:

— Привет!

Если это был и не точь-в-точь такой взгляд, какой леди Кассия подарила Айвену, то по крайней

мере что-то очень похожее.

— Здрасьте, — взволнованно сказал он. — Я хотел попрощаться.

Нет, это слишком внезапно…

— Что?!

— Э-э, извините, я не совсем то хотел сказать. Но я скоро улетаю с планеты, и мне хотелось перед отъездом поговорить с вами еще раз.

— А. — Ее улыбка погасла. — А когда вы вернетесь?

— Точно не знаю. Но когда вернусь, хотел бы снова вас увидеть.

— Ну… конечно.

«Конечно!» Сколько в это «конечно» можно вложить радостных предположений!

Она прищурилась:

— Что-нибудь случилось, лорд Марк?

— Нет, — поспешно ответил он. — Э-э… Я только что слышал голос вашей сестры?

— Да. Мне пришлось от нее запереться, иначе она встала бы передо мной и начала корчить рожи. — Искреннее негодование Карин продержалось всего секунду, а потом она добавила: — Я всегда так делаю, когда ей звонят молодые люди.

Он — молодой человек. Как… как нормально! Несколькими вопросами он вызвал ее на рас-

сказ о сестрах, о родителях, о ее жизни. Частные школы, любимые дети… Семья коммодора была зажиточной, но барраярский культ работы внушил им страсть к образованию и жизненному успеху: идеал служения пронизывал всю их жизнь, увлекая их в будущее. Он весь пропитался ее словами, мечтательно сопереживая. Она такая мирная, такая настоящая! Никакого надлома, никакого уродства. Его разум согрелся, насытился и стал счастливым: ощущение почти эротическое, но без угрозы. Увы, вскоре Карин заметила, что он почти все время молчит.

— Боже, я совсем вас заболтала! Извините.

— Нет! Мне нравится вас слушать.

— Вот это что-то новое. У нас в семье мне и слова не удается вставить. Я до трех лет вообще не говорила. Меня даже к врачу повели. Оказалось, дело в том, что сестры все время отвечали за меня!

Марк рассмеялся.

— А теперь все говорят, что я наверстываю упущенное.

— Насчет упущенного я прекрасно понимаю, — невесело сказал Марк.

— Да, я… кое-что слышала. Кажется, ваша жизнь была настоящим приключением.

— Не приключением, — поправил он, — скорее

катастрофой. Может, когда вернусь, я кое-что смогу вам рассказать.

Если вернется. Если осуществит то, ради чего летит.

«Я нехороший человек. Вы должны это знать, прежде чем…»

Прежде чем что? Чем дольше будет продолжаться их знакомство, тем труднее будет рассказать ей эти отвратительные тайны.

— Послушайте, я… Вы должны понять. — Господи, он говорит точь-в-точь как Элен, когда та пришла извиняться. — Я в ужасной форме, и я не имею в виду только внешность. — Какое право он имеет забивать ей голову такими ужасами? — Я даже не знаю, что мне следует вам рассказать!

Он прекрасно понимал, что сейчас это преждевременно. Но потом может оказаться слишком поздно, и у нее возникнет чувство, будто ее обманули и предали. А если он не прекратит этот разговор сию же минуту, то поддастся настроению и потеряет единственное светлое существо, которое нашел.

Карин озадаченно наклонила голову:

— Может, вам следует спросить графиню.

— Вы ее хорошо знаете? Можете с ней поговорить?

— О, да. Они с мамой — лучшие подруги. Моя мама раньше была личной телохранительницей графини, а потом вышла в отставку и родила нас.

Ну вот. Опять заговор бабушек. Властные старухи с их генетическими задачами… Он понимал, что существуют вещи, которые мужчина должен делать сам. Но на Барраяре пользуются услугами посредниц. На его стороне — генеральная посланница. Графиня будет иметь в виду его благо. Ага, как женщина, которая держит вопящего младенца, чтобы ему сделали болезненную прививку от смертельной болезни.

Насколько он доверяет графине? Смеет ли он довериться ей в этом?

— Карин… До моего возвращения окажите мне услугу. Если вам представится возможность поговорить с графиней наедине, спросите, что, по ее мнению, вам следует знать обо мне, прежде чем мы с вами сможем познакомиться ближе. Скажите, что это я вас попросил.

— Хорошо. Я люблю разговаривать с леди Корделией. Она для меня как наставница. Внушает мне, что я способна сделать что угодно. — Карин помедлила. — А если вы вернетесь к Зимнепразднику, вы потанцуете со мной на балу у

императора? И не прячьтесь в угол! — строго добавила она.

— Если я вернусь к Зимнепразднику, мне не надо будет прятаться в угол. Конечно, потанцую.

— Хорошо. Я вам напомню.

— Слово Форкосигана, — небрежно сказал он.

Ее синие глаза округлились, а на пухлых губах появилась ослепительная улыбка.

— О Боже!

Такое же чувство, наверное, испытываешь, когда собираешься сплюнуть, а вместо слюны изо рта вдруг выскакивает бриллиант. И уже нельзя ничего переиграть. Видимо, форская жилка в ней сильна, если она так серьезно относится к слову Форкосигана.

— Ну, мне пора, — сказал он.

— Хорошо… Лорд Марк, будьте осторожны!

— Я… почему вы это сказали?

Он готов был поклясться, что ни словом не обмолвился о том, куда и зачем направляется.

— У меня отец — военный. И он, глядя такими же честными глазами, так же бессовестно врет, когда отправляется на сложное задание. И маму ему тоже никогда не удается обмануть.

Еще ни разу в жизни девушка не просила его быть осторожным — и притом с таким видом,

будто она это серьезно.

— Спасибо вам, Карин.

Марк неохотно отключил комм.

Глава 20

Марк с Элен долетели до Комарры на курьерском корабле Службы безопасности.

Марк твердо решил, что это последнее одолжение, о котором он просит Саймона Иллиана. Он оставался тверд в своей решимости до самой орбиты Комарры. А на орбите его уже поджидал подарок дендарийцев — все личные вещи медика Норвуда.

СБ вскрыла посылку первой, но на то она и СБ. Что поделаешь? Не без помощи Элен Марк улестил Иллиана и в конце концов получил доступ ко всем вещам. Ему с большой неохотой позволили войти в секретный кабинет на орбитальной станции, принадлежавшей силам безопасности. Марк бессовестно свалил на Элен все дела, связанные с кораблем, а сам погрузился в исследование очередной шкатулки с сокровищами. Один в пустой комнате! Какое блаженство.

Лихорадочно просмотрев абсолютно все вещи Норвуда — одежду, подборку дискет с книгами, письма и сувениры, Марк слегка приуныл и уже готов был признать поражение. Ничего ценного.

Ни в одном кармане ничего не завалялось — СБ проверила. Отодвинув одежду, обувь, сувениры, он сосредоточился на библиотеке Норвуда и его учебных записях.

Вздохнув, Марк поудобнее устроился в кресле и приготовился к долгим исследованиям. Он отчаянно надеялся, что Норвуд даст хоть какую-то подсказку. Неужели этот человек, погибший по его вине, умер напрасно?

«Никогда больше не захочу быть командиром. Ни за что и никогда».

Марк и не ожидал, что подсказка будет очевидной. Но через несколько часов, когда он наконец нашел зацепку, это сработало на уровне подсознания. Записка, одна из многих, вложенная в учебник по криообработке. И всего-то там было написано:

«Встреча с д-ром Дюроной в 9.00 по поводу лабораторных материалов».

Неужели та самая Дюрона?..

Марк вернулся к послужному списку Норвуда — он уже изучал этот список на Барраяре. Дендарийцы направили Норвуда на криообучение в некий восстановительный центр Бошен — весьма уважаемую коммерческую клинику Эскобара. Среди преподавателей имя доктора Дюроны не

встречалось. Не было его и в списке сотрудников Восстановительного Центра. Его вообще нигде не было. Марк на всякий случай перепроверил информацию.

«Наверное, на Эскобаре живет множество людей по фамилии Дюрона».

Но он все равно сжал записку в кулаке. Бумага жгла руку.

Марк связался с Куин, находившейся недалеко от станции на борту «Ариэля».

— А, — неприветливо сказала Элли, — ты вернулся. Элен говорила. И что?

— Послушай, среди дендарийцев есть кто-нибудь — врачи или медики, — кто обучался бы в Восстановительном центре Бошена? Желательно одновременно с Норвудом. Или примерно в то же время.

Элли вздохнула:

— В его группе было трое. Медик Красного отряда, Норвуд и медик Оранжевого отряда. Служба безопасности уже спрашивала об этом, Марк.

— Где они сейчас?

— Медик Красного отряда погиб несколько месяцев назад, разбился с катером…

— А! — он запустил пятерню в волосы.

— …а медик Оранжевого отряда здесь, на «Ари-

эле».

— Замечательно! Мне надо с ним поговорить. — Он чуть не сказал: «Позовите его», но вовремя опомнился. Ведь это комм Службы безопасности, и разговор наверняка подслушивают. — Направьте за мной капсулу.

— Во-первых Служба безопасности уже допросила его, а во-вторых, кто ты такой, чтобы мне указывать?

— Вижу, Элен вам ничего не рассказала. — Любопытно. Неужели присяга для Элен важнее, чем преданность дендарийцам? Или ей просто некогда было болтать? Сколько времени он тут… Марк взглянул на хроно. Боже!.. — Дело в том, что я собираюсь на Архипелаг Джексона. В самое ближайшее время. Так что если вы будете себя хорошо вести, может, я и попрошу Службу безопасности отпустить вас в качестве моей гостьи. — Он ухмыльнулся.

Элли одарила его взглядом, куда более выразительным, чем любые ругательства. Ее губы беззвучно зашевелились (считает до десяти?). Наконец она заговорила.

— Твоя капсула будет у стыковочного узла станции ровно через одиннадцать минут.

— Спасибо.

Медик был крайне раздражен.

— Послушайте, меня уже расспрашивали буквально обо всем. В течение нескольких часов. Мы все обговорили.

— Я обещаю быть кратким, — успокоил его Марк. — Всего один вопрос.

Медик злобно посмотрел на Марка: может, догадался, из-за кого они уже двенадцать недель не могут уйти с орбиты Комарры?

— Когда вы с Норвудом проходили криоподготовку в Восстановительном центре Бошена, вам не встречалась некая доктор Дюрона? Может, она заведовала лабораторией.

— Там всяких докторов было навалом. Нет. Я могу идти? — Медик встал.

— Подождите!

— Вы уже задали один вопрос. И Служба безопасности мне его задавала.

— И вы ответили им то же самое? Подождите. Дайте подумать. — Марк озабоченно кусал губы. Одного имени недостаточно. Надо получить что-то большее. — А не вспомните ли вы… чтобы Норвуд встречался с высокой эффектной женщиной с прямыми черными волосами и карими глазами… Очень умной.

О возрасте он спрашивать не стал: возраст мог

быть любым, от двадцати до шестидесяти.

Медик изумленно уставился на него:

— Угу! А вы откуда знаете?

— Кто она была? И что ее связывало с Норвудом?

— По-моему, она тоже там училась. Он какое-то время за ней приударял, все хвастался своим мундиром и военным опытом, но, по-моему, ее не добился.

— А вы не помните, как ее звали?

— Вера или еще как-то. Верба. Не помню.

— Она была с Архипелага Джексона?

— Я считал, что она с Эскобара. — Медик пожал плечами. — В клинике были интерны со всей планеты. Я с ней никогда не разговаривал. Просто пару раз видел ее с Норвудом. Наверное, он боялся, что мы попробуем ее у него отбить.

— Значит, клиника очень хорошая. Пользуется превосходной репутацией.

— Так нам казалось.

— Подождите здесь. — Марк оставил медика в офицерской кают-компании «Ариэля» и бросился на поиски Куин. Искать пришлось недолго: Элли ждала его в коридоре, нетерпеливо постукивая носком ботинка.

— Куин, быстро! Мне нужна визуальная запись

со шлема сержанта Тауры. Всего один кадр.

— Служба безопасности конфисковала оригинал.

— Но вы же оставили себе копию!

Она ядовито улыбнулась:

— Надо посмотреть.

— Ну пожалуйста, Куин!

— Подожди.

Элли вернулась довольно быстро и на этот раз зашла вместе в ним в кают-компанию. Поскольку комм уже не реагировал на отпечаток его ладони, пришлось попросить о помощи Куин. Он быстро нашел нужный кадр: крупным планом лицо высокой темноволосой девушки. Марк смазал на кадре фон и только потом подозвал медика.

— Ого!

— Это она?

— Это… — Медик всмотрелся внимательнее. — Она моложе. Но это она. Откуда это у вас?

— Не важно. Спасибо вам. Не смею вас больше задерживать. Вы мне очень помогли.

Медик удалился так же неохотно, как и входил — даже оглянулся через плечо.

— Ты нашел след, Марк? — спросила Элли.

— Вот сядем на мой корабль, отправимся, тогда и скажу. Не раньше.

Он опередил Службу безопасности и не собирается лишаться преимущества. Если бы они не отчаялись, его бы не отпустили — несмотря на просьбы графини. Это честная игра: у него нет никаких данных, которые не могли бы получить люди Иллиана. Он просто чуть иначе эти данные интерпретировал.

— Твой корабль? Откуда ты его взял?

— Мать подарила. — Марк с трудом сдержал торжествующую улыбку.

— Графиня? Ну дела! Она тебя отпустила?

— В конце концов родители подарили моему старшему брату целый флот! — У него заблестели глаза. — Увидимся на борту, как только Элен доложит, что все готово.

Собственный корабль! Не ворованный! Никаких обманов и подделок. Марк еще никогда не получал подарков ко дню рождения. А теперь получил. Первый за все двадцать два года.

Небольшая космическая яхта преклонного возраста когда-то в блаженные времена до барраярского завоевания принадлежала комаррскому олигарху. Раньше яхта, видимо, была роскошной, но за последние десять лет явно пришла в упадок. Но это вовсе не служило свидетельством упадка комаррской экономики. Яхту просто собрались

заменить новой — потому и продали. Комаррцы разбирались в бизнесе, а форы разбирались в связи бизнеса и налогов, так что деловая активность при новом режиме осталась прежней.

Марк объявил кают-компанию конференц-залом и сейчас оглядывал гостей, расположившихся в удобных креслах вокруг декоративного камина.

Конечно, здесь была Куин — по-прежнему в дендарийском мундире. Она уже обгрызла ногти и теперь кусала губы. Бел Торн был молчалив и сдержан. Вокруг его погасших глаз пролегли тонкие морщинки. Рядом возвышалась сержант Таура — огромная, растерянная и встревоженная.

Ударным отрядом это не назовешь. Марк опять — в который раз — подумал, что следовало прихватить побольше людей… Нет. Если первая вылазка чему-то его и научила, так это тому, что, если у тебя слишком мало сил для победы, лучше вообще не прибегать к силе.

В каюту вошла Элен. Кивнув Марку, она сообщила:

— Летим. Мы ушли с орбиты и за пультом твой пилот. До первого п-в-перехода двадцать часов.

— Спасибо, капитан.

Куин подвинулась, освобождая место для Ботари-Джезек. Марк устроился на каминном порожке из искусственного булыжника, спиной к потрескивающему искусственному пламени, свободно положив руки между коленями. Глубоко вздохнув, он начал:

— Добро пожаловать на корабль и спасибо вам всем за то, что вы здесь. Как вы понимаете, это не официальная операция дендарийцев, и ее не оплачивает Служба безопасности. Наши расходы взяла на себя графиня Форкосиган. Вы все числитесь в отпуске за свой счет. Я над вами не имею практически никакой власти. А вы — надо мной. Но у нас есть общий интерес, который требует, чтобы мы объединили наши усилия. Первое — это истинная личность адмирала Нейсмита. Элли, вы информировали капитана Торна и сержанта Тауру?

Бел Торн кивнул:

— Мы со стариком Тангом давно все вычислили. Тайна личности адмирала Нейсмита была не настолько тайной, насколько он надеялся.

— Для меня это новость, — пробасила Таура, — но это ужасно многое объяснило.

— Ну, добро пожаловать в круг посвященных, — подытожила Элли. — Официально. — Она

повернулась к Марку: — Ладно, что ты нашел? Какие-то зацепки?

— Ах, Элли, зацепок у меня хоть отбавляй. Единственное, чего не хватает, так это мотива.

— Значит, ты опередил Службу безопасности.

— Да, но, думаю, ненадолго. Они заслали своего агента на Эскобар. Выяснить все подробности, касающиеся Восстановительного Центра Бошена. Так что эту зацепку они получат. Рано или поздно. Планируя нашу экспедицию, я собирался для начала более тщательно проверить двадцать основных точек на Архипелаге Джексона. Однако в личных вещах Норвуда оказалось нечто, заставившее меня изменить первоначальный план. Если Майлза оживили — на чем, собственно, и основана моя гипотеза, — то как, по-вашему, сколько времени пройдет, пока он не выкинет очередной номер, чем, естественно, привлечет к себе внимание?

— Очень немного, — неохотно признала Элен.

Элли невесело добавила:

— Но он может очнуться в состоянии амнезии. Для криооживления такие случаи скорее правило, чем исключение.

— Дело вот в чем: мы и Служба безопасности — не единственные, кто ищет Майлза. Фактор

времени не дает мне покоя. Чье внимание он привлечет прежде всего?

Куин только хмыкнула. Торн с Таурой обменялись беспокойными взглядами.

— Ладно. — Марк провел ладонями по волосам, с трудом удержавшись, чтобы не начать по-майлзовски расхаживать по каюте. — Вот что я выяснил и вот что я думаю. Когда Норвуд обучался на Эскобаре, он познакомился с некоей доктором Верой или Вербой Дюрона с Архипелага Джексона, которая проходила ординатуру по криооживлению. У них сложились определенные отношения — достаточно хорошие, чтобы, оказавшись в безвыходной ситуации, Норвуд вспомнил о ней. Он был уверен в этой женщине настолько, чтобы отправить криокамеру именно ей. Не забудьте: Норвуд считал Фелла нашим союзником. А группа Дюроны работает на дом Фелл.

— Погоди-ка! — встрепенулась Куин. — Ведь Фелл утверждает, что у них криокамеры нет!

Марк предупреждающе поднял руку:

— Позвольте мне сделать небольшой экскурс в историю Архипелага Джексона. Примерно сто или девяносто лет назад…

— О Господи, лорд Марк, это долгая история? —

испугалась Ботари-Джезек. Услышав барраярский титул, Куин бросила на Элен быстрый взгляд.

— Потерпи. Вам всем необходимо понять, что собой представляет группа Дюрона. Примерно девяносто лет назад отец нынешнего барона Риоваля только начинал в области работорговли. Я имею в виду изготовление человеческих существ по требованию заказчика. Однажды его осенило: зачем нанимать гения со стороны? Не лучше ли вырастить собственного? Умственные способности программировать труднее всего, но старик Риоваль и сам был гением. Он начал проект, завершившийся созданием женщины, которую он назвал Лилли Дюрона. Дюрона должна была стать музой его медицинских исследований и его рабыней.

Лилли выросла, получила образование и начала работать. И работала блестяще. Но тут старый барон Риоваль помер — не сказать, чтобы при особо таинственных обстоятельствах. Просто при попытке пересадки мозга.

Я сказал «не особо таинственных», потому что именно тогда ярко проявился истинный характер его сына и наследника, нынешнего барона Риоваля. Первым делом новый барон избавился от всех родственников. (А старик наплодил немало

детей.) Начало карьеры Риоваля на Архипелаге стало своего рода легендой. Взрослых мужчин он попросту поубивал. Женщин и подростков отправил в лаборатории по модификации тела, а оттуда — в закрытые бордели, обслуживать клиентов. Надо думать, сейчас они уже все умерли. Если им повезло.

Похоже, таким же образом Риоваль обошелся и с унаследованными им служащими. Его отец обращался с Лилли Дюроной, как с сокровищем, а новый барон Риоваль пригрозил в случае неповиновения отправить ее в бордель. Лилли вместе с единокровным братом Риоваля по имени Джориш Стойбер решили устроить побег.

— А! Барон Фелл! — сказал Торн, наконец начиная что-то понимать. Таура слушала Марка как зачарованная, Куин и Ботари-Джезек — с ужасом.

— Тот самый — но не надо спешить. Лилли с юным Джоришем получили убежище в доме Фелл. Насколько я понимаю, Джориша взяли только ради Лилли. Оба начали работать на своих новых хозяев, получив немалую автономию — по крайней мере Лилли. Это была Сделка. А сделки на Архипелаге Джексона считаются почти священными.

Джориш начал продвигаться по службе. А Лилли образовала Исследовательскую группу Дюрона. Она клонировала себя. Снова и снова. Группа Дюрона, в которой сейчас насчитывается от тридцати до сорока клонированных сестер, оказывает дому Фелл ряд услуг. Они вроде семейного врача для высших служащих Фелла, которые справедливо не хотят в вопросах здоровья полагаться на специалистов дома Бхарапутра. А поскольку дом Фелл торгует оружием, сестрам Дюрона приходилось вести исследования и разработку военных ядов и биологического оружия. Группа Лилли подарила дому Фелл небольшое состояние в виде «Перитрава», а спустя насколько лет — громадное состояние в виде противоядия к «Перитраву». Если следить за подобными вещами, то становится ясно, что группа Дюрона обладает определенной, хоть и негромкой славой.

Джориш, отчасти благодаря тому, что это он подарил дому Фелл такого доходного работника, как Лилли, достиг самой вершины, и несколько лет назад стал бароном Фелл. И тут появляются дендарийские наемники. Теперь ваша очередь. — Марк кивнул Белу Торну. — Вы должны рассказать мне, что произошло. До меня долетали только обрывки.

Бел присвистнул:

— Кое-что я знал, но всю историю слышу впервые. Неудивительно, что Фелл с Риовалем друг друга ненавидят. — Гермафродит вопросительно посмотрел на Куин, и та кивком разрешила ему продолжать. — Ну, года четыре назад Майлз доставил дендарийцам небольшой контракт на вывоз пассажира. Наш наниматель… прошу прощения, Барраяр. Я так привык называть их «наш наниматель», что делаю это автоматически.

— Сохраняйте свой автоматизм, — посоветовал Марк.

— Империя захотела вывезти крупного генетика. Не знаю почему. — Тут он снова посмотрел на Куин.

— И не узнаешь, — отрезала она.

— Короче, некий доктор Канабе, один из лучших генетиков дома Бхарапутра, надумал бежать. Дом Бхарапутра не поощряет подобные попытки со стороны тех, кто допущен к секретной информации. Поэтому Канабе понадобилась помощь. Он заключил сделку с Барраярской империей.

— Вот тогда я и попала к дендарийцам, — вставила Таура.

— Да, — подтвердил Торн. — Таура — его любимый проект. Он… э-э… настоял на том, чтобы

захватить ее с собой. К несчастью, работа над «суперсолдатом» к тому моменту была прекращена, и Тауру продали барону Риовалю, который коллекционирует генетические — пардон, сержант, — диковинки. Так что нам пришлось похитить ее у дома Риоваль. Гм… Таура, о том, что было потом вы расскажете лучше.

— Адмирал пришел и вывел меня из главного биоцентра Риоваля, — пробасила великанша. — При побеге мы полностью уничтожили главный генетический банк Риоваля. Вековая коллекция тканей превратилась в дым. В буквальном смысле слова. — Таура улыбнулась, показав клыки.

— По оценкам барона, дом Риоваль потерял в ту ночь примерно пятьдесят процентов своих ценностей, — добавил Торн. — Как минимум.

Марк хихикнул, но тут же нахмурился:

— Тогда понятно, почему вы считаете, что люди барона Риоваля будут охотиться за адмиралом Нейсмитом.

— Марк, — отчаянно сказал Торн, — если Риоваль найдет Майлза первым, он его оживит только для того, чтобы убить еще раз. И еще раз. И еще. Вот почему мы так настаивали, чтобы ты сыграл роль Майлза, когда мы уходили с Архипелага Джексона. У Риоваля нет причин мстить

клону — только адмиралу.

— Ясно. Ага. Спасибо. А что случилось с доктором Канабе? Если можно узнать.

— Его благополучно доставили на Барраяр, — сказала Куин. — У него теперь новое имя, новое лицо, новая лаборатория и такое жалованье, что он может ни о чем не беспокоиться. Новый верноподданный империи.

— Гм. Ну, вот я и подошел ко второй зацепке. Это вещь общеизвестная, хотя мне и непонятно, чем она может помочь. Кстати, Иллиан тоже об этом знает и уже дважды посылал агентов проверить группу Дюрона. Баронесса Лотос Бхарапутра, жена барона, — клон Дюроны.

Когтистая рука Тауры метнулась к губам.

— Та самая девочка!

— Да, та самая девочка. Я все не мог понять, почему у меня при виде ее мороз по коже. Я встречал ее в ином воплощении. Клон клона.

Баронесса — одна из старших клондочерей Лилли Дюроны — или как там следует назвать этот клан. Улей. Продалась она за высокую цену. Самую высокую за всю историю Архипелага Джексона. Лотос совершила измену за почти равный с бароном контроль над домом Бхарапутра. Вот уже двадцать лет она — подруга барона. И

теперь, похоже, она получает еще одно вознаграждение. У группы Дюрона богатейший опыт, но они отказываются заниматься пересадкой мозга. Это записано в первом контракте Лилли Дюроны с домом Фелл. Но баронесса Бхарапутра, которой должно быть уже больше шестидесяти, похоже, планирует в самое ближайшее время получить вторую молодость.

— Ну дела, — пробормотала Куин.

— Значит, еще одна зацепка, — сказал Марк. — Тут такая чертова уйма зацепок — настоящий перемет. Только вот главную лесу ухватить никак не удается. Мне совершенно не понятно, зачем группе Дюрона прятать Майлза от своих хозяев из дома Фелл. Но, судя по всему, именно это они и сделали.

— Если Майлз у них, — сказала Куин, закусывая губу.

— Если, — согласился Марк, но тут же снова приободрился: — Тогда понятно, почему криокамера очутилась на Ступице Хеджена. Группа Дюрона не пыталась спрятать ее от Службы безопасности. Она пыталась спрятать криокамеру от других джексонианцев.

— Почти убедительно, — заметил Торн.

— Да. Почти. Так что вот как обстоят дела.

Первая наша задача — войти в пространство Архипелага Джексона через станцию барона Фелла. Капитан Куин прихватила целый арсенал, чтобы разработать нам новые личности. Обсуждайте свои идеи с ней. У нас на это десять дней.

Они разошлись, чтобы каждый мог самостоятельно обдумать ситуацию. Ботари-Джезек и Куин задержались, глядя как Марк встает, пытаясь расправить ноющую спину. Голова у него тоже ныла.

— Очень недурной анализ, Марк, — неохотно признала Куин. — Конечно, если это не бред.

Кому как не ей судить. Марк искренне поблагодарил Элли. Он тоже молил Бога, чтобы все это не оказалось бредом.

— Да… по-моему, он немного переменился, — заметила Элен. — Повзрослел.

— А? — Элли окинула его взглядом. — Ага…

У Марка потеплело на душе…

— …потолстел он, вот что.

— За работу, — прорычал Марк.

Глава 21

Скороговорки… Черные слова на бледно-голубом фоне… Что это было? Какой-то курс ораторского искусства? Как трудно вспомнить. Нет, хотя он ясно видит экран, но на экране нечто непонятное: «Сла… шла Саса… сука!» Вздохнув, он попробовал еще раз. И еще раз… Язык, как старая подметка. Почему-то — он не знает почему, но он должен, должен снова научиться говорить. Пока запинаешься, как идиот, с тобой и обращаются, как с идиотом.

«Могло быть и хуже. Гораздо хуже…». Он уже ест настоящую еду, а не подсахаренную водичку или жиденькую кашку. Уже целых два дня сам принимает душ и одевается. Теперь никаких больничных рубах. Ему выдали футболку и штаны. «Как корабельный костюм». Приятно, что они серые. Да, приятно, но тревожно. Потому что он не понимал, почему ему это приятно.

— Шла. Саша. По. Шоссе. И. Сосала. Сушки! Ха!

Он откинулся на подушки, задыхаясь, но торжествуя. И тут он увидел, что за ним с улыбкой наблюдает доктор Вербена.

Все еще не отдышавшись, он вместо приветствия махнул ей рукой. Она подошла и присела на краешек кровати. На ней привычный зеленый хирургический костюм, а в руке какой-то мешок.

— Ворон сказал, что ты полночи что-то бубнил, — заметила она. — А ты вовсе не бубнил, правда? Ты практиковался.

Он кивнул:

— Надо грить… Риказ… — Он прикоснулся к своим губам, потом обвел рукой комнату. — Сполняют.

— Вот как? — Она насмешливо приподняла брови, но глаза смотрели пристально и серьезно. Подвинувшись, она поставила между ними столик. — Ну, садись, я принесла тебе игрушки.

— Торое децво, — мрачно пробормотал он, снова поднимаясь на постели. Грудь все еще немного ныла. Ну что ж, по крайней мере он вроде бы избавлен от наиболее отталкивающих аспектов своего детства. И что дальше? Второе отрочество? Боже упаси. Может, через этот этап удастся перескочить. «Почему меня так пугает отрочество, которого я не могу вспомнить?»

Он рассмеялся, когда она вытряхнула из мешка на столик детали различного оружия.

— Тест, да? — Он начал собирать оружие. Пара-

лизатор, нейробластер, плазмотрон, игольник… Засунуть, повернуть, щелчок, ударом вогнать на место… Раз-два-три-четыре — и он выложил их рядом. — Кумуляторы пустые. Не даете мне ружия, а? Эти — лишние. — Он сгреб с полдюжины запасных элементов и ненужных деталей в отдельную кучку. — Ну вот. Теперь все.

И он довольно ухмыльнулся.

— Ты ни разу не направил их ни на меня, ни на себя, пока собирал, — с любопытством отметила она.

— А? Не заметил. — Но он сразу понял, что так оно и было. Потом неуверенно прикоснулся к плазмотрону.

— Когда ты это делал, у тебя ничего не включилось? — спросила она.

Он покачал головой, снова почувствовав бессильное беспокойство, но тут же оживился:

— А седня утром спомнил. Фанной. — Стоило только попробовать говорить быстрее, как слова отказывались повиноваться и путались.

— В ванной, — перевела она, подбадривая его. — Расскажи-ка. Попробуй говорить медленно.

— Медленно. Это. Смерть, — четко произнес он.

Она только моргнула:

— Ладно. Все равно расскажи.

— А. Да. Будто я маленький. Еду рхом. Старик тоже. Ферх на гору. Хлодно. Лошади… пхтят, как я. — Даже самого глубокого дыхания ему не хватало. — Деревья. Гора — две, три, росли деревьями — и единились новыми пластиковыми трубами. Ведут к домику внизу. Деда доволен… тому что трубы эф-фек-тивны. — Он постарался выговорить последнее слово полностью — и у него получилось. — И люди тоже довольны.

— И что они делают в этой сценке? — озадаченно спросила она. — Те люди.

Он снова представил себе картинку: воспоминание о воспоминании.

— Жгут дерево. Делают сахар.

— Получается бессмыслица. Сахар получают в биокотлах, а не сжигая деревья, — сказала Вербена.

— Деревья, — уверенно возразил он. — Коричневые сахарные деревья.

Выплыло еще одно туманное воспоминание: старик отламывает кусочек чего-то похожего на бежевый песчаник и кладет ему в рот попробовать. Он ощущает прохладное прикосновение узловатых старческих пальцев, сладость с привкусом кожи и лошадей. «Это было на самом

деле. Деда». Но он по-прежнему не мог вспомнить никаких имен.

— Горы мои, — добавил он. Почему-то от этой мысли стало грустно, хоть и не понятно почему.

— Что?

— Собственность. — Он мрачно нахмурился.

— Еще что-нибудь?

— Нет. Все.

— А ты уверен, что все это тебе не приснилось?

— Нет. Фанной, — твердо повторил он.

— Очень странно. Это-то вполне понятно. — Она кивнула на собранное оружие и снова сложила его в мешок. — А то, — мотнув головой, она обозначила его рассказ, — не укладывается. Деревья из сахара, сдается мне, похожи на сказку.

«Не укладывается куда?» В порыве отчаяния он схватил ее за руку и умоляюще выговорил:

— Не кладвается куда? Что ты знаешь?

— Ничего.

— Ненчего!

— Мне больно, — спокойно сказала она.

Он сразу выпустил ее руку, но настойчиво повторил:

— Ненчего. Что-то. Что?

Вздохнув, она закончила укладывать оружие и пристально посмотрела на него.

— Мы и правда не знаем кто ты. А еще точнее — не знаем, который из двух.

— Есть выбор? Скажи!

— Ты на… опасном этапе выздоровления. Амнезия после криооживления проходит обычно не сразу. Типичная кривая Гаусса. Сначала понемногу, потом все больше. А потом снова очень мало. Несколько последних пробелов могут остаться на годы. Поскольку у тебя не было серьезных повреждений черепа, мой прогноз — что ты в конце концов восстановишь личность полностью. Но…

Очень страшное «но». Он умоляюще посмотрел на нее.

— На данном этапе криооживленный настолько жаждет вернуть свою личность, что может подобрать неверную и начать собирать свидетельства вокруг нее. И тогда придется потратить несколько месяцев, чтобы снова все исправить. В твоем случае присутствуют некоторые дополнительные факторы и подобный поворот событий вполне возможен. Я должна быть очень-очень осторожной, чтобы не сказать тебе что-то, в чем я не уверена полностью. А это трудно, потому что я тоже гадаю — и так же настоятельно, как ты. Мне необходима уверенность, что все твои воспоминания действительно исходят от тебя, а

не подсказаны мною.

Он разочарованно вздохнул и откинулся на подушки.

— Но существует возможность ускорить процесс, — добавила она.

Он снова стремительно сел:

— Какая? Гри!

— Существует препарат, который называется суперпентотал. Одна из его производных применяется как успокоительное при душевных расстройствах, но в основном его используют как средство для допросов. Называть его «сывороткой истины» неверно, но непосвященные настаивают на таком наименовании…

— Я… знаю спертотал.

Он нахмурился. С суперпентоталом связано что-то важное. Что именно?

— Он действует очень расслабляюще, а иногда у пациентов после криооживления включает механизмы воспоминаний.

— А!

— Но он вполне может поставить в неловкое положение. Под его воздействием люди охотно говорят все, даже самое потаенное, даже очень личное. Врачебная этика требует, чтобы я тебя предупредила. А еще у некоторых к этому препа-

рату аллергия.

— А где… вас научили… чебной этике? — с любопытством спросил он.

Как ни странно, она поморщилась, а потом, пристально глядя на него, сказала:

— На Эскобаре.

— А мы сейчас?

— Пока мне не хотелось бы говорить.

— Как это может портить мою память? — возмутился он.

— Наверное, я уже скоро смогу сказать, — успокоила она. — Совсем скоро.

Он стиснул зубы и глухо застонал.

Вербена вытащила из кармана небольшую белую наклейку.

— Протяни руку. — Она приложила наклейку к сгибу его локтя, объяснив, что это проверка на аллергию.

— Судя по тому, что мне известно о твоей работе, у тебя высокий шанс иметь аллергию. Искусственно вызванную.

Отклеив нашлепку, она пристально посмотрела на его руку. Там появилось розовое пятнышко, и она нахмурилась, с подозрением спросив:

— Зудит?

— Нет, — соврал он, сжимая вторую руку в

кулак, чтобы не начать чесаться. Препарат, который вернет память! Ему он просто необходим. «Побледнее, чтоб тебя!» — мысленно приказал он розовому пятнышку.

— Кажется, у тебя наблюдается повышенная чувствительность.

— Ну, пжалуссста!

Она с сомнением покачала головой.

— Ну, ладно… Что нам терять? Сейчас вернусь.

Очень скоро она принесла два инъектора и положила на столик у кровати.

— Это — суперпентотал, а это — нейтрализатор. Сразу же скажи, если вдруг почувствуешь себя как-то странно, может быть, появится зуд или трудно станет дышать или глотать, или язык начнет отниматься.

— Уже тнялся, — пробурчал он. — Ткуда смогу знать?

— Сможешь. А теперь просто ляг и расслабься. Скоро будешь вроде в полусне: тебе покажется, что ты паришь в воздухе. Считай обратно с десяти. Ну, начали.

— Десс… Вять… восьми… Семь. Шесть. Пять, тыре, три-два-дин. — Никакого полусна: он напряжен, нервничает и расстроен. — Это тот прат?

Его пальцы сами забарабанили по столику. Звук

неестественно громкий. Все предметы в комнате видятся слишком резко, слишком четко. Лицо Вербены — незнакомое и жуткое — какая-то белая маска. И эта маска угрожающе придвигается.

— Твое имя? — прошипела она.

— Я… я… йа-йа… — Язык не слушался.

— Странно, — пробормотала маска. — Давление у тебя должно бы снижаться, а не повышаться.

И тут он вспомнил, что такое важное связано с суперпентоталом.

— Спертотал меня ждает… — Она покачала головой, показывая, что не понимает. — …Збуждает… — заставил он повторить свой непослушный язык. Ему хотелось говорить. Тысячи слов рвались наружу, подталкиваемые нервным возбуждением. — Та-та-та!!!

— Это необычно. — Она хмуро посмотрела на инъекторы, которые все еще держала в руке.

— А то. — Лицо Вербены стало хорошеньким, кукольным. Сердце у него колотилось. Стены колыхались, словно он находился под водой. Огромным усилием воли он попробовал заставить себя расслабиться. Ему необходимо расслабиться!

— Ты что-нибудь вспомнил?

Ее темные глаза как озера, влажные и прекрасные. Ему хотелось окунуться в ее глаза, хотелось

сделать ее счастливой, танцевать с ней, нагой, под звездами… Его бормотание вдруг вылилось в поэзию… в некотором роде. На самом деле это был крайне непристойный стишок, в котором обыгрывался очевидный символизм п-в-туннелей и скачковых кораблей. К счастью, выговорился стишок очень невнятно.

К его облегчению, она улыбнулась. Но с этим было связано и что-то совсем не смешное…

— Гда я прошлый раз его чтал, хто-то теня трашно збил. Тоже был под спертоталом.

Все ее прекрасное стройное тело вдруг напряглось.

— Тебе уже вводили суперпентотал? А что еще ты помнишь об этом?

— Его звали Гален. Лился на мнея. Не знаю чему. — Он вспомнил, как над ним колыхалось багровеющее лицо, источавшее смертельную ненависть. Как на него сыпались удары. Он поискал воспоминания о страхе и обнаружил, что страх почему-то был связан с жалостью. — Не пнимаю.

— А о чем еще он тебя спрашивал?

— Нпомню. Сказал ему еще стих.

— Ты читал ему стихи под суперпентоталом?

— Нсколько часов. Чертовски злил.

— Ты не поддался допросу под суперпентоталом! Потрясающе. Ну, тогда давай поговорим о поэзии. Но ты помнишь Сера Галена. Ага!

— Гален кладывается? — Он встревоженно наклонил голову. Ну конечно, Сер! — Имя было важно — она его узнала. — Скажи мне!

— Я… не уверена. Каждый раз, когда мне кажется, что я сделала шаг вперед, мы уходим на два в сторону и один назад.

— Хотел бы пройтись с тобой, — признался он и с ужасом услышал, как описывает, коротко и грубо, что еще хотел бы с ней сделать. — А! А! Извините, миледи.

— Ничего, — утешила она, — это суперпентотал.

— Не… этто гормоны.

Она расхохоталась. Это подействовало ободряюще, но ненадолго. Пальцы начали теребить одежду, ноги задергались.

Она хмуро посмотрела на меддисплей:

— Давление у тебя все повышается. Хоть под суперпентоталом ты и очарователен, но реакция у тебя явно атипичная. — Она взяла второй инъектор. — Думаю, нам следует остановиться.

— Я ненормальный. Вы вынете мои мозги? — спросил он с подозрением, глядя на инъектор. И

вдруг пришло озарение: — Эй! Я знаю, где я! Это Архипелаг Джексона!

С ужасом посмотрев на нее, он вскочил и бросился к двери.

— Подожди, подожди! — она бросилась за ним. — У тебя реакция на препарат, стой! Давай я ее нейтрализую! Роза, держи его!

Он увернулся от доктора Дюроны с конским хвостом, нырнул в лифтовую шахту и стал карабкаться по запасной лестнице. Все тело невыносимо болело. Мелькающий хаос коридоров, этажей, криков и быстрых шагов вдруг прекратился, и он оказался в знакомом вестибюле.

Он прошмыгнул мимо рабочих, тащивших антигравитационную платформу с ящиками и выскочил за прозрачные двери. На этот раз силовой экран не сработал. Охранник в зеленой куртке повернулся к нему, словно в замедленных съемках, вытаскивая парализатор, и открывал рот, чтобы крикнуть. Крик тек медленно, как патока.

Беспомощно моргая глазами в слепящем сером свете дня, он разглядел эстакаду, стоянку, грязный снег. Гравий и лед больно врезались в ноги, но он все равно задыхаясь бежал через стоянку. Перед ним стена. В стене ворота открытые, а в

воротах охрана.

— Не парализуйте его! — услышал он женский голос.

Он вырвался на грязную улицу, увернулся от какой-то машины. Слепящие серо-белые пятна чередовались с цветными. Открытое пространство по другую сторону улицы усеяно голыми черными деревьями. За стеной дальше по улице — еще здания, громадные и пугающие. Все кругом чужое, незнакомое. Он бросился туда, к деревьям. Глаза заволокло сиренево-серой пеленой. Холодный воздух обжигал легкие. Он споткнулся и упал на спину.

Полдюжины Дюрон набросились на него, как стая волков на добычу. Схватив за руки и за ноги, его подняли со снега. Подбежала перепуганная Вербена. Зашипел инъектор. Его, как овцу, поволокли через улицу и быстренько втащили в большое белое здание. В голове немного прояснилось, но грудь болела так, словно ее сжимали тисками. К тому моменту, как его уложили на кровать в подземной больнице, ложная паранойя, вызванная препаратом, развеялась, сменившись вполне реальной.

— Как ты думаешь, его видели? — озабоченно спросил грудной голос.

— Охрана ворот, — коротко ответил другой голос. — Посыльные.

— Еще кто-нибудь?

— Не знаю, — пропыхтела Вербена. — Пока мы за ним бежали, проехало штук пять автомобилей. В парке я никого не видела.

— А я видела вдали парочку, — сообщила еще одна доктор Дюрона. — Вдалеке, по ту сторону озера. Они на нас смотрели, но сомневаюсь, чтобы что-то разглядели.

— Да уж, посмотреть было на что…

— А что случилось на этот раз, Вербена? — устало спросила седовласая доктор Дюрона. Она прошаркала поближе и уставилась на него, тяжело опираясь на резную палку. Похоже, это не для форсу. Все ее слушались. Может, это и есть таинственная Лилли?

— Я ввела ему дозу суперпентотала, — сдержанно доложила Вербена, — чтобы попробовать включить память. Иногда криооживленным это помогает. Но у него началась реакция. Подскочило давление, накатила паранойя, и он кинулся бежать, словно борзая. Мы не могли его догнать, пока он сам не свалился в парке.

Боль немного отступила, и он заметил, что Вербена все еще не отдышалась.

Старая доктор Дюрона хмыкнула:

— И как суперпентотал, помог?

Вербена неуверенно сказала:

— Кое-что странное он вспомнил. Мне надо поговорить с Лилли.

— Да, да и как можно скорее, — согласилась старая доктор Дюрона (значит, все-таки не Лилли). — Я…

Но тут его попытки говорить, заикание и дрожь вызвали конвульсии. Мир рассыпался на тысячи осколков. Очнувшись, он увидел, что две женщины удерживают его на постели, Вербена склонилась над ним, давая какие-то указания, а остальные Дюроны расходятся кто куда.

— Приду, как только смогу, — с отчаянием бросила через плечо Вербена. — Сейчас его оставить нельзя.

Старая Дюрона кивнула и ушла. Вербена отстранила поданный кем-то инъектор с противосудорожным средством.

— Запишите в его истории: этому человеку не вводить ничего, предварительно не проверив реакцию.

Она отослала почти всех помощников, и в палате стало темно, тихо и тепло. Постепенно дыхание выровнялось, но его все еще подташнивало.

— Извини, — сказала она, — я не думала, что суперпентотал приведет к такому.

Он попытался сказать: «Ты не виновата», но дар речи снова покинул его.

— И-и-йа. Делал. Плохо?

Она слишком долго не отвечала, а потом наконец сказала:

— Может, все обойдется.

Через два часа за ним пришли с антигравитационной платформой и перевели из палаты.

— К нам поступают новые больные, — невозмутимо сообщила доктор Астра с короткой стрижкой. — Им нужна твоя палата.

Ложь? Полуправда?

Больше всего его озадачило то, куда они его перевели. Ему виделись запертые камеры, а вместо этого его подняли в грузовом лифте и уложили на раскладушку в личных комнатах Вербены. В коридоре целый ряд одинаковых дверей — видимо, на этом этаже жилые помещения Дюрон. Вербене были отведены гостиная (она же кабинет), спальня и ванная комната. Он ощущал себя не столько узником, сколько собачонкой, которую тайком поселили в женском общежитии. Хотя он заметил еще один мужской вариант доктора Дюроны, мужчину лет тридцати. Доктор Астра

назвала его Ястребом. Цветы и птицы. В этой бетонной клетке все — цветы и птицы.

Еще чуть позже какая-то юная Дюрона принесла ему поднос с обедом, и он поел вместе с Вербеной за небольшим столиком, наблюдая, как за окном опускаются сумерки. Надо полагать, в его статусе пациента-пленного изменений не произошло, но было приятно выбраться из больничной палаты, освободиться от датчиков и грозного медицинского оборудования. И заниматься чем-то столь прозаическим, как обед с подругой.

Когда они поели, он обследовал гостиную.

— Можно посмотреть ваши вещи?

— Пожалуйста. Если у тебя что-то сработает, дай мне знать.

Она по-прежнему ничего не говорила о нем самом, но по крайней мере была готова говорить о себе. Во время разговора его внутреннее видение мира вдруг изменилось. «Почему у меня в голове сидят карты п-в-туннелей?» Может, его восстановление пойдет по трудному пути: сначала он узнает все, что есть во Вселенной, а то, что останется, дырка в форме карлика, методом исключения станет им. Пугающая перспектива.

Он посмотрел сквозь стекло на чуть заметное

сияние, повисшее в воздухе, — словно тонкая золотая пыль. Теперь он опознал силовое поле — шаг вперед по сравнению с первым столкновением. Силовой экран был военного образца. Непроницаем ни для чего, начиная с вирусов и молекул газа и кончая… чем? Конечно, снарядами и плазменным огнем. Где-то поблизости должен находиться мощнейший генератор. Защита была явно позднейшей добавкой — первоначальная архитектура на силовой экран не рассчитана. За этим что-то кроется…

— Так мы и правда на Архипелаге Джексона? — спросил он.

— Да. О чем тебе это говорит?

— Опасность. Что-то нехорошее. А это что за место?

— Клиника Дюрона.

— Да, так? Чем занимаетесь? Почему я тут?

— Мы — личная клиника дома Фелл. Выполняем то, что им необходимо.

— Дом Фелл. Оружие. — Ассоциация пришла автоматически. Он обвиняюще добавил: — Биологическое оружие.

— Иногда, — признала она. — И биологическая защита тоже.

Может, он солдат дома Фелл? Или взятый в

плен вражеский солдат? Но какая армия возьмет в солдаты карлика-полукалеку?

— Это дом Фелл велел меня сделать?

— Нет.

— Почему я здесь?

— Для нас это тоже загадка. Тебя прислали замороженным в криокамере. Все говорило о том, что подготавливали тебя в страшной спешке. Камера была в ящике, который пришел простой почтой, без обратного адреса. Мы надеялись, что, если мы тебя оживим, ты сможешь нам сказать.

— Тут что-то еще.

— Да, — честно призналась она.

— Но мне не скажете.

— Пока нет.

— А что будет, если я отсюда уйду?

Она явно испугалась:

— Пожалуйста, не надо. Тебя могут убить.

— Снова.

— Снова, — кивнула она.

— Кто?

— Это… зависит от того, кто ты такой.

Тут он сменил тему разговора, но потом еще три раза снова к ней возвращался, надеясь, что Вербена невольно проговорится. Вконец измучившись, он решил прекратить попытки, но даже в посте-

ли еще долго лежал без сна, терзая проблему, как хищник добычу. Но все это только окончательно заморозило ему мозги. «Утро вечера мудренее». Может, утро принесет что-то новое. В какой бы ситуации он ни находился, но стабильной такую ситуацию уж никак не назовешь. Он словно балансировал на лезвии ножа, балансировал над тьмой, скрывающей все что угодно — пуховую перину, заостренные колья или, может, вообще ничто, бесконечную пропасть.

Он не знал, какой смысл в горячей ванне и массаже. Вот с упражнениями все ясно: доктор Астра притащила в гостиную к Вербене велотренажер и велела ему крутить педали до полуобморока. Такая мучительная процедура наверняка полезна. Но пока никаких отжиманий: он попробовал было и рухнул, пискнув от мучительной боли. Да еще разгневанная доктор Астра на него наорала, запретив делать самовольные упражнения.

Доктор Астра сделала какие-то пометки и ушла, отдав его в нежные руки Вербены. Теперь он, распаренный, лежал на ее постели, завернутый в одно только полотенце по бедрам, а она обследовала мышцы спины. Когда массаж делала доктор Астра, пальцы у нее были, как щупы. Руки Вербены ласкали. Строение голосовых связок не

позволяло ему мурлыкать, и он время от времени только блаженно постанывал. Она дошла до ступней и пальцев ног, а потом снова двинулась вверх.

Уткнувшись лицом в подушку, он почувствовал, как еще одна система организма докладывает о готовности к работе — впервые после оживления. Лицо разгорелось от радости и смущения. «Она же твой врач. Ей следует это знать». Вербена и так прекрасно знает все его тело, снаружи и изнутри. Но он все равно продолжал прятать лицо.

— Переворачивайся, — сказала Вербена. — Пройдусь по второй стороне.

— Э-э… лучше не надо, — промямлил он в подушку.

— Почему?

— Гм-м… помните, вы все спрашивали, не сработало ли у меня что-то.

— Да…

— Ну… что-то сработало.

Она мгновение помолчала, а потом воскликнула:

— О! Тогда тем более переворачивайся. Мне надо тебя осмотреть.

Он вздохнул:

— На что только мы не идем ради науки.

Он перекатился на спину, и она сняла с него полотенце, спрашивая:

— Такое уже было?

— Не. Первый раз в жизни. В этой жизни.

Ее прохладные ловкие пальцы быстро и профессионально прикоснулись к нему.

— Это прекрасно! — с энтузиазмом сообщила она.

— Спасибо!

Она рассмеялась. Не нужно было никакой памяти, чтобы понять, насколько это хороший признак — когда женщина в такой момент смеется его шуткам. Осторожно, ласково, он притянул к себе ее лицо. «Да здравствует наука! Посмотрим, что будет». Он поцеловал ее. Она ответила. Он растаял.

Речь и наука на время были отброшены, не говоря уже о зеленом хирургическом костюме. Тело у нее было именно такое, каким он его себе и представил. Удивительное тело, особенно в сравнении с ним — жалким скелетиком, обтянутым бледной кожей.

Вдруг пришло осознание недавно пережитой смерти, и он принялся отчаянно, страстно целовать ее, словно она была самой жизнью, и он мог вобрать ее в себя. Он не знал, враг она или

друг, хорошо он поступает или плохо. Но это было тепло, движение и жизнь — явная противоположность леденящей неподвижности криостаза. «Лови мгновение». Ведь его поджидала ночь, холодная и неумолимая. Она изумленно раскрыла глаза. Только трудности с дыханием заставили его действовать медленнее, разумнее.

Его уродливость должна была бы его тревожить, но не тревожила. Интересно, почему? «Любовью занимаются с закрытыми глазами». Кто сказал ему это? И та же женщина говорила: «Все дело в движении». Тело Вербены было все равно что разобранное на части оружие: он знал, что надо делать, какие детали важны, а какие — просто для отвода глаз, хоть и не мог вспомнить, как он все это узнал. Инструкции остались, а инструктор был стерт. Такого тревожащего совокупления, знакомого и чуждого, он еще не испытывал.

Она задрожала, вздохнула и расслабилась, а он поцелуями проложил дорожку вверх по ее телу и шепнул на ухо:

— Наверное, отжимания мне пока не показаны.

— О! — Она открыла затуманившиеся глаза. — Боже! Да.

Несколько мгновений поиска — и они выбрали врачебно одобренную позицию: он лежал на спине, никак не напрягая грудь, руки или мышцы живота — и наступила его очередь. Это казалось правильным: дамы вперед, и тогда в него не будут швырять подушками за то, что он сразу же заснул. Страшно знакомая картина, но детали все неправильные. Судя по всему, Вербена тоже раньше это делала — хотя, наверное, нечасто. Но с ее стороны особого умения и не требовалось. Его тело функционировало прекрасно…

— Доктор Д., — прошептал он ей, — ты гений. Эшк… Аск… Эск… Тот грек мог бы у тебя поучиться оживлению.

Она рассмеялась и улеглась рядом с ним, тело к телу.

«Мой рост не имеет значения, когда мы лежим». Это он тоже знал. Они обменялись теперь уже неспешными поцелуями, которые можно было смаковать, как десерт после обеда.

— У тебя это здорово получается! — пробормотала она, покусывая ему ухо.

— Угу… — его улыбка погасла, и он устремил взгляд в потолок, хмурясь от вновь подступившего беспокойства. — …Интересно, а я женат? — Она резко отстранилась, и он готов был язык себе

прикусить при виде ужаса на ее лице. — Не думаю, — быстро прибавил он.

— Нет… Нет. — Она снова легла. — Ты не женат.

— Которым бы я ни оказался?

— Так.

Он помедлил, накручивая на пальцы длинные пряди ее волос, а потом аккуратно раскладывая их веером по шрамам, разбежавшимся у него по груди.

— И с кем, по-твоему, ты сейчас занималась любовью?

Она нежно прикоснулась изящным указательным пальцем к его лбу:

— С тобой. Просто с тобой.

Это было приятно, но…

— Любовь или лечение?

Она чуть насмешливо улыбнулась, очерчивая пальцами его лицо:

— Кажется, того и другого понемногу. И любопытство. И подходящий момент. Последние три месяца я была очень погружена в тебя.

Ответ производил впечатление искреннего.

— Кажется, подходящий момент ты создала сама.

На ее губах промелькнула ухмылочка:

— Ну… может, и так.

Три месяца! Интересно. Значит, он был мертв чуть больше двух. За это время на него должно было уйти немало денег и времени Группы Дюрона. Начнем с того, что три месяца труда этой женщины стоят недешево.

— Зачем все это? — спросил он, хмуро глядя в потолок. — Я имею в виду себя. Что вы от меня ожидаете? — Полукалека, заика, потерявший память и навыки, без гроша за своей безымянной душой. — Вы все ждете моего выздоровления, словно я — ваша надежда на спасение. — Он начал понимать, что даже жестко деловая физиотерапевт Астра мучает его ради его же блага. Она почти нравилась ему этим безжалостным напором. — Кому еще я нужен, что вы меня прячете? Врагам?

«Или друзьям?»

— Наверняка врагам, — вздохнула Вербена.

Он наконец замолчал. Она задремала, он — нет. Касаясь паутины ее темных волос, он размышлял. Что она в нем видит?

«…Мне она представилась хрустальным гробом заколдованного рыцаря… Я извлекла достаточно осколков гранаты, чтобы можно было не сомневаться, что ты не случайный свидетель…»

Так что предстоит какая-то работа. И Группе Дюрона не нужен обычный наемник. Если это — Архипелаг Джексона, то обычных боевиков тут можно нанимать целыми кораблями.

Но ведь он никогда и не считал себя обычным человеком. Ни секунды.

«Ах, миледи. Кем я должен быть для вас?»

Глава 22

Вновь открытый секс обездвижил его почти на три дня, но потом, когда Вербена ушла, оставив его спящим — а он не спал, — инстинкт бегства снова выплыл на поверхность. Он открыл глаза, нащупал шрамы на груди и обдумал свои действия. Пытаться вырваться наружу — явная ошибка. А вот проникнуть внутрь он пока не пробовал. Похоже, все здесь со своими проблемами обращаются к Лилли. Прекрасно. Он тоже обратится к Лилли.

Вверх или вниз? Как глава джексонианской группы, она должна, согласно традиции, жить или в пентхаузе, или в бункере. Барон Риоваль живет в бункере — по крайней мере в каком-то смутном воспоминании это имя ассоциируется с подвалом. Барон Фелл выбрал высшую степень пентхауза — смотрит на все сверху, со своей орбитальной станции. Почему-то у него в голове масса картинок Архипелага Джексона. Это — его дом? Такая мысль его смущала. Вверх. Вверх и внутрь.

Он надел свой серый трикотажный костюм, похитил у Вербены несколько пар носков и вы-

скользнул в коридор. Найдя лифтовую шахту, он поднялся наверх — всего этажом выше. Тут снова были двери личных помещений. В центре оказался еще один лифт, включавшийся ладонью. Внутри шахты вилась спиральная лестница. Он очень медленно поднялся по ступенькам, передохнув у самого конца. А потом постучал.

Дверь скользнула в сторону и на него серьезно уставился стройный смуглый мальчик лет десяти, который спросил, хмурясь:

— Что вам нужно?

— Я хочу видеть твою… бабушку.

— Впусти его, Стриж, — произнес мягкий голос.

Мальчик наклонил голову и сделал знак войти. Его ноги, обутые в носки, бесшумно ступали по пышному ковру. Окна были затемнены, чтобы не впускать серые сумерки, темноту рассеивали пятна теплого желтого света. За стеклом золотисто поблескивало силовое поле, отталкивая крошечные капельки тумана и пылинки.

Усохшая старуха сидела в глубоком кресле и наблюдала за ним темными глазами, выделявшимися на фоне пожелтевшей от старости кожи. На ней были черная шелковая блуза с высоким воротником и свободные шаровары. Волосы бы-

ли очень длинные и совершенно седые. Стройная девочка, близняшка мальчика, расчесывала их, перекинув через спинку кресла. В комнате было очень тепло. Разглядывая старуху, он изумился, как это смог принять за Лилли ту озабоченную пожилую женщину с палкой. Глаза столетнего человека смотрят на вас совершенно иначе.

— Сударыня, — выговорил он вдруг пересохшим ртом.

— Садитесь. — Она кивнула на кушетку у столика. — Ива, милая, принеси-ка чаю. Три чашки. Стриж, спустись, пожалуйста, вниз и приведи Вербену.

Дети молча исчезли. Очевидно, Группа Дюрона не нанимает посторонних. В такую организацию тайного агента не внедришь. Он столь же послушно опустился, куда было велено.

На гласных звуках голос у нее по-старчески дрожал, но произношение оставалось идеально четким.

— Вы пришли в себя, сэр? — осведомилась она.

— Нет, сударыня, — грустно ответил он, — только к вам. — Он тщательно формулировал свои вопросы: наверняка Лилли будет проявлять не меньшую осторожность, чем Вербена, в том, чтобы не дать ему подсказки. — Почему вы не

можете определить, кто я?

— Хороший вопрос. По-моему, вы готовы получить ответ. Так.

Зажужжала лифтовая шахта и появилась встревоженная Вербена. Она поспешила к ним:

— Лилли, извини. Я думала, он спит…

— Ничего, девочка. Садись. Разлей чай. — Из-за угла появилась Ива с большим подносом. Лилли что-то прошептала девочке и та, кивнув, убежала. Вербена опустилась на колени, словно исполняя четкий древний ритуал. Не была ли она когда-то на месте Ивы? Скорее всего — да… Разлив зеленый чай по хрупким белым чашкам, она вручила их, а сама уселась у ног Лилли, незаметно прикоснувшись к седой пряди, спустившейся до пола.

Чай был очень горячий. Поскольку он в последнее время возненавидел холод, это было приятно.

— Ответы, сударыня? — осторожно напомнил он.

Вербена открыла рот, собираясь возразить, но Лилли подняла палец и заставила ее молчать.

— Фон, — сказала старуха. — Я полагаю, пришло время рассказать вам одну историю.

Он кивнул и уселся поудобнее.

— Жили-были, — она мимолетно улыбну-

лась, — три брата. Настоящая сказка, правда? Старший, оригинал — и два младших клона. Старший, как обычно бывает в сказках, получил великолепное наследство. Титул, богатство, комфорт… Его отец хоть и не был королем, но власти имел больше, чем любой король в доскачковые времена. И поэтому у него было много врагов. Поскольку было известно, как он обожает сына, то многим его врагам пришло в голову нанести ему удар через его единственного ребенка. Оттуда и пошло это странное умножение.

Она кивнула. Его бил озноб. Чтобы скрыть смятение, он сделал еще один глоток. Она помолчала:

— Вы еще не вспомнили ни одного имени?

— Нет, сударыня.

Она бросила сказочку, заговорив более энергично.

— Барраярский лорд Майлз Форкосиган был оригиналом. Сейчас ему около двадцати восьми лет. Первый его клон изготовили именно тут, на Архипелаге Джексона, двадцать два года назад, по заказу комаррцев, готовивших сложный заговор с подменой. Исполняли заказ в доме Бхарапутра. Мы не знаем, как зовет себя тот клон, но заговор комаррцев провалился примерно два года назад,

и клон сбежал.

— Гален, — прошептал он.

Она пристально посмотрела на него.

— Да, он был главой комаррцев. Второй клон — это загадка. Вероятнее всего, его изготовили цетагандийцы, но точно не знает никто. Появился он примерно десять лет назад как сложившийся и исключительно талантливый командующий наемников, присвоивший себе вполне официально бетанское имя Майлз Нейсмит, по материнской линии. Он достаточно враждебен цетагандийцам, так что теория относительно того, что он перебежал от них, представляется достаточно убедительной. Никто не знает его возраста, хотя очевидно, что ему не может быть больше двадцати восьми. — Она сделала глоток. — Мы полагаем, что вы — один из этих двух клонов.

— Отправленный по почте, словно ящик мороженого мяса? С разнесенной взрывом грудной клеткой?

— Да.

— Ну и что? Клоны, даже замороженные, тут не в диковинку. — Он бросил быстрый взгляд на Вербену.

— Позвольте мне продолжить. Примерно три месяца назад изготовленный бхарапутрянами

клон вернулся домой с отрядом наемников, который он, судя по всему, украл у дендарийского флота, притворившись своим клоном-близнецом, адмиралом Нейсмитом. Он совершил налет на ясли Бхарапутры, пытаясь то ли украсть, то ли освободить группу клонов, которые должны были послужить телами при пересадке мозга. Лично мне эта операция глубоко претит.

Он прикоснулся к груди:

— Он… провалился?

— Нет. Но за ним по пятам прилетел адмирал Нейсмит за украденными у него кораблем и людьми. В неразберихе боя, который завязался в медкомплексе Бхарапутры, один из двух был убит. Второй улетел с наемниками и почти всеми дорогостоящими клонами Бхарапутры. Они оставили Васа Луиджи в дураках — я чуть не умерла от смеха, когда об этом услышала. — Она чинно отхлебнула чаю. — Перед отлетом дендарийские наемники назначили награду за криокамеру с останками человека, как они утверждали, изготовленного бхарапутрянами клона.

Он широко раскрыл глаза:

— Меня?

Она приподняла руку.

— Васа Луиджи, барон Бхарапутра, абсолютно

убежден, что в той коробке на самом деле их адмирал Нейсмит.

— Я? — неуверенно спросил он.

— Джориш Стойбер, барон Фелл, даже не пытается угадать. А барон Риоваль готов разнести хоть целый город, чтобы получить шанс схватить адмирала Нейсмита, который четыре года назад нанес ему такой удар, какого барон не получал целое столетие.

Все это звучало очень складно, но только никак не складывалось. Словно он слышал эту историю очень давно, в детстве, и вот теперь столкнулся с ней снова. «В прежней жизни». Словно он видел что-то знакомое сквозь тусклое стекло. Он прикоснулся ко лбу, боль нарастала. Вербена с тревогой проследила за его жестом.

— Разве у вас нет медицинских данных? Хоть чего-то?!

— Не без риска нам удалось достать материалы по созданию бхарапутрянского клона. К сожалению, они обрываются на четырнадцатом году жизни. Об адмирале Нейсмите мы не знаем абсолютно ничего. Имея только одну координату, нельзя определить местонахождение точки.

Он повернулся к Вербене:

— Ты меня знаешь снаружи и изнутри. Разве

ты не можешь сказать?

— Ты такой странный. — Вербена покачала головой. — Знаешь, ведь у тебя половина костей заменена пластиковыми. А на настоящих — следы старых переломов, старых травм… Мне кажется, ты не только старше, чем клон Бхарапутры, ты старше и оригинала, лорда Форкосигана, — а это невозможно. Если бы могли получить хоть одну определенную зацепку! Те воспоминания, о которых ты рассказал, страшно двусмысленные. Тебе знакомо оружие — как должно было быть знакомо адмиралу, — но бхарапутрянского клона готовили в убийцы. Ты помнишь Сера Галена, а это мог помнить только клон. Про сахарные деревья я узнала. Их называют кленами и происходят они с Земли, куда увезли учиться бхарапутрянского клона. И так далее.

Она бессильно развела руками.

— Раз не получаете правильного ответа, — медленно проговорил он, — значит, не задаете правильного вопроса.

— И какой вопрос — правильный?

— Почему… почему вы не вернули мое тело дендарийцам за вознаграждение? Или почему не продали меня барону Риовалю, раз я так ему нужен? Зачем было меня оживлять?

— Барону Риовалю я не продам и лабораторной крысы, — решительно заявила Лилли, мимолетно улыбнувшись. — У нас старые счеты.

Насколько старые? Старше него, кто бы он ни был.

— А что до дендарийцев… Может, нам еще придется с ними говорить. В зависимости от того, кто вы.

Он почувствовал, что они приближаются к сути дела.

— Четыре года назад адмирал Нейсмит посетил Архипелаг Джексона и помимо того, что великолепно наколол Риоваля, он еще и увез с собой некоего доктора Хью Канабе, одного из главных генетиков Бхарапутры. Ну, я Канабе знала. И что еще важнее, я знала, сколько Васа Луиджи и Лотос заплатили, чтобы его заполучить, и сколькими тайнами дома он владел. Они никогда не отпустили бы его живым. Но он исчез, и никто из джексонианцев больше не смог его отыскать. Если допустить, что Канабе не выпихнули из люка в космос… Адмирал Нейсмит продемонстрировал, что способен помочь людям выбраться отсюда. Более того, это то, чем он славится. Вот почему он нас интересует.

— Вы хотите улететь отсюда? — Он оглядел

комфортабельное и отгороженное от мира маленькое царство Лилли Дюроны. — Почему?

— У меня с Джоришем Стойбером — бароном Феллом — Сделка. Сделка давнишняя, а мы очень старые договаривающиеся стороны. Мое время определенно кончается, а Джориш становится, — она поморщилась, — ненадежен. Если я умру, или он умрет, или ему удастся перенести свой мозг в более молодое тело, как он уже один раз попытался сделать, старой Сделке придет конец. Группе Дюрона могут предложить менее выгодные условия, чем те, на которых мы существовали в доме Фелл. Ее могут разбить, продать, ослабить так, что она станет открыта для нападений со стороны старых врагов, например Ри, который никогда не забывает оскорблений или обид. Ее могут заставить выполнять такую работу, с какой мы не хотим иметь дело. Я уже несколько лет ищу возможность уехать. Адмиралу Нейсмиту такая возможность известна.

Ей хочется, чтобы он был адмиралом Нейсмитом, — он явно более ценный из двух клонов.

— А что, если я — тот, другой?

— Вас могли бы выкупить.

Кто он? Спаситель или товар? Вот это выбор! У Вербены был очень смущенный вид.

— А кто я для вас, если я не смогу вспомнить, кто я?

— Вообще никто, человечек.

На мгновение ее глаза блеснули, как осколки обсидиана.

Эта женщина почти век смогла прожить на Архипелаге Джексона. Не следует недооценивать ее безжалостность только на том основании, что она почему-то предубеждена против пересадки мозга в тело клона.

Они допили чай и вернулись к Вербене.

— Что из этого показалось тебе знакомым? — озабоченно спросила его Вербена, когда они уселись вдвоем на ее маленьком диванчике.

— Все, — озадаченно ответил он. — И в то же время… Лилли словно надеется, что я смогу умчать вас отсюда, как волшебник. Но даже если я — адмирал Нейсмит, я не могу вспомнить, как я это делал!

— Ш-ш, — попыталась она его успокоить. — Я готова поклясться, что ты уже дозрел до каскада воспоминаний. Я почти вижу, как он начинается. Речь у тебя за эти несколько дней стала гораздо лучше.

— Это все терапевтические поцелуи, — улыбнулся он, надеясь, что комплиментом заработает

продолжение лечения. Но остановившись, чтобы отдышаться, сказал: — Я этого и не вспомню, если я — другой. Я помню Галена. Землю. Дом в Лондоне… А как звали того клона?

— Мы не знаем. Правда, не знаем.

— Адмирал Нейсмит… не должен бы называться Майлзом Нейсмитом. Он должен был бы быть Марком Пьером Форкосиганом. — Откуда он, к черту, это узнал? Марк Пьер.

«Петер Пьер. Петер, Петер, в жопе ветер!» — насмешливо крикнул кто-то из толпы, и старик пришел в такую ярость, что его пришлось удерживать… кому? Картина снова расплылась. «Деда?»

— Если изготовленный бхарапутрянами клон — третий сын, то он может зваться как угодно.

«Нет, тут что-то не так».

Он попытался представить себе детство адмирала Нейсмита в рамках секретной операции цетагандийцев. Свое собственное детство? Оно должно быть необычайным, если он сумел не только сбежать в восемнадцатилетнем возрасте или раньше, но и скрыться от цетагандийской разведки и в течение года сделать такую блестящую карьеру. Но он ничего не мог себе представить из этой юности. Полный провал.

— А что вы сделаете со мной, если я — не Ней-

смит? Будете держать в качестве домашней собачонки? Сколько?

Вербена нервно прикусила губу.

— Если ты — клон, сделанный бхарапутрянами, то тебе самому надо как можно скорее бежать с Архипелага Джексона. Налет дендарийцев ужасно повредил штаб-квартиру Васа Луиджи. Ему надо отомстить не только за убытки, но и за кровь. И раненую гордость. Если это так… я попробую помочь тебе улететь.

— Ты? Или вы все?

— Я никогда не действовала вразрез с интересами Группы. — Встав, она принялась расхаживать по гостиной. — Но ведь я прожила год на Эскобаре одна, когда проходила обучение по криооживлению. Я часто думала… каково это — быть половиной пары. А не одной сороковой группы. Я ощущала бы себя более весомой?

— Ты ощущала себя более весомой, когда была вообще единицей, на Эскобаре?

— Не знаю. Это глупая мечта. И все же… нельзя не думать о Лотос.

— Лотос. Баронесса Бхарапутра? Та, которая ушла из вашей группы?

— Да. Вторая дочь Лилли, следующая после Сирени. Лилли говорит… если не будем держаться

вместе, то поодиночке все погибнем. На Архипелаге Джексона не выжить одному. Тут никому нельзя выжить.

— Интересный парадокс. Ставит перед настоящей дилеммой.

Она вгляделась в его лицо, ища там иронию, и, найдя, нахмурилась:

— Это не шутка.

Да уж. Даже материнская стратегия самовоспроизведения, которую взяла на вооружение Дюрона, не вполне решает проблему, как продемонстрировала Лотос.

Еще раз пристально всмотревшись в нее, он вдруг спросил:

— Тебе приказали спать со мной?

Она вздрогнула:

— Нет. Но я попросила разрешения. И Лилли позволила: это может помочь привязать тебя к нашим интересам. — Она помолчала. — Тебе это кажется ужасно бессердечным?

— На Архипелаге Джексона — только предусмотрительным.

А привязанность ведь распространяется на обе стороны. На Архипелаге Джексона не выжить одному. «Но доверять никому нельзя».

Поначалу от чтения у него резало глаза и мучи-

тельно болела голова, но постепенно это занятие стало ему даваться легче.

Ему уже удавалось читать минут по десять, и только потом глаза начинали невыносимо болеть. Забившись в кабинет Вербены, он доходил до пределов боли: глоток информации, несколько минут отдыха — и новая попытка. Начиная с центра, он первым делом прочел об Архипелаге Джексона: его уникальной истории, отсутствии правительства и ста шестнадцати Главных Домах и бесчисленных Младших, с их переплетением союзов и вендетт, сделок и предательств. Группа Дюрона находилась в процессе превращения в самостоятельный Младший дом, отпочковываясь от тела дома Фелл наподобие гидры — и, как гидра, размножаясь неполовым образом. Упоминания о домах Бхарапутра, Харгрейвз, Дайн, Риоваль и Фелл вызывали мысленные картины, которых не было на считывающем устройстве. Некоторые из них даже начинали связываться между собой. Но еще очень немногие. Он пытался сообразить, имеет ли значение то, что самыми знакомыми домами казались те, которые связаны с внепланетной нелегальной деятельностью.

«Кто бы я ни был, я знаю этот мир». И все же… Эти картины казались слишком узкими и

неглубокими, чтобы представлять период формирования личности. Но, может, он сам узкий и неглубокий. Однако это все же было больше, чем полный нуль, относительно юности вероятного адмирала Нейсмита — созданного цетагандийцами клона.

«Деда». Вот эти воспоминания были весомыми, потрясающе живыми. Кто такой этот «деда»? Джексонианский лесник? Комаррский учитель? Цетагандийский инструктор? Кто-то громадный и захватывающе интересный, таинственный, старый и опасный? У деды не было начала — казалось, он возник вместе со Вселенной.

Начала. Может быть, если он изучит своего родителя, искалеченного барраярского лордика Форкосигана, это ему что-то напомнит. Он создан по образу и подобию Форкосигана — и это уже крайняя жестокость по отношению к любому бедняге. Он вызвал на пульт библиотеки Вербены все ссылки на Барраяр. Тут было несколько сотен нехудожественной литературы. Чтобы сориентироваться, он начал с общей истории, быстро просматривая рубрики. Пятьдесят тысяч Первопроходцев. Схлопывание п-в-туннеля. Период Изоляции, Кровавые столетия… Вторичное открытие… Слова начали расплываться. Голова,

казалось, вот-вот лопнет. Знакомо, до боли знакомо… Придется остановиться.

Задыхаясь, он притушил свет и прилег на диван. Но если его готовили заменить Форкосигана, это все и должно казаться ужасно знакомым. Ему пришлось бы изучать Барраяр вдоль и поперек. «И я его изучил». Ему хотелось умолять Вербену приковать его к стене и ввести еще дозу суперпентотала, пусть давление скачет, как хочет. Ведь тогда чуть не получилось… Может, еще попытка…

Зашелестела отодвигающаяся дверь, и остановившаяся на пороге Вербена зажгла свет.

— Привет! Что с тобой?

— Голова болит. Читал.

— Тебе не следует…

«Так себя гнать», — договорил он про себя ставшую привычной за последние дни фразу Вербены. Но на этот раз она остановилась на половине. Он приподнялся, а она подошла и села рядом с ним.

— Лилли велела привести тебя наверх.

— Хорошо…

Он начал было вставать, но она его остановила. Ее поцелуй был долгим-долгим, и сначала он пришел в восторг, а потом встревожился. Прервав

поцелуй, он спросил:

— Вербена, что случилось?

— …Кажется, я тебя люблю.

— Это проблема?

— Исключительно моя. — Она выдавила невеселую улыбку. — Я с ней справлюсь.

Он поймал ее руки, погладил изящные кисти. У нее были гениальные руки. Подходящих слов не находилось.

До лифтовой шахты в покои Лилли они дошли, держась за руки. Там Вербена выпустила его руку, чтобы включить ладонью поле, и больше уже за руку не взяла. Вдвоем они поднялись в гостиную Лилли.

Лилли, прямая и торжественная, восседала в своем кресле. Ее седые волосы сегодня были заплетены в толстую косу, спускавшуюся через плечо. Чуть позади, справа от нее, стоял Ястреб — явно в качестве телохранителя. Вокруг стола расположились трое незнакомцев в серой полувоенной форме с белой отделкой. Две женщины сидели, мужчина стоял. У одной из женщин были темные кудряшки и карие глаза, которые буквально обожгли его. У второй, постарше, волосы короткие, темно-русые, чуть тронутые сединой. Но он не мог оторвать глаз от мужчины.

«Бог мой! Это второй я!»

«… Или… не-я».

Они были одинакового роста. Этот был как-то слишком подтянут: ботинки начищены, мундир отглажен… На воротнике блестят знаки различия. Адмирал… Нейсмит? На левом нагрудном кармане вышито «Нейсмит». Коротышка резко вдохнул, блеснул серыми глазами и улыбнулся. Но если он был костлявой тенью себя самого, этот был удвоенным им. Коренастый, почти квадратный, мускулистый и напряженный, с тяжелым подбородком и заметным брюшком. У него и вид был командирский: стоит в агрессивной позе «вольно» — упитанный бульдог, да и только! Значит, вот он какой, этот Нейсмит, знаменитый спасатель, которого так жаждет Лилли. Он вполне мог этому поверить.

Несмотря на зачарованный интерес к своему клон-близнецу, он вдруг с ужасом осознал, что он — не тот! Лилли потратила целое состояние на оживление не того клона! Интересно, она сильно рассердится? Для главы джексонианского дома такой промах должен восприниматься как полный провал. И действительно, лицо Лилли было сурово.

— Это точно он! — выдохнула женщина с об-

жигающим взглядом. Она крепко сжала кулаки, лежавшие на коленях.

— Я… с вами знаком, сударыня? — вежливо и осторожно спросил он. Пламенный жар ее взгляда его смутил, и он полубессознательно придвинулся ближе к Вербене.

Лицо у нее превратилось в мраморную маску, только глаза чуть расширились, словно ей ударили лазерным лучом под дых, и в них отразилось… что? Любовь? Ненависть? Напряжение… Его головная боль усилилась.

— Вот видите, — сказала Лилли. — Жив и здоров. Так вернемся к вопросу о цене.

На круглом столике чашки — видимо, переговоры идут уже достаточно долго.

— Какую пожелаете, — сказал адмирал Нейсмит, тяжело дыша. — Мы платим и улетаем.

— В пределах разумного. — Темно-русая женщина кинула на своего командира странно недовольный взгляд. — Мы прилетели за человеком, а не реанимированным телом. Неудачное восстановление, на мой взгляд, требует снижения цены. — Этот голос, этот иронический грудной голос… «Я с тобой знаком».

— Восстановление вовсе не было неудачным! — возмутилась Вербена. — Если проблемы и были,

так они вызваны плохой обработкой…

Горячая дернулась и яростно нахмурилась.

— …но на самом деле он прекрасно поправляется. Значительные улучшения каждый день. Просто еще очень рано. — Кажется, взгляд на Лилли? — Стресс и давление отодвигают от цели, а не приближают. Он слишком многого от себя требует, он настолько напрягается, что…

Лилли подняла руку, прерывая ее.

— Вот мнение моего криоспециалиста, — сказала она адмиралу. — Ваш клон-брат находится в стадии выздоровления и можно ожидать, что его состояние улучшится. Если вы и правда желаете именно этого.

Вербена начала кусать губы. Горячая грызла палец.

— А теперь к тому, чего желаю я, — продолжала Лилли. — И как вы будете рады слышать, это не деньги. Давайте поговорим об эпизоде из недавней истории. Недавней — с моей точки зрения.

Адмирал Нейсмит посмотрел на большие прямоугольные окна, за которыми стоял еще один серый зимний день Архипелага Джексона. Низкие стремительно летящие облака начали плеваться снегом. Силовой экран искрился, бесшумно пожирая ледяные иголочки.

— Недавняя история меня очень беспокоит, сударыня, — ответил он Лилли. — Если вы с ней знакомы, то должны понять, почему у меня нет желания здесь задерживаться. Перейдем к сути.

Джексонианский этикет не признает такой прямоты, но Лилли кивнула:

— Как сейчас поживает доктор Канабе, адмирал?

— Что?!

Кратко — по джексонианским меркам — Лилли объяснила, почему ее интересует сбежавший генетик.

— Ваша организация помогла Хью Канабе бесследно исчезнуть. Ваша организация вывезла десять тысяч мэрилакских военнопленных из-под самого носа цетагандийцев с Дагулы-4, хотя, надо признать, они-то как раз весьма впечатляюще не исчезли. Где-то между этими доказательными крайностями лежит судьба моего семейства. Простите за шутку, но вы, похоже, именно то, что доктор прописал.

Адмирал Нейсмит широко раскрыл глаза, втянул воздух сквозь зубы и попытался изобразить улыбку.

— Ясно, сударыня. Так. Ну что ж, такой проект может быть вполне осуществим, особенно

если вы хотите присоединиться к доктору Канабе. Вы должны понять, что я не могу сегодня же выложить вам это из кармана, — тут Лилли кивнула, — но как только я свяжусь с моими спонсорами, я полагаю, что-то можно будет придумать.

— Тогда, как только вы свяжетесь с вашими спонсорами, возвращайтесь, адмирал, и ваш клон-близнец будет вам передан.

— Нет! — начала было горячая, привставая, но ее спутница поймала ее за локоть и покачала головой, заставив снова сесть и пробормотать: — Конечно, Бел.

— Мы надеялись забрать его сегодня, — сказал наемник, бросая взгляд на него. Их взгляды столкнулись с какой-то непонятной силой. Адмирал отвел глаза, словно защищаясь от слишком интенсивного воздействия.

— Но, как вы понимаете, тогда я останусь без моего главного козыря, — пробормотала Лилли.

— Обычная система предполагает аванс в пятьдесят процентов, но в данном случае это явно неосуществимо. Может быть, вас успокоила бы умеренная денежная сумма.

— Пока они вроде неплохо о нем заботились, — неуверенно проговорила темно-русая.

— Но это, — нахмурился адмирал, — дало бы вам возможность предложить его другим заинтересованным сторонам. Я хочу предупредить вас, сударыня, чтобы вы не начинали денежное сражение. Оно может превратиться в настоящее.

— Ваша незаменимость охраняет ваши интересы, адмирал. Больше никто на Архипелаге Джексона не может предложить мне то, что нужно. Только вы. И кажется, обратное тоже верно. Так что у нас должна получиться Сделка.

Для джексонианца это было верхом сговорчивости. «Соглашайся, заключай Сделку!» — подумал он и тут же удивился собственной пылкости. Зачем он понадобился этим людям? За окном кружился снег. Налетел порыв ветра, и снежинки зашуршали по стеклу.

Снежинки бились в окно!

Лилли поняла это почти одновременно с ним, и ее темные глаза вдруг раскрылись. Пока никто не заметил, что бесшумного искристого блеска уже нет. Ее изумленный взгляд встретился с его, губы приоткрылись, чтобы отдать приказ…

Стекло брызнуло в комнату.

Это было защитное стекло: в них полетели не режущие осколки, а град горячих капелек. Обе дендарийки вскочили, Лилли крикнула, и

Ястреб прыжком заслонил ее собой, вытаскивая парализатор. У окна завис какой-то крупный летательный аппарат. Один, два… три, четыре огромных солдата прыгнули в комнату. Поверх противонейробластерных костюмов у них были прозрачные бионические устройства, головы и лица защищены полностью. Несколько выстрелов парализатора Ястреба оказались бессильными против их экипировки.

«Лучше бы уж ты швырнул в них своим парализатором!» Он отчаянно озирался в поисках снаряда: ножа, стула, ножки от стола — чего угодно, с чем бы можно было нападать. Из карманного устройства одной из дендариек металлический голос кричал:

— Куин, это Элен. Только что почему-то отключился защитный экран здания! У меня показания о разрядах энергии. Что происходит? Вам нужна группа поддержки?

— Да! — крикнула горячая, откатываясь от луча парализатора, который, потрескивая, преследовал ее по ковру. «Автонаведение». Значит, похищение, а не убийство. Ястреб наконец опомнился, схватил круглый столик и ударил им, попав в одного из солдат, но тут же был уложен парализатором второго. Лилли стояла абсолютно

неподвижно, мрачно наблюдая за происходящим. В нее никто не целился.

— Который тут Нейсмит? — прогудел усиленный громкоговорителем голос одного из нападающих. Видимо, дендарийцы разоружились для переговоров: темно-русая схватилась врукопашную с одним из солдат. Сам он ничего не мог сделать. Схватив Вербену за руку, он нырнул за какое-то кресло, готовясь броситься к лифтовой шахте.

— Хватай обоих! — крикнул главный, перекрывая шум. Один из солдат кинулся к лифтовой шахте, чтобы отрезать им путь к отступлению, и включил парализатор, готовясь выстрелить почти в упор.

— Черта с два! — проорал адмирал, налетая на солдата. Тот пошатнулся и промазал. Ныряя вместе с Вербеной в шахту, он успел увидеть, как луч парализатора попал Нейсмиту прямо в голову. Обе дендарийки уже были без сознания.

Они опускались мучительно медленно. Если они с Вербеной успеют добраться до генератора силового поля, можно ли будет его включить и поймать нападавших? Вслед за ними летели лучи парализаторов, рассыпаясь на стенках яркими искрами. Они перекувырнулись в воздухе, каким-

то образом все же сумели приземлиться на ноги и спиной вперед вылетели в коридор. Для объяснений времени не было: он схватил Вербену за руку, пришлепнул ее ладонь к сенсорному элементу и локтем отключил поле шахты. Преследовавший их солдат с воплем упал с трехметровой высоты.

Громкий удар заставил его содрогнуться, но он потащил Вербену за собой по коридору.

— Где генераторы? — проорал он через плечо.

Со всех сторон сбегались встревоженные Дюроны. В дальний конец коридора влетели два охранника в зеленой форме дома Фелл и бросились к лифтовой шахте пентхауса. Но они-то на чьей стороне? Он втянул Вербену в ближайшую открытую дверь, с трудом выговорив приказ запереть ее.

Она повиновалась. Они находились в помещении кого-то из Дюрон. Тупик, конечно, плохое убежище, но, похоже, им придут на помощь. Он только не знал, кто. Защитный экран управляется изнутри. Иной возможности просто нет. Он сложился пополам, жадно ловя открытым ртом воздух. Сердце отчаянно колотилось, легкие жгло огнем, глаза застилала темная пелена… Но он все равно проковылял к грозящему опасностью окну, чтобы понять ситуацию. Из коридора доносились

приглушенные крики и удары.

— Как эти ублюдки сумели отключить вашу защиту? — просипел он, цепляясь за подоконник. — Взрыва не было… Предательство?

— Не знаю, — с тревогой ответила Вербена. — Это — внешняя защита. Она должна находиться в ведении людей Фелла.

Он посмотрел на обледеневшую стоянку. По ней бежали двое в зеленом и что-то кричали, указывая вверх. Они укрылись за припаркованной машиной и попытались навести ракетницу. Еще один охранник в зеленом отчаянно махал им руками, приказывая остановиться: промах разнес бы на куски пентхаус и всех, кто в нем находился. Охранники с ракетницей кивнули и стали выжидать.

Он выгнул шею, прижавшись лицом к стеклу, пытаясь увидеть то, что происходит чуть левее. Там все еще висел бронированный летательный аппарат.

Нападавшие уже начали отход. Дьявол! С защитным экраном ему явно не успеть. Солдаты садились обратно, раскачивая аппарат. Мелькнули руки и через зазор протащили толстого человечка в сером — через ужасную бетонную пропасть в шесть этажей. Обмякшего солдата

тоже забрали. Раненых для допроса не оставили. Вербена, стиснув зубы, оттащила его от окна:

— Уходи с линии огня!

Он отчаянно сопротивлялся, протестуя:

— Они уходят! Нам надо биться с ними сейчас, на нашей территории…

С улицы, из-за старой стены, окружавшей клинику Дюроны, поднялся флайер — маленький, гражданский, без всякого вооружения и защиты, он стремительно набирал высоту. Сквозь фонарь виднелась размытая фигура в сером, оскалившая белые зубы. Бронированный аппарат налетчиков отвалил от окна. Дендарийский флайер пытался протаранить его, заставить сесть. Летели искры, трещал пластик, скрежетал металл, но бронированный аппарат стряхнул флайер, и тот понесся вниз и рухнул на землю грудой обломков.

— Наверняка арендованный, — простонал он, наблюдая за происходящим. — Придется платить. Хорошая попытка — почти сработала… Вербена! Там, внизу, есть ваши флайеры?

— Ты хочешь сказать — группы? Да, но…

— Пошли! Нам надо вниз.

Но здание теперь заполнят охранники. Они будут ставить всех лицом к стене, чтобы опознать и выяснить причастность к происшедшему.

Прыгнуть из окна, чтобы пролететь пять этажей, было нельзя — хоть и очень хотелось. Ах, ему бы шапку-невидимку!

«О! Конечно!»

— Неси меня! Ты сможешь меня нести?

— Наверное, но…

Он кинулся к двери и, когда она начала открываться, упал ей на руки.

— Зачем? — спросила она.

— Делай, просто делай, — прошипел он сквозь зубы. Она выволокла его в коридор. Он сквозь полуприкрытые веки смотрел на окружающий хаос, очень правдоподобно задыхаясь. Несколько перепуганных Дюрон толклись у шахты пентхауса, вход в которую перекрыла охрана Фелла. — Вели доктору Астре взять меня за ноги, — пробормотал он, стараясь не открывать рта.

Вербена была настолько ошеломлена, что даже перестала спорить и крикнула:

— Астра, помоги мне! Надо отнести его вниз.

Решив, что имеет дело с каким-то медицинским экстренным случаем, доктор Астра вопросов не задавала. Она схватила его за щиколотки, и они начали протискиваться сквозь толпу. Две Дюроны бегом протащили бледного человека — судя по всему, раненого, — и охранники в зеленом

поспешно посторонились, давая им дорогу.

Когда они оказались внизу, доктор Астра попыталась было направиться к операционным. Его потянули в разные стороны, но он высвободил ноги из рук изумленной Астры и вырвался от Вербены. Она бросилась за ним, и к выходной двери они подбежали одновременно.

Все внимание охранников сосредоточилось на тех двоих с ракетометом: он проследил за их целью — неясным силуэтом в снежных тучах. «Нет-нет, не стреляйте!..» Ракетомет выстрелил. Яркий взрыв подбросил удаляющийся аппарат, но не сбил его.

— Веди меня к самому большому и быстрому флайеру, — пропыхтел он Вербене. — Нельзя дать им уйти. — «И нельзя позволить людям Фелла его взорвать». — Скорее!

— Зачем?

— Эти подонки выкрали моего… моего… брата! — с трудом выговорил он. — Надо сесть им на хвост. Заставить сесть, если получится. Преследовать. У дендарийцев наверняка есть подкрепление — важно только не потерять машину из виду. Или у Фелла есть… Лилли ведь его… его вассал, так? Он должен принять меры. Или кто-то должен. — Его отчаянно трясло. — Если мы

дадим им уйти, мы их уже не найдем. Они на это и рассчитывают.

— А что мы сделаем, если догоним их? — возразила Вербена. — Они только что хотели тебя похитить, а ты собираешься лететь за ними? Это дело Службы безопасности.

— Я и есть… и есть…

«Что? Что он есть такое? — Его бессильные попытки что-то сказать снова рассыпались в хаосе бессвязных представлений. — Нет, только не это!»

Зашипел инъектор и темнота, грозившая его проглотить, отступила. Доктор Астра поддерживала его, а Вербена приподнимала пальцем веко, глядя на его зрачок. Другой рукой она убирала в карман инъектор. На него опустилось какое-то прозрачное отупение, словно его завернули в целлофан.

— Это должно помочь, — сказала Вербена.

— Не помогает! — пожаловался он — вернее, попытался. Вместо слов получилась какая-то каша.

Они утащили его из вестибюля к одной из лифтовых шахт, ведущих в подземные помещения. Значит, конвульсии длились всего несколько секунд. Значит, еще есть шанс… Он попытался вырваться из рук доктора Астры, но та только

крепче схватила его.

В коридоре зазвучали шаги — легкая поступь женщин, не топот сапог охранника. Появилась суровая Лилли в сопровождении доктора Розы.

— Вербена. Забирай его отсюда. — Несмотря на то что Лилли запыхалась, голос ее остался спокойным. — Джориш лично прилетит расследовать происшедшее. Его тут вообще не было. Похоже, что нападавшие — враги Нейсмита. Будем придерживаться версии, что дендарийцы пришли сюда искать клон Нейсмита, но не нашли. Астра, позаботься об уликах в комнатах Вербены и спрячь его историю. Быстро!

Астра кивнула и убежала. Вербена помогала ему не упасть. Он почему-то обвисал, словно таял. Моргая, он пытался справиться с действием лекарства.

«Нет, надо преследовать…»

Лилли кинула Вербене кредитную карточку, а доктор Роза передала ей врачебный чемоданчик и пару курток.

— Выводи его через задний ход и исчезай. Воспользуйся кодами для эвакуации. Выбери место наугад и ложись на дно. Только не наши помещения! Доложишь по секретной линии — и не из дома. К тому времени мне будет понятно, что

удалось спасти. Быстрее, девочка.

Вербена послушно кивнула. Он возмущенно заметил, что она совсем не спорит. Крепко держа его за руку, она направилась к грузовой шахте и через подвал в подземное отделение клиники. За потайной дверью на втором уровне открылся узкий туннель. Ему казалось, что он — крыса в лабиринте. Три раза Вербена останавливалась, чтобы включить защитное устройство.

Они вышли в подвал какого-то другого здания, и закрывшаяся за ними дверь бесследно исчезла, слившись со стеной. Дальше они шли уже по обычным подземным коммуникациям.

— Вы часто здесь ходите? — пропыхтел он.

— Нет. Но иногда нам хочется что-то внести и вынести, не регистрируя у наших охранников, — они ведь люди Фелла.

В конце концов они пришли в маленький подземный гараж. Вербена подвела его к голубому легкому флайеру, далеко не новому и ничем не примечательному, и запихнула на пассажирское место.

— Это не так, — запротестовал он, с трудом выговаривая слова. — Адмирал Нейсмит… Кто-то должен лететь за адмиралом Нейсмитом!

— Нейсмиту принадлежит целый флот наемни-

ков, — ответила Вербена, пристегиваясь к креслу пилота. — Пусть они и занимаются его врагами. Постарайся успокоиться и отдышаться. Мне не хотелось бы вводить тебе еще одну дозу.

Флайер поднялся в снежные вихри, неуверенно покачиваясь в порывах ветра. Раскинувшийся под ними город быстро исчез. Вербена попыталась его утешить:

— Лилли что-нибудь предпримет. Ей тоже нужен Нейсмит.

— Все не так, — бормотал он. — Все совершенно не так.

Он ежился в куртке, которую Вербена накинула ему на плечи. Она включила обогрев.

«Я — не тот». Похоже, он сам по себе не имеет никакой ценности, но адмиралу Нейсмиту он почему-то нужен. А если адмирал Нейсмит не в состоянии будет заключить Сделку, то единственный, кто в нем будет заинтересован, — это Васа Луиджи, который ищет отмщения за что-то, о чем он даже не помнит. Бесполезный, никчемный, одинокий и испуганный… Все тело у него ныло, голова болела.

У него есть только Вербена. И, похоже, адмирал, который приехал за ним. Который, вероятно, рискнул жизнью, чтобы забрать его. Зачем?

«Мне необходимо… что-то предпринять».

— Дендарийские наемники. Они здесь? У адмирала на орбите есть корабли? Какая у него поддержка? Он сказал, что ему нужно время, чтобы связаться со спонсорами. Сколько времени? Они могут вызвать поддержку с воздуха? Сколько… когда… где…

Он лихорадочно пытался собрать из отсутствующих данных план атаки.

— Успокойся! — взмолилась Вербена. — Мы ничего не можем сделать. Мы — люди маленькие. А ты в плохом состоянии. Ты так доведешь себя до нового припадка.

— Чхать мне на мое состояние! Мне надо… надо…

Вербена только иронически подняла брови. Вздохнув, он откинулся на спинку сиденья, совершенно выжатый.

«Я должен был бы суметь это сделать… сделать что-то…» Он ничего не слышал, загипнотизированный звуком собственного тяжелого дыхания. Потерпел поражение. Снова. Он мрачно смотрел на свое бледное кривое отражение на внутренней поверхности фонаря. Время стало тягуче-липким.

Огоньки на пульте управления вдруг погасли.

Сила тяжести исчезла. Привязные ремни больно врезались в тело. Мимо них заструились ленты тумана, все быстрее и быстрее.

Вербена вскрикнула, пытаясь вернуть управление, ударила по пульту. Он на секунду включился, они немного выровнялись. Потом снова начали падать. Спуск стал судорожным.

— Что с ним, черт возьми! — воскликнула Вербена.

Он посмотрел вверх. Ничего, только ледяной туман — они спустились ниже уровня облачности. А потом над ними вдруг появилась темная тень. Огромный летающий грузовик, тяжелый…

— Системы в порядке. Нам просто то включают, то выключают поле, — сонно проговорил он. — Нас вынуждают сесть.

Вербена судорожно сглотнула, при каждом включении энергии пытаясь выровнять флаейр.

— Господи, опять они?

— Нет, не знаю… может, они были не одни. — Решимость боролась с лекарственной дремотой, и ему удалось заставить свои мозги действовать. — Устрой шум! — приказал он. — Устрой фейерверк!

— Что?!

Она не понимает. Не врубилась. Она должна

бы… Кто-то должен был…

— Бросай эту дрянь на землю!

Она не повиновалась:

— Ты с ума сошел!

Они неловко приземлились в пустой долине, покрытой снегом и хрустким кустарником.

— Кто-то хочет нас захватить. Нам надо оставить след, иначе мы просто исчезнем. Связь не работает. — Он указал на мертвый пульт. — Надо оставить следы, поджечь хоть что-нибудь!

Он начал лихорадочно отстегивать привязные ремни.

Слишком поздно. Четверо или пятеро громил окружили их флайер с парализаторами на изготовку. Один открыл дверцу и выволок его наружу.

— Осторожно, не повредите ему! — испуганно вскрикнула Вербена. — Это мой пациент.

— Не повредим, сударыня, — вежливо кивнул громила, — только вы не сопротивляйтесь.

Вербена застыла неподвижно.

Он отчаянно озирался. Если броситься к их грузовику — удастся ли?.. Но он успел сделать всего несколько шагов, как громила поймал его за рубаху и поднял в воздух. Что-то холодное металлическое защелкнулось на его запястьях. Это

были не те люди, что вломились в клинику Дюроны: совсем другие лица, форма и оборудование.

Скрипя по снегу, подошел еще один. Откинув с головы капюшон, он осветил фонариком лица пленных. Ему было около сорока — резкие черты лица, смуглая кожа, темные волосы, стянутые узлом. Глаза яркие и очень живые. Озадаченно хмурясь, он уставился на свою добычу.

— Расстегни ему рубашку, — приказал он одному из громил.

Тот повиновался, и фонарик осветил извивы шрамов. Глава похитителей хищно улыбнулся, откинул голову и громко расхохотался. Его смех эхом разнесся по сумеречной снежной долине.

— Ри, глупец! Интересно, когда до тебя дойдет?!

— Барон Бхарапутра! — тоненько пропищала Вербена.

— Доктор Дюрона, — вежливо-насмешливо отозвался Васа Луиджи. — Так он ваш пациент? Тогда примите мое приглашение. Будете нашей гостьей. По-родственному.

— Зачем он вам? Он ничего не помнит.

— Вопрос не в том, зачем он мне. Вопрос в том… зачем он кому-то другому. И что я могу с них получить. Ха! Даже удачнее!

Сделав знак своим людям, он повернулся. Те загнали пленных в летающий грузовик. Один остался, чтобы увести голубой флайер.

— Где мне его оставить, сэр?

— Верни в город и брось в любом переулке. Где угодно. Увидимся дома.

— Слушаюсь, сэр.

Двери грузовика захлопнулись, и он поднялся в воздух.

Глава 23

Марк застонал. Острая боль прорвалась сквозь туман тошноты.

— Собираешься ввести ему синэргин? — услышал он чей-то удивленный голос. — Разве барон велел с ним нежничать?

— А тебе охота чистить флайер, когда его вывернет наизнанку?

— А…

— Барон им займется сам. Барон сказал, что хочет получить его живым. Ну, он пока жив.

Зашипел инъектор.

— Бедняга!

Марк начал отходить от удара парализатора. Он не знал, сколько пространства и времени отделяло его от клиники Дюрона. После того как к нему вернулось сознание, похитители раза три делали пересадку и один раз летели на чем-то более крупном, чем флайер.

Наконец прибыли неизвестно куда. Марка завели в камеру очистки. Потом безликие солдаты удалились, а его передали двум охранникам: верзилам в черных брюках и красных кителях.

Цвета дома Риоваль. Ох!

Марка связали по рукам и ногам и швырнули в очередной флайер.

«А все-таки Майлз жив!»

Он улыбнулся. Бледный, осунувшийся — кожа да кости, но живой! Стоит и дышит. Марк чуть не разрыдался. Ему удалось, удалось исправить свою ошибку! Теперь он имеет право называться лордом Марком.

Он молил Бога, чтобы доктор Дюрона оказалась права и чтобы к Майлзу вернулась память. В глазах Майлза было какое-то пугающее недоумение. И он даже не узнал Куин.

«Ты поправишься. Мы увезем тебя домой, и ты поправишься».

Он притащит Майлза домой, и все снова будет хорошо. Нет, даже не хорошо. Все будет просто чудесно.

Вот только бы этот дурак Риоваль понял, что ошибся.

«Ничего, Служба безопасности им займется».

Марк так и не разглядел, куда его везут. Флайер сел на подземной стоянке. Два охранника бесцеремонно вытащили Марка наружу и развязали ему ноги. Они зашли в какую-то комнату, где с него содрали одежду, и быстро двинулись дальше.

Нет, это, пожалуй, не тюрьма. И не знаменитый бордель Риоваля. Противно пахнет медикаментами. Но обстановка слишком суровая — здесь явно не принимают богатых клиентов. И слишком уж много электронной защиты, чтобы выращивать на заказ рабов. Довольно тесно. Окон нет. Подземное сооружение?

Куда же я попал?

Только без паники. Он подбодрил себя мыслью о том, что Риоваль устроит своим людям, когда обнаружит, что они захватили не того. А если Риоваль сразу не поймет своей ошибки, может, лучше какое-то время скрывать от него истину? И тогда Майлз будет в безопасности. Ведь Майлза-то не схватили. И дендарийцы на свободе.

Они наверняка отыщут Марка. А не они, так Служба безопасности. Служба безопасности отставала от него самое большее на неделю и быстро сокращала разрыв.

«И все равно я выиграл!» Голова шла кругом от странного сочетания восторга и ужаса. Охранники ввели его к Риовалю. Видимо, у барона тут были апартаменты, потому что за аркой Марк увидел гостиную. Риоваля он узнал без труда. Он видел его изображение в вахтенном журнале «Ариэля». Тогда барон пообещал, что

отрежет адмиралу Нейсмиту голову и повесит на стену в качестве трофея. У Марка возникло неприятное подозрение, что Риоваль свое обещание выполнит, и выполнит буквально. Барон стоял, облокотясь на стол с комм-устройством. Блестящие темные волосы были уложены в замысловатую прическу. Лицо с гладкой кожей и изящным носом казалось неправдоподобно молодым для столетнего старика.

«На него напялили труп».

Марк злобно ощерился.

Охранники усадили его на стул и пристегнули руки металлическими захватами.

— Ждите за дверью, — приказал барон. — Это недолго.

Руки у Риоваля дрожали. Смуглое лицо покрылось испариной. Когда он улыбнулся Марку, в его глазах появился лихорадочный блеск. Так должен выглядеть человек, настолько погруженный в свои видения, что окружающее для него почти не существует. Но Марк был здорово разъярен, и его это ничуть не встревожило.

— Адмирал, — радостно выдохнул Риоваль, — я ведь обещал, что мы еще встретимся. Это судьба. — Он внимательно осмотрел Марка и удивленно приподнял брови: — За последние

четыре года вы сильно пополнели.

— Жил припеваючи, — огрызнулся Марк.

— Как я рад, что вы живы! Поначалу я мечтал, чтобы вы скончались в страшных муках, но, поразмыслив, начал молиться о том, чтобы вы выжили. У меня было четыре года, чтобы все продумать. Пересмотреть и отточить первоначальный план.

Риоваль не признает в нем не-Нейсмита! Риоваль вообще его почти не видит. Казалось, он смотрит сквозь него. Барон начал расхаживать перед Марком, излагая свои планы, как взволнованный любовник. Сложные планы мести, начиная с самых непристойных и безумных до вообще неосуществимых.

Ну что же, могло быть и хуже. Риоваль мог бы сейчас осыпать угрозами недоумевающего щуплого человечка, потерявшего память после криооживления, а тот даже не знал бы, кто он такой, не говоря уже о том, почему с ним такое происходит.

«Нет. Лучше уж меня, чем его. Определенно».

«Он просто хочет запугать тебя. Это только слова». Что говорил граф? «Не отдавай победы врагу заранее, в своих мыслях…»

Дьявол, ведь Риоваль даже и не его враг! Все

эти безвкусные сценарии рассчитаны на Майлза. И даже не на Майлза. На адмирала Нейсмита, которого, по идее, вообще не существует. Риоваль гонялся за призраком.

Тем временем барон замолчал и с любопытством провел рукой по телу Марка. Чуть согнутые пальцы умело проследили мышцы, спрятанные под слоем жира.

— Знаете, — выдохнул он, — я ведь собирался морить вас голодом. Но, пожалуй, я передумал. Вас будут кормить насильно. Должно получиться даже забавнее.

Марк вздрогнул. Риоваль, уловив его дрожь, ухмыльнулся. У этого типа удивительный нюх. Кажется, лучше переключить его внимание на химеру.

— Мне очень жаль портить вам удовольствие, барон, но у меня для вас неприятное известие.

— А разве я просил вас говорить? — пальцы Риоваля поползли вверх, ущипнули его за щеку… — Это не допрос. Не инквизиция. Признаниями вы ничего не добьетесь. Даже смерти.

— Я не адмирал Нейсмит. Я — клон, которого изготовили люди Бхарапутры. Ваши люди захватили не того человека.

Риоваль улыбнулся:

— Неплохо, адмирал. Но мы уже много дней наблюдали за тем клоном в клинике Дюроны. Я знал, что вы за ним явитесь, после того на что вы пошли, чтобы получить его обратно в первый раз. Не знаю, какую страсть он в вас будит… Вы не любовники? Вы не поверите, сколько клонов заказывают именно с этой целью.

Так. Когда Куин клялась, что за ними не могло быть хвоста, она не ошиблась. Риоваль за ними не следил. Он их поджидал. Роскошно. Именно поступки, а не слова и не мундир, убедили барона в том, что Марк — это Нейсмит.

— Но его я тоже получу, — Риоваль пожал плечами. — Очень скоро.

«Не получишь!»

— Барон, я действительно клон адмирала Нейсмита. Не верите — проверьте.

Риоваль хмыкнул:

— И что вы предлагаете? Генетический анализ? Даже Дюроны не могли вас отличить. — Он глубоко вздохнул. — Столько планов, что просто не знаю, с чего начать. Нельзя ведь терзать те части тела, которые уже отрезал. Интересно, на сколько лет я смогу растянуть удовольствие. Или не лет, а десятилетий?

Марк почувствовал, что его самообладание

дает трещину.

— Я не Нейсмит! — встревоженно повторил он.

Риоваль схватил Марка за подбородок и заставил поднять голову, одарив насмешливо-недоверчивой улыбкой.

— Тогда я на вас потренируюсь. Генеральная репетиция. А Нейсмит появится. Со временем.

«Со временем тебя ждет крупный сюрприз». Служба безопасности без колебаний разнесет весь дом Риоваля, чтобы спасти Майлза. Да, но он-то не Майлз.

Первое избиение оказалось достаточно неприятным. Дело было даже не в боли, а в сочетании боли и страха. Риоваль наблюдал. Марк вопил, не пытаясь сдерживаться. Никакой мужественной гордости вам не будет — спасибо. Может, Риоваль наконец поймет, что он — не Нейсмит. Бред какой-то. Но тюремщики не поломали ему ни одной кости и быстро закончили. Его заперли — голого — в очень холодном чулане. Без окон. Вентиляционное отверстие оказалось сантиметров пять в диаметре. Туда даже кулак не пролезет.

Он попытался собраться с мыслями. Внушить себе надежду. Время работает на него. Риоваль, понятное дело, садист, но садист с психологическим уклоном. Риоваль оставил его живым и

относительно невредимым — по крайней мере пока. В конце концов если повредить нервные окончания, по ним перестанут поступать болевые сигналы. А если помутится рассудок, он перестанет реагировать на все нюансы. Значит, в планах Риоваля — изысканные унижения, а не порка до смерти. Главное — выжить. А потом… Графиня сказала, что, отправляясь на Архипелаг Джексона, он волей-неволей заставит Иллиана активизировать тамошнюю агентурную сеть. И это уже положительный результат, сказала графиня, даже если самому Марку ничего не удастся.

Ну и подумаешь. Что такое в конце концов несколько лишних унижений? Вот Майлз сломался бы. А у него просто нет гордости. Пытки для него — дело привычное.

«Ах, Риоваль, как же ты здорово просчитался!»

Будь Риоваль хоть наполовину таким хорошим психологом, каким себя считает, он должен был бы прихватить пару-тройку друзей Майлза и пытать их у него на глазах. Дурак. И вообще, черт с ним, с Риовалем. Скоро придут дендарийцы и вызволят его.

Скоро. Очень скоро. Вот-вот.

Сейчас.

Все было хорошо, пока не пришли тюремщики.

* * *

Когда Марка привели обратно в его крошечную камеру, он очень долго вообще не мог думать.

Наконец туман рассеялся, и боль ослабла, уступив место черной ярости. Его привязали, засунули в горло трубку и накачали до отказа омерзительной высококалорийной жижей, смешанной с противорвотным да еще с целым коктейлем медикаментов, ускоряющих отложение жиров. А он-то воображал, что обжорство — его личное достижение. Риоваль следил за его реакцией с глумливой улыбкой. Риоваль знал!

Барон лишил его тайный протест скрытого удовлетворения. Поймал его, задел за живое. Очень сильно.

Разница между пыткой и истинным унижением — в соучастии жертвы. Гален прекрасно это понимал, Гален всегда заставлял его все делать самостоятельно. Или считать, что он все делает самостоятельно.

Вскоре Риоваль показал, что и это он знает. Марку ввели сильнейшее возбуждающее и пе-

редали его охранникам. Он стал соучастником собственного падения. А расставленные повсюду камеры запечатлели великолепные сцены.

Его вновь отвели в камеру. Переваривать новые впечатления. Интересно. Препарат закоротил электрошоковый рефлекс, сведя его до странной икоты. Риоваль наблюдал.

Нет. Риоваль изучал.

Этот взгляд преследовал Марка. Риоваль отслеживал… рефлексы? Едва заметные признаки интереса, страха, отчаяния?

Да, это не пытки. Это только предварительные испытания. Пытки — впереди.

И тут он понял, что его ждет. Сначала Риоваль создаст у него зависимость, повторяя все снова и снова. Потом добавит боль. А потом предоставит ему продолжать все самостоятельно. Вот он и продолжит. И тогда Риоваль предложит ему свободу. А он будет умолять, чтобы его не прогоняли, оставили рабом. Уничтожение через соблазн. Эндшпиль. Полное отмщение.

«Ты видишь меня, Риоваль, но и я тебя вижу. Я тебя вижу».

Насильственные кормления устраивали каждые три часа. Это был единственный хронометр

— иначе он решил бы, что время остановилось.

Он всегда считал, что кожу живьем сдирают острыми ножами. Или тупыми. Люди Риоваля спрыснули тщательно выбранные участки тела аэрозолем. На исполнителях были перчатки, маски, защитные костюмы. Марк безуспешно попытался сорвать с одного маску, чтобы тот попробовал того же лекарства. Он проклинал свой малый рост и смотрел, как его кожа пузырится и стекает на пол. Это была не щелочь, а какой-то особый фермент: нервы словно обнажились. Теперь ему было мучительно больно прикоснуться к чему-нибудь, не говоря уже о том, чтобы сесть или лечь. Несколько долгих часов он стоял, переминаясь с ноги на ногу. А потом ноги подкосились.

Куда же подевались дендарийцы и СБ? Сколько времени прошло? День?

«Так. Один день я пережил. Переживу и еще один». Хуже уже не будет.

Он сидел, раскачиваясь, почти ослепнув от боли. И ярости. Особенно от ярости.

«Я хотел быть лордом Марком. Просто хотел быть лордом Марком». Что в этом плохого? Он уже почти добился этого, почти ухватил паль-

цами. А у него все отняли. «Я просто хотел быть человеком».

Глава 24

Он в сотый раз обошел комнату, простукивая стены.

— Если б только выяснить, которая из них наружная, мы могли бы попробовать ее проломить.

— Чем? Ногтями? — огрызнулась Вербена. — А если мы на третьем этаже? Сядь, пожалуйста! Ты меня довел!

— Нам надо выбраться!

— Нам надо ждать. Лилли нас хватится, и что-нибудь предпримет.

— Как? Каким образом?

Он яростно оглядел маленькую спальню. Никакая это не тюремная камера. Просто комната для гостей с отдельной ванной. Окон нет, значит, скорее всего они или под землей, или во внутренней части здания. Если под землей, то проламываться наружу бессмысленно, но если там соседняя комната… Это дало бы массу возможностей.

Одна дверь, за ней два охранника, вооруженные парализаторами. Прошлой ночью они попробовали заманить охранников: один раз изобразив

болезнь, а второй — когда его отчаянное волнение вылилось в настоящие конвульсии. Охранники передали Вербене ее врачебный чемоданчик, но в ответ на его требования действовать она пригрозила ввести успокоительное.

— Выжить, освободиться, навредить врагу, — повторял он, как заклинание. — Вот долг солдата.

— Я не солдат, — отозвалась Вербена, протирая глаза, под которыми легли темные тени. — И Васа Луиджи меня убивать не собирается. А если бы он собирался убить тебя, то сделал бы это вчера вечером. Он не играет людьми, как Риоваль. — Вербена прикусила губу, видимо, пожалев о последней фразе. — Или, может, он оставит нас тут вдвоем, пока я сама тебя не убью.

Она повернулась спиной и закрыла голову подушкой.

— Ты должна была разбить флайер, когда я тебе приказал!

Из-под подушки вырвался то ли стон, то ли проклятие. Наверное, он слишком часто повторяет этот упрек.

Дверь, щелкнув, открылась, и он дернулся как ошпаренный.

Охранник вежливо вскинул руку:

— Барон Бхарапутра приветствует вас. Будьте любезны присоединиться к нему и баронессе за обедом. Мы проводим вас, как только вы будете готовы.

В столовой были большие деревянные двери, выходившие в обнесенный стенами морозный сад — и по дюжему охраннику у каждого выхода. В сгущающихся сумерках поблескивали покрытые инеем ветви, значит, они провели здесь уже сутки по времени Архипелага Джексона. Двадцать шесть часов плюс сколько-то там минут. При их появлении Васа Луиджи встал, а охранники удалились за дверь, создавая иллюзию интимности.

Столовая была обставлена со вкусом: одноместные кушетки и столики, полукругом на нескольких уровнях, с видом на сад. На одной из кушеток сидела очень знакомая с виду женщина.

Седые волосы, уложенные вокруг головы, темные глаза, тонкая поблекшая кожа, испещренная множеством морщинок, аристократический нос… Доктор Дюрона. Опять. На очередной Дюроне были светло-зеленая шелковая туника под цвет лабораторных халатов и свободные шаровары кремового цвета. Да, доктор Дюрона, баронесса Бхарапутра, отличалась изысканным

вкусом. И имела средства.

— Вербена, милая, — кивнула она, протягивая руку так, словно Вербена могла бы запечатлеть на ней придворный поцелуй.

— Лотос. — Вербена поджала губы.

Лотос улыбнулась и перевернула ладонь, превратив свой жест в приглашение садиться — что все и сделали.

Баронесса прикоснулась к пластинке управления, и в столовую вошла девушка, одетая в коричневые с розовым шелка. Очень знакомая на вид девушка, высокая и гибкая, с аристократическим носом, шелковистыми черными волосами, схваченными сзади и струящимися вдоль спины… Она подала напитки. Барону — первому, не поднимая взгляда. Когда девушка подошла к баронессе, ее глаза широко раскрылись, как цветы под солнцем, полные радости. Когда девушка склонилась перед Вербеной, ее взгляд вдруг стал изумленным, а темные брови недоумевающе поползли вверх. Вербена сперва изумилась не меньше девушки, а потом вдруг ужаснулась.

Когда девушка склонилась перед ней, она нахмурилась еще сильнее.

— Ты! — потрясенно прошептала она.

— Иди, Лилли, милочка. Глазеть некрасиво, —

ласково упрекнула баронесса.

Удаляясь изящной походкой, она еще раз обернулась через плечо.

— Лилли? — задохнулась Вербена. — Ты назвала ее Лилли?!

— Небольшая месть.

Вербена сжала кулаки:

— Как ты могла? Зная, кто ты? Зная, кто мы?

— А как ты смогла выбрать смерть, а не жизнь? — Баронесса пожала плечами. — Или, еще хуже, позволить Лилли выбирать за тебя? Твое время соблазна еще не наступило, Вербена. Милая моя сестра. Спроси себя через двадцать или тридцать лет, когда ощутишь, как распадается твое тело, и посмотрим, так ли легко дастся тебе ответ.

— Лилли любила тебя, как дочь.

— Лилли помыкала мною, как прислугой. Любовь? — Баронесса усмехнулась. — Стадо Дюрон удерживает вместе не любовь. Их удерживает давление хищников. Если бы все внешние опасности исчезли, то даже в одном пространстве — времени вам стало бы тесно, дорогим моим родственникам. Вообще-то почти во всех семьях так.

Вид у Вербены был несчастный, но спорить она не стала.

Васа Луиджи откашлялся:

— Вообще-то, доктор Дюрона, вам вовсе нет необходимости искать себе место на краю галактики. В доме Бхарапутра может найтись место для человека ваших способностей. Например, в качестве главы лаборатории. А позже — кто знает — даже филиала.

— Нет, спасибо! — отрезала Вербена.

Барон пожал плечами. А баронесса, похоже, немного обрадовалась.

Он настоятельно вмешался:

— Барон, это действительно были люди Риовaля — те, кто захватили адмирала Нейсмита? Вы знаете, куда они его забрали?

— Ну, это интересный вопрос, — пробормотал Васа Луиджи, внимательно глядя на него. — Я весь день безрезультатно пытался связаться с Ри. Подозреваю, что там, где Ри, там и ваш клон-близнец… адмирал.

Он стремительно втянул воздух:

— Почему вы считаете, что это я — адмирал, сэр?

— Потому что я встречался с тем, вторым. При очень интересных обстоятельствах. Не думаю, чтобы настоящий адмирал Нейсмит позволил своему телохранителю себе указывать, а?

У него разболелась голова.

— Что Риоваль с ним сделает?

— Право, Васа, не за столом, — укоризненно проговорила баронесса, а потом с любопытством посмотрела на него: — И вообще, почему это вас волнует?

— «Майлз, где брат твой Марк?» — Взявшаяся непонятно откуда цитата вырвалась у него помимо воли. Он неуверенно прикоснулся к губам. Вербена и Лотос изумленно уставились на него.

Васа Луиджи сказал:

— Что до вашего вопроса, адмирал, то все зависит от того, пришел ли Ри к тем же выводам, что и я. Если да — скорее всего ничего не сделает. А если нет, то его методы будут зависеть от вашего клона-близнеца.

— Я… не понимаю.

— Риоваль станет изучать его. Экспериментировать. Выбор будет зависеть от анализа личности подопечного.

Это звучало не так уж страшно. Он представил себе тесты, в которых нужно выбрать один из предложенных ответов, и озадаченно нахмурился.

— Ри — мастер, — продолжил барон. — Он умеет создавать удивительные психологиче-

ские эффекты. Я видел, как он превратил врага в преданного раба, готового повиноваться любому приказу. А последний человек, пытавшийся убить его, теперь подает напитки на приемах у Риоваля и молит о возможности удовлетворить любую просьбу гостя.

— И чего ты попросил? — холодно поинтересовалась баронесса.

— Белого вина. Это было еще до тебя, дорогая. Но я наблюдал. Взгляд у него был совершенно затравленный.

— Вы намерены предложить меня Риовалю? — медленно спросил он.

— Если он предложит больше других, адмирал. Ваш и вашего клона-близнеца налет на мои комплексы (а я до сих пор не уверен, что вы с самого начала не сговорились) очень дорого мне обошелся. И… — тут его глаза сверкнули, — был мне неприятен. Я не стану мстить человеку, страдающему криоамнезией, но хотел бы возместить убытки. Если я продам вас Ри, вас накажут лучше, чем это смог бы сделать я. Ри будет счастлив получить пару. — Васа Луиджи вздохнул. — Боюсь, дом Риоваля так и останется Младшим — Ри ставит удовольствие выше выгоды. Глупо. С его ресурсами я сделал бы большее.

Девушка, вернувшись, подала закуски, долила в бокалы какой-то смеси вина с фруктовыми соками и снова ушла. Медленно. Васа Луиджи проводил ее взглядом. Заметив это, баронесса прищурилась. Но когда барон снова перевел взгляд на нее, опустила ресницы.

— А как насчет… дендарийских наемников в качестве покупателя? — Да! Пусть только Бхарапутра предложит им сделку — и дендарийцы тут же явятся к его дверям. С плазменной пушкой. Прекрасное предложение. Игра будет короткой. Бхарапутра не может устроить аукцион, не объявив, что адмирал Нейсмит у него, и тогда… тогда… Что? — И уж по крайней мере вы могли бы воспользоваться ими как конкурентами, чтобы Риоваль заплатил вам побольше.

— Боюсь, их ресурсы ограничены. И находятся не здесь.

— Мы их видели. Вчера.

— Это всего лишь секретная оперативная группа. Ни кораблей. Ни сил поддержки. Насколько я понял, они вообще открылись только для того, чтобы убедить Лилли переговорить с ними. Но… У меня есть основания полагать, что в этой игре — еще один участник. Когда я на вас смотрю, мне почему-то становится не по себе. И возникает

странное желание удовольствоваться скромным вознаграждением посредника. А негативные предложения пусть поступают дому Риоваль.

Барон расхохотался.

«Негативные предложения?» А! От людей с плазменными пушками. Он постарался никак не выдать своей реакции.

Васа Луиджи продолжал:

— И это возвращает нас к первому вопросу: какой интерес преследовала Лилли? Почему она поручила вам, Вербена, оживить этого человека? И уж если на то пошло, как Лилли его заполучила, когда несколько сотен старательных работников ничего не добились?

— Она мне не сказала, — невозмутимо ответила Вербена. — Но я была рада возможности отточить свои навыки. Благодаря меткости вашего охранника задача с медицинской точки зрения оказалось очень интересной.

Разговор принял чисто врачебное направление — Лотос и Вербене было что обсудить, — а потом стал обрывочным. Девушка-клон подала им изысканный обед. Барон бросал Вербене нарочито небрежные вопросы, та ловко от них уходила. Ему никто вопросов не задавал. Похоже, барон Бхарапутра не спешит. Видимо, намерен

выжидать. После обеда охранники отвели их обратно в комнату, которая, как он наконец понял, предназначалась для слуг важных господ.

— Где мы? — прошипел он, как только закрылась дверь. — Ты догадалась? Это главная резиденция Бхарапутры?

— Нет, — ответила Вербена. — Главную резиденцию еще не восстановили. — И раздраженно добавила: — Там несколько комнат взорвали коммандос.

Он медленно обошел спальню, но, к явному облегчению Вербены, на этот раз не стал стучать по стенам.

— Вот что мне пришло в голову… Есть еще один способ побега. Можно не выбираться изнутри наружу, а заставить кого-то вломиться снаружи внутрь. Скажи-ка… Откуда труднее всего вызволить пленника: из дома Бхарапутра, дома Фелл или дома Риоваль?

— Ну… наверное, из дома Фелл труднее всего. У него больше людей и оружия. А из дома Риоваль легче всего. У Риоваля на самом деле Младший дом, но сам барон настолько стар, что по традиции пользуется таким же почтением, как и бароны Главных домов.

— Так… Если знаешь, что идет подмога… так-

тически разумнее оставить того же пленного у Риоваля.

Она снова с ним согласилась.

— Нам надо связаться с Феллом.

— Как? Мы даже из комнаты выйти не можем!

— Из комнаты — конечно, из комнаты нам надо выйти. Но из дома выбираться не обязательно. Достаточно, чтобы один из нас добрался до комма. Связаться с Феллом, связаться с кем-нибудь, дать знать, что мы у Васа Луиджи. Это послужит толчком.

— С Лилли, — решительно заявила Вербена, — а не с Феллом.

«Мне нужен Фелл. Лилли к Риовалю не прорваться».

Он с беспокойством подумал, что его интересы начинают расходиться с интересами группы Дюрона. Ему надо просить одолжения у Фелла, от которого хочет сбежать Лилли. Хотя… Чтобы заинтересовать Фелла в операции против Риоваля нужно немногое. Достаточно пообещать оплату расходов, а доходом будет старая ненависть. Ага.

Он забрел в ванную и уставился на себя в зеркало. Кто он? Тощий, изможденный, бледный человечек странного вида, с отчаянием в глазах и склонностью к конвульсиям. Если бы он только

мог решить, кто из них клон, методом исключения можно было бы назвать и себя. Вчера ему показалось, что у того типа вид Нейсмита. Но Васа Луиджи не дурак, и Васа Луиджи убежден в обратном. Почему он не может решить?

«Если я — Нейсмит, то почему мой брат занял мое место?»

И тут он понял. Будто попал под водопад, будто огромная река выплеснулась на него, и тонны воды придавили его к земле. Чуть слышно застонав, он скорчился на полу, обхватив голову руками. Боль в висках рассыпалась искрами, от ужаса перехватило дыхание. Он стиснул зубы, чтобы больше не издать ни звука и не привлечь внимания заботливой Вербены. С этим надо остаться наедине.

«Понятно, почему я не мог догадаться. Я пытался выбрать из двух неверных ответов». Лейтенант Лорд Майлз Нейсмит Форкосиган корчился на кафельном полу и мысленно кричал: «Нет, нет, нет…»

«Элли…»

«Бел, Элен, Таура…»

«Марк… Марк? Тот мрачный решительный плотный субъект — это Марк?»

О своей смерти он ничего не мог вспомнить.

Он испуганно прикоснулся к груди, ощупывая следы… чего?

Он зажмурился, стараясь поймать последние воспоминания.

Спуск в медкомплекс Бхарапутра. Марк — Марк с Белом устроили катастрофу, и он кинулся вниз, чтобы попытаться выручить их. С маниакальной мыслью переплюнуть Марка, показать ему, как это делают специалисты, отнять тех клонов у оскорбившего его Васа Луиджи… Увести их домой к маме. Господи, а что известно его матери? Надо надеяться, ничего. Они ведь все почему-то по-прежнему на Архипелаге Джексона. Сколько времени он был мертв?

Где, к дьяволу, агенты Службы безопасности?

Конечно, не считая того, который валяется здесь на полу в ванной.

И Элли. Он ее спросил: «Я знаком с вами, сударыня?!» Лучше бы он себе язык откусил.

«Вербена… Элли». В каком-то отношении это понятно: его возлюбленная — высокая, кареглазая, решительная и умная женщина. И начав приходить в себя, он увидел высокую, кареглазую, решительную и умную женщину. Вполне естественная ошибка.

Интересно, примет ли Элли такое объяснение?

Вкус на хорошо вооруженных подруг имеет и отрицательные стороны.

Таура, здесь? Риоваль об этом знает? Знает ли он, что Таура приложила свою дивную когтистую ручку к уничтожению его генного банка? Или обвинил во всем «адмирала Нейсмита»? Конечно, наемные убийцы, подосланные Риовалем, охотились исключительно за ним. Но люди Риоваля приняли Марка за адмирала. А Риоваль? Но Марк ведь скажет ему, что он — клон. Дьявол, Майлз и сам бы сказал то же самое, только для того, чтобы запутать дело. Что происходит с Марком? Почему Марк предложил себя в качестве… выкупа за Майлза? Ведь не может же такого быть, чтобы у Марка тоже оказалась криоамнезия. Нет, Лилли сказала, что дендарийцы вместе с клонами и «адмиралом Нейсмитом» улетели. Зачем же они вернулись?

«Они вернулись искать тебя, адмирал».

И наткнулись на Риоваля, который искал его же. Прямо рандеву какое-то!

Что за блаженное состояние эта криоамнезия! Майлз вдруг очень захотел, чтобы она вернулась.

— Что с тобой? — встревоженно позвала Вербена. Открыв дверь ванной, она увидела его на полу.

Опустившись на колени и нащупывая пульс, она воскликнула: — Ах, нет! Опять конвульсии? Ты обо что-то ударился?

«Я не стану мстить человеку, страдающему криоамнезией», — сказал Васа Луиджи. Значит, надо, чтобы у него по-прежнему оставалась криоамнезия. Пока он не овладеет ситуацией. И собой.

— По-моему, все в порядке.

Майлз позволил уложить себя в постель. Вербена гладила его по голове. Он с ужасом смотрел на нее из-под полуопущенных век, изображая постконвульсионную сонливость.

«Что я наделал?»

«Что мне теперь делать?»

Глава 25

Он забыл, почему он здесь. Кожа начала понемногу заживать.

Интересно, куда делся лорд Марк?

Приходили какие-то люди, пытали нечто безымянное и расплывчатое и снова уходили. Он встречал их по-разному. Возникающие аспекты стали личностями и в конце концов он дал им имена. Обжора, Пыхтун, Рева и еще один, Другой, молчаливый, затаившийся и выжидающий.

Он предоставил Обжоре время насильственного кормления, потому что Обжора единственный получал от этого удовольствие. Ведь Обжоре никогда не позволили бы делать то, что проделывали люди Риоваля. Пыхтуна он высылал на передовые позиции, когда Риоваль приходил с инъектором возбуждающего. Скорее всего именно Пыхтун отвечал за попытку изнасилования Мари, хотя в спокойном состоянии Пыхтун был ужасно застенчив и виновато молчал.

Остальным занимался Рева. Марк вообще начал подозревать, что это из-за Ревы они все оказались у Риоваля. Наконец-то Рева попал туда,

где его накажут по-настоящему. «Не следует пытаться закодировать мазохиста на отвращение. Результаты непредсказуемы». Так что Рева получал по заслугам. Неуловимый четвертый только выжидал, пообещав, что они еще его оценят.

Дав им всем имена, он наконец методом исключения нашел лорда Марка. Обжора, Пыхтун, Рева и Другой отправили лорда Марка глубоко внутрь: пусть пока спит. Бедный нежный лорд Марк, ему ведь всего двенадцать недель от роду.

Там, в глубине, Риовалю лорда Марка даже не разглядеть. И не достать. И не прикоснуться к нему. Обжора, Пыхтун, Рева и Другой оберегали сон младенца. Нежные и заботливые, они защищали его. Им это по силам. Они уродливые, гадкие, закаленные жизнью, эти его психические наемники. Несимпатичные. Но дело свое знают.

Он начал время от времени напевать им марши.

Глава 26

Любовь лишь крепнет при разлуке. И наоборот, решил Майлз. Вербена опять спрятала голову под подушку. Он продолжал метаться. И говорить. Остановиться он был не в состоянии. За время, прошедшее после каскада, который он от всех скрыл, Майлз успел разработать множество планов побега, но все страдали губительными недостатками. Не в силах осуществить ни один, Майлз вслух классифицировал и оттачивал их. Снова и снова. Вербена перестала критиковать его планы… Вчера, кажется? По правде говоря, она вообще перестала с ним разговаривать. Она больше не ласкала и не успокаивала его, старалась держаться на другой стороне комнаты или надолго пряталась в ванной. Майлз ее не винил.

Насильственное заключение поставило под угрозу ее чувства. И, приходилось признать, он не смог скрыть от Вербены некоторой холодности. Его прикосновения стали равнодушнее, он не признавал ее врачебного авторитета. Нет, он, конечно, любит ее и восхищается ею и с восторгом поручил бы ей возглавить любой принадлежа-

щий ему лазарет. Под его командованием. Но чувство вины и подозрение, что за ними наблюдают, окончательно убили интерес к интимному общению. Сейчас им владели другие страсти. И они снедали его.

Скоро должны были принести обед. Если считать, что их кормят три раза в день, то они провели тут уже четыре дня. Барон с ним больше не разговаривал. Какие сети плетет сейчас Васа Луиджи? Запросил ли он уже за «адмирала Нейсмита» цену? А что, если его вообще никто не захочет купить, если его оставят тут навсегда?

Обычно еду на подносе приносит слуга под зорким наблюдением двух охранников, вооруженных парализаторами. Майлз перепробовал все средства, пытаясь распропагандировать их — разве что не выдал свою тайну, — пользуясь обрывочными разговорами. Они только улыбались в ответ. Он сомневался в своей способности ускользнуть от луча парализатора, но решил при первой же возможности попробовать. Он не мог пуститься на хитрость. И был готов пуститься на глупость. Неожиданность иногда срабатывает…

Щелкнул замок. Он резко повернулся, готовясь броситься вперед.

— Вербена, вставай! — прошипел он. — Я попы-

таюсь прорваться.

— А, черт, — простонала она, выныривая из постели. Она безнадежно обошла вокруг кровати и встала рядом с ним. — От парализатора бывает больно. А потом рвет. А у тебя, наверное, еще начнутся конвульсии.

— Да. Знаю.

— Но по крайней мере ты хоть ненадолго заткнешься, — пробурчала она себе под нос.

Майлз приподнялся на носках и снова встал нормально, увидев, кто принес им еду. «Вот это да! Что происходит?» В игру вступил новый участник — и мысль лихорадочно заработала. Вербена, ожидавшая обещанного броска, тоже посмотрела на дверь и изумленно раскрыла глаза.

Девушка-клон, Лилли — наверное, ему следует назвать ее Лилли-младшей — в коричневых и розовых шелках. Выпрямив спину, она внесла поднос с обедом и поставила на столик в дальнем конце комнаты. И тут — странное дело — охранник кивнул ей и ушел, закрыв за собой дверь.

Лилли, как и положено прислуге, начала сервировать стол. Вербена направилась к ней, приоткрыв рот.

Майлз мгновенно увидел десятки возможностей. В таком болезненном состоянии ему

девушку не скрутить. А как насчет снотворного, которым ему вечно грозит Вербена? Сможет ли Вербена скрутить ее? Вербена плохо понимает намеки, а краткие приказы вовсе не признает. Ей захочется объяснений. Ей захочется споров. Но все равно надо попробовать.

— Господи, ну до чего же вы похожи! — жизнерадостно прощебетал он, бросая Вербене яростно-предупреждающий взгляд. На лице Вербены отразилась смесь досады и недоумения, которая тут же превратилась в улыбку, когда девушка повернулась к ним. — Чем это мы заслужили такую… э-э… благороднорожденную прислугу?

Гладкая рука Лилли прокоснулась к груди.

— Я не леди, — сказала она тоном, показавшим, что она считает его полным идиотом. И не без причины. — Но вот вы… — Она повернулась к Вербене. — Я вас просто не понимаю.

— Тебя прислала баронесса? — спросил Майлз.

— Нет. Но я сказала охраннику, что в вашей еде снадобье, и баронесса велела мне остаться и смотреть, как вы будете есть, — довольно неожиданно объяснила она.

— И это… правда? — поинтересовался он.

— Нет. — Она вскинула голову, так что ее длинные волосы рассыпались по плечам, и снова

жадно уставилась на Вербену. — Кто же вы?

— Она — сестра баронессы, — мгновенно ответил Майлз. — Дочь матери твоей госпожи. Ты знаешь, что тебя назвали в честь… э-э… бабушки?

— Бабушки?

— Расскажи ей о группе Дюрона, Вербена! — настоятельно сказал он.

— Так дай мне возможность говорить, хорошо? — прошипела она сквозь зубы, улыбаясь.

— Она знает, что она такое? Спроси ее, знает ли она, что она такое! — потребовал он, и тут же заткнул себе рот кулаком, для пущей убедительности больно прикусив костяшки. Девушка пришла не к нему. Она пришла к Вербене. Надо позволить Вербене действовать.

— Ну… — Вербена быстро посмотрела на закрытую дверь, а потом снова на девушку. — Группа Дюрона включает в себя тридцать шесть клонированных братьев и сестер. Мы находимся под покровительством дома Фелл. Маму — первую Дюрону — тоже зовут Лилли. Ей было очень грустно, когда Лотос — баронесса — нас покинула. Видишь ли, Лотос была моей… старшей сестрой. Значит, ты тоже моя сестра. Лотос говорила тебе, зачем она тебя завела? Ты будешь ее дочерью? Ее

наследницей?

— Я стану с моей госпожой единым целым, — ответила девушка. В ее голосе прозвучал вызов, но было видно, насколько она зачарована Вербеной. — Я боялась… не займете ли вы мое место.

Ревность? Что за безумие!

Глаза Вербены потемнели от ужаса.

— Да ты понимаешь, что это значит?! Что такое пересадка мозга для клона? Она отнимет твое тело, Лилли, а тебя просто не станет.

— Да. Я знаю. Это мое предназначение.

Она снова вскинула голову. Голос ее звучал убежденно. Но вот глаза… Не таилось ли там сомнение?

— Вы так похожи! — пробормотал Майлз, обходя их кругом и стараясь подавить беспокойство. И улыбаясь. — Готов поспорить, что вы можете обменяться одеждой — и никто не заметит! — Быстрый взгляд, который бросила на него Вербена, сказал: да, она поняла, но считает, что он слишком торопится. Но он добавил, поджимая губы и склонив голову набок: — Нет, наверное, все-таки не можете. Девушка слишком толстая. Как ты считаешь, Вербена, она ведь слишком толстая, да?

— Не толстая я! — возмутилась Лилли-младшая.

— Одежда Вербены на тебя не налезет.

— Ты не прав, — сказала Вербена, сдаваясь. — Он идиот. Давай ему покажем, Лилли.

Она скинула куртку, блузку, брюки. Медленно, с любопытством девушка сняла с себя пиджачок и юбку и взяла костюм Вербены. Вербена пока не притрагивалась к шелкам, брошенным на кровать.

— Да тебе идет! — сказала Вербена и кивнула в сторону ванной. — Пойди, посмотри в зеркало.

— Я ошибся, — щедро признал Майлз, подталкивая девушку к ванной. Нет времени ни строить планы, ни отдавать приказы. Придется целиком положиться на… инициативность Вербены. — Костюм Вербены тебе и правда к лицу. Представь себе, что ты — хирург из Группы Дюрона. Они там все врачи, знаешь? Ты тоже могла бы стать врачом…

Краем глаза он увидел, как Вербена стремительно распустила волосы и схватила шелковую униформу. Закрыв дверь за собой и Лилли, он повернул ее к зеркалу и включил воду, чтобы не было слышно, как Вербена стучит в наружную дверь, как ей открывает охранник и как она уходит, наклонив голову, чтобы распущенные волосы прикрыли лицо…

Лилли смотрелась в большое зеркало. Она взглянула на отражение Майлза, потом на его макушку у своего плеча. Он схватил чашку и поскорее выпил воды — придется много говорить. Сколько он сможет отвлекать ее? Вряд ли удастся отключить ее ударом по голове, а какое именно средство из чемоданчика Вербены — то самое знаменитое снотворное, он тоже не знал.

К его изумлению, Лилли заговорила первой:

— Ты ведь тот, что приходил за мной, да? За всеми нами, клонами.

Он только замычал. Она имеет в виду тот катастрофический налет на бхарапутрян? Она была одной из тех клонов? А как она тогда снова очутилась здесь?

— Извини. Я последнее время был мертвым, и мозги у меня плохо работают. Криоамнезия. Может, это был я, а может, ты встречалась с моим клоном.

— У тебя тоже есть клонированные братья и сестры?

— По крайней мере один. Мой… брат.

— И ты правда был мертвый? — спросила она чуть недоверчиво.

Он задрал серую трикотажную рубаху и продемонстрировал свои шрамы.

— О! — уважительно сказала она. — Наверное, и правда.

— Меня воскресила Вербена. Она прекрасный специалист. — Нет, не следует напоминать об отсутствующей Вербене. — Уверен, ты тоже могла бы стать такой, если бы захотела. Если бы тебя учили.

— А как это? Быть мертвым?

Он опустил рубаху:

— Скучно. Совершенно не интересно. Полное ничто. Я ничего не помню. Я не помню, как я умер… — Тут у него перехватило дыхание: он вдруг увидел вспыхнувшее огнем дуло игольника… почувствовал, как мучительной болью взрывается грудь… Глубоко вздохнув, он облокотился на подзеркальник, едва удерживаясь на подгибающихся ногах. — Одиноко. Тебе бы не понравилось. Могу гарантировать. — Он взял ее теплую руку. — Быть живым гораздо лучше. Быть живым — это… это… — Ему надо на что-нибудь встать. Он забрался на подзеркальник и, пригнувшись, наконец посмотрел ей прямо в глаза. Запустив руку ей в волосы, он наклонил голову и поцеловал ее — просто на секунду прижался губами. — Ты чувствуешь, что живешь, когда кто-то ответно прикасается к тебе.

Она отпрянула, пораженная и заинтересовавшаяся:

— Ты целуешь не так, как барон.

— Барон тебя целовал?

— Да…

Уже пробует новое тело своей жены? Когда же должна состояться пересадка?

— А ты всегда жила со своей… госпожой?

— Нет. Меня привезли сюда, когда разгромили ясли клонов. Ремонт почти закончен. Я скоро вернусь туда.

— Но… ненадолго.

— Да.

Соблазны, которые испытывает барон… интересные. В конце концов ведь у нее скоро отнимут мозги, так что обвинять она не сможет. Васа Луиджи может делать что угодно — главное сохранить ей девственность. И как это воздействует на ее верность предназначению? Явно воздействует — иначе бы она сюда не пришла.

Лилли взглянула на закрытую дверь, и на ее лице отразилось внезапное подозрение. Вырвав у него руку, она вбежала в опустевшую спальню.

— Ой, нет!

— Ш-ш, ш-ш! — Майлз выбежал следом, схватил ее за руку и прыгнул на кровать, чтобы снова

оказаться лицом к лицу с ней. — Не кричи! — прошипел он. — Если ты выбежишь и предупредишь охранников, у тебя будут большие неприятности, а если просто подождешь, пока она вернется, никто вообще ничего не узнает. — Ему было ужасно противно, но выхода не оставалось. — Молчи, и никто ничего не узнает.

Он понятия не имел, вернется ли Вербена вообще. Может, сейчас ей уже просто хочется больше никогда его не видеть. Ни в одном из своих планов он не рассчитывал на такую удачу.

Лилли-младшая с легкостью могла бы с ним справиться, хотя, может, и не сознавала этого. Один хороший удар в грудь — и он рухнет. Ей не надо даже особо напрягаться.

— Сядь, — сказал Майлз. — Вот тут, рядом со мной. Не бойся. Честно говоря, не понимаю, как ты вообще можешь бояться, если приняла свое предназначение даже глазом не моргнув. Ты очень смелая девочка. Женщина. Садись. — Он потянул ее вниз. Она ужасно неуверенно посмотрела на дверь, но позволила себя усадить. Мускулы у нее были, как пружины. — Расскажи мне… расскажи мне о себе. Знаешь, ты ведь очень интересная личность!

— Я?!

— Я сейчас почти ничего о себе не помню — вот почему и спрашиваю. Для меня это ужасно, что я не могу вспомнить. Это меня просто убивает. Какое у тебя самое первое воспоминание?

— Ну… наверное… Дом, где я жила до яслей. Там обо мне заботилась женщина. У меня… смешно… но я помню, у нее были какие-то лиловые цветы, с меня ростом — они росли в маленьком таком садике, всего в квадратный метр, и пахли виноградом.

— Да? Расскажи мне еще про эти цветы…

Он опасался, что разговор предстоит длинный. А что потом? То, что Вербену до сих пор не вернули, — хороший признак. А то, что она, возможно, и не вернется, — проблема Лилли-младшей.

«И что с ней такого сделают барон с баронессой? — насмешливо-яростно спросил он себя. — Убьют?»

Они говорили о ее жизни в яслях. Майлз вытащил из нее пересказ налета дендарийцев — с ее точки зрения. Как ей удалось снова вернуться к барону. Умненькая девочка, умненькая. Какая досада для Марка! Паузы становились все длиннее. Скоро ему придется рассказывать о себе, просто чтобы разговор не заглох, а это очень, очень опасно. Лилли уже, кажется, не о чем говорить, что-то

она слишком часто посматривает на дверь.

— Вербена не вернется, — сказала наконец Лилли-младшая. — Так ведь?

— Наверное, нет, — честно ответил он. — Наверное, она убежала совсем.

— Откуда ты знаешь?

— Если бы ее поймали, то уже пришли бы за тобой. Они считают, что Вербена по-прежнему здесь. Это ты исчезла.

— Ты не думаешь, что ее приняли за меня? — испуганно ахнула Лилли. — И взяли, чтобы воссоединить с моей госпожой?

Майлз не мог понять, испугалась ли она за Вербену, или из-за того, что Вербена займет ее место. Какой гадкий, отвратительный новый страх!

— А когда… — начал было он, но тут же поспешил успокоить ее. И себя. — Нет. Конечно, если смотреть невнимательно или издали, вы очень похожи, но тут взглянули бы иначе. Она намного старше тебя. Это просто невозможно.

— И что же мне делать? — Лилли попыталась встать, но Майлз поймал ее за руку и удержал на месте.

— Ничего, — посоветовал он. — Все в порядке. Скажешь им… скажешь, что это я заставил тебя остаться.

Она покосилась на щуплую низенькую фигурку.

— Как?

— Обманом. Угрозами. Психологическим давлением, — правдиво ответил он. — Все можешь валить на меня.

Она явно сомневалась.

Сколько ей лет? Последние два часа он вытягивал из нее историю всей ее жизни — история получилась очень короткая. В Лилли странно сочетались сообразительность и наивность. Главным приключением в ее жизни был налет дендарийских наемников.

Вербена. Ей удалось выбраться. И что теперь? Вернется ли она за ним? Как? Это ведь Архипелаг Джексона. Тут никому доверять нельзя. Здесь люди — просто материал. Как вот эта девочка. Ему вдруг представилось кошмарное видение: пустой череп, померкший взгляд.

— Извини, — прошептал он. — Ты такая красивая… внутренне. Ты заслуживаешь того, чтобы жить. А не быть сожранной этой старухой.

— Моя госпожа — великая женщина, — преданно заявила Лилли. — Она заслуживает того, чтобы пожить больше.

Что за странной этикой руководствуется Лотос,

если ей понадобилось превращать эту девочку в якобы добровольную жертву? Кого Лотос хочет обмануть? Похоже, только себя.

— И потом, — сказала Лилли-младшая, — тебе ведь понравилась та толстая блондинка. Ты так вокруг нее и вился.

— Кто?!

— А, да. Это, наверное, был твой клон.

— Мой брат, — автоматически поправил Майлз. А это что еще за история, Марк?

Лилли начала успокаиваться, смирившись со своим странным пленом. И скучать. Внимательно посмотрев на Майлза, она спросила:

— Хочешь еще поцеловать меня?

Все дело в его росте. Он будит в женщинах зверя. Не ощущая угрозы, они смелеют. Обычно он считал, что это просто прекрасно, но девочка его смущала. Она ему… неровня. Но надо убить время, задерживать ее здесь, развлекать как можно дольше…

— Ну… Ладно.

Минут через двадцать благопристойных и чинных ласк она чуть отстранилась и заметила:

— А барон делает это совсем по-другому.

— Что ты делаешь для Васа Луиджи?

Лилли распустила ему завязку на брюках и на-

чала показывать. Уже через минуту он выдавил:

— Прекрати!

— Тебе не понравилось? А барону нравится.

— Не сомневаюсь. — Жутко возбужденный, Майлз поспешно ретировался на стул. — Это… э-э… очень мило, Лилли, но для нас с тобой слишком серьезно.

— Я не понимаю.

— Вот в том-то и дело. — Она же просто маленькая девочка. — Когда подрастешь… ты почувствуешь свои границы. И сможешь, если захочешь, позволить кому-то их нарушить. А сейчас ты едва понимаешь, где кончаешься ты и начинается мир. Желание должно рождаться внутри, а не навязываться извне.

Он пытался справиться с собственным желанием путем неимоверных усилий — и все равно получалось плохо. «Васа Луиджи, ах ты подонок!»

Лилли печально нахмурилась:

— Я не подрасту.

Обхватив руками коленки, Майлз содрогнулся. Он вдруг вспомнил, как встретился с сержантом Таурой. Ну вот, опять попал в ловушку. Ситуация с Таурой явно напоминала нынешнюю, наверное, поэтому подсознание пытается навязать

ему решение, которое тогда сработало. Но Таура была продуктом генной инженерии, мутантом, и жить ей оставалось недолго. Дендарийские медики, замедлив метаболизм, выкроили для нее немного времени. Очень немного. Каждый день был подарком, каждый год — чудом. Таура старается жить стремительно и ухватить как можно больше — и он полностью ее одобряет. А Лилли-младшая могла бы прожить хоть сто лет, если бы ее не… сожрали. Ее нужно соблазнять жизнью, а не сексом.

Как и порядочности, любви к жизни научить нельзя — ею можно только заразиться. И только от того, у кого она имеется.

— Разве ты не хочешь жить? — спросил Майлз.

— Не… не знаю.

— А я хочу. Я хочу жить! И поверь мне, я знаком с нежизнью — и очень близко знаком!

— Ты… смешной, уродливый, маленький человечек. Что ты можешь получить от жизни?

— Все! И собираюсь получить еще больше. — «Я хочу… хочу… Богатства, власти, любви, побед. Блестящих, великолепных побед, отражающихся светом в глазах товарищей. Когда-нибудь — жену и детей. Кучу детей, высоких и здоровых, чтобы дать по мозгам тем, кто шепчет: „Мутант!“ И еще

— брата».

Марка. Ага. Того мрачного человечка, которого, вероятно, барон Риоваль сейчас разбирает на кусочки. Вместо Майлза. Нервы у него натянулись до предела.

«Мне необходимо выгадать время».

Наконец Майлз уговорил Лилли-младшую лечь спать, завернувшись в одеяло на той стороне кровати, которую раньше занимала Вербена. Сам он по-рыцарски устроился в кресле. Через несколько часов ему стало мучительно неловко. Майлз попробовал устроиться на полу. Пол был холодный. У него болела грудь. Еще не хватает схватить насморк. В конце концов он заполз на кровать и улегся поверх одеяла, свернувшись калачиком спиной к Лилли.

Ближе к утру он наконец немного согрелся и заснул.

— Вербена, любимая, — сонно пробормотал Майлз, зарываясь лицом в ее ароматные волосы и прижимаясь к теплому телу. — Миледи. — Барраярское обращение — теперь-то он знает, откуда взялась эта «миледи». Она вздрогнула, и Майлз отпрянул. — Ой! Извини!

Лилли-младшая села, стряхивая с себя его руку.

— Я не миледи!

— Извини, я перепутал. Я называю Вербену «миледи». Она — миледи, а я ее… — «придворный шут» — …рыцарь. Понимаешь, я ведь и вправду солдат. Несмотря на то, что такой низенький.

При новом стуке в дверь он осознал, что именно его разбудило.

— Завтрак! Скорее! В ванную. Пусти воду. Готов поспорить, что нам удастся и дальше их обманывать!

На этот раз он не пытался завести с охранниками разговор и предложить денег. Когда за слугой снова закрылась дверь, Лилли-младшая вышла из ванной. Она ела медленно, неуверенно, словно сомневаясь в своем праве на пищу. Майлз наблюдал за ней с возрастающим интересом.

— На. Возьми еще рогалик. И знаешь, его ведь можно посыпать сахаром.

— Мне нельзя есть сахар.

— Тебе надо есть сахар. — Он помолчал. — Тебе надо все. Тебе надо иметь друзей. Тебе нужны… сестры. Тебе надо получить образование, чтобы напрягать ум до предела, и тебе нужна работа, чтобы дух твой рос. Тебе надо есть… мороженое.

— Мне нельзя толстеть. Моя госпожа — это мое предназначение.

— Предназначение! Что ты можешь знать о

предназначении? — Майлз вскочил и начал расхаживать вокруг стола и кровати. — Я — специалист по предназначениям. Твоя госпожа — фальшивое предназначение! Знаешь, почему я в этом уверен? Она все берет и ничего не дает взамен. Настоящее предназначение берет все — до последней капли крови, да еще выжмет тебе вены, чтобы убедиться, что больше ничего не осталось, но возвращает вдвойне. Вчетверо. В тысячу раз больше! Но нельзя давать понемногу. Надо отдать все. Я это знаю. Я могу в этом поклясться. Я воскрес из мертвых, чтобы сказать тебе правду. Настоящее предназначение дает тебе целую гору жизни и ставит тебя на ее вершину.

Его убежденность была просто маниакальной. Майлз обожал такие минуты.

— Ты — сумасшедший, — сказала Лилли, с опаской глядя на него.

— Откуда тебе знать? Ты в жизни не встречала нормальных людей. Ну сама подумай и скажи — встречала?

Она вдруг снова потеряла интерес к разговору:

— Это все пустое. Все равно я пленница. Куда мне идти?

— Лилли Дюрона приняла бы тебя, — мгновенно отозвался Майлз. — Группа Дюрона находится

под покровительством дома Фелл. Если б тебе удалось добраться до бабушки, там ты была бы в безопасности.

Она нахмурилась: точь-в-точь как Вербена, когда находила слабые места в его планах побега.

— А как?

— Они не могут оставить нас здесь навсегда. А что если… — Он зашел ей за спину, скрутил волосы в неаккуратный пучок. — У меня не создалось впечатления, что Васа Луиджи собирается задерживать здесь Вербену после того, как отпадет необходимость скрывать тайну. Когда меня отправят, должны отпустить и ее. Готов поспорить, что, если они примут тебя за Вербену, ты сможешь спокойненько уйти.

— И что… что мне говорить?

— Как можно меньше. Привет, доктор Дюрона, вас дожидается ваш транспорт. Ты берешь чемоданчик и идешь.

— Я не смогу!

— А ты попробуй. Если не получится — ты ничего не потеряешь. А вот если ты выберешься… ты могла бы сказать, где я. Кто меня захватил и когда. Всего несколько минут решимости — а она бесплатная. Мы сами создаем ее. Отвагу нельзя отнять, словно кошелек. Господи, да что я тебе это

рассказываю! Ты ведь улизнула от дендарийцев на одних только отваге и хитрости.

Вид у нее был совершенно изумленный.

— Я это делала ради моей госпожи. Я в жизни ничего не делала ради… себя!

Майлзу в пору было разрыдаться, так у него натянулись нервы. Обычно он впадал в такое возвышенное красноречие, чтобы убедить людей рисковать жизнью, а не спасаться. Подавшись к Лилли, он демонически прошептал ей на ухо:

— Сделай это ради себя.

После завтрака Майлз постарался помочь ей уложить волосы так, как это делала Вербена. Он совершенно не умел обращаться с волосами, но, поскольку Вербена тоже не очень-то умела, результат, кажется, получился вполне убедительный.

Когда к ним вошли, не постучав, Майлз сразу понял, что это не обед.

Вошли три охранника и еще один человек в ливрее дома Бхарапутра. Два охранника, ни слова не говоря, связали ему руки — хорошо хоть не за спиной — и вытолкали его в коридор. Ни Васа, ни Лотос не было видно. Может, ищут пропавшую Лилли? Майлз оглянулся через плечо.

— Доктор Дюрона, — обратился ливрейный

слуга к Лилли-младшей. — Мне поручено вас отвезти. Куда желаете?

Она поправила волосы, взяла чемоданчик Вербены, шагнула вперед и сказала:

— Домой.

— Вербена! — окликнул Майлз и, когда она повернулась к нему, тихо сказал: — Бери все, потому что рано или поздно у тебя все будет отнято. Это — святая правда. — Облизав пересохшие губы, он попросил: — Поцелуй меня на прощание!

Лилли наклонила голову, повернулась, нагнулась, быстро прижалась губами к его губам и ушла за водителем.

Ну, этого достаточно, чтобы произвести впечатление на охранников. Уводя его в противоположную сторону, они добродушно поинтересовались:

— Как это тебе удалось?

— Ко мне быстро привыкают, — самодовольно ответил Майлз.

По пути к машине он дважды пытался сбежать. После второй попытки самый рослый охранник взвалил его себе на плечо и пригрозил, что если Майлз будет дергаться, то его просто уронят. Его запихнули на заднее сиденье между двумя охранниками.

— Куда вы меня везете?

— К месту передачи, — ответил один.

— Какой передачи?

— Тебе знать не обязательно.

Он говорил без умолку, улещивая, угрожая, оскорбляя… но охранники молчали. Поездка оказалась долгой. На машинах за городом почти не ездили — дорога была отвратительная. А они были далеко от города. Уже совсем стемнело, когда они затормозили у пустынного перекрестка.

Охранники передали Майлза двум невозмутимым как буйволы плосколицым верзилам в красных с черным ливреях. Цвета дома Риоваль. Верзилы связали ему руки за спиной и ноги тоже, а потом швырнули на заднее сиденье флайера.

Флайер бесшумно взлетел в темноту.

«Похоже, Васа Луиджи получил, сколько хотел».

Вербена, если куда-то и доберется, скажет, что Майлз у Бхарапутры. Где его уже не окажется. Майлз прекрасно понимал, что Васа Луиджи очень хочет подставить Риоваля.

Но если бы Риоваля было легко разыскать, это уже сделали бы.

«Господи, похоже, я буду там первым агентом Службы безопасности!» Надо не забыть подчерк-

нуть это в докладе Иллиану.

Глава 27

— Извините, барон, — сказал техник, — но жертва ваших пыток, похоже, прекрасно проводит время.

Обжора ухмыльнулся, насколько мог с запихнутой в глотку трубкой, наблюдая, как барон Риоваль обходит вокруг него, разглядывая со всех сторон. Может, барона восхитило его непревзойденное брюхо?

— В таких ситуациях включается ряд защитных механизмов, — сказал Риоваль, — в том числе расщепление личности и идентификация себя с палачом. Я ожидал, что Нейсмит в конце концов все их задействует, но… настолько быстро?

— Я тоже сначала себе не поверил, сэр, и несколько раз провел сканирование мозга. Результаты получились необычные.

— Если у него действительно расщепляется личность, сканирование должно это показать.

— Что-то сканирование показало. Похоже, он защищает определенные участки мозга от воздействия наших стимулов, и внешние реакции действительно говорят о расщеплении, но… кар-

тина ненормально ненормальная, если можно так выразиться.

— Интересно. — Риоваль поджал губы. — Я посмотрю ваши результаты.

— Но что бы это ни было, это не притворство. Я уверен.

— Так невообразимо быстро… — пробормотал барон. — И когда, по-твоему, он сломался? Как я мог это пропустить?

— Точно не знаю. В самом начале. В первый же день… Может, в первый же час. Но если так пойдет и дальше, на него очень трудно будет давить. Он может… менять дежурных.

— И я тоже, — холодно отозвался Риоваль.

Напряжение в желудке начинало перерастать в боль. Рева беспокойно задергался, но Обжора не пожелал уступить место. Другой внимательно прислушивался. Он всегда слушал, когда приходил барон Риоваль. Почти не спал и почти никогда не разговаривал.

— Я думал, он еще долго не дойдет до стадии распада. У меня все планы рушатся, — посетовал барон.

«Да, барон. Правда, мы очаровашки? Ты заинтригован?»

— Надо подумать, как лучше его сфокусиро-

вать, — размышлял Риоваль вслух. — Приведите его потом ко мне. Посмотрю, какие результаты дадут спокойный разговор и небольшие эксперименты. Может, наметятся новые направления.

И под маской тупого аффекта Другой насторожился.

Два охранника доставили его (их?) в приветливую гостиную барона Риоваля. Окон там не было, но одну стену занимал голографический экран, на котором сейчас проецировался пейзаж с тропическим побережьем. Можно не сомневаться, что Риоваль устроился под землей. Сюда никто не вломится через окна.

Кожа у Марка все еще не наросла. Техники покрыли незажившие участки какой-то штукой, а на раны наложили пластповязки, чтобы не испачкать дорогую мебель.

— Думаешь, поможет? — спросил один техник, орудуя аэрозолем.

— Скорее всего нет, — вздохнул его напарник. — Наверное, стоит заранее вызвать уборщиков. Брезент подложить, что ли.

Охранники усадили его в низкое широкое кресло. Обычное кресло, без кольев или бритвенных лезвий. Руки у него были связаны за спиной — значит, откинуться на спинку не удастся. Широко

расставив колени, Марк постарался выпрямить спину. Дышать было тяжело.

Старший охранник спросил Риоваля:

— Нам его привязать, сэр?

— А он сможет встать самостоятельно? — Риоваль приподнял бровь.

— Из такого положения — с трудом.

Глядя на свою жертву сверху вниз, Риоваль презрительно скривил губы:

— А, мы приближаемся к цели. Постепенно. Оставьте нас, — приказал он охранникам. — Я вас позову. Сами не заходите. Даже если услышите шум.

— Звукоизоляция у вас прекрасная, сэр.

Откозыряв, плосколицые удалились. Эти охранники были какие-то не такие. Когда они не исполняли приказ, они просто сидели или стояли, бессловесные и тупые. Надо полагать, такими их и задумали.

Обжора, Пыхтун, Рева и Другой с интересом осмотрелись, гадая, чья сейчас очередь.

«Твоя была только что, — сказал Рева Обжоре. — Теперь я».

«Не зазнавайся, — встрял Пыхтун. — Может, и я».

«Если бы не Обжора, — сердито заметил Дру-

гой, — я мог бы вступить в игру немедленно. А теперь придется ждать».

«Ты все время чего-то ждешь», — с любопытством сказал Обжора, но Другой опять затаился.

— Посмотрим-ка шоу, — сказал Риоваль, потянувшись за пультом дистанционного управления.

Тропический пейзаж сменился видеозаписью: общение Пыхтуна с… созданиями из борделя. Пыхтун наблюдал за собой с глубочайшим наслаждением. Столько новых нюансов!

— А не отправить ли мне копию видеозаписи дендарийским наемникам? — задумчиво пробормотал Риоваль, наблюдая за Марком. — Только представьте, как это будут смотреть все ваши старшие офицеры. Полагаю, после этого некоторые явятся ко мне, а?

Нет. Риоваль лжет. Если бы дендарийцы узнали, что он у Риоваля, его бы здесь уже не было. И барону наверняка не к спеху выдавать тайну.

Другой сухо прокомментировал: «Почему бы тебе заодно не послать копию Саймону Иллиану — увидишь, кто тогда к тебе явится!» Но Иллиан принадлежал лорду Марку, а лорда Марка здесь не было. И вообще Другой еще никогда не говорил вслух.

— Представь, что будет, когда к тебе присоединится твоя хорошенькая телохранительница… — Риоваль принялся расписывать дальнейшее в подробностях.

Пыхтуну это даже сначала понравилось. Хотя некоторые места были противны даже ему.

«Рева?»

«Ну нет! — возразил Рева. — Это не по моей части!»

«Придется найти нового рекрута», — решили все в один голос.

Если надо будет, он найдет тысячи. Он — армия, он течет, как поток, огибая препятствия, и одним ударом его не уничтожить.

На экране появился Рева: это был один из его лучших моментов, именно тогда он и получил свое имя. Вскоре после того как с Марка ферментами сняли кожу, техники намазали его какой-то липкой гадостью, от которой начался невыносимый зуд. Никому даже не пришлось до него дотрагиваться. Он чуть сам себя не убил. Потом ему сделали переливание крови.

Он бесстрастно смотрел на экран. Да, Риоваль явно не ожидал такой реакции.

Другой наблюдал со всевозрастающим нетерпением. Он уже почти отдышался, но надо было

еще как-то справиться с чертовым креслом. Это должно произойти сегодня. К тому времени, когда предоставится следующая возможность, Обжора их всех окончательно обездвижит.

Да. Он ждал.

Риоваль разочарованно надул губы. Отключив запись, он встал и обошел вокруг кресла, внимательно следя за своим пленником.

— Вы просто отсутствуете, так? Спрятались в каком-то закоулке сознания. — Риоваль сощурился. — Надо подумать, что вернет вас ко мне. Вас всех.

Барон слишком проницателен.

«Я тебе не доверяю, — с сомнением сказал Обжора Другому. — А что со мной будет потом?»

«И со мной», — добавил Пыхтун.

Только Рева ничего не сказал. Рева очень устал.

«Обещаю, что лорд Марк будет кормить тебя, Обжора, — прошептал Другой из глубины. — По крайней мере изредка. Пыхтун, ты меня слышишь? Лорд Марк отвезет тебя в Колонию Бета. Там есть люди, которые помогут тебе почиститься, и ты сможешь спокойно появляться на свет Божий. Тебе не понадобится инъектор Риоваля. А бедный Рева совсем умотался, он всем вам

помогал. И вообще, Пыхтун, а что, если Риоваль надумает провести кастрацию? Вам не нужен Риоваль. Мы спасем лорда Марка, а он спасет нас. Я обещаю».

«А кто ты такой, что даешь обещания за Марка?» — недовольно пробурчал Обжора.

«Я к нему ближе всех».

«Прятался ты точно лучше всех», — заметил Рева с некоторой обидой.

«Это было необходимо. Но мы все погибнем, один за другим — Риоваль нас отыщет. Он ужасно хитрый. Мы — настоящие. Новые рекруты будут лишь нашими искаженными тенями».

Это была правда, они все поняли.

— Скоро я доставлю вам дружка, — заметил Риоваль, обходя вокруг него. — Вашего клона. Того, которого мои дураки не удосужились прихватить вместе с вами.

Где-то в самой глубине с воплем пробудился лорд Марк. Другой заставил его замолчать: «Он лжет. Лжет».

— Их ошибка мне дорого обошлась, и они еще за нее заплатят. Ваш двойник исчез, а потом вдруг объявился у Васа Луиджи. Типично для Васа. Не уверен, что у милой Лотос нет тайных связей с группой Дюрона.

Риоваль еще раз обошел вокруг него. Это ужасно сбивало.

— Васа убежден, что его пленник и есть адмирал, а вы клон. Он заразил меня своими сомнениями, хотя, если он прав и тот человек действительно страдает от криоамнезии, то это будет ужасно обидно. Но теперь это не имеет значения. Вы оба у меня в руках. Как я и обещал. Угадайте, что я заставлю вас обоих сделать друг с другом?

Пыхтун угадал. И не ошибся. Хотя даже он не мог представить себе все в таких пикантных подробностях, о которых шепотом рассказал ему Риоваль.

Лорд Марк бушевал, плакал от ужаса и отчаяния. Но на одурелой физиономии Пыхтуна ничего не отразилось, и тупые глаза не загорелись тайной решимостью.

«Подожди!» — умолял Другой.

Барон подошел к конторке из полированного дерева и разложил сверкающие инструменты, которые не смог разглядеть никто из них, хотя Рева изо всех сил вытягивал шею. Риоваль глубокомысленно разглядывал свой набор.

«Вы все извольте мне не мешать. И не путайтесь под ногами», — велел Другой.

«Риоваль тебя не кормит», — заметил Обжора.

«Я сам закушу Риовалем», — прошептал Другой.

«У тебя только одна попытка, — испуганно напомнил Рева. — А потом возьмут меня».

«Мне и нужна только одна попытка».

Риоваль повернулся. В руке у него блеснуло хирургическое лучевое устройство. Перепуганный Пыхтун незамедлительно уступил место Другому.

— Скорее всего, — объявил Риоваль, — я удалю вам глаз. Один. Это даст интересный фокусирующий эффект, когда я пригрожу удалить оставшийся».

Рева поспешно ретировался. Последним неохотно отошел Обжора.

Первая попытка Убийцы встать провалилась, и он снова завалился в кресло.

«Будь ты проклят, Обжора!»

Он сделал вторую: перенес вес вперед, рывком поднялся и сделал один шаг, с трудом сохраняя равновесие с завязанными за спиной руками. Риоваль, ужасно развеселившись, наблюдал за ним, нисколько не опасаясь ковыляющего враскачку маленького чудовища, которого, по его мнению, он же сам и сотворил.

Первый удар ногой пришелся Риовалю в пах. Барон аккуратно сложился пополам — и верхняя часть тела стала досягаема. Убийца мгновенно нанес второй удар ногой, прямо в горло, и почувствовал, как ткани и хрящи дробятся о позвонки. Поскольку на этот раз ботинок с металлическими набойками не было, он сломал несколько пальцев на ноге. Но боли не почувствовал. Это прерогатива Ревы.

Он упал. Встать оказалось нелегко — со связанными за спиной руками. Барахтаясь на полу, чтобы подтащить под себя ноги, он с разочарованием увидел, что Риоваль еще жив. Барон извивался на ковре и хрипел, держась за горло. Но комм уже не узнавал голос хозяина. Еще немного времени у них есть.

Марк подкатился к Риовалю и прошипел:

— Я тоже Форкосиган! Тот самый, из которого готовили тайного агента и убийцу. Знаешь, я ужасно злюсь, когда меня недооценивают!

Ему удалось подняться на ноги. Теперь можно перейти к решению следующей проблемы. Он вздохнул, шагнул вперед и начал наносить барону удар за ударом. Наконец Риоваль затих. Все это было так мерзко, что даже Убийце пришлось призвать на помощь весь свой профессионализм.

Марк подумал о Другом, которого теперь узнал как Убийцу.

«Тебя сотворил Гален, да?»

«Да. Но он не сотворил меня из ничего».

«Ты прекрасно сработал. Прятался. Выжидал. Я все гадал, есть ли у кого-то из нас чутье на своевременность. Рад, что все-таки есть».

«Мне помогли слова графа, нашего отца, — признался Убийца, довольный, но смущенный похвалой. — О том, что люди сами отдадут нам себя, если быть терпеливым и не торопиться самому себя им выдать. Я так и сделал. И Риоваль так и сделал. — Он робко добавил: — Понимаешь, граф ведь тоже убийца. Как я».

«М-да».

Он подергал связанными за спиной руками и похромал к конторке посмотреть на инструменты Риоваля. Полный комплект: лазерная дрель плюс тошнотворная коллекция ножей, скальпелей, щипцов и зондов. Дрель была малого радиуса действия, хирургическая: хороша для резания костей. Не ахти какое оружие, зато прекрасный инструмент.

Марк подковылял поближе и попытался ухватить дрель. Когда дрель упала, он чуть не заплакал. Придется снова ложиться на пол. Он так и

сделал и барахтался до тех пор, пока не дотянулся до инструмента. Понадобилось немало усилий, чтобы повернуть и направить его должным образом. Перерезав путы, Марк обхватил руками свое распухшее тело и принялся укачивать себя, как укачивают усталого ребенка. Заболела нога. Похоже, лягая Риоваля в горло, он умудрился повредить себе спину.

Марк снова посмотрел на жертву-палача-добычу. Пожиратель клонов!

Внезапно его охватил испуг: а вдруг охранники Риоваля ворвутся сюда и спасут своего господина? Он подполз поближе — теперь, когда руки освободились, это стало гораздо легче, — взял лазерную дрель и позаботился о том, чтобы этот мозг уже больше никогда нельзя было пересадить. Никому, ни при каких обстоятельствах.

Рухнув в низкое кресло, Марк замер в полном изнеможении. Больше всего ему хотелось умереть. Люди Риоваля, конечно, отомстят за своего погибшего властителя.

Никто не приходил.

…Конечно. Босс заперся у себя в кабинете с пленным и с набором хирургических инструментов и велел его не беспокоить. Сколько времени пройдет, прежде чем они решатся прервать его

развлечения? Возможно… очень немало.

Вернувшаяся надежда придавила его почти невыносимым грузом. «Я не хочу шевелиться».

Марк был страшно зол на Службу безопасности, которая бросила его тут, но, наверное, простил бы им все, если бы они сейчас ворвались в кабинет барона и умчали бы его отсюда. Неужели он не заслужил передышки?

В комнате стало ужасно тихо.

«Это было, пожалуй, чересчур, — решил он, разглядывая тело Риоваля. — Признак некоторой неуравновешенности. И ковер ты испортил».

«Я не знаю, что теперь делать».

Кто это сказал? Убийца? Обжора, Пыхтун? Рева? Все хором?

«Вы хорошие солдаты, верные, но не слишком умные».

«Ум не по нашей части».

Пришло время проснуться лорду Марку. А спал ли он вообще?

— Ладно, ребята, — сказал он вслух. — Все встаем.

Низкое кресло само было орудием пытки. Последний подарок барона Риоваля. Марк, застонав, поднялся на ноги. Не может быть, чтобы старая лиса Риоваль оставил только один выход

из своего логова. Марк приступил к изучению подземных апартаментов. Кабинет, гостиная, небольшая кухня, большая спальня, довольно странно оборудованная ванная. Он с тоской глянул на душ. С тех пор как его сюда притащили, ему даже ни разу не дали помыться. Но мыться сейчас опасно, как бы не смыть пласткожу. Хотя зубы почистить можно. Десны, конечно, кровоточат, но это пустяки. Он выпил немного холодной воды. Ну хотя бы есть не хочется — и то хорошо. Марк усмехнулся.

В конце концов он отыскал запасной выход — в гардеробе при спальне.

«Раз выход не охраняется, значит, там ловушка», — уверенно заявил Убийца.

«Главная защита Риоваля работает против тех, кто попытается проникнуть внутрь снаружи, — медленно проговорил лорд Марк. — А изнутри наружу должно обеспечиваться быстрое бегство. Для Риоваля. И только для Риоваля».

Замок реагировал на прикосновение ладони. Да, такие замки регистрируют пульс, температуру и электропроводность кожи, а не только дактилоскопический рисунок. Мертвая рука его не откроет.

«Есть способы обмануть такие замки», — про-

бормотал Убийца.

Когда-то, в прошлом воплощении, Убийцу обучали таким вещам. Марк предоставил ему действовать, а сам предпочел роль стороннего наблюдателя.

В руках Убийцы хирургические инструменты действовали не хуже, чем специальный набор электронщика. Лорд Марк сонно смотрел, как Убийца снимает со стены сенсорную пластину: прикосновение здесь, надрез там…

Наконец на двери зажегся сигнальный огонек. Убийца удовлетворенно хмыкнул. Остальные восхищенно ахнули. На дисплее высветился небольшой квадрат.

«Ему нужен кодовый ключ!» — в отчаянии сказал Убийца.

Остальные запаниковали.

Лорд Марк призвал всех к спокойствию. Если кодовый ключ нужен им, значит, он понадобился бы и Риовалю.

У барона Риоваля не было наследника. У него не было заместителя. Все его забитые подчиненные ведали разными вещами и между собой не общались. Дом Риоваль состоял из самого барона Риоваля и рабов барона Риоваля. Вот почему дом не развивался. Риоваль никогда ни с кем не

делился властью.

Следовательно, барон должен носить кодовые ключи при себе. Всегда.

Когда лорд Марк повернулся и направился обратно в гостиную, черная команда дружно заныла. Лорд Марк их игнорировал.

«Сейчас моя очередь действовать».

Лорд Марк положил тело Риоваля на спину и методично обыскал с ног до головы. Он не обошел вниманием ни одну возможность — даже фальшивый зуб.

«Ключ должен быть здесь. Непременно должен».

«Беги, беги, беги!» — вопила его черная команда на редкость единодушно.

«Заткнитесь и дайте подумать».

Он повернул правую руку Риоваля. Блеснуло кольцо с плоским черным камнем… Марк громко рассмеялся и испуганно подавился смехом, озираясь. Нет, звукоизоляция, похоже, работает. Кольцо не снималось. Слишком тесное? Или соединяется с костью? Все той же лазерной дрелью он отрезал Риовалю кисть. Лазер прижег место разреза, так что обошлось без лишней крови. Он медленно проковылял к гардеробу и уставился на горящий квадрат — как раз по размеру камня

на кольце.

Как его приложить? А вдруг включится сигнал тревоги?

Лорд Марк представил себе, как поступил бы барон в случае поспешного бегства. Хлопок о пластину замка, поворот руки — и кольцо входит в паз…

— Так! — прошептал он.

За открывшейся дверью оказалась персональная лифтовая шахта. Она уходила вверх метров на двадцать. Горели указатели антигравитационного поля: зеленый — вверх, красный — вниз. Лорд Марк и Убийца внимательно осмотрелись. Защиты не видно…

Небольшой сквознячок принес сверху дыхание свежего воздуха.

«Уходим! Быстрее!» — хором вопили Обжора, Пыхтун и Рева.

Лорд Марк стоял, расставив ноги, и упрямо отказывался поддаваться нажиму.

«Здесь нет запасной лестницы», — сказал он наконец.

«Ну и что?»

«Ну. И что?»

Убийца подался назад, заставил остальных заткнуться и уважительно ждал.

«Мне нужна запасная лестница», — сварливо пробурчал лорд Марк.

Повернувшись, он опять побрел в апартаменты Риоваля. Заодно он поискал и одежду. Выбирать было в общем-то не из чего: главная резиденция Риоваля не здесь. Вся одежда оказалась слишком длинной и недостаточно широкой. О брюках нечего было и думать. Но трикотажную рубаху натянуть на болезненно-нежную кожу все-таки удалось. Незастегнутая широкая куртка послужила дополнительной защитой. По чреслам прошел саронг в бетанском стиле — из ванной. Тапка хлопала на левой ноге, а на распухшую от перелома правую еле налезла.

Он попытался найти деньги, ключи, еще что-нибудь полезное. Но приспособлений для альпинистского восхождения не нашлось.

«Придется делать запасную лестницу самому».

Соорудив из двух ремней Риоваля петлю, он пристроил себе на шею лазерную дрель, вошел в лифтовую шахту и начал методично выжигать отверстия в пластиковой стене.

«Слишком медленно!» — взвыла черная команда.

Рева рыдал, и даже Убийца завопил:

«Беги, черт бы тебя побрал, беги!»

Лорд Марк не обращал на них никакого внимания. Он включил поле в положение «вверх», но не позволил ему утащить себя. Цепляясь за еще горячие упоры, лорд Марк медленно полз по стене. Лезть было нетрудно — помогало антигравитационное поле, — труднее было не забывать про три точки опоры. Правая нога практически не действовала. Черная команда визжала от ужаса. Упрямо и методично Марк продолжал подниматься. Проплавим дыру. Подождем. Переставим руку — ногу — руку — ногу. Проплавим еще дыру. Подождем…

За три метра до конца шахты его голова оказалась рядом с маленьким аудиоприемником, врезанным в стену, и датчиком движения.

«Надо полагать, ему нужен пароль. Произнесенный голосом Риоваля, — хладнокровно заметил лорд Марк. — Ничем не могу помочь».

«Не обязательно случится то, что ты думаешь, — сказал Убийца. — Может быть все что угодно. Плазменный огонь. Ядовитый газ».

«Нет. Риоваль меня видел, но и я видел Риоваля. Все будет простенько. И со вкусом. Вот смотри».

Лорд Марк ухватился покрепче и выдвинул лазерную дрель за датчик движения, чтобы проплавить следующее отверстие.

Поле отключилось. Несмотря на то что именно этого он и ожидал, Марк чуть не сорвался вниз. За последние несколько дней он стал слишком тяжелым. Рева со всем не справился. Марк чуть не закричал, затопленный болью, но не разжал руки.

Последние три метра можно было бы назвать кошмаром, но теперь у него появилось новое понимание того, что такое кошмар. Последние три метра были… просто скучными.

У входа оказалось ловчее поле, но оно было направлено вверх. Лазерная дрель быстро расправилась с механизмом. Марку удалось бочком проковылять в подземный личный гараж, где стоял флайер Риоваля. Прикосновение кольца — и фонарь открылся.

Марк скользнул внутрь, постарался подогнать сиденье и панель управления под свое искалеченное тело, включил двигатель и повел флайер вперед. Вот эта кнопка? Дверь гаража открылась. Оказавшись снаружи, он резко бросил машину вверх, в темноту. Ускорение вдавило его в кресло. Никто даже не стрелял. Внизу — ни огонька. Скалистая зимняя пустыня. Видимо, все помещения находятся под землей.

Марк проверил дисплей с картой и выбрал

направление: на восток. К свету. Ему показалось, что это правильно.

Он все прибавлял скорость.

Глава 28

Флайер накренился. Вытянув шею, Майлз разглядел, что находится внизу. Или — чего там нет. По зимней пустыне крался рассвет. На многие километры вокруг ничего примечательного.

— Странно, — сказал тот, кто сидел за пультом управления. — Дверь открыта.

Он прикоснулся к кнопке, передавая какой-то кодовый сигнал. Второй охранник обеспокоенно поерзал, наблюдая за напарником. Майлз весь изогнулся, чтобы следить за ними обоими.

Они снижались. Сначала появились скалы, а потом — бетонная шахта. А! Потайной вход! Опустившись на дно, они вырулили на подземную стоянку.

— Ха! — удивился второй охранник. — Где же весь транспорт?

Флайер остановился, и более рослый стащил Майлза с заднего сиденья, развязал ему ноги и поставил стоймя. Он чуть снова не рухнул. Шрамы на груди ныли от напряжения, вызванного связанными за спиной руками. Майлз встал ровнее и начал озираться вместе со своими сопровож-

дающими. Самый обыкновенный утилитарный гараж, плохо освещенный, гулкий и холодный. И пустой.

Охранники повели его к выходу. Набрав шифры у механических дверей, они вошли в комнату электронного слежения. Приборы монотонно гудели.

— Вадж? — окликнул охранник. — Мы приехали. Сканируй.

Никакого ответа. Охранник шагнул вперед, осмотрелся и ввел шифр в стенной пульт.

— Заведем его так.

Электронная охрана его пропустила. На Майлзе по-прежнему был серый костюм, в который его одели Дюроны: похоже, Дюроны не догадались вшить туда никаких интересных устройств. Плохо!

Старший охранник попытался воспользоваться переговорным устройством. Несколько раз.

— Никто не отзывается.

— Что будем делать? — спросил напарник.

Старший нахмурился:

— Разденем его и отведем к боссу. Как приказано.

Они стянули с Майлза костюм: сопротивляться он не мог, но горько сожалел о потере. Слишком

холодно. Даже эти буйволы-охранники с минуту смотрели на его испещренную шрамами грудь. А потом снова связали руки за спиной и повели через какие-то помещения, тревожно озираясь на каждом углу.

Было очень тихо. Свет горел, но людей нигде не видно. Странное здание — не слишком большое, очень простое и… он принюхался… с явно медицинскими запахами. Исследовательский центр, решил Майлз. Тайная личная лаборатория Риоваля. Видимо, после дендарийской операции четырехлетней давности Риоваль решил, что его главный комплекс недостаточно надежен. Здесь не было той деловой атмосферы, что в прежнем центре. Пахло военизированной паранойей. В такие места если попадаешь на работу, то не выходишь долгие годы. Или, если учесть особенности Риоваля, вообще никогда не выходишь. Он на ходу заглянул в несколько лабораторий. Никого. Охранники несколько раз пробовали кого-нибудь окликнуть. Никто не отозвался.

Они подошли к открытой двери, за которой виднелся чей-то кабинет.

— Сэр? — робко произнес старший охранник. — Мы привели вашего пленника.

Второй охранник почесал в затылке:

— Если его тут нет, должны ли мы обрабатывать этого, как того, первого?

— Он пока ничего не приказывал. Лучше подождать.

Вот именно. Риоваль не из тех, кто поощряет инициативу подчиненных, решил Майлз.

Старший неуверенно шагнул через порог и осмотрелся. Младший толкнул Майлза, чтобы тот шел следом. Кабинет был прекрасно обставлен: письменный стол из настоящего дерева, а перед столом — странный стул с зажимами для запястий. Видимо, никто не прерывал разговора с бароном Риовалем, пока тот сам не позволит. Они стали ждать.

— Что будем делать?

— Не знаю. Других приказов я не получал. — Старший помолчал. — Может, это проверка…

Они подождали еще минут пять.

— Если вы не собираетесь тут все осмотреть, — жизнерадостно заявил Майлз, — так я осмотрю сам.

Они переглянулись. Старший охранник, нахмурившись, вытащил парализатор и осторожно проскользнул через арку в соседнюю комнату. Секунду спустя они услышали:

— Дьявол!

А еще секунду спустя донеслось тонюсенькое завывание и тут же смолкло. Этого не выдержал даже такой тупица, как тот, что держал Майлза. Не отпуская его плеча, громила прошел за своим начальником в большую комнату, обставленную, как гостиная. Экран размером во всю стену был черен и пуст. Комнату делила пополам конторка из полированного дерева. Посреди комнаты стояло очень низкое кресло. И очень мертвый барон Риоваль лежал лицом вверх, совершенно голый, и смотрел в потолок высохшими глазами.

Никаких признаков схватки — ни перевернутой мебели, ни следов плазменных лучей на стенах. Следы остались только на теле: перебитое горло, расквашенное лицо, окровавленный рот. По лбу барона шел двойной ряд аккуратных черных отверстий размером в мелкую монету. Они походили на ожоги. И еще исчезла правая кисть, только обожженная культяпка осталась.

Охранники терялись от ужаса, охваченные слишком преходящим параличом изумления.

— Что случилось? — прошептал младший.

«Куда их сейчас понесет?»

И вообще, как Риоваль управлял своими подчиненными-рабами? Младшими, естественно, через страх, а техниками и менеджерами, видимо, за

счет тонкого сочетания страха и материальной заинтересованности. Но личные телохранители должны быть самыми приближенными людьми, тем инструментом, через который проводилась воля господина.

Они не так тупы, как кажется, иначе какой от них толк в экстремальной ситуации? Но если их разум не затронут, значит, ими управляют с помощью эмоций. Люди, которым Риоваль разрешал стоять у себя за спиной с оружием в руках, должны программироваться по максимуму — возможно, с рождения. Риоваль для них все — отец, мать, семья… Риоваль — их Бог.

И вот сейчас их Бог умер. Что они будут делать? Существует ли для них понятие «Я свободен»? В отсутствие центральной фигуры насколько быстро начнут разрушаться их условные рефлексы?

«Недостаточно быстро».

В их взглядах загорался неприятный огонь — смесь ярости и страха.

— Это не я, — поспешил напомнить Майлз. — Я был с вами.

— Стой тут, — рявкнул старший. — Я пойду на разведку. — Он промчался через апартаменты барона и вернулся через несколько минут, коротко бросив: — Его флайер исчез. И защита лифтовой

шахты вся полетела к чертям.

Они колебались. А, вот она, оборотная сторона полного повиновения: отсутствие инициативы.

— Не стоит ли осмотреть все помещения? — предложил Майлз. — Кто-то мог остаться в живых. Свидетели. Может… может, убийца прячется где-то тут.

«Где Марк?»

Старший охранник нахмурился, пытаясь принять решение.

— Захватить его. Запереть здесь. Или убить.

— Вы не знаете, что барон для меня планировал, — мгновенно вмешался Майлз. — Лучше возьмите меня с собой, пока не выясните.

— Ты был нужен ему для того, второго, — сказал старший, равнодушно глядя на Майлза.

Маленький, голый, наполовину больной, со связанными за спиной руками… Охранники явно не считали его угрозой.

«И они правы. Дьявол!»

Посовещавшись вполголоса, они быстро пошли по всем помещениям. Нашли двух своих красно-черных товарищей — мертвых. В коридоре от стены к стене разливалась таинственная красная лужа. В душе обнаружился еще один труп, в костюме старшего техника — голова сзади про-

ломлена чем-то тяжелым. В комнатах на более низких уровнях стали попадаться следы борьбы, грабежа и явно неслучайных разрушений: разбитые комм-пульты и оборудование.

Восстание рабов? Борьба за власть? Месть? Все одновременно? Было ли убийство Риоваля причиной или целью? Массовая эвакуация или массовое убийство? Поворачивая за каждый угол, Майлз готовился увидеть горы трупов.

На самом нижнем этаже располагались лаборатории и полдюжины камер со стеклянными стенами. Судя по запаху, какую-то колбу оставили на огне слишком долго… Заглянув в камеры, Майлз судорожно сглотнул.

Когда-то они были людьми, эти комки плоти, все в шрамах и наростах. А сейчас они стали… питательными средами для каких-то культур. Четыре женщины и двое мужчин. Кто-то из бегущих техников из милосердия аккуратно перерезал каждому горло. Майлз отчаянно всматривался в них, прижавшись лицом к стеклу. Нет, для Марка все слишком крупные. И потом такого ведь нельзя добиться всего за пять дней.

По крайней мере теперь понятно, почему подчиненные Риоваля не пытались сопротивляться активнее. Здесь все было до жути экономно.

Тебе не нравится работать в борделе, девочка? Тебе стало скучно и противно служить в охране, парень? А не хочешь ли заняться научными исследованиями? Вот чем кончают потенциальные Спартаки, принадлежащие Риовалю.

«Прав был Бел. Надо было сбросить сюда ядерную бомбу еще в тот раз».

Охранник мельком заглянул в камеры и пошел дальше. Майлз задержался, охваченный вдохновением. Стоит попробовать…

— Ой! — вздрогнув, выдохнул Майлз.

Охранники резко обернулись.

— Тот… вон тот мужик. Он шевельнулся. Кажется, я сейчас блевану.

— Не может быть. — Старший охранник посмотрел через прозрачную стену на тело, лежавшее к ним спиной.

— Он ведь отсюда не мог ничего увидеть, правда? — спросил Майлз. — Ради Бога, только не открывайте эту дверь!

— Заткнись.

Старший охранник покусал губу, посмотрел на пульт управления, секунду поколебался, набрал шифр, открывающий дверь, и осторожно зашел внутрь.

Майлз ахнул.

— Что? — дернулся младший охранник.

— Он снова шевельнулся! Вроде… вроде как забился.

Младший достал парализатор и вошел следом за своим напарником, прикрывая его. Старший протянул было руку, остановился и, передумав, вытащил из-за пояса электродубинку, которой осторожно ткнул тело.

Майлз лбом ударил по пульту. Стеклянная дверь закрылась. Охранники бросились на нее, как взбесившиеся псы. Дверь даже почти не тряслась. Их открытые рты, видимо, извергали проклятия и угрозы, но до Майлза не доносилось ни звука. Прозрачные стены, похоже, изготовлены из материала космической прочности — луч парализатора они тоже не пропускали.

Старший охранник вытащил плазмотрон и включил его на полную мощность. Стена потихоньку начала раскаляться. Плохо. Майлз всмотрелся в пульт управления… Так. Он переключал языком кнопку меню, пока не дошел до «кислорода», который снизил до минимума. Потеряют ли охранники сознание раньше, чем прожгут стену?

Да. Прекрасная система. Псы Риоваля упали у стены, потеряв сознание. Плазмотрон вывалился

из ослабевших пальцев и отключился. Майлз оставил охранников замурованными вместе с их жертвой.

Это лаборатория. Здесь должны быть резаки и всяческие приспособления… Правильно. Ему пришлось несколько минут извиваться, и он чуть не потерял сознание, но наконец сумел освободить руки. Он даже всхлипнул от облегчения.

Оружие? Настоящее оружие, очевидно, прихватили с собой бежавшие обитатели комплекса. А без биозащитного костюма он не решился войти в стеклянную камеру за оружием охранников. Но благодаря лазерному скальпелю из лаборатории Майлз почувствовал себя немного увереннее.

Надо одеться. Дрожа от холода, он пробежал по пугающе пустым коридорам к комнате электронной защиты и там снова надел свой трикотажный костюм.

Вернувшись в помещение, Майлз приступил к методическому исследованию каждого неразбитого комм-пульта. Увы, все коммы были рассчитаны только на внутреннее пользование.

«Где Марк?»

Ему вдруг пришло в голову, что существует более страшная судьба, нежели просто сидеть запертым в камере, ожидая палача: это — сидеть

запертым в камере, ожидая палача, который никогда не придет. За полчаса он взломал все закрытые двери в комплексе. За каждой дверью ожидая увидеть окровавленного маленького человечка, которому милосердно перерезали горло… Он уже был близок к очередному приступу конвульсий, когда с глубочайшим облегчением нашел камеру рядом с апартаментами Риоваля. Пустую. От пятен на стенах и на полу к горлу подступила холодная тошнота. Но где и в каком состоянии ни находился бы Марк, здесь его не было. И Майлзу тоже пора отсюда выбираться.

Отдышавшись, он раздобыл пластиковую корзинку и отправился на поиски полезного электронного оборудования. Кусачки и провода, диагностические приборы, датчики и реле — все, что попадалось. Решив, что набрал достаточно, он вернулся в кабинет барона и взялся за испорченный комм. В конце концов Майлзу удалось обойти выключатель, рассчитанный на отпечаток ладони — и тут же перед ним возник яркий квадрат с требованием вставить кодовый ключ. Чертыхнувшись, он потер ноющую спину и снова уселся перед экраном. Предстояла нудная работа.

Пришлось еще раз обойти весь комплекс в поисках оборудования. Наконец, обманув кодо-

вый блок, он вошел в планетную систему связи. Потом была еще одна короткая пауза, когда он соображал, как сделать вызов за счет дома Риоваль, — на Архипелаге Джексона всегда требуют деньги вперед.

Он остановился, соображая, с кем бы связаться. У Барраяра на станции Консорциума Харгрейвз-Дайн есть представительство. Даже настоящие дипломаты или экономисты там имели вторую профессию. А остальные были агентами чистой воды и поддерживали сеть осведомителей, охватывавшую планету и ее окрестности. У адмирала Нейсмита был контакт с представительством. Но побывала ли уже здесь Служба безопасности? Освобождение Марка — это их рук дело? Нет. Операция выглядела безжалостной, но недостаточно методичной. Честно говоря, скорее это был настоящий хаос.

«Так почему же никто не пришел искать Марка?»

Неприятный вопрос, и на него он ответить не может. Майлз набрал код консульства. «Цирковое представление начинается».

Они заявились ровно через полчаса: взвинченный лейтенант СБ по фамилии Айверсон с отрядом местных громил, взятых в аренду у дома

Дайн, одетых в квазивоенную форму и с вполне приличным вооружением. Они спустились на катере прямо с орбиты. Майлз сидел на скале у пешеходного выхода, или, точнее говоря, у запасного выхода, который ему удалось отыскать, и иронически наблюдал, как они выскакивают из корабля с оружием на изготовку и рассыпаются, словно готовясь брать комплекс штурмом.

Офицер поспешно подошел к нему и неуверенно козырнул:

— Адмирал Нейсмит?

С Айверсоном Майлз знаком не был. Человек с таким званием должен считать его ценным небарраярским работником.

— Он самый. Можете сказать вашим людям, чтобы они расслабились. Комплекс под контролем.

— Вы сами взяли его под контроль? — с некоторым недоверием спросил Айверсон.

— Более или менее.

— Мы ищем его уже два года!

Майлз с трудом сдержался, чтобы не проехаться по поводу людей, которые не могут отыскать собственный член, даже если им дать карту и фонарик.

— А где… э-э… Марк? Второй клон. Мой двой-

ник.

— Не знаем, сэр. На основе полученных сведений мы готовили штурм дома Бхарапутра, чтобы забрать вас оттуда, — и тут вы с нами связались.

— Я был там вчера вечером. Ваш осведомитель не знал, что меня переместили. — «Значит, Вербена выбралась. Ура!» — Вы бы весьма неуместно опоздали.

Айверсон поджал губы:

— С этой операцией с самого начала так. Приказы меняются постоянно.

— Скажите, — вздохнул Майлз, — у вас был какой-нибудь контакт с дендарийскими наемниками?

— Секретный отряд ваших людей сейчас должен находиться на пути сюда, сэр. — «Сэры» у Айверсона получались какие-то неуверенные: типичное барраярское отношение к неизвестно откуда получившему звание наемнику. — Я… хотел бы лично убедиться, что комплекс находится под контролем, если вы не возражаете.

— Валяйте, — разрешил Майлз. — Думаю, для вас это будет небезынтересно. Если нервы у вас крепкие.

Айверсон повел своих людей внутрь. Не будь Майлз так напряжен, он расхохотался бы. Вздох-

нув, он соскользнул со своего насеста и пошел следом.

Дендарийцы прибыли на маленьком катере, который нырнул прямо в подземный гараж. Майлз увидел их на мониторе в кабинете Риоваля и сообщил, где его найти. Куин, Элен, Таура и Бел — все в полуброне. Они стремительно вошли в кабинет, бряцая оружием, почти столь же внушительно бесполезные, как и отряд Службы безопасности.

— Что вы так вырядились? — устало спросил Майлз, когда они возникли перед ним. Надо бы встать и обменяться приветствиями, но рабочее кресло Риоваля такое удобное, а он так измучен.

— Майлз! — воскликнула Куин, собираясь броситься к нему.

Увидев ее испуганное лицо, он осознал, насколько зол и насколько виноват в этом. Отчаянно зол, потому что отчаянно боится.

«Где Марк, черт бы вас всех побрал?»

— Капитан Куин. — Он дал ей понять, что сначала — дела. Резко остановившись, она встала по стойке «смирно». Остальные сгрудились у нее за спиной.

— Мы уже договорились со Службой безопасности о налете на дом Бхарапутра, — взволнованно

проговорила Куин. — Вы пришли в себя! У вас была криоамнезия, вы оправились? Та доктор Дюрона обещала…

— Кажется, процентов на девяносто. Я все еще обнаруживаю провалы в памяти. Куин, что тут происходило?

Видно было, что она немного растеряна.

— С какого момента? Когда вас убили…

— Начните с пяти дней тому назад. Когда вы были в Группе Дюрона.

— Мы прилетели за вами. Нашли вас — после стольких кошмарных месяцев!..

— Вас парализовали, Марка захватили, и Лилли Дюрона отправила меня и моего врача в безопасное, как она считала, место, — подсказал Майлз.

— А, так это был твой врач! Я думала… Ну, не важно. — Куин справилась с эмоциями, стянула с головы шлем, откинула капюшон, провела покрасневшими кончиками пальцев по волосам и начала излагать основное — в боевом стиле. — Поначалу мы потеряли несколько часов. К тому моменту, как Элен с Таурой достали новый флайер, похитители скрылись. Они их искали, но безрезультатно. Когда они вернулись к Дюронам, мы с Белом как раз начали приходить в себя. Лилли Дюрона утверждала, что вы в безопасно-

сти. Я ей не поверила. Мы отошли на прежние позиции, и я связалась со Службой безопасности. Они начали стягивать свои силы, которые были разбросаны по всей планете в поисках зацепок относительно вашего местонахождения, и сосредоточили их на Марке. Потом опять отсрочки из-за их любимой теории, будто похитители — цетагандийские наемники. А у дома Риоваль около пятидесяти всевозможных комплексов и помещений, которые надо было проверить, не считая вот этого, о котором вообще никто не знал. И тут Лилли Дюрона решила, что вы действительно пропали. Поскольку казалось более важным найти вас, мы бросили на это все силы. Но зацепок было еще меньше. Мы даже в течение двух дней не могли найти тот брошенный флайер. А он нам ничего не дал.

— Так. Но вы догадывались, что Марка захватил Риоваль.

— Но Риовалю нужен был адмирал Нейсмит. Мы подумали, что Риоваль сообразит, что поймал не того.

Майлз провел ладонями по лицу. Голова болела. И желудок тоже.

— А вы не подумали, что Риовалю будет наплевать? Я хочу, чтобы через несколько минут

вы прошли вот по этому коридору и заглянули в камеру, где его держали. И принюхались. Я хочу, чтобы вы рассмотрели все очень внимательно. И вообще — идите немедленно. Сержант Таура, задержитесь.

Куин неохотно вышла вместе с Элен и Белом. Майлз подался вперед, и Таура наклонилась, чтобы лучше его слышать.

— Таура, что произошло? Ты же джексонианка. Ты знала, кто такой Риоваль, каково бывает у него. Как вы все могли об этом забыть?

Она встряхнула головой:

— Капитан Куин считала, что Марк — полное ничтожество. После вашей смерти она была так зла, что едва могла с ним говорить. И поначалу я была с ней согласна. Но… не знаю. Он так старался. Налет на ясли чуть было не удался. Если бы мы действовали чуть быстрее, или если бы охрана катера справилась со своей задачей, все было бы хорошо.

Он поморщился, соглашаясь:

— Такие операции безжалостны к сбоям во времени. И командиры тоже безжалостны, иначе можно просто оставаться на орбите и пускать людей непосредственно в утиль. Экономишь усилия. — Он помолчал. — Когда-нибудь Куин

будет хорошим командиром.

— Я так считаю, сэр. — Таура сняла шлем и капюшон и осмотрелась. — Но я как-то привязалась к бедняге. Он старался. Он старался изо всех сил — и не сумел. Но остальные вообще не старались. И он совсем один.

— Один. Да. Здесь. Пять дней.

— Мы действительно думали, что Риоваль догадается.

— Возможно…

В какой-то мере он и сам за это цеплялся. Может, все было не настолько плохо, как казалось, не настолько плохо, как рисовало идущее вразнос воображение?

Куин и компания вернулись — все одинаково мрачные.

— Так, — сказал он. — Вы меня нашли. Теперь, может, мы сосредоточимся на Марке. Я тут за эти часы все прочесал и не нашел ни зацепки. Его прихватил сбежавший персонал? Или он сейчас бродит где-то по пустыне, замерзая? Я отправил на поиски шестерых людей Айверсона со скопами. Еще один проверяет регистрационные данные дезинтеграционных камер на пятьдесят с лишком кило протеина. Есть еще какие-нибудь идеи?

Вернулась Элен, заглянувшая в соседнюю комнату.

— А кто, по-твоему, отметил Риоваля?

Майлз развел руками:

— Не знаю. У него сотни врагов — при его-то карьере!

— Его убил невооруженный человек. Сначала ударом разбил горло, а потом забил упавшего до смерти.

— Это я заметил.

— А набор инструментов видел?

— Угу.

— Майлз, это был Марк.

— Каким образом? Ночью? После скольких… пяти… дней обработки… И Марк маленький — как я. По-моему, это физически невозможно.

— Марк маленький, но не как ты, — возразила Элен. — И он чуть не убил человека в Форбарр-Султане, ударив ногой по горлу.

— Что?!

— Его обучали, Майлз. Его готовили убить твоего отца, который даже крупнее Риоваля и имеет огромный боевой опыт.

— Да, но я никогда не думал… Когда Марк был в Форбарр-Султане? Удивительно, как отстаешь от жизни после двух месяцев смерти.

Впервые он лишился желания моментально приступить к командованию. Маньяк, потерявший четверть памяти и имеющий склонность к конвульсиям, как раз то, что надо. Не говоря уже об одышке.

— Да, кстати о твоем отце: я должна тебе сказать… Нет, наверное, лучше попозже. — Элен озабоченно осмотрела его.

— А как насчет… — Его прервал сигнал комма, который из вежливости вручил ему Айверсон. — Да, лейтенант?

— Адмирал Нейсмит, тут у входа барон Фелл. С двумя взводами. Он… э-э… говорит, что хочет забрать тело покойного единокровного брата. Как ближайший родственник.

Майлз беззвучно присвистнул и ухмыльнулся:

— Да неужели? Ну-ну. Вот что я вам скажу. Пусть войдет с одним телохранителем. И мы поговорим. Может, ему что-то известно. Но весь отряд не пропускайте.

— Вы считаете, это разумно?

«Откуда мне, к черту, знать?»

— Конечно.

Через несколько минут появился запыхавшийся барон в сопровождении одного наемника Айверсона и телохранителя в зеленом. От фи-

зической нагрузки круглое лицо барона Фелла раскраснелось сильнее обычного, а так все тот же толстенький дедушка, окруженный атмосферой опасно обманчивого добродушия.

— Барон Фелл, — кивнул Майлз. — Как приятно снова видеть вас.

Фелл ответил кивком.

— Адмирал. Да, полагаю, вам все сейчас кажется весьма привлекательным. Значит, бхарапутрянский снайпер все-таки застрелил вас. Ваш клон, надо сказать, прекрасно сыграл вашу роль, сильно запутав и без того запутанную ситуацию.

Майлз мысленно вздрогнул:

— Да. И… э-э… что именно привело вас сюда?

— Сделка, — ответил барон, что на джексонианском языке означало «Вам говорить первому».

Майлз кивнул:

— Покойный барон Риоваль приказал двум своим телохранителям доставить меня сюда на флайере. Дела тут обстояли примерно так, как вы сейчас видите. Я… гм… нейтрализовал их при первой же возможности. Как я оказался в их руках — это несколько более запутанная история.

Что означало «Пока я вам больше ничего не скажу».

— Тут начали ходить совершенно удивитель-

ные слухи о том, как мой милый покойный… а он действительно покойный?

— О да. Через несколько секунд сможете убедиться сами.

— Спасибо… Как мой милый покойный брат погиб. Я слышал об этом из первых рук.

Значит, какой-то бывший служащий Риоваля кинулся прямиком к Феллу. Понятно.

— Надеюсь, его добродетель была вознаграждена.

— Будет, как только я удостоверюсь в том, что он говорил правду.

— Так. Ну, почему бы вам не удостовериться?

Надо встать с рабочего кресла. Майлз с трудом нашел в себе силы и провел барона в гостиную. Следом шли телохранитель дома Фелл и все дендарийцы.

Рослый телохранитель с опаской глянул на Тауру. Она ответила улыбкой, сверкнув клыками:

— Привет малыш. Знаешь, ты ужасно милый.

Телохранитель отпрянул и придвинулся поближе к своему господину.

Фелл поспешно подошел к телу, опустился на колени и приподнял правую руку Риоваля, оканчивающуюся аккуратной культей.

— Кто это сделал?

— Пока не знаем, — ответил Майлз. — Я его нашел таким.

— В точности? — пристально взглянул на него Фелл.

— Да.

Фелл проследил за темными отверстиями на лбу трупа:

— Тот, кто это сделал, знал, что делает. Я хочу найти убийцу.

— Чтобы… отомстить за смерть брата? — осторожно спросила Элли.

— Нет. Чтобы предложить ему работу! — Фелл расхохотался гулко и весело. — Знаете ли вы, сколько людей столько лет пытались совершить именно это?

— Понятия не имею, — сказал Майлз. — Если вы можете помочь…

В соседней комнате просигналил полузарезанный комм Риоваля.

Фелл поднял голову, став вдруг совершенно серьезным.

— Сюда нельзя сделать вызов без кодового ключа, — проговорил он, тяжело поднимаясь на ноги.

Майлз еле успел первым пройти в кабинет и опустился в рабочее кресло. Включив комм, он

чуть не свалился на пол. На экране возникло опухшее лицо Марка. Казалось, он только что вышел из душа: лицо отмыто до блеска, мокрые волосы приглажены. Как и на Майлзе, на нем был серый трикотажный костюм. Видимые участки кожи — все в темных с желтизной синяках, но глаза блестят. И уши целы!

— А! — жизнерадостно сказал Марк, — вот и ты! Я так и думал. Ты уже сообразил, кто ты?

— Марк! — Майлз чуть не залез в экран. — С тобой все в порядке? Где ты?

— Ага, вижу, что сообразил. Хорошо. Я у Лилли Дюрона. Господи, Майлз. Что за место. Что за женщина! Она позволила мне принять ванну. Она налепила мне новую кожу. Она полечила мне ногу. Она сделала мне инъекцию чего-то, что расслабило мышцы спины. Она своими руками оказала медицинские услуги — слишком личные и неприятные, чтобы их описывать, но совершенно необходимые, смею тебя уверить — и держала мне голову, пока я орал. А о ванне я сказал? Я в нее влюбился и хочу на ней жениться.

Все это звучало с таким искренним энтузиазмом и так серьезно, что Майлз не смог понять, шутит ли Марк.

— Ты что принял? — подозрительно спросил

он.

— Болеутоляющее. Много-много болеутоляющего. Ах, до чего чудесно! — Он одарил Майлза странной широкой улыбкой. — Но не беспокойся, голова у меня совершенно ясная. Просто дело в ванне. Я держался, пока она не вымыла меня в ванне. Это меня сломало. Знаешь, что за чудная вещь ванна, когда смываешь… Ну, не важно.

— Как ты отсюда выбрался и попал к Дюронам? — настоятельно спросил Майлз.

— На флайере Риоваля, естественно. Кодовый ключ сработал.

У Майлза за спиной раздался резкий вдох барона Фелла.

— Марк. — Он улыбаясь приблизился к приемному устройству комма. — Вы на минуту не позовете Лилли?

— А, барон Фелл! — сказал Марк. — Прекрасно. Я собирался связаться с вами позже. Хочу пригласить вас на чай к Лилли. Нам надо многое обсудить. И тебя тоже, Майлз. И всех своих друзей захвати.

Марк многозначительно взглянул на него. Майлз незаметно опустил руку и нажал кнопку «внимание» на комме Айверсона.

— Зачем, Марк?

— Потому что они мне нужны. Мои люди слишком устали, чтобы сегодня еще работать.

— Твои люди?

— Пожалуйста, сделай, как я прошу. Потому что я прошу, — добавил так тихо, что Майлз едва расслышал. — Потому что ты у меня в долгу! — Глаза Марка на секунду ярко вспыхнули.

Фелл пробормотал себе под нос:

— Он им воспользовался. Он должен знать…

Снова подавшись вперед, он спросил у Марка:

— Вы знаете, что у вас… э-э… в руках, Марк?

— О, барон. Я знаю, что делаю. Не понимаю, почему столько людей никак не могут в это поверить, — добавил он с обидой. — Я прекрасно знаю, что делаю.

И тут он рассмеялся. Странный смех, нервный и слишком громкий.

— Позвольте мне поговорить с Лилли, — сказал Фелл.

— Нет. Вот прилетите сюда, тогда и поговорите с Лилли, — капризно ответил Марк. — Да и вообще вам надо разговаривать со мной. — Он посмотрел прямо в глаза Феллу. — Обещаю, что разговор будет для вас выгодным.

— Похоже, я действительно хочу говорить с вами, — пробормотал Фелл. — Хорошо.

— Майлз. Ты сейчас в кабинете Риоваля, где был я. — Марк всмотрелся в его лицо: Майлз не мог понять, что он хочет увидеть, но Марк тихо кивнул, словно удовлетворившись. — Элен здесь?

— Да…

Элен подошла и остановилась по другую сторону Майлза.

— Чего ты хочешь, Марк?

— Я хочу поговорить с вами, вассал. С глазу на глаз. Вы не очистите помещение? Пожалуйста, пусть все уйдут.

— Но… — начал было Майлз. — Вассал? С принесением присяги?.. Но так нельзя!

— Формально, надо полагать, она уже не вассал, раз ты снова жив. — Марк печально улыбнулся. — Но я хочу попросить выполнить одну службу. Моя первая и последняя просьба, Элен. С глазу на глаз.

Элен осмотрелась:

— Все уйдите. Пожалуйста, Майлз. Это между Марком и мной.

— Вассал? — пробормотал Майлз, разрешая вытолкнуть себя в коридор. — Но как…

Элен закрыла за ними дверь. Майлз вызвал Айверсона, чтобы договориться о транспорте и других вещах. Гонки с Феллом пока остава-

лись вежливыми, но это явно были гонки. Через несколько минут из дверей вышла Элен. Лицо у нее застыло.

— Вы все отправляйтесь к Дюронам. Марк попросил меня кое-что для него сделать. Я вас догоню.

— Заодно собери как можно больше информации для СБ, — посоветовал Майлз, огорошенный тем, как стремительно развиваются события. Почему-то здесь инициативой владел не он. — Я скажу Айверсону, чтобы он предоставил тебе свободу действий. Но… вассал? Неужели это значит то, что мне кажется? Как…

— Сейчас это ничего не значит. Но я у Марка в долгу. Мы все в долгу. Понимаешь, он ведь убил Риоваля.

— Понимаю. Я просто не понимаю как.

— Он говорит — со связанными за спиной руками. И я ему верю. — Элен снова повернулась к двери в апартаменты Риоваля.

— Это Марк? — бормотал Майлз, неохотно направляясь в противоположную сторону. Он случайно не приобрел за время смерти нового клон-брата? — Говорил он совсем не как Марк. Во-первых, он говорил так, словно рад меня видеть! И это Марк?

— Да, да, — подтвердила Куин. — Это Марк, не сомневайся.

Он пошел быстрее. Даже Тауре пришлось прибавить шагу, чтобы не отстать.

Глава 29

Маленький дендарийский катер не отставал от более крупной машины барона Фелла, и они подлетели к клинике Группы Дюрона почти одновременно. Катер дома Дайн, временно принадлежавший Службе безопасности, вежливо дожидался на другой стороне улицы, у парка. Просто дожидался.

Когда они пошли на посадку, Майлз спросил Куин, которая сидела за пультом:

— Элли… Если бы мы летели на флайере или еще на чем-то и я вдруг приказал бы тебе разбить машину, ты послушалась бы?

— Сейчас? — изумилась Куин. Катер дернуло.

— Нет! Нет, не сейчас. Теоретически. Ты повиновалась бы мгновенно, не задавая вопросов?

— Разумеется. Но я задала бы вопросы потом. Вероятно, обхватив тебя руками за шею.

— Я так и думал. — Майлз удовлетворенно откинулся на спинку сиденья.

Они встретились с бароном Феллом у главного входа. Охранники уже готовились открыть портал в силовом поле, но при виде трех денда-

рийцев в полуброне Фелл нахмурился: Куин, Бел и Таура следовали по пятам за Майлзом, облаченным в серый трикотажный костюм.

— Это мое помещение, — напомнил Фелл. Его люди в зеленом смотрели на них неприветливо.

— Это мои телохранители, — сказал Майлз, — которые мне, как всем очевидно, очень нужны. Ваше силовое поле, похоже, отказало.

— Этим происшествием уже занимаются, — мрачно отозвался Фелл. — Такое больше не повторится.

— Тем не менее. — В качестве уступки Майлз пообещал, ткнув пальцем в катер у парка: — Остальные мои друзья могут подождать на улице.

Фелл нахмурился, но уступил. У входа их встретил Ворон, поклонился барону и провел гостей через несколько лифтовых шахт к пентхаусу Лилли Дюроны.

Войдя в гостиную, Майлз решил, что уместнее всего было бы назвать это «живой картиной». Все было отрежиссировано, как в лучшей театральной постановке.

Марк располагался по центру сцены. Он удобно устроился в кресле самой Лилли, а перебинтованная правая нога покоилась на невысоком

круглом чайном столике. Его окружали Дюроны. Сама Лилли, волосы которой сегодня были уложены короной вокруг головы, стояла у правого плеча Марка, опираясь на спинку кресла и благосклонно улыбаясь его макушке. Ворон занял место слева от Марка. Доктор Астра, доктор Роза и доктор Сирень восхищенно столпились подле. Рядом с доктором Астрой стоял большой огнетушитель. Вербены не было. Окно уже починили.

В центре стола лежала небольшая холодильная камера. Сквозь прозрачную крышку виднелась отрезанная кисть с большим серебряным перстнем.

Вид Марка испугал Майлза. О происходившем в последние пять дней говорили только синяки на лице да повязка на ноге. Но лицо и тело Марка странно и нездорово распухли, а живот раздулся просто до невероятных размеров. Теперь Марк мало чем напоминал крепкого уравновешенного «адмирала Нейсмита», не говоря о почти двойнике, которого он пытался спасти во время нападения на ясли клонов четыре месяца назад. В ком-то другом, например в бароне Фелле, такая тучность его бы не испугала, но Марк… Что, если он, Майлз, тоже станет таким, если сбавит ритм? Ему вдруг отчаянно захотелось поклясться не

есть больше сладкого. Элли не скрывала ужаса и отвращения.

Марк улыбался. Под его правой рукой лежала маленькая коробочка дистанционного управления. Указательным пальцем он нажимал кнопку.

Увидев холодильную камеру с рукой Риоваля, барон Фелл бросился к ней с радостным возгласом.

— Стоять, — сказал Марк.

Барон остановился и с опаской посмотрел на него.

— Да?

— Интересующий вас предмет в этой герметической камере лежит на небольшой термогранате, которой управляет, — тут Марк поднял руку с пультом, — вот эта нажатая кнопка. Есть и вторая кнопка, ненажатая, в руках другого человека, не присутствующего в этой комнате. Если вы меня парализуете или нападете на меня, граната взорвется. Если вы меня испугаете, у меня может дернуться рука. Если вы меня утомите, у меня может соскользнуть палец. Если вы меня разозлите, то я могу просто отпустить кнопку — и пусть все летит к черту.

— Тот факт, что вы приняли подобные меры

предосторожности, — медленно проговорил Фелл, — говорит, что вам известна ценность того, чем вы завладели. Но это невозможно. Вы блефуете.

Он пристально посмотрел на Лилли.

— Не надо меня испытывать, — сказал Марк, все еще улыбаясь. — После пяти дней гостеприимства вашего единоутробного брата я настроен весьма враждебно. То, что лежит в этой коробке, представляет ценность для вас, а не для меня. Однако, — он сделал глубокий вдох, — у вас есть нечто, представляющее ценность для меня. Барон, давайте заключим Сделку.

Фелл пососал нижнюю губу, глядя в блестящие глаза Марка.

— Я слушаю, — сказал он наконец.

Марк кивнул. Две Дюроны поспешно подали кресла барону Феллу и Майлзу. Телохранители остались стоять. Казалось, охранники Фелла что-то отчаянно пытаются сообразить, глядя то на коробку, то на своего господина. В свою очередь, дендарийцы внимательно следили за людьми Фелла. Барон уселся с серьезным видом.

— Чаю? — предложила Лилли.

— Спасибо, — отозвался барон.

Она кивнула, и две маленькие Дюроны поспеш-

но вышли. Ритуал начался. Майлз осторожно опустился в кресло, изо всех сил стиснув зубы. Инициатива явно принадлежит Марку. Но он далеко не уверен в том, что Марк сейчас нормален. Соображает — да. Нормален — нет. Казалось, барон Фелл склоняется к такому же мнению, разглядывая самозваного хозяина дома.

Два противника молча ждали, пока принесут чай, пытаясь тем временем оценить друг друга. Мальчик внес поднос и поставил его рядом с пугающей коробкой. Девочка налила только две чашки лучшего привозного японского зеленого чая — Марку и барону — и предложила печенье.

Марк с видимым отвращением отказался от печенья. Барон взял две штучки. Марк начал было поднимать чашку левой рукой, но рука так тряслась, что он поспешно поставил чашку с блюдцем на подлокотник. Девочка бесшумно скользнула к нему и поднесла чашку к его губам. Марк сделал глоток, благодарно кивнул, и девочка устроилась с чашкой у его левого колена. Похолодев, Майлз понял, что Марку пришлось гораздо хуже, чем можно судить по виду. Барон взглянул на дрожащую левую руку Марка, несколько менее уверенно — на правую и беспокойно поерзал в кресле.

— Барон Фелл, — сказал Марк, — я думаю, вы согласитесь со мной: время имеет огромное значение. Я начну?

— Будьте так любезны.

— В этой холодильной камере, — Марк кивнул на отрезанную кисть, — находится ключ к дому Риоваль… э-э… секретное декодирующее кольцо Ри Риоваля. — Марк откашлялся, проглотил резкий смешок и кивнул девочке, прося еще глоток чаю. Снова совладав со своим голосом, он продолжил: — В кристалле кольца заключены все личные коды покойного барона Риоваля. Следует напомнить, что у дома Риоваль особая административная структура. Сказать, что Ри Риоваль был параноик, помешанный на власти, — значит сильно преуменьшить. Но Риоваль скончался, оставив своих разбросанных по всей планете подчиненных без привычных указаний. Когда до них дойдут слухи о его смерти, кто знает, что они сделают? Один пример вы уже видели.

Через несколько дней отовсюду слетятся стервятники терзать труп дома Риоваль. Поскольку никаких законов на этой планете не существует, то кто смел — тот и съел. Например, дом Бхарапутра явно могут заинтересовать товары дома Риоваль. Не сомневаюсь, что вам известны и

другие, барон. — Фелл кивнул. — Но тот, у кого кодовые ключи Риоваля окажутся сегодня, имеет немалое преимущество, — продолжил Марк. — Особенно если он владеет людьми, которые окажут ему силовую поддержку. Вместо того чтобы скучать, пока один за другим будут расшифрованы коды Риоваля, он может взять под контроль практически всю собственность дома Риоваль — целиком, а не по кусочкам. Добавьте к этому хорошо известные родственные связи, которые прибавят веса такому захвату… На мой взгляд, большая часть конкурентов отступит без боя.

— Кодовое кольцо моего брата не ваша собственность, чтобы вы ею торговали, — холодно сказал Фелл.

— Нет, моя, — возразил Марк. — Я его получил. Я им владею. Я могу его уничтожить. И… — Он облизнул губы, и девочка снова поднесла чашку. — Я за него заплатил. Вам не предоставилась бы эта исключительная (а пока еще она по-прежнему исключительная) возможность, не будь меня.

Барон едва заметно кивнул:

— Продолжайте.

— Как бы вы оценили стоимость Группы Дюро-

на по сравнению с настоящим состоянием дома Риоваль? В пропорции.

Барон нахмурился:

— В одну двадцатую. Может, в одну тридцатую. У дома Риоваль гораздо больше недвижимости. Э-э… интеллектуальную собственность оценить труднее. Они специализируются на довольно разных биологических задачах.

— Не будем принимать во внимание недвижимость. Дом Риоваль, несомненно, обладает гораздо большей ценностью. Лаборатории, техники, рабы. Списки клиентов. Хирурги. Генетики.

— Должен с вами согласиться.

— Хорошо. Давайте меняться. Я отдаю вам дом Риоваль в обмен на Группу Дюрона плюс чек на предъявителя, равный десяти процентам стоимости дома Риоваль.

— Десяти процентам. Премия посредника, — сказал Фелл, глядя на Лилли. Лилли улыбнулась, но промолчала.

— Всего лишь премия посредника, — согласился Марк. — Даже если бы я запросил вдвое больше, это все равно было бы дешево. И не случайно, — вы потеряете как минимум такую сумму, не имея в руках ключей Ри Риоваля.

— И что вы сделаете с этими дамами, если их

получите, Марк?

— Что мне заблагорассудится. От слова «благо».

— Собираетесь заняться бизнесом? Стать бароном Марком?

От такой перспективы у Майлза похолодело в желудке.

— Нет, — вздохнул Марк. — Мне благорассудится вернуться домой, барон. Я подарю Группу Дюрона им самим. А вы их отпустите, чтобы они могли отправиться свободно и без помех, куда им… заблагорассудится. Кажется, на Эскобар, Лилли?

Он поднял глаза на Лилли, и та, улыбнувшись, кивнула.

— До чего странно, — пробормотал барон. — По-моему, вы безумны.

— Ах, барон. Вы даже не представляете себе, насколько вы правы!

Марк как-то странно засмеялся. Если он играет, то лучшего актерства Майлз в жизни не видел, не исключая и собственного.

Барон откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди. Он размышлял. Не придет ли он к выводу применить силу? Майлз начал отчаянно прикидывать боевые варианты неожиданной

атаки: дендарийцы на месте, Служба безопасности на орбите, они с Марком под угрозой… Внезапно ярко вспыхнувшее дуло… О, Господи, ну и дела!..

— Десять процентов, — наконец предложил барон, — минус стоимость Группы Дюрона.

— И кто будет подсчитывать стоимость этой интеллектуальной собственности, барон?

— Я. И они эвакуируются немедленно. Все имущество, записи, файлы и идущие эксперименты должны остаться нетронутыми.

Марк посмотрел на Лилли. Та нагнулась и что-то зашептала ему на ухо.

— Группа Дюрона получит право скопировать технические файлы. И забрать личное имущество, например, одежду и книги.

Барон задумчиво уставился в потолок:

— Они могут забрать столько, сколько может унести каждый. Не больше. И они не имеют права копировать технические файлы. И их банковские счета останутся, как и были, моей собственностью.

Лилли нахмурилась. Еще одно совещание шепотом. Марк отмахнулся от какого-то возражения и указал вверх. Наконец она кивнула.

— Барон Фелл, — Марк сделал глубокий вдох, —

мы заключаем Сделку.

— Заключаем Сделку, — подтвердил барон, наблюдая за Марком с легкой улыбкой.

— И вот вам в этом моя рука, — продекламировал Марк.

Хихикнув, он перевернул коробку дистанционного управления, переключил рычажок и положил на ручку кресла, а потом встряхнул дрожащие пальцы.

Фелл потянулся в кресле, стряхивая напряжение. Телохранители слегка расслабились. Майлз чуть не растекся лужицей.

«Батюшки, что мы тут наделали?»

По приказу Лилли Дюроны разбежались в разные стороны.

— Было очень занимательно иметь с вами дело, Марк, — сказал Фелл, вставая. — Не знаю, где именно ваш дом, но, если вы когда-нибудь решите, что вам нужна работа, я мог бы воспользоваться таким посредником, как вы, в ведении моих галактических дел. Ваше чувство своевременности… жестоко элегантно.

— Спасибо, барон, — кивнул Марк. — Я буду иметь это в виду, если другие варианты провалятся.

— И ваш брат тоже, — добавил Фелл, спохватив-

шись. — При условии его полного выздоровления, естественно. Моим войскам не помешал бы более активный боевой командир.

Майлз откашлялся:

— Потребности дома Фелл главным образом оборонительные. Я предпочитаю более агрессивный вид работы, как у дендарийцев.

— В будущем агрессивной работы может стать больше, — сказал Фелл, и взгляд его сделался задумчивым.

— Замышляете завоевать мир? — осведомился Майлз.

«Империя Фелла»?

— Приобретение дома Риоваль приводит дом Фелл к очень интересному неравновесному состоянию. Ради каких-то пяти лет правления нет смысла проводить политику неограниченной экспансии и борьбы с оппозицией, которая неизбежно возникнет. Но вот если прожить, скажем, еще лет пятьдесят, то можно было бы найти захватывающе интересную работу для талантливого военного офицера…

Фелл вопросительно посмотрел на Майлза:

— Нет. Спасибо.

Марк кинул на Майлза победно-веселый взгляд. Майлз подумал, что Марк добился пора-

зительного решения. Что за Сделка! Наверное, джексонианец протестует, становясь на сторону добра, восстает, становясь неподкупным? Похоже, что так.

«Кажется, мой братец в большей степени джексонианец, чем он думает. Джексонианский ренегат! Голова кругом идет».

По сигналу Фелла его телохранитель осторожно взял прозрачную коробку. Фелл повернулся к Лилли.

— Что ж, сестренка. У тебя была интересная жизнь.

— И еще есть, — улыбнулась Лилли.

— Ненадолго.

— С меня хватит, жадина. Так вот он, конец пути. Разорван наш союз крови. Кто бы мог такое себе представить, когда мы вместе выползали из канализации Риоваля?

— Только не я, — отозвался Фелл. Они обнялись. — Прощай, Лилли.

— Прощай, Джорик.

Фелл повернулся к Марку:

— Сделка сделкой, это для моего дома. А это — для меня. Ради прошлого. — Он протянул широкую ладонь. — Могу я пожать вам руку, сэр?

Вид у Марка был озадаченный и недоверчивый,

но Лилли кивнула. И он позволил Феллу схватить его руку.

— Спасибо, — искренне сказал Джориш Стойбер. Кивком собрав своих телохранителей, он исчез в лифтовой шахте.

— Вы думаете, Сделка останется в силе? — встревоженно спросил Марк у Лилли.

— Некоторое время — да. В ближайшие дни Джориш будет слишком занят своим новым приобретением. На это уйдут все его силы — и еще не хватит. А потом будет поздно. Потом, конечно, он пожалеет. Но преследовать и мстить не станет. Этого достаточно. Большего нам не надо. — Она ласково погладила его по голове. — А теперь просто отдыхайте. Выпейте еще чаю. Мы пока будем очень заняты. — Она повернулась к младшим Дюронам: — Стриж, Ива! Пошли быстренько!

Лилли увела их в глубь своих апартаментов. Марк устало сгорбился. Озадаченно поморщившись, он взял чашку в правую руку и задумчиво помешал чай.

Элли прикоснулась к шлему, прислушалась и вдруг горько и резко рассмеялась.

— На связи командующий Службы безопасности со станции Харгрейвз-Дайн. Говорит, пришло подкрепление, и спрашивает, куда его послать.

Майлз с Марком переглянулись. Майлз не знал, о чем думает Марк, но большая часть ответов, приходивших ему в голову, звучала совершенно непристойно.

— Домой, — сказал наконец Марк. — И пусть заодно подвезут нас.

— Мне надо вернуться к дендарийцам, — стремительно сказал Майлз. — Э-э… где они, Элли?

— На пути к Эскобару от Иллирии. Но вы, сэр, к ним и близко не подойдете, пока медики СБ не дадут вам разрешения вернуться на действительную службу, — твердо ответила она. — Флот в полном порядке. А вы — нет. Иллиан мне уши оторвет, если я не отправлю вас домой. И немедленно. А потом — ваш отец…

— Что отец? — спросил Майлз. Элен начала что-то говорить… Его охватил леденящий ужас. Стремительно закружились картины: убийства, смертельные болезни, политические заговоры… Не говоря уже об авиакатастрофах.

— Пока я там был, у него случился серьезный приступ сердечной недостаточности, — сказал Марк. — Его уложили в госпиталь. Когда я улетал, он дожидался трансплантанта для пересадки сердца. По правде говоря, примерно сейчас ему должны делать операцию.

— Ты там был? — «Что ты с ним сделал?» У Майлза было такое ощущение, будто мир перевернулся. — Мне надо домой!

— Я только что это и сказал, — устало отозвался Марк. — А ты как думаешь, для чего мы все сюда завалились, как не для того, чтобы увезти тебя домой? Уж не для бесплатного отдыха на курорте Ри Риоваля, позволь тебя уверить. Мама решила, что я — следующий наследник Форкосиганов. Барраяр я еще, наверное, выдержу, но уж это — нет!

На Майлза слишком быстро слишком много всего свалилось. Он сел и попытался успокоиться, пока не начался новый приступ конвульсий. Вот такая небольшая слабость может привести к моментальному увольнению с действительной службы Империи. Он считал, что конвульсии — это временное. Но что, если они не пройдут? О, Боже…

— Я собираюсь одолжить мой корабль Лилли, — сказал Марк, — раз барон Фелл так любезно лишил ее денег, на которые можно было бы купить тридцать шесть билетов на Эскобар.

— Какой корабль? — спросил Майлз. «Только не один из моих!»

— Тот, что мне подарила мама. Лилли с немалой прибылью сможет продать его на эскобарской

орбите. Я верну маме деньги, чтобы выкупить закладную на Форкосиган-Сюрло, и еще останется кое-что на карманные расходы. Мне когда-нибудь захочется иметь собственную яхту, но этой я еще долго не смог бы пользоваться.

«Что? Что? Что?!»

— Я как раз подумал, — добавил Марк, — что дендарийцы могли бы полететь с Лилли. Обеспечить ей военную поддержку в обмен на быстрый бесплатный путь к флоту. И СБ сэкономит на четырех билетах.

«На четырех?»

Майлз взглянул на Бела, который все это время упорно молчал. Тот ответил безрадостным взглядом.

— И все по-быстрому отсюда смоются, — закончил Марк. — Пока еще чего-нибудь не случилось.

— Аминь! — отозвалась Куин.

Вербена и Элли на одном корабле?! Не говоря уже о Тауре. А что, если они соберутся вместе и начнут обмениваться впечатлениями? А вдруг между ними возникнет вражда? Или еще хуже — вдруг они сговорятся и поделят его на части? Северный Майлз и Южный Майлз… Он готов был поклясться, что не так уж много у него было женщин за всю жизнь. По сравнению с Айвеном он

вообще монах. Просто он никогда ни с одной не расстается. Такое накопление может с течением времени привести к неловкостям. Ему нужна… леди Форкосиган, которая положила бы конец всем этим глупостям. Но даже Элли Отважная отказалась взять на себя такую обязанность.

— Да, — согласился Майлз, — годится. Домой. Капитан Куин, договоритесь о том, что мы с Марком полетим в корабле СБ. Сержант Таура, будьте добры поступить в распоряжение Лилли Дюроны. Чем быстрее мы отсюда эвакуируемся, тем лучше — тут я согласен. И… э-э… Бел… пожалуйста, задержись: нам надо поговорить.

Куин и Таура поняли намек и исчезли. Марк… Майлз решил, что Марка можно оставить. И вообще ему было немного страшно просить Марка встать. Страшно думать, о чем могут сказать его движения. Эта небрежная фразочка о курорте Ри Риоваля была явной попыткой скрыть… что?

— Садись, Бел. — Майлз кивнул на кресло, которое освободил барон Фелл.

Он, Марк и Бел оказались как бы на вершинах равностороннего треугольника. Бел кивнул и сел, устроив шлем на коленях и скинув с головы капюшон. Майлз вспомнил, как несколько дней назад, до каскада, в этой самой комнате принял

Бела за женщину. Прежде его глаза видели в Беле мужчину. Странно. Наступила неловкая тишина.

Сглотнув, Майлз сказал:

— Я не могу вернуть тебе командование «Ариэлем».

— Знаю, — сказал Бел.

— Это подорвало бы дисциплину во всем флоте.

— Знаю, — опять повторил он.

— Это… несправедливо. Будь ты нечестным гермафродитом и не открой рта, продолжай ты притворяться, что Марк тебя провел, — и никто бы ничего не узнал.

— Знаю, — сказал Бел и после паузы добавил: — Мне надо было взять командование на себя в экстремальной ситуации. Я решил, что не могу позволить Марку и дальше отдавать приказы. Слишком опасно.

— Капитан Торн, — вздохнул адмирал Нейсмит, — я вынужден просить, чтобы вы подали в отставку.

— Слушаюсь, сэр.

— Спасибо.

Дело сделано. Так быстро. Он вспомнил отрывочные впечатления об операции. Почти наверняка какие-то куски еще отсутствуют. Но

были смерти — слишком много смертей, сделавших тот налет неоправданным.

— Ты не знаешь… что стало с Филиппи? Кажется, у нее был шанс.

Марк с Белом переглянулись. Бел ответил:

— Она не выжила.

— А… Очень жаль.

— Криовосстановление — вещь ненадежная, — вздохнул Бел.

— Мы все идем на риск, заключая контракт.

Марк нахмурился:

— Получается несправедливо. У Бела сломана карьера, а я целехонек.

Бел секунду смотрел на избитое раздувшееся тело Марка, сгорбившееся в большом кресле Лилли, и только чуть приподнял брови.

— Какие у тебя планы, Бел? — осторожно спросил Майлз. — Вернешься домой, на Колонию Бета? Ты об этом поговаривал.

— Не знаю, — сказал Бел. — Не потому, что над этим не задумывался. Я думаю уже несколько недель. Но не уверен, что приживусь теперь дома.

— Я и сам думал, — отозвался Майлз. — Есть одна мысль. Мне сдается, что некие силы с моей стороны будут несколько меньше тревожиться

из-за того, что ты шляешься по п-в-туннелям с барраярскими засекреченными сведениями в голове, если ты по-прежнему останешься на службе у Иллиана. Как осведомитель… или, может, агент?

— У меня нет таланта Элли, — возразил Бел. — Я был просто капитаном корабля.

— Капитаны бывают в очень интересных местах. И могут получать самую разную информацию.

Бел наклонил голову:

— Я… серьезно об этом подумаю.

— Полагаю, ты не захочешь уйти на Архипелаге Джексона?

Бел откровенно рассмеялся:

— Да уж нет!

— Ну так обдумай это на пути к Эскобару. Поговори с Куин. Прими решение к моменту прилета и дай ей знать.

Бел кивнул, встал и осмотрел элегантную гостиную Лилли Дюроны.

— Знаешь, я не очень-то жалею, — сказал он Марку. — Так или иначе, но мы вывезли из этой вонючей дыры почти девяносто человек. Спасли от верной смерти или джексонианского рабства. Для стареющего бетанца не слишком плохой

результат. Можешь не сомневаться, я вспомню о них, когда буду вспоминать все это.

— Спасибо, — прошептал Марк.

Бел посмотрел на Майлза:

— Помнишь, как мы впервые встретились?

— Да. Я тебя оглушил.

— Еще как. — Бел подошел к его креслу, нагнулся и взял его за подбородок. — Не двигайся. Мне уже много лет хотелось это сделать.

И поцеловал его, решительно и крепко. Майлз подумал о том, как это выглядит со стороны, как это двусмысленно, потом вспомнил о своей внезапной смерти, мысленно послал все к черту и ответил на поцелуй. Выпрямляясь, Бел улыбнулся. Из лифтовой шахты донеслись голоса. Кто-то из Дюрон объяснял:

— Прямо наверху, сударыня.

За оградкой шахты появилась Элен Ботари-Джезек.

— Привет, Майлз, мне надо говорить с Марком, — выпалила она. Глаза ее потемнели и были тревожными. — Мы можем куда-нибудь уйти? — спросила она у Марка.

— Я не хотел бы вставать, — ответил Марк. Голос у него был такой усталый, что слова звучали невнятно.

— Так. Майлз и Бел, уйдите, пожалуйста, — решительно заявила она.

Озадаченный Майлз поднялся на ноги. Он вопросительно посмотрел на Элен, но ее взгляд сказал ему: «Не сейчас. Потом». Он пожал плечами:

— Пошли, Бел. Посмотрим, не можем ли мы кому-нибудь помочь.

Ему хотелось найти Вербену. Спускаясь вниз вместе с Белом, он наблюдал за оставшимися в комнате. Элен повернула стул и уселась на него верхом. Ладони ее уже раскрылись в настоятельном протесте. Вид у Марка был до предела мрачный.

Майлз сдал Бела доктору Розе в качестве ответственного за связь и пошел искать комнаты Вербены. Как он и надеялся, Вербена оказалась на месте — она собирала вещи. Рядом сидела еще одна юная Дюрона и наблюдала за ней, немного испуганная. Майлз сразу же узнал ее.

— Лилли-младшая! Ты выбралась! Вербена!

Лицо Вербены просияло, и она стремительно обняла его.

— Майлз! Так тебя все-таки зовут Майлз Нейсмит! Я так и думала. У тебя был каскад. Когда?

— Ну, — он виновато кашлянул, — по правде

говоря, еще у Бхарапутры.

Ее улыбка немного померкла.

— До моего ухода. И ты мне не сказал.

— Безопасность, — неуверенно сказал он.

— Ты мне не доверял.

«Это же Архипелаг Джексона. Ты сама так говорила».

— Меня сильнее беспокоил Васа Луиджи.

— Наверное, я могу это понять, — вздохнула Вербена.

— А когда вы обе сюда добрались?

— Я вчера утром. А Лилли вчера вечером. Хитро! Я не надеялась, что ты и ее сможешь вытащить!

— Один побег повлек за собой второй. Ты выбралась сама — и это позволило выбраться Лилли. — Майлз быстро улыбнулся Лилли-младшей, которая с любопытством наблюдала за ним. — Я ничего не сделал. В последнее время это для меня типично. Но я почти уверен, что вы улетите с планеты, прежде чем Васа Луиджи и Лотос поймут, в чем дело.

— Мы все улетим еще до наступления сумерек. Слушай! — Она подвела его к окну. Дендарийский катер с сержантом Таурой в качестве пилота и с восемью Дюронами на борту тяжело поднимался с обнесенного стенами двора. Авангард, который

приготовит корабль к приему остальных.

— Эскобар, Майлз! — восторженно воскликнула Вербена. — Мы все летим на Эскобар! Ах, Лилли, до чего тебе там понравится!

— Вы останетесь одной группой? — спросил Майлз.

— Сначала, наверное, да. Пока остальные немного не привыкнут. Лилли отпустит нас, когда будет умирать. Наверное, барон Фелл это предвидел. В конечном счете у него окажется меньше конкурентов. Полагаю, он уже завтра заберет главных специалистов дома Риоваль и поселит их сюда.

Майлз прошелся по комнате и заметил на подлокотнике кушетки знакомый пульт дистанционного управления.

— А! Так это ты управляла термогранатой! Мне следовало бы знать. Так что ты все слышала. А я не был уверен, что Марк не блефует.

— Марк не блефовал, — уверенно ответила Вербена.

— Ты присутствовала при его появлении?

— Да. Я добралась сюда незадолго до рассвета. Он вывалился из флайера в совершенно нелепом костюме и потребовал, чтобы его провели к Лилли.

Майлз только поднял брови:

— И что сказали охранники на воротах?

— Они сказали: «Да, сэр». У него был такой вид… Не знаю, как его описать. Но только… я могла бы представить, как в темном переулке с его пути будут убегать верзилы-грабители. Твой клон — страшный молодой человек.

Майлз только моргнул.

— Лилли и Астра отвезли его в клинику на антигравитационной платформе, и потом я его уже не видела. И тут посыпались приказы. — Она помолчала. — Так. И ты теперь вернешься к дендарийским наемникам?

— Да. Наверное, понадобится немного подлечиться и отдохнуть.

— Не… выйдешь на покой? После такого близкого столкновения со смертью.

— Если честно, вид оружия внушает мне новые неприятные ощущения, но… Надеюсь, что я еще долго не расстанусь с дендарийскими наемниками. Э-э… эти мои конвульсии. Они пройдут?

— Должны бы. Криовосстановление всегда идет без гарантий. Значит… ты не представляешь себе жизни на покое. Например, на Эскобаре.

— Мы время от времени бываем на Эскобаре для ремонта кораблей. И личного состава. Это

крупный галактический центр. Возможно, мы еще встретимся.

— Надеюсь, не так, как в первый раз, — улыбнулась Вербена.

— Позволь тебя заверить, что, если мне еще раз понадобится криовосстановление, я распоряжусь, чтобы отыскали тебя. — Он замялся. «Мне нужна миледи Форкосиган, чтобы прекратить все эти скитания…» Сможет ли Вербена стать ею? Тридцать пять свояченицы — не слишком серьезный недостаток, если они будут далеко, на Эскобаре. — А какого ты была бы мнения о Барраяре с точки зрения того, чтобы там жить и работать? — осторожно поинтересовался он.

Вербена наморщила носик:

— В этой дыре? С чего вдруг?

— У меня там… интересы. По правде говоря, именно там я собираюсь жить, когда уйду на покой. На самом деле это очень красивая планета. И малонаселенная. Они поощряют… э-э… деторождение. — Еще чуть-чуть — и он откроет тайну своей личности, ради сохранения которой шел на такой риск. — И там масса работы для хирурга, получившего галактическую подготовку.

— Надо думать. Но я всю жизнь была рабыней. Зачем мне становиться подданной, когда можно

быть гражданкой? — Вербена грустно улыбнулась, подошла к нему и обхватила руками за плечи. — Те пять дней, когда мы были заперты у Васа Луиджи… это ведь не результат плена, да? Ты всегда такой, когда здоров?

— Более или менее, — признал он.

— Никогда не знала, кем работают выросшие гиперактивные дети. Командование несколькими тысячами солдат, наверное, как раз поглощает твою энергию, правда?

— Да, — вздохнул он.

— Наверное, я всегда буду тебя любить — немного. Но если бы я жила с тобой постоянно, я с ума бы сошла. По-моему, более властного человека я в жизни своей не встречала.

— Предполагается, что ты не будешь мне поддаваться, — объяснил он. — Я рассчитываю на то, что… — Он не мог сказать «Элли» или, еще хуже, «мои женщины». — Мой партнер не будет мне поддаваться. Иначе я не мог бы вести себя естественно и быть самим собой.

Так. Значит, слишком тесный контакт действительно разрушил их любовь, или по крайней мере ее заблуждения. Ему все больше начинала нравиться барраярская традиция сватовства с помощью посредников. Может, гораздо надежнее

сначала жениться, а потом уже знакомиться. К тому времени, как жена его раскусит, ходу назад уже не будет. Он вздохнул, улыбнулся и отвесил Вербене преувеличенно любезный поклон.

— Буду счастлив навестить вас на Эскобаре, миледи.

— Это было бы просто чудесно, сударь, — подыграла она на полном серьезе.

Ах! Черт побери, она могла бы стать леди Форкосиган, она себя недооценивает… Лилли-младшая, которая зачарованно наблюдала за ними с кушетки, кашлянула. Взглянув на нее, Майлз вспомнил ее рассказ о пребывании у дендарийцев.

— А Марк знает, что ты тут, Лилли? — спросил он.

— Не знаю. Я была с Вербеной.

— Когда Марк видел тебя в последний раз, ты улетала обратно с Васа Луиджи. По-моему… ему было бы приятно узнать, что ты передумала.

— Он пытался уговорить меня остаться на корабле. Он говорит не так хорошо, как ты, — призналась Лилли.

— Он купил вам право улететь отсюда. — И Майлзу не хотелось думать, какой монетой Марк за это заплатил. — Я просто тащился следом. Пошли. Скажи хотя бы «привет, пока и спасибо».

Это тебе ничего не будет стоить, но, подозреваю, будет иметь для него кое-какое значение.

Лилли неохотно встала и позволила ему утащить ее за собой. Вербена, одобрительно кивнув, снова принялась поспешно укладывать вещи.

Глава 30

— Вы их нашли? — спросил лорд Марк.

— Да, — с трудом выговорила Ботари-Джезек.

— И уничтожили?

— Да.

Марк покраснел и откинул голову на спинку кресла.

— Вы их просмотрели. — Он вздохнул. — Я же сказал, чтобы вы этого не делали.

— Мне надо было убедиться, что это именно они.

— Нет, не надо было. Можно было просто уничтожить все.

— В конце концов я так и сделала. Я начала смотреть. Потом отключила звук. Потом пустила их на повышенной скорости. Потом стала просто проверять время от времени.

— Очень жаль, что вы меня не послушали.

— Мне тоже очень жаль. Марк, этих записей были сотни часов! Я не могла поверить, что их так много.

— На самом деле около пятидесяти часов. Или, может, пятидесяти лет. Но проводилось одно-

временно несколько записей. Я всегда краем глаза видел записывающую камеру, что бы ни происходило. Не знаю, зачем Риоваль их делал: изучать и анализировать или просто наслаждаться. Наверное, того и другого понемногу. Его проницательность просто ужасала.

— Я… не поняла кое-что из того, что видела.

— Хотите, чтобы я вам объяснил?

— Нет.

— Ну и хорошо.

— Могу понять, почему вы захотели, чтобы они были уничтожены. Попади записи в плохие руки… они стали бы страшным рычагом для шантажа. Если хотите, чтобы я поклялась молчать, я готова.

— Дело не в этом. Я ничего не намерен держать в тайне. Никто никогда больше не получит надо мной такой власти. Не будет дергать меня за скрытые веревочки. В общих чертах можете рассказывать хоть всей галактике — мне наплевать. Но… если бы СБ получила эти материалы, они в конце концов попали бы в руки Иллиану. А он не смог бы утаить их от графа — и от графини тоже, хотя, не сомневаюсь, попробовал бы. Или в конце концов от Майлза. Можете себе представить, как граф, графиня или Майлз смотрят это дерьмо?

Элен сквозь зубы втянула воздух:

— Начинаю понимать.

— Подумайте над этим. Я подумал.

— Лейтенант Айверсон разбушевался, когда, сломав дверь, увидел оплавленные упаковки. Он будет жаловаться начальству.

— Пусть жалуется. Если СБ готова начать жаловаться на меня и моих людей, то и я на них начну жаловаться. Например, где они, к дьяволу, были последние пять дней? Мне не будет ни стыдно, ни неловко напомнить об этом кому угодно, начиная с самого Иллиана. Пусть только попробуют встать у меня на пути… — враждебно пробормотал он.

Лицо у нее было зеленовато-бледным.

— Мне… очень жаль, Марк.

Элен неуверенно прикоснулась к его руке. Он схватил ее за запястье и сильно сжал. У Элен раздулись ноздри, но она не дрогнула. Он сел прямее, вернее, попытался:

— Не смей меня жалеть! Я победил! Прибереги свою жалость для барона Риоваля, если уж тебе надо кого-то жалеть. Я его поймал. Обманул. Победил в его собственной игре, на его собственном поле. Я не позволю превратить мою победу в поражение ради твоих чертовых… эмоций. — Марк отпустил ее руку. Она потерла кисть, не спуская

с него пристального взгляда. — Вот и все. Я могу отбросить Риоваля, если мне не будут мешать. Но если окружающие будут знать слишком много — если бы они увидели те проклятые записи, — они никогда не могли бы об этом забыть. Их чувство вины возвращало бы их к этому снова и снова, и они возвращали бы к этому меня. Я не хочу сражаться с Ри Риовалем у себя в голове — или у них в голове — всю оставшуюся жизнь. Он умер, а я нет — и довольно. — Помолчав, он хмыкнул: — И признай, это было бы особенно плохо для Майлза.

— О, да, — выдохнула Элен, искренне соглашаясь.

За окном дендарийский катер, пилотируемый сержантом Таурой, поднял первую партию Дюрон на корабль Марка. Он помолчал, глядя ему вслед.

«Да. Вперед, вперед, вперед. Выбираемся из этой дыры: вы, я — все мы, клоны. Навсегда. Идите и станьте людьми, если сможете. Если я смогу».

Элен снова на него посмотрела:

— Они настоят на медицинском осмотре.

— Да, кое-что они увидят. Я не смогу скрыть побои, и, видит Бог, насильственное кормление скрыть просто невозможно. Гадость, правда?

Она кивнула, с трудом сглотнув:

— Я думала, ты… Нет, ладно.

— Правильно. Я говорил, чтобы ты не смотрела. Но чем дольше мне удастся избежать осмотра квалифицированными врачами СБ, тем более неопределенно я смогу говорить обо всем остальном.

— Но ведь тебе надо лечиться.

— Лилли Дюрона прекрасно поработала. И по моей просьбе все зафиксировано только у нее в голове. Я должен бы проскочить.

— Не старайся совсем увильнуть от лечения, — посоветовала Элен. — Графиня это заметит, даже если ты проведешь остальных. И я не думаю, чтобы не нужно… что-то еще. Не физически.

— А, Элен. Уж если я что и узнал за эту неделю, так это насколько у меня действительно не все дома, там, в голове. Самое страшное, с чем я столкнулся в подвале Риоваля, это чудовище в зеркале, в психологическом зеркале Риоваля. Мое ручное чудовище о четырех головах. Очевидно, пострашнее даже самого Риоваля. Сильнее. Быстрее. Хитрее. — Марк прикусил язык, почувствовав, что слишком много говорит. Он не думал, что идет к безумию. Он подозревал, что кружным путем идет к норме. Трудным путем. — Я знаю, что делаю. Где-то я очень хорошо знаю, что делаю.

— На записях казалось, будто ты обманываешь Риоваля, делая вид, что у тебя расщепилась личность. Говорил сам с собой?..

— Я никогда не смог бы обмануть Риоваля, делая вид. Он занимался этим много десятилетий, копался на дне человеческого сознания. Но моя личность не расщепилась. Скорее… вывернулась. — Нельзя назвать расщепленным то, что ощущается таким гармонично единым. — Я не решил что-то сделать. Я просто что-то сделал.

Элен смотрела на него со страшным беспокойством. Он не сдержал смеха. Но его веселье, похоже, отнюдь ее не успокоило.

— Ты должна понять, — сказал Марк, — что иногда безумие — это не трагедия. Иногда это стратегия выживания. Иногда… это триумф. — Он замялся. — Ты знаешь, что такое «черная команда»?

Она молча помотала головой.

— Я видел это в одном из музеев Лондона. Давным-давно, в девятнадцатом и двадцатом веках, на Земле были корабли, которые плавали по поверхности океанов. У них были паровые двигатели. Жар паровые двигатели получали от громадных угольных топок в брюхе корабля. И там были такие дураки, которые бросали уголь

в топки. Внизу, в грязи, духоте, вони и копоти. От угля они чернели, и их прозвали «черная команда». И офицеры, и прекрасные дамы на палубе не желали иметь ничего общего с этими несчастными грубиянами. Но без них не было движения. Не было огня. Не было жизни. Не было пара. Черная команда. Безымянные герои. Уродливые простаки.

Теперь она точно решит, что он бредит. Тот гимн, который он хочет спеть своей черной команде, наверное, сейчас неуместен.

«Да, и никто меня не любит, — жалобно прошептал Обжора. — Ты уж привыкай».

— Замнем. — Он улыбнулся. — Но, скажу я тебе, Гален после Риоваля просто букашка. А Риоваля я победил. Как это ни странно, я сейчас чувствую себя освобожденным. И собираюсь таким оставаться.

— Ты мне кажешься… извини… немного маниакальным, Марк. В Майлзе это казалось бы нормой. Ну, не необычным. Рано или поздно он переходит через пик и скатывается вниз. Наверное, тебе следует проследить за такой картиной — возможно, она у вас с Майлзом общая.

— Словно расположение духа крутят на веревочке?

Она невольно отрывисто рассмеялась:

— Да.

— Я буду опасаться перигея.

— Гм, да. Хотя на апогее все окружающие должны прятаться и разбегаться.

— Я к тому же сейчас принял много всяких болеутоляющих. Иначе я не продержался бы последние несколько часов. Боюсь, их действие проходит.

Прекрасно. Это объясняет его путаную речь — и к тому же истинная правда.

— Мне привести Лилли Дюрону?

— Нет. Я просто буду сидеть тут. Не шевелясь.

— Наверное, это хорошая мысль.

Элен встала и взяла свой шлем.

— Но я знаю, кем хочу стать, когда вырасту, — неожиданно сообщил Марк. Она остановилась, подняв брови. — Я хочу стать аналитиком Службы безопасности. Гражданским. Чтобы не посылать людей не туда, куда надо, или на пять дней позже. Или неподготовленными. Я хочу целыми днями сидеть в комнатушке внутри крепости и все делать правильно.

Он думал, Элен засмеется. Но, к его изумлению, она совершенно серьезно кивнула:

— Как служащая СБ, я была бы в восторге.

Она небрежно козырнула ему и отвернулась. Марк пытался разгадать выражение ее глаз. Это была не любовь. И не страх.

«О! Так вот как выглядит уважение. Я мог бы к нему пристраститься».

Как Марк и сказал Элен, какое-то время он просто сидел, глядя в окно. Но рано или поздно придется шевелиться. Может, он воспользуется сломанной ногой как предлогом попросить о летающем кресле. Лилли пообещала, что ее стимулянты дадут ему шесть часов сознания, а потом придут нейрорэкетиры и потребуют платить по счетам. Он только хотел бы продержаться, пока не окажется на катере Службы безопасности.

«Ох, братишка. Увези меня домой».

В лифтовой шахте послышались голоса. Появился Майлз, тащивший за собой какую-то Дюрону. Он был худ, как скелет, и казался мертвенно-бледным в дюроновском трикотажном костюме. Можно подумать, их физическое состояние представляет собой единое целое. Если бы он мог каким-то волшебством передать Майлзу те килограммы, которые ему навязал за последнюю неделю Риоваль, оба выглядели бы гораздо лучше. Но если он и дальше будет толстеть, то не истает ли Майлз полностью? Пугающая картина.

«Это просто лекарства, парень, лекарства».

— А, хорошо, — проговорил Майлз. — Элен сказала, что ты еще здесь. — С видом фокусника, успешно выполнившего особенно сложный трюк, он заставил женщину сделать шаг вперед. — Узнаешь?

— Это — Дюрона, Майлз, — отозвался Марк мягко, но устало. — Они будут мне сниться по ночам. — Он помолчал. — Это был вопрос с зацепкой? — И тут же выпрямился в кресле, пораженный узнаванием. Клонов все-таки можно различить. — Это она!

— Вот именно, — радостно улыбнулся Майлз. — Мы тайком утащили ее у бхарапутрян. Она летит на Эскобар с сестрами.

— А! — Марк снова откинулся на спинку кресла. — А! О! Прекрасно. — Он неуверенно потер лоб. «Забирай свое очко, Васа Луиджи!» — А я не думал, что тебя интересует освобождение клонов, Майлз.

Майлз поежился:

— Ты меня заразил.

А! Он не хотел упоминать о Риовале. Ясно: Майлз притащил сюда эту девочку, пытаясь немного ободрить Марка. И может, сам Майлз не осознал, но Марк это видел ясно: тут присутствовал и

элемент соперничества. Впервые в жизни Майлз ощутил за спиной горячее дыхание брата-конкурента.

«Тебе неловко? Ха! Привыкай, братик. Я с этим жил двадцать два года».

Майлз говорил о Марке «мой брат» точно тем же тоном, каким сказал бы «мои ботинки» или, например, «моя лошадь». Или — ну, не будем несправедливы — «мой ребенок». С неким самодовольством собственника. Майлз не ожидал встретить равного. И Марк вдруг понял, что у него появилось чудесное новое хобби, которое займет его на много лет.

«Господи, ну и удовольствие — быть твоим братом».

— Да, — благодушно заметил Марк, — ты тоже можешь. Я так и знал, что, если ты постараешься, у тебя получится. — Он рассмеялся, но, к его ужасу, смех перешел в рыдание. Пришлось проглотить и то, и другое. Сейчас он не должен смеяться. Он слишком плохо владеет собой. — Я очень рад, — произнес он как можно нейтральнее.

Майлз, от которого не укрылась вся эта сцена, кивнул и столь же нейтрально сказал:

— Хорошо.

«Спасибо тебе, братишка».

Майлзу прекрасно известно, что значит балансировать на самом краю.

Оба посмотрели на юную Дюрону. Она неловко шевельнулась, придавленная весом такого двойного ожидания. Встряхнув волосами, она постаралась подыскать подходящие слова.

— Когда я тебя в первый раз увидела, — сказала она Марку, — ты мне не очень-то понравился.

«Когда ты меня в первый раз увидела, я сам себе тоже не очень нравился».

— Да? — подбодрил Марк.

— Я все равно считаю, что у тебя странный вид. Даже более странный, чем у другого. — Она кивнула на Майлза, который невозмутимо ей улыбнулся. — Но… но…

Слов она явно не нашла и робко, словно дикая птичка, впервые прилетевшая к кормушке, подошла поближе, наклонилась и поцеловала его в распухшую щеку. И, как птичка, упорхнула.

— Гм-м… — сказал Майлз, глядя, как она исчезает в лифтовой шахте. — Я рассчитывал на более восторженное проявление благодарности.

— Привыкнешь, — добродушно отозвался Марк. Он прикоснулся к своей щеке и улыбнулся.

— Если ты считаешь, что это неблагодарность, попробуй поговорить со Службой безопасно-

сти, — мрачно посоветовал Майлз. — Сколько оборудования вы потеряли?!

Марк только приподнял бровь:

— Цитируешь Иллиана?

— А ты с ним встречался?

— О, да.

— Жаль, меня при этом не было.

— И мне тоже жаль, что тебя при этом не было, — вполне искренне подтвердил Марк. — Он был… язвительный.

— Еще бы. У него это получается чуть ли не лучше всех, если не считать моей матери, когда она выходит из себя, что, благодарение Господу, случается нечасто.

— Тебе бы посмотреть тогда, как она его уничтожила, — сказал Марк. — Борьба титанов. Думаю, ты получил бы удовольствие. Я получил.

— О? Похоже, нам надо о многом поговорить…

И Марк впервые понял, что это действительно так. У него поднялось настроение. К несчастью, по лифтовой шахте поднялся кто-то еще. Человек в зеленой ливрее дома Фелл заглянул через хромированные перила, увидел его и неуверенно козырнул.

— У меня послание к человеку по имени Марк, — объявил он.

— Марк — это я.

Курьер подошел к нему, сканировал лицо, открыл плоский чемоданчик, прикрепленный к запястью, и вручил ненадписанный конверт.

— Барон Фелл вас приветствует, сэр, и надеется, что это ускорит ваш отлет.

Кредитная карточка. Ага! И с нею весьма толстый намек.

— Я приветствую барона Фелла и… и… Что мы хотим сказать барону Феллу, Майлз?

— Я, наверное, ограничился бы просто «спасибо», — посоветовал Майлз. — По крайней мере пока мы не окажемся далеко-далеко отсюда.

— Передайте ему спасибо, — сказал Марк курьеру, который кивнул и удалился тем же путем, каким пришел. Марк взглянул на комм-пульт Лилли в углу комнаты. Ужасно далеко. Он ткнул пальцем. — Ты не мог бы… э-э… подать мне дистанционный считыватель от того комма, Майлз?

— Конечно.

— Предсказываю, — сказал Марк, помахивая кредитной карточкой, — что меня серьезно надуют, но не настолько сильно, чтобы я рискнул возвратиться к Феллу и начать с ним ругаться. — Он вставил карточку в отверстие считывателя и

улыбнулся. — Точно!

— Сколько? — поинтересовался Майлз, вытягивая шею.

— Ну, это довольно нескромный вопрос, — отозвался Марк.

Майлз виновато втянул голову в плечи.

— Давай меняться. Ты спал со своей Дюроной-врачом?

Майлз закусил губу: в нем явно боролись джентльменство и любопытство. Марк с интересом ждал, что победит. Он ставил на любопытство. Майлз сделал глубокий вдох и наконец сказал:

— Да.

«Так я и думал». Марк решил, что их удача делится пополам: Майлзу — везение, а ему — все остальное. Но не на этот раз.

— Два миллиона.

Майлз присвистнул:

— Два миллиона имперских марок? Внушительно!

— Нет-нет. Два миллиона бетанских долларов. Сколько это будет? Около восьми миллионов марок, кажется? Или ближе к десяти… Наверное, зависит от обменного курса. В общем, совсем не десятая часть стоимости дома Риоваль. Ближе к двум процентам, — вслух подсчитывал Марк. И

получил редкое удовольствие увидеть, как Майлз Форкосиган лишился дара речи.

— И что ты собираешься делать с такими деньгами? — прошептал Майлз примерно через минуту.

— Инвестировать, — яростно ответил Марк. — Ведь у Барраяра быстро развивается экономика, правда? — Он помолчал. — Но, наверное, сначала я кину миллион Службе безопасности за их услуги в течение последних четырех месяцев.

— Но Службе безопасности никто денег не дает!

— А почему? Посмотри, к примеру, на свои операции. Разве деятельность наемников не должна приносить прибыль? Дендарийский флот мог бы стать для СБ настоящей дойной коровой, если управлять им как следует.

— Их прибыль заключается в политических последствиях, — твердо ответил Майлз. — Хотя… если ты действительно собираешься это сделать, я бы хотел при этом присутствовать. Посмотреть, какой вид будет у Иллиана.

— Если будешь паинькой, разрешу пойти со мной. Да, я действительно это сделаю. Есть долги, которые я не в состоянии оплатить. — Он вспомнил о Филиппи и остальных. — За это я собираюсь

расплатиться по остальным счетам. Но можешь не сомневаться, остальные деньги я оставлю себе. Лет за шесть я их удвою, так что получу то, с чего начал. Или даже больше. Если я правильно понимаю эту игру, то легче превратить миллион в два, чем одну марку в две. Я изучу этот вопрос.

Майлз зачарованно смотрел на него:

— Не сомневаюсь.

— Ты хоть представляешь себе, с какой безнадежностью я начинал этот налет? И с каким страхом? Я намерен приобрести ценность, которую больше никто никогда не сможет игнорировать — пусть даже она будет иметь чисто денежное выражение. Деньги — это такая власть, которую может иметь почти что любой. Не нужно даже, чтобы твоя фамилия начиналась с «Фор». — Он чуть улыбнулся. — Может, через какое-то время заведу себе квартирку. Как Айвен. В конце концов было бы странно, если бы я продолжал жить с родителями в возрасте, скажем, двадцати восьми лет.

И, наверное, на сегодня дразнить Майлза хватит. Майлз доказал, что готов отдать жизнь за своего брата, но у него есть заметная тенденция превращать окружающих в продолжение собственной личности.

«Я тебе не придаток, а брат».

Да. Марк был в достаточной степени уверен, что теперь оба об этом не забудут. Он ссутулился в кресле, смертельно усталый, но счастливый.

— Знаешь, — проговорил Майлз, все еще не придя в себя от изумления, — ты — первый Форкосиган за пять поколений, которому удалось получить прибыль в деловой операции. Добро пожаловать в семейство.

Марк кивнул. Некоторое время оба молчали.

— Это не решение вопроса, — вздохнул Марк, кивком указывая на клинику Дюроны и вместе с тем — на весь Архипелаг Джексона, — такое спасение клонов кусочками. Даже если бы я взорвал все комплексы Васа Луиджи, кто-то другой продолжил бы дело дома Бхарапутра.

— Да, — согласился Майлз. — Настоящий ответ должен быть медико-техническим. Кто-то должен найти более надежный и безболезненный способ продления жизни. И я уверен, что кто-то это сделает. Наверняка над этим работает множество людей во множестве мест. Пересадка мозга — слишком рискованный способ, чтобы выдержать конкуренцию. Ей должен прийти конец — и достаточно скоро.

— У меня… нет способностей в медико-техниче-

ской области, — сказал Марк. — А тем временем убийства продолжаются. Мне надо будет еще раз попытаться решить эту проблему. Как-нибудь.

— Не сегодня, — решительно заявил Майлз.

— Да. — В окно Марк увидел, как на площадку перед клиникой опускается катер. Для дендарийцев слишком рано. Он кивнул: — Это случайно не за нами?

— Наверное. — Майлз подошел к окну и посмотрел на улицу. — Да.

А потом больше не было времени. Пока Майлз ходил проверять катер, Марк призвал с полдюжины Дюрон, чтобы те вытащили его негнущееся, скрючившееся, наполовину парализованное тело из кресла Лилли и уложили на антигравитационную платформу. Нераспрямляющиеся пальцы неудержимо дрожали, так что Лилли, поджав губы, сделала ему еще одну инъекцию. Марка вполне устраивала возможность передвигаться в горизонтальном положении. Сломанная нога давала общественно приемлемый повод не ходить. Вид у него с поднятой на подушки ногой в пластповязке был убедительно больной, так что можно без труда убедить членов экипажа корабля СБ уложить его прямо в постель.

Впервые в жизни Марк возвращался домой.

Глава 31

У входа в библиотеку резиденции Форкосиганов Майлз смотрелся в старинное зеркало — то, которое принесла в приданое мать графа Петера. Раму богато украсил резьбой какой-то служитель дома Форратьеров. Майлз был один. Подойдя поближе, он с беспокойством всмотрелся в свое отражение.

Алый китель дворцового мундира и раньше слишком подчеркивал его бледность. Расшитый золотом высокий воротник был, увы, недостаточно высок, чтобы скрыть два красных шрама на шее. Со временем шрамы побледнеют и станут менее заметны, но пока… Интересно, как лучше объяснить их появление?

«Получил на дуэли. Которую проиграл». Или, может, «укусила любовница?». Это уже ближе к истине. Майлз провел по рубцам кончиком пальца, поворачивая голову то так, то этак.

Ну, все знают, что у него проблемы со здоровьем, а шрамы такие аккуратные. Их запросто можно принять за хирургические. Может, никто ничего и не спросит. Он отошел подальше,

чтобы осмотреть себя. Несмотря на героические попытки матери заставить его есть побольше, мундир по-прежнему на нем висел. Графиня даже обратилась за помощью к Марку. Марк, ухмыльнувшись, принялся безжалостно дразнить Майлза. И, сказать по правде, его тактика принесла успех. Майлз действительно чувствовал себя лучше. Окреп.

Бал в честь Зимнепраздника был несколько менее официальным, не связанным ни с военными, ни с правительственными обязанностями, так что двойные мундирные клинки можно оставить дома. Айвен свои, конечно, нацепит, но на то он и Айвен. А при росте Майлза шпага просто-напросто волочится по земле. Не говоря уже о том, что о нее вечно спотыкаешься или ударяешь ею во время танцев партнершу по лодыжкам.

Под аркой раздались шаги. Майлз быстро присел на подлокотник кресла, делая вид, что это не он только что занимался самолюбованием.

— А, вот и ты. — Марк задержался у зеркала и повернулся, проверяя, как сидит костюм. Костюм сидел превосходно. Марк узнал имя императорского портного — тайну, которую хранила Служба безопасности, — просто позвонив Грегору и спросив его. Пиджак и брюки прямого покроя

были вызывающе гражданскими, но Марк выглядел в этом наряде удивительно подтянутым. Цвета отдавали дань традиции Зимнепраздника: зеленый, настолько темный, что казался почти черным, с красной отделкой — настолько темной, что казалась почти черной. Эффект одновременно праздничный и мрачный: такая маленькая добродушная бомба.

Майлз вспомнил кошмарный момент во флайере Вербены, когда он на время уверился, что он — Марк. Как страшно оказаться Марком — совсем одиноким. Майлз вздрогнул.

«Неужели он так все время себя чувствует? Ну теперь, пожалуй, нет».

— Выглядит недурно, — заметил Майлз.

— Угу, — ухмыльнулся Марк. — Ты тоже весьма недурен. Меньше походишь на труп.

— И ты постепенно приходишь в норму. Медленно.

Большинство пугающих уродств — отражение тех ужасов, через которые Марк прошел у Риоваля и о которых он упорно отказывался говорить — исчезло.

— Какой вес ты в конце концов изберешь? — поинтересовался Майлз.

— Такой, как сейчас. Стал бы я иначе вклады-

вать целое состояние в одежду?

— Э-э… и тебе удобно?

Марк сверкнул глазами.

— Да, спасибо. И мысль о том, что даже одноглазый снайпер на расстоянии двух километров в грозу ночью не сможет нас с тобой перепутать, меня очень успокаивает.

— А. Да. Наверное, в этом что-то есть.

— Упражняйся, — сердечно посоветовал Марк. — Тебе это полезно.

Сам Марк уселся, положив ноги на удобный столик.

— Марк? — позвала графиня. — Майлз?

— Мы здесь, — крикнул Майлз.

— А, — сказала она, стремительно входя, — вот и вы. — И улыбнулась им с материнским торжеством.

Вид у Корделии был ужасно довольный. Майлзу вдруг стало так тепло, словно наконец отошли остатки криозаморозки. На графине было новое платье: зеленое с серебром, с защипами, рюшами и шлейфом. Но даже в таком наряде она не казалась чопорной. Глаза ее сверкали ярче серебряного шитья.

— Отец уже ждет нас? — спросил Майлз.

— Сейчас спустится. Я настаиваю, чтобы мы

уехали ровно в полночь. Вы с Марком, конечно, можете задержаться. Я не сомневаюсь, что он переутомится, пытаясь доказать этим старым шакалам, что его рано списывать со счетов. Привычка. Постарайся привлечь его внимание к Округу, Майлз. Бедный премьер-министр Ракоци с ума сойдет, если Эйрел будет все время стоять у него над душой. Надо нам после Зимнепраздника переехать в Хассадар.

Майлз, который прекрасно знал, что такое восстановление после пересадки сердца, успокоил ее:

— Думаю, тебе удастся его убедить.

— Пожалуйста, помоги. Я знаю, что тебя он не проведет. И он это знает. Кстати, как ты думаешь, чего мне ожидать сегодня?

— Он потанцует два танца: один, чтобы доказать, что может, а второй, чтобы доказать, что первый не случайность. А потом тебе будет очень легко уговорить его сесть, — уверенно сказал Майлз. — Играй роль клуши, и он притворится, будто сел, чтобы успокоить тебя, а не потому, что вот-вот упадет. Поездка в Хассадар кажется мне очень удачным планом.

— Да. На Барраяре пока плохо знают, что делать с сильными личностями, вышедшими в

отставку. Традиционно им хватает порядочности умереть, а не задерживаться и комментировать деятельность своих преемников. Эйрел тут чуть ли не первый. Хотя у Грегора появилась просто чудовищная мысль.

— Да?

— Он говорит что-то невнятное о вице-королевстве на Зергияре, когда Эйрел окончательно поправится. Нынешний вице-король слезно просится домой. Не могу представить себе работу более неблагодарную, чем правитель колонии. Честного человека могут стереть в порошок: сверху давит правительство, снизу — колонисты. Если ты придумаешь, как убедить Грегора отказаться от этой затеи, я буду очень рада.

— Ну, не знаю, — задумчиво протянул Майлз. — Это ж прекрасное хобби для отставного политика. Играть с целой планетой. Зергияр. Разве это не ты ее открыла, когда была в Бетанской астроэкспедиции?

— Конечно. Если бы нас не опередили барраярские военные, Зергияр был бы сейчас бетанской колонией и управлялся бы гораздо лучше, можешь мне поверить. Надо, чтобы кто-то этим занялся. Одни только экологические проблемы настоятельно требуют разумного подхода. Возь-

ми, к примеру, то нашествие червей. Немного бетанского благоразумия, и… Да. Но, кажется, они с этим в конце концов справились.

Майлз с Марком переглянулись. Телепатической связи между ними не было, но им одновременно пришла в голову мысль, что Эйрел Форкосиган не единственный стареющий, но полный энергии политик, которого Грегор был бы рад выдворить из столицы.

Марк нахмурил брови:

— И когда это может произойти, сударыня?

— О, не раньше, чем через год.

Марк заметно просветлел.

Телохранитель Пим просунул голову в арку.

— Готовы, миледи, — доложил он.

Они вышли в вымощенный черными и белыми плитками холл. Граф уже ждал, стоя у лестницы. За время болезни Форкосиган тоже похудел, но от этого выглядел только более подтянутым. В красно-синем мундире со шпагой он держался естественно непринужденно. Через три часа скиснет, подумал Майлз, но к тому времени успеет произвести на окружающих достойное впечатление. Особенно если учесть, что это его первый выход в свет. Цвет лица у Эйрела был превосходный, глаза смотрели все так же про-

ницательно. Но в волосах появилось слишком много седины. А так, глядя на графа, можно было подумать, что он собирается жить вечно.

Только вот Майлз больше так не думал. Задним числом болезнь отца здорово его испугала. Что отец рано или поздно умрет, возможно, раньше, чем он, — это в порядке вещей, но что Майлза может не оказаться рядом — это куда страшнее.

Поскольку оба были в мундирах, сын-лейтенант отдал честь папе-адмиралу с обычной легкой иронией, которая окрашивала их военные приветствия. Майлзу гораздо больше хотелось бы обнять отца, но это будет странно выглядеть.

«К черту, пусть выглядит как угодно». И Майлз все-таки обнял отца.

— Эй, парень, эй, — проговорил удивленный, но растроганный граф. — Все не так уж и плохо, правда. — Он обнял Майлза. А потом отступил на шаг, глядя на жену и — теперь уже двух — сыновей. Самодовольно улыбаясь, граф простер руки, словно обнимая их всех, мимолетно и почти смущенно. — Ну, так Форкосиганы готовы брать штурмом бал в честь Зимнепраздника? Милая капитан, предсказываю, что тебе начнут сдаваться в плен толпами. Как нога, Марк?

Марк выставил вперед правый ботинок и по-

крутил носком.

— Может быть отдавлена любой фор-девицей весом до ста кило, сэр. Там внутри стальная прокладка, — вполголоса признался он Майлзу. — Рисковать не собираюсь.

Графиня взяла мужа под руку:

— Веди нас, милый. Форкосиганы Победительные.

«Форкосиганы Выздоравливающие было бы точнее», — подумал Майлз, идя следом за ними.

Майлз не слишком удивился, когда первым, кого встретили Форкосиганы, войдя в императорский дворец, оказался Саймон Иллиан. Иллиан был одет как всегда в таких случаях: парадный мундир, а под мундиром — множество коммов.

— А, он сегодня тут, — пробормотал граф, увидев шефа Служба безопасности на другой стороне вестибюля. — Значит, крупных заварух нигде нет. Прекрасно.

Они отдали засыпанные снегом накидки дворцовой прислуге. Майлз дрожал. Последнее приключение испортило ему все расписание. Обычно ему всегда удавалось найти какое-нибудь задание, чтобы улететь из столицы зимой. Иллиан кивнул и подошел к ним.

— Добрый вечер, Саймон, — поздоровался

граф.

— Добрый вечер, сэр. Пока все тихо и спокойно.

— Очень мило. — Граф сдержанно улыбнулся, приподнимая бровь. — Уверен, что премьер-министр Ракоци будет рад это слышать.

Иллиан открыл рот — и снова закрыл.

— Привычка, — смущенно пробормотал он, глядя на графа почти обиженно. Словно он мог общаться со своим командующим только по делу, а адмирал граф Форкосиган больше докладов не принимает. — Это так странно, — признался он.

— Привыкнешь, Саймон, — заверила его графиня.

Она решительно увела мужа от Иллиана. Граф махнул ему рукой, словно присоединяясь к словам графини. Тогда Иллиан перевел взгляд на Майлза с Марком и хмыкнул что-то невнятное, как человек, который только что убедился в том, что ему подсунули старую клячу.

Майлз выпрямился. Медики СБ разрешили ему через два месяца вернуться к исполнению служебных обязанностей, но после прохождения комиссии. Он не стал посвящать врачей в свои проблемы, связанные с конвульсиями. Может, первый приступ был результатом его своеоб-

разной реакции на суперпентотал. Конечно! А второй и третий — последствия приема каких-то медикаментов. А с тех пор приступы вообще не повторялись. Майлз нерешительно улыбнулся, пытаясь казаться пышущим здоровьем. Но Иллиан, глядя на него, только покачал головой.

— Добрый вечер, сэр, — поздоровался с Иллианом Марк. — Служба безопасности успела доставить мой подарок клонам к Зимнепраздднику?

Иллиан кивнул:

— Пятьсот марок каждому, в отдельном конверте и вовремя. Да, милорд.

— Прекрасно.

Марк улыбнулся своей характерной улыбкой, которая заставляла окружающих ломать голову, о чем же он думает на самом деле. Клоны были предлогом, под которым Марк, как и обещал, вручил Иллиану миллион бетанских марок. Эти деньги положили на специальный счет для обеспечения клонов, и среди прочего именно на них оплачивалась закрытая школа. Иллиан был настолько поражен, что на минуту превратился в настоящего робота — Майлз смотрел на него как зачарованный. К тому моменту, как клоны закончат обучение, от этого миллиона практи-

чески ничего не останется, прикинул Марк. Но подарки к Зимнепразднику были от него лично и оплачивались отдельно.

Марк не спросил, как клоны приняли подарок, а просто отошел с вежливым кивком, словно Иллиан был клерком, с которым он только что закончил обсуждать какое-то пустяковое дело. Майлз, козырнув, догнал брата. Марк пытался спрятать довольную ухмылку.

— Все это время, — тихо признался он Майлзу, — я переживал из-за того, что ни разу не получал подарка. И мне даже в голову не приходило переживать из-за того, что я никогда никому ничего не дарил. Знаешь, Зимнепраздник — удивительный день. — Он вздохнул. — Жаль, что я недостаточно хорошо знаю этих клонов, чтобы выбрать подарок каждому. Но так по крайней мере они могут купить то, что хотят. Словно даришь им два подарка вместо одного. Но как вы дарите что-нибудь, например, Грегору?

— Мы обращаемся к традициям. Двести литров кленового сиропа с Дендарийских гор ежегодно поставляются к его столу. Вот и все дела. Но если ты считаешь, что трудно придумать подарок для Грегора, подумай о нашем отце. Это все равно что пытаться выбрать подарок самому Деду Морозу.

— Да. Я уже ломал над этим голову.

— Иногда ответный подарок сделать просто невозможно. Надо просто дарить дальше. Ты… э-э… подписал те кредитные карточки для клонов?

— В некотором роде. Честно говоря, я подписался «Дед Мороз». — Марк откашлялся. — Кажется, в этом смысл Зимнепраздника. Научить… дарить дальше. Дед Мороз — это уже последняя инстанция, правда?

— Наверное.

— Я начинаю это понимать, — решительно кивнул Марк.

Они вместе поднялись в зал приемов и взяли по бокалу. Майлз, улыбнувшись про себя, заметил, что они привлекают к себе немалое внимание — весь цвет форов, собравшийся здесь, исподтишка бросал на них взгляды.

«Ах, Барраяр, ну и удивим же мы тебя!»

«Меня он точно удивил».

Весело иметь такого брата, как Марк. Наконец-то у него появился союзник!.. Интересно, удастся ли Майлзу заставить его полюбить Барраяр так же сильно, как любит он сам? Эта мысль немного испугала его. Лучше не любить Барраяр слишком сильно. Барраяр смертельно опасен, если относиться к нему, как к любовнице. Но… риск всегда

привлекает. И риска хватит на всех, никакого искусственного дефицита.

Но Майлзу надо быть осторожным, а то Марк еще подумает, будто он на него давит. А у Марка аллергия на принуждение, что, конечно, вполне понятно, но зато быть его наставником — дело тонкое.

«Не перестарайся, старший братец. Ты ведь теперь вполне заменим». Он провел ладонью по яркой ткани кителя, с леденящей ясностью понимая, что значит «заменим». Но ведь для учителя поражение, нанесенное учеником, — это высшая победа. «Замечательный парадокс. Как ни поверни, я в выигрыше».

Майлз ухмыльнулся: «Ага, Марк. Догони, если сможешь. Если сможешь».

— О, — Марк кивнул мужчине в винно-красном мундире форского дома, — это, кажется, лорд Форсмит, промышленник?

— Да.

— Я был бы счастлив поговорить с ним. Ты с ним знаком? Можешь меня представить?

— Конечно. Собираешься сделать новые инвестиции?

— Да. Я решил, что их надо разнообразить. Две трети вложений — в барраярскую экономику,

одна — в галактическую.

— Галактическую?!

— Я вкладываю деньги в эскобарскую медицинскую технологию.

— Лилли?

— Угу. Ей нужен начальный капитал. Я буду пассивным компаньоном. — Марк замялся. — Решение ведь будет медицинским. И… хочешь поспорить, что она будет давать доход?

— Не-а. Честно говоря, я вообще не стал бы ставить против тебя.

Марк улыбнулся самой язвительной своей улыбкой:

— Хорошо. Ты тоже учишься.

Майлз подвел брата к Форсмиту и с самым официальным видом представил его. Форсмит был счастлив найти человека, который готов на балу говорить о работе, и выражение неизбывной скуки, застывшее на его лице, мгновенно исчезло при первом же вопросе Марка.

Махнув рукой, Майлз выпустил Марка на свободу. Форсмит вовсю жестикулировал, Марк слушал так внимательно, будто в голове у него жужжало записывающее устройство. Майлз решил им не мешать. Увидев на другой стороне зала Делию Куделка, он направился к ней, чтобы

получить танец попозже и заодно перебежать дорогу Айвену. Если повезет, можно попробовать на ней эту фразочку насчет дуэльных шрамов.

Глава 32

После захватывающе интересного разговора о наиболее быстро развивающихся отраслях барраярской экономики лорда Форсмита затребовала жена. Он весьма неохотно расстался с Марком, пообещав прислать проспекты. Марк осмотрелся в поисках брата. «Граф не единственный Форкосиган, который готов переутомиться, пытаясь доказать присутствующим, что совершенно здоров», — напомнил себе Марк.

Марк поневоле стал поверенным брата в тех вопросах, которые тому не хотелось обсуждать со своими начальниками из Службы безопасности. Они пересматривали материалы, начиная с воинских уставов и кончая пятимерной геометрией. Марк всего один раз позволил себе пошутить, а потом понял, насколько глубокий ужас движет нескончаемыми проверками Майлза. Особенно когда им действительно удавалось отыскать в его памяти очередной провал. Марка сильно беспокоила неуверенность, пожалуй, даже отчаянная робость, появившаяся у старшего брата. Он очень надеялся, что рано или поздно к Майлзу вернется

свойственная ему отвратительная самоуверенность. Опять эта странная взаимодополняемость: Майлзу хочется о чем-то вспомнить, а ему, Марку, хочется забыть. А он не может.

Придется заставить Майлза побольше водить его повсюду. Майлзу нравится выступать в качестве эксперта — это автоматически ставит его в то положение, к которому он так пристрастился. Ага, пусть немного раздует свое в высшей степени объемистое «эго». Теперь-то Марк может ему это позволить. Он подразнит брата когда-нибудь в другой раз, когда тот снова будет в форме. Тогда это будет честно.

В конце концов, забравшись на стул и вытянув шею, Марк разглядел брата: тот как раз выходил из зала в обществе блондинки в синем бархате — Делия Куделка, самая высокая сестра Карин.

«Они здесь. Боже!»

Соскочив со своего постамента, он поспешил на поиски графини.

Отыскать ее удалось в гостиной третьего этажа: графиня беседовала с какими-то женщинами своих лет — видимо, с приятельницами. Заметив явно взволнованного сына, она, извинившись, уединилась с ним в нише коридора.

— У тебя какая-то проблема, Марк? — спросила

графиня, расправляя юбку на низенькой банкетке. Он осторожно присел с краю.

— Не знаю. Куделки приехали. Я еще на Дне рождения императора обещал Карин танец, если успею вернуться. И… попросил ее поговорить с тобой. Обо мне. Она говорила?

— Да.

— Что ты ей сказала?

— Ну, это был длинный разговор… Но главное — я считаю тебя умным молодым человеком, которому пришлось пережить немало неприятностей, но если нам удастся уговорить тебя разумно избавиться от проблем, то я поддержу твое сватовство.

— Бетанская терапия?

— Что-нибудь в этом роде.

— Я думал о бетанской терапии. Немало. Но опасаюсь, как бы записи моего врача не попали в руки аналитиков Службы безопасности. Не хочу, чтобы из меня делали клоуна.

— Наверное, я могла бы это обеспечить.

— Правда? — Он поднял глаза. — Даже если ты сама тоже не увидишь этих записей?

— Да.

— Мне… очень бы этого хотелось, сударыня.

— Считай, что я обещала. Слово Форкосигана.

Графиня — «приемный» Форкосиган, даже в большей степени, чем сам Марк. Но в ее слове он не сомневался.

«Мама, с тобой все кажется возможным».

— Я не знаю, что именно ты рассказала Карин…

— Почти ничего. Ей же всего восемнадцать. Я решила, что более… э… продвинутые вещи подождут. Ей ведь сначала надо закончить учебу, а уж потом думать о долгосрочных отношениях, — напомнила графиня.

— О. Да. — Он даже не знал, что это — облегчение или разочарование. — Ну, это все устарело. Я успел приобрести… новый набор проблем. Гораздо более серьезных.

— Я этого не чувствую, Марк. После возвращения с Архипелага Джексона ты мне кажешься гораздо более спокойным и уравновешенным. Хоть и не рассказываешь, что там происходило.

— Я не жалею о том, что познал себя, сударыня. И даже о том… что я — это я. — «Я и черная команда». — Но я очень жалею… что так далек от Карин. По-моему, я просто чудовище. А в пьесе Калибан не женится на дочери Просперо. Если память мне не изменяет, его там вообще затоптали.

Да, как объяснить, кто такие Обжора, Пыхтун,

Рева и Убийца такой девушке, как Карин? Безнадежно. Лучше и не пытаться.

Графиня улыбнулась:

— Твоя аналогия неверна сразу в нескольких отношениях, Марк. Во-первых я могу гарантировать, что ты не недочеловек, что бы ты сам ни думал. А Карин не сверхчеловек. Хоть ты и настаиваешь на том, чтобы рассматривать ее как награду, а не как личность. Могу также гарантировать, что ты обязательно устроишь себе неприятности другого рода. В качестве условия для моего благословения я высказала предложение, чтобы Карин во время обучения на Колонии Бета прошла дополнительный курс. Немного бетанского образования в сфере интимного, на мой взгляд, будет способствовать тому, чтобы она стала мыслить достаточно широко, и тогда она признает некоторые… гм… сложности, не подавившись. Свободомыслие, какого восемнадцатилетней девушке на Барраяре приобрести негде.

— О! — Такая мысль ему даже в голову не приходила — посмотреть на проблему с точки зрения Карин. Это было… так разумно. — Я… подумывал, не пойти ли мне самому на следующий год учиться в колледж на Колонии Бета. Галактическое

образование будет хорошо смотреться в моем резюме. И тогда мне проще будет получить здесь такую работу, какую… э… хотелось бы.

Графиня озадаченно склонила голову набок:

— Хорошо. Кажется, у тебя есть какие-то далеко идущие планы. Осталось только осуществить их. Одобряю.

— Далеко идущие… Но… сегодня — это сегодня.

— И что ты планируешь делать сегодня, Марк?

— Танцевать с Карин.

— Не вижу никаких сложностей. Танцевать тебе разрешено. Кем бы ты ни был. Это же не пьеса, Марк, и у старого Просперо много дочерей. А у одной, может, даже есть низменная склонность к странноватым типам.

— Насколько низменная?

— О… — Графиня подняла руку примерно на уровень макушки Марка. — По крайней мере настолько. Иди потанцуй с девушкой, Марк. Она считает, что ты интересный. Природа-мать взамен осмотрительности дает молодым людям романтизм. Это уловка — благодаря ей мы растем.

Марк пошел через весь зал к Карин Куделке.

Ему показалось, что еще никогда ничего не требовало от него такой решимости — даже спуск

дендарийского боевого катера на Архипелаг Джексона.

— Лорд Марк! — радостно воскликнула Карин. — Мне сказали, что вы здесь.

«Вы спрашивали?»

— Я пришел, чтобы сдержать слово и получить обещанный танец, миледи.

Ему удалось изобразить форский поклон.

— Прекрасно! Давно пора. Я оставила все танцы отражений и кадрили.

— На прошлой неделе я попросил Майлза обучить меня фигурам менуэта, — с надеждой добавил Марк.

— Великолепно. Ах, музыка начинается!

И Карин вытащила его на середину зала.

На ней было воздушное темно-зеленое платье с красной отделкой, великолепно оттенявшее светлые кудри. «Она что, специально выбрала такие же цвета, как у меня? Нет, скорее совпадение. Хотя… Мой портной — моя мать — ее мать — она. Черт, любой аналитик безопасности может легко проследить движение этих данных».

Они танцевали танец отражений.

— Так, Карин. Вы — девушка. Я… э-э… спорил с Айвеном. Как по-вашему, что в мужчине самое привлекательное? Флайер, богатство… знат-

ность?

Он надеялся, что говорит совершенно объективно — это чисто научный интерес. «Ничего личного, сударыня».

Она поджала губы и после некоторого размышления ответила:

— Острый ум.

«Ага. И в каком магазине ты купишь это на свои бетанские доллары, приятель?»

— Танец отражений, моя очередь, — сказала Карин. — А что самое привлекательное в женщине?

— Доверие, — ответил он не колеблясь, а потом так задумался, что чуть не сбился с ритма. Да уж, ему понадобятся просто горы доверия.

«Так начинай насыпать их сегодня же, Марк, старина. Хоть по корзинке».

После этого ему удалось четыре раза рассмешить ее. Он специально считал.

Марк слишком много съел, слишком много выпил, слишком много говорил и слишком много танцевал — и вообще чертовски хорошо провел время. Танцы оказались некоторой неожиданностью. Карин неохотно передала его нескольким любопытствующим подружкам. Он решил, что интересует их, как нечто новое, но не стал при-

вередничать. К двум часам ночи Марк настолько перевозбудился, что чуть не начал заговариваться. И снова стал хромать. Пора домой. Да и Майлз уже час тихо сидит в углу с нетипично грустным видом.

По первому же требованию им вызвали лимузин графа, который вел все тот же верный Пим. Граф с графиней уехали часа два назад. Майлз с Марком сели сзади, оба бессильно обмякнув. Пим выехал за дворцовые ворота и повел машину по тихим ночным улицам столицы. Транспорта почти не было. Майлз на полную мощность включил обогрев и, прикрыв глаза, откинулся на спинку сиденья.

Марк с братом были в пассажирском салоне одни. Нет, не одни. Марк посчитал присутствующих: раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь. Лорд Майлз Форкосиган и адмирал Нейсмит. Лорд Марк Форкосиган и Обжора, Пыхтун, Рева и Убийца.

С тайным вздохом зависти Марк решил, что адмирал Нейсмит куда более классное творение. Майлз может брать адмирала в гости, знакомить с женщинами, показывать на людях где угодно, кроме Барраяра.

«Надо полагать, моя Черная Команда не добра-

ла по части светского лоска».

— Я извинялся за то, что из-за меня тебя убили? — спросил Марк.

— Не помню. Это не только твоя вина. Я не имел права возглавлять налет на медкомплекс. Следовало бы согласиться на предложение Васа Луиджи о выкупе. Только…

— Только что?

— Он не соглашался продать тебя. Подозреваю, он уже тогда метил на большую сумму, которую предлагал Риоваль.

— Спасибо.

— Я не уверен, что это что-то изменило, — виновато проговорил Майлз. — Ведь Риоваль снова попробовал.

— О нет. В конце концов очень изменило. Изменило все на свете.

Майлз в темноте улыбнулся. За окном мелькали дома Форбарр-Султана.

— Что мы делаем завтра? — спросил Марк.

— Отсыпаемся, — пробормотал Майлз.

— А потом?

— Праздники кончаются через три дня, с кострами Зимнепраздника. Если мои… наши родители действительно уезжают в Округ, то, наверное, я буду жить то тут, то там, пока СБ не разрешит мне

вернуться к работе. В Хассадаре в это время года немного теплее, чем в Форбарр-Султане. О… я буду рад, если ты поедешь со мной. Если захочешь.

— Спасибо. Я согласен.

— Что ты намерен делать?

— Когда твой отпуск по болезни кончится, я, наверное, поступлю в один из ваших колледжей.

— Какой именно?

— Если граф с графиней будут главным образом жить в Хассадаре, то, наверное, в Окружной колледж.

— Гм-м… Должен тебя предупредить, что там народ несколько более… неотесанный, чем в столице. Ты столкнешься со старомодными барраярскими взглядами.

— Хорошо. Именно это мне и надо. Я должен научиться принимать такие нападки, не убивая никого.

— Э-э… верно, — согласился Майлз. — А что ты будешь изучать?

— Не имеет значения. Просто я получу официальный статус студента и возможность изучать людей. Данные мне может выдать и машина. Но что касается людей, тут у меня прокол. Столько надо узнать. Мне надо знать… все.

Еще один вид голода — ненасытная жажда

знаний. Аналитик Службы безопасности, несомненно, должен владеть огромнейшей базой данных. Те люди, которых он встречал у кофейного автомата в штаб-квартире СБ, вели друг с другом остроумные беседы на самые разнообразные темы. Если он хочет соревноваться с этой компанией, надо пошевеливаться.

«Не соревноваться. Победить».

Майлз рассмеялся.

— Что тебя насмешило?

— Я просто думаю, чему ты научишь Хассадар.

Лимузин въехал в ворота резиденции Форкосиганов и затормозил.

— Может, я встану пораньше, — сказал Марк. — Очень много дел.

Майлз сонно улыбнулся, совсем растекшись на сиденье:

— Добро пожаловать к началу.